

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 4 / 2016
ИЮЛЬ – АВГУСТ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсочибанк»

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Александр КАТКОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Ирина ТЮНИНА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции и издателя:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Борис Бурмистров. Вернуться в русскую Россию	3
Виталий Крёков. Отчий край как речь живая	56
Вадим Терёхин. Бог не требует наших молитв	75
Анатолий Иленко. Что пело, плакало в груди	83
Александр Раевский. Берёзовый ветер	85

ПРОЗА

Николай Коняев. Полковник Романов. Документальное повествование. (Окончание) ..	7
Валерий Новиков. Какие были времена... (Байки сибирского киношника)	59
Агата Рыжова. Фрагменты ненаписанных книг	78

ПОЧТА РАССКАЗА

Валентин Черданцев. Полкан	88
Валентин Роков. Почтовый	89
Лев Григорян. Чёрный ворон	91
Сергей Чернопятов. Заботой матери храним. Заяц. Толян	94
Олег Вороной. День рождения	96
Ирина Степанова. Берёзовый листик. Нежданно-негаданно	98
Валентина Чубковец. Муха-путешественница	99
Виктор Бабковский. Счастье с кислинкой	100

ПУБЛИЦИСТИКА

Гарий Немченко. Горбатый мост	103
Руслана Ляшева. Рождение – на Кубани, жительство – в Москве, место души – в Кузне	115
Николай Ничик. Творческая удача шахтёрской «Лавы»	117
Сергей Павлов. Контрразведчик в гостях у писателей	120
Павел Шубин. Венера. (Главы из книги)	121

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Лада Одинцова. Родство духовное. (Фрагменты мемуарно-литературоведческих записок)	124
---	-----

КНИГА ПАМЯТИ

Владимир Сухачкий. Великий угольный век. Полемические заметки	145
---	-----

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Николай Абрамов. По другую сторону океана. Э с с е	155
--	-----

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Илья Плохих. Стихи	159
Тамара Черемнова. Знакомьтесь, это уголёшек. Р а с с к а з	160
Виктор Рябовой. Стихи	161
Ирина Балбачан. Стихи	161

ИСКУССТВО

Галина Карпова. Любопытный к лицам. К 80-летию кемеровского художника Николая Бурцева ...	163
---	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Екатерина Тюшина. Надеждою согреть сердца людские. Анатолий Иленко	165
--	-----

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

Ольга Петракевич. Воспоминания о семье В. Д. Фёдорова	167
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Д. Мурзин	170
--	-----

Писателю Гарию Леонтьевичу НЕМЧЕНКО – 80 лет!

«Не зря ударную стройку Запсиба назвали Западно-Сибирской Сечью. Было, было там и братство, и молодёжная вольница, и труд от души, и спорт во все лопатки, и много чего. Немалую лепту в сибирский общий, как говорится, котёл внесли кубанцы с их стойкостью и жизнерадостным юмором при любой погоде – в жгучий кузбасский мороз или азиатский испепеляющий зной. Гарий Немченко выразил суть в коротком афоризме: «Сибирское братство». Подробности живописал в своих 50 книгах, посвящённых в большинстве своём Кузбассу и Антоновской площадке на правом берегу Томи, где возводился Западно-Сибирский металлургический комбинат (ЗСМК)».

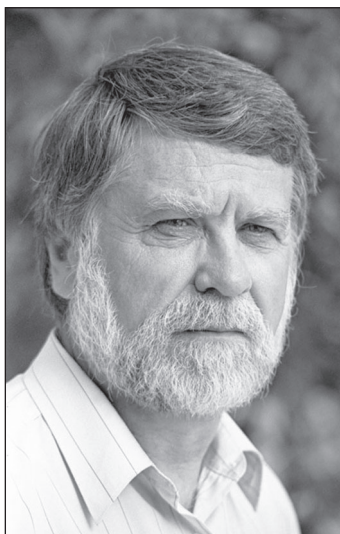
Руслана Ляшева

Поздравляем замечательного русского писателя,
верного автора журнала «Огни Кузбасса»
с 80-летним юбилеем!

Читайте прозу Гария Немченко и материалы о нём на с. 103, 115, 117.

**Борис
БУРМИСТРОВ**

**ВЕРНУТЬСЯ В РУССКУЮ
РОССИЮ**

ЗЕЛЁНОЕ СУКНО

Зелёное сукно
И клякса от чернил.
Давным, давным-давно
Здесь человечек жил.

Соседям всем назло
Он кляузы строчил...
Но время шло и шло,
И кляузник почил.

Остался стол и шкаф,
Зелёное сукно.
Кто прав был, кто не прав,
Известно всем давно.

Он всех и вся чернил,
Пил от тоски вино.
Лишь клякса от чернил
Осталась от него.

ПЯТИДЕСЯТЫЕ

Пижонистая кепка
Да в дудочку штаны.
Им доставалось крепко
От уличной шпаны.

У них отцы – в завмагах,
А наши – в шоферах.
Мы все живём в бараках,
И туалет в кустах.

На улице Рабочей –
Мы, дети той войны...
Пират, Мамай да Боча –
Лихие пацаны.

Мы дружим и дерёмся
За правду за свою
И на крови клянёмся
У края на краю.

Растут дома в посёлке,
Сквозь стройные ряды
Наш путь по жизни долгий
Маячит впереди...

БОЖИЙ ГЛАС

Православным поэтам

Бороды белые, белые виски,
Что вам мои глупые советы.
Рыцари печали и тоски,
Богом просвещённые поэты.

Что для вас недобрая молва,
Писк её не слышен в божьем храме.
Богом продиктованы слова,
Людям пересказанные вами.

Больно бьёт пронзительная мысль –
Есть вопросы, где на них ответы?
В этих муках проживают жизнь
Богом наречённые поэты.

БУРМИСТРОВ Борис Васильевич родился в 1946 году в Кемерове, член Союза писателей России, председатель правления Союза писателей Кузбасса, секретарь правления Союза писателей России, автор поэтических книг: «Не разлюби», «Душа», «Поклонись земле русской», «Лирика», «Песочные часы», «Живу, и радуюсь, и плачу», «День зимнего солнцестояния», «О чём не сказано ещё», «Сквозь сумерки времён». Живёт в Кемерове.

Божья милость. Это дар небес –
Вам дано за веру стать Христову.
И нести, не опуская, крест
На свою незримую Голгофу.

ДЕВЯНОСТЫЕ

В доме рама оконная выбита,
Белый свет с темнотой обнялись.
Перемешана, смешана, выпита
Поколения целого жизнь.

Лишь глоточек на донышке братины
Да братков нескончаемый спор.
И в душе незажившие ссадины,
Кровоточащие до сих пор.

Что за время? Промчалось и минуло,
Только отсвет багровый вдали.
Сколько мальчиков, девочек сгнуло,
Без войны на войне полегли.

Кто заставил их конными, пешими
Выходить на чужую стезю...
Порубали друг друга, потешили
Тех, кто нынче жирует вовсю.

«Покаянными» тешатся тостами,
Но за кровь их никто не простит.
Только тьма над глухими погостами,
Только во поле ветер кружит...

ИСХОД

Боюсь назвать тот страшный год,
Боюсь пророчества отныне.
Я вижу, как бредёт народ
С сумой по выжженной равнине.

Покинув Родину свою,
Бредёт, бредёт живой стеною.
Я эти лица узнаю –
В них много схожего со мною.

Народ мой, стой, остановись.
Нельзя без Родины, как птицам.
Вся наша будущая жизнь
Лишь на земле родной продлится...

* * *

Не полюбишь, ну что же, так, видно,
Звёзды наши в пути не сошлись.
Только всё-таки очень обидно –
Без тебя проживать эту жизнь.

Без тебя по утрам просыпаться,
Без тебя засыпать по ночам.
И к тебе лишь во сне прикасаться,
Растекаясь по нежным плечам.

День за днём – друг от друга всё дальше.
Мирозданья вращается ось.
Надо было нам встретиться раньше –
Может, всё бы случилось, сбылось...

...Не полюбишь, теперь уже ясно,
Только сердцу никак не понять,
Что душе в этом мире прекрасном
Боль-разлуку придётся принять.

* * *

Пошли мне ангела, Господь!
Оберегать от мысли чёрной.
Моя безудержная плоть
Нуждается в защите оной.

Пошли мне ангела теперь,
Когда весь мир от зла в смятении.
Как много выпало потерь,
Как мало в жизни обретений.

Непредсказуемая грусть
Дождём холодным сыплет с неба.
Пошли мне ангела, он пусть
Оберегает нас от гнева.

Пошли мне ангела с небес
Сейчас, теперь, вот в эту пору.
Чтоб мог нести земной свой крест
Всё дальше, дальше, выше в гору...

* * *

Вся надежда нынче на Мессию,
А другой надежды просто нет.
Мне б вернуться в русскую Россию
Через сто и даже триста лет.

Кто-то скажет: ничего нет проще –
Просто надо выбрать верный путь,
Чтобы очутиться в этой роще,
Русский воздух с жадностью вдохнуть.

Чтоб услышать птиц весенних трели,
Чтобы слышать, как журчит вода.
Я ещё с рождения поверил –
Русский мир, как космос, навсегда.

МУЗЕЙ ВРЕМЕНИ

Странный дом, ни окон, ни дверей,
Кирпичом замурованы ниши.
А вокруг ни людей, ни зверей –
Только кот, будто сторож, на крыше.

Охраняет заброшенный дом
Кот Баюн серо-дымчатой масти.
Время спит в этом доме пустом,
Там утихли все споры и страсти.

Сто иль тысячу минуло лет,
Прокатались и бури, и стужи.
То закат наступал, то рассвет,
Только всё это было снаружи.

А внутри, среди плесневых стен, –
Только темень да тишь вековая.
Сколько было в миру перемен...
Вдалеке слышен грохот трамвая.

Мир меняет свой девственный вид,
Расширяет пределы пространства.
Только дом этот странный стоит
На границе незримого царства.

Советские люди в 1980 году
будут жить при коммунизме.

Н. Хрущёв

Недопитое вино
Недопитым и осталось.
Это было так давно,
В той поре, когда мечталось,

В той поре – когда, когда
Жизнь летела ураганом.
Что ж вы, быстрые года,
Поспешили за обманом.

Впереди на много лет
Мы загадывали счастье.
Жизнь прошла, а счастья нет –
Разобрали на запчасти,

На «фиаты», на «форды»
И на прочие седаны
И остались от мечты
Фантастические планы.

...Недопитое вино,
Жидкость мутная в стакане.
И разбитое окно
Продувает сквозняками.

Миллиарды людей приходили на Землю
и, надеюсь, будут приходить новые
миллиарды. Вопрос: что оставляем
после себя?!

Кому что надо в этой жизни,
Поди попробуй разберись.
Холодным днём на горькой тризне
Вновь отпевают чью-то жизнь.

Пришёл, ушёл, не разобрался –
Зачем в мир скорбный приходил?
И с Богом он, и с чёртом znalся,
И Там, и здесь он наследил.

Следы дожди небрежно смывают,
И память выветрит совсем.
Кому-то вновь могилу роют –
Кто приходил? Зачем, зачем?!

Давно привыкший в жизни ко всему,
И к доброму исходу, и к дурному...

И. Ляпин

Я не привык, прости меня, мой друг,
Ни к доброму исходу, ни к худому.
Вся жизнь моя – какой-то странный круг –
Мой путь от дома и обратно к дому.

Прощать другим и не прощать себе
Я научился в этих передрягах.
Ведь было больше доброго в судьбе,
Хоть приходилось защищаться в драках.

Привыкнуть ни к чему я не сумел,
Да и, похоже, вовсе не пытался.
Бывало так, что я сквозь слёзы пел,
Бывало, что сквозь слёзы улыбался.

Привыкнуть невозможно ко всему
Ни к доброму исходу, ни к худому...
Всё доброе, с добром в душе, приму,
Не поддаваясь обаянью злему.

РУССКИЙ МОТИВ БОРИСА БУРМИСТРОВА

Утренние годы, чтение стихов взалёб на областных семинарах...

Но уже тогда ото всех молодых литераторов он отличался своей судьбой в колымских краях – рытьё шурфов, жуткие морозы. Кто из нас знал эту историю? Потом он расскажет её в своей поэме «Колымская стена».

А пока у нас всех на слуху было замечательное стихотворение «Батагай». В нём поэт рвался на «материк», но непогода, но равнодушие небесной канцелярии:

*Четвёртый день – и не видать просвета,
Туман укрыл посёлок Батагай.
Устал кассир, уходит от ответа,
Хоть телеграмму Господу давай!*

А потом на жизнь поэта столько пришлось! Потеря близких, любимых, и всё это представало в горестных, исповедальных стихах:

*За окошком крепчает мороз,
Как бы мне пережить эту стужу.
Дай же, Господи, силы и слёз,
Чтоб оплакать родимую душу.*

Но «жизнь кончается не завтра», ему помимо поэтического пути был предназначен и другой – обережения писательской организации, которую мы доверили ему более двадцати лет назад. Кто не помнит – напомним. Это было время безверия, раскола, раздвоя, когда по всем поэтическим подворотням разбежались те, кому было наплевать на прошлое русской и советской литературы ради самоутверждения себя любимых,

ценой отрицания всего, что было и надолго останется кладезем, заповедным словом.

И здесь Б. Бурмистров был радетелем и воителем за русский язык. Сколько было сломано копий перед щитами, сколько написано статей в журналах и газетах, выступлений на телевидении и радио!

Мы всегда помогали ему, сколь могли, ибо это было и нашим общим делом в борьбе за сохранение духовности, целостности нашего народа. Но его нетерпимость, непримиримость к искажению языка, истории России оставалась для нас примером служения литературы.

И ещё – немаловажное в творчестве Б. Бурмистрова. Это – Православие как самоосознание, необходимость веры в Бога. Это не показуха, но потребность жить по законам Божиим...

И неспроста – «Исихастское моление». Это книга-молитва по ушедшим и живущим пока ещё рядом, праведно или неправедно, потаённая в помыслах и добрых намерениях. Она – о нашем времени, суетном и не всегда пригожем.

И словно выдох:

*Спасибо, Господи, Тебе
За путь, начертанный Тобою,
За всё, что в нынешней судьбе,
За то, что будет впрямь со мною.*

*Спасибо, Господи! За всё –
Я послужу тебе ещё.*

У Поэта судьба – ответствовать перед Небом, Богом и Россией.

Поэту Борису Бурмистрову это суждено.

Александр КАТКОВ

Николай
КОНЯЕВ

ПОЛКОВНИК РОМАНОВ

Документальное повествование¹

Глава шестая

СПОДВИЖНИКИ СВЯТОГО ЦАРЯ

Когда смотришь на правление Николая II глазами окружавших его сановников, выясняется, даже самые умнейшие из них видели перед собою не помазанника Божия, чутко внимающего Его Воле, а обыкновенного администратора, игрою судьбы поставленного над всеми ими, и возникает удушающее ощущение всеобщей слепоты.

1

Николай II выглядит в глазах этих мемуаристов жалким и неумным существом, не способным даже к обыкновенному человеческому переживанию.

«Государь по натуре индифферент-оптимист, — пишет С. Ю. Витте. — Такие лица ощущают чувство страха только когда гроза перед глазами, и как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно миглом проходит. Их чувство притуплено для явлений, происходящих на самом близком расстоянии пространства или времени. Мне думается, что государь в те дни искал опоры в силе, он не нашел никого из числа поклонников силы — все трусили, а потому сам желал манифеста², боясь, что иначе он совсем

¹ Окончание. Начало в журнале «Огни Кузбасса», № 3 за 2016 год.

² 17 октября 1905 года Николай II выпустил манифест «Об усовершенствовании государственного порядка»:

«Божьей милостью Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая. Объявляем всем НАШИМ верноподданным:

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи НАШЕЙ великою и тяжкою скорбью преисполняют

стушается. Кроме того, в глубине души не может быть, чтобы он не чувствовал, что главный, если не единственный, виновник позорнейшей и глупейшей войны это — он; вероятно, он инстинктивно боялся последствий этого кровавого мальчуганства из-за угла (ведь, сидя у себя в золотой тюрьме, ух как мы храбры...), а потому как бы искал в манифесте род снискания снисхождения или примирения».

А вот другое «свидетельство» Сергея Юльевича...

«Когда через год или полтора после оставления мною премьерства его величество уволил Герасимова³, то Герасимов просил государя принять его...

При этом свидании, между прочим, было сказано следующее. Само собой разумеется,

сердце НАШЕ. Благо Российского ГОСУДАРЯ неразрывно с благом народным, и печаль — народная ЕГО печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целости и единству Державы НАШЕЙ.

Великий обет Царского служения повелевает НАМ всеми силами разума и власти НАШЕЙ стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядка, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешного выполнения общих намечаемых НАМИ к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего Правительства.

На обязанность Правительства возлагаем Мы выполнение неуклонной НАШЕЙ воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив этим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку.

и 3. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной Думы и чтобы выбранным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от НАС властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению этой неслыханной смуты и вместе с НАМИ напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в 17 день Октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое, Царствования же НАШЕГО — в одиннадцатое».

³ Иосиф Петрович Герасимов, домашний воспитатель детей Льва Николаевича Толстого, товарищ Министра народного просвещения в правительствах Витте — Столыпина и во Временном правительстве.

оказалось, что Герасимов уволен государем потому, что этого желал Столыпин. Герасимов высказал, что он не понимает, почему Столыпин так против него, «что он графа Витте не успел узнать, но что он, граф Витте, по-видимому, ему верил, а Столыпина успел узнать и к нему относился с доверием и не понимает причины недоверия к нему Столыпина». На это его величество счел уместным уволенному товарищу министра народного просвещения дать мне не совсем лестную аттестацию. Казалось, что **его величеству было бы приличнее быть более сдержанным...**

Воображаю, какие отзывы его величеству благоугодно было высказывать обо мне господам Дубровину и прочим членам этой черносотенной шайки, когда он неоднократно наедине принимал их. Зная государя, я себе представляю приблизительно такую сцену. «Ваше величество, самодержавнейший государь, все несчастье России произошло от этой подлой конституции, от этого ужасного манифеста 17 октября, это жидовское наваждение, и как это ты, обожаемый батюшка-царь, мог подписать такую бумагу?» — говорит Дубровин или ему подобный. Ответ: «Это граф Витте меня подвел». «Самодержавнейший, благочестивейший государь, мы, русские люди, это чувяли, мы с ним расправимся». Затем господа Дубровин и К^о и пошли действовать»...

Право же, трудно поверить, что эти убогие рассуждения, более приличествующие базарной торговке, принадлежат человеку, возглавлявшему правительство Российской империи...

2

Но совсем другое дело, когда, отвлекаясь от удушающей вязи сановных амбиций и самолюбий, мы обращаемся к таким понятиям, как «народ», «страна», «государь», «династия», и рассеивается тогда серая хмарь чиновничьих интриг, а в залитом небесным светом пространстве явственно различаются величественные и прекрасные свершения эпохи Николая II.

Завершено строительство Транссибирской магистрали...

Проложен Северный морской путь...

Ошеломляюще быстро растет промышленность...

Происходит аграрная реформа с её переселенческим движением и освоением гигантских территорий Сибири...

Невиданно расцветают литература и искусство...

Необыкновенно укрепляется национальное самосознание и православная духовность...

И тут, казалось бы, возникает противоречие...

Если император Николай II в молитвенном сосредоточении прозирает путь России, то откуда же возникают тогда сопровождавшие всё его царствование революционные выступления, которые, с одной стороны, были вызваны происходящими преобразованиями, а с другой — сами обуславливали совершающиеся перемены?

Ответ очевиден...

Решения, принимаемые святым царем, как мы полагаем, были освещены и освящены волей Божией, но проводить их надобно было не в горнем воздухе Жития, а в реальной российской жизни. В осуществление этих решений вовлекались многомиллионные массы подданных и многочисленные политические группировки, готовые ради партийного успеха объединяться хоть с самим дьяволом.

«Кто в это время не был болен нервами? — риторически вопрошал всё тот же Сергей Юльевич Витте и тут же признавался: — И я тоже был совсем болен...»

Эта «болезнь нервов» и становилась причиной многих недоумений и разногласий в политическом руководстве страны, оборачивавшихся крайне негативными последствиями, а вызвана она была как раз тем общественным и духовным переустройством, что осуществлял государь.

Мы привели в качестве примера истерику, в которую впал умнейший и образованнейший Сергей Юльевич Витте, когда узнал, что государь удостоил приёма детского врача, статского советника, председателя Главного совета Союза русского народа Александра Ивановича Дубровина.

И тут Сергей Юльевич не был одиноким.

Встреча государя императора с Александром Ивановичем Дубровиным, преподнёсшим императору знак почётного члена Союза русского народа, «переменила», к примеру, и взгляды помощника присяжного поверенного Александра Фёдоровича Керенского. «Именно это, — вспоминал он, — привело меня к окончательному и неотвратимому выводу о том, что во имя спасения России, во имя её будущего правящая монархия должна быть устранена».

Не хотелось бы сравнивать выдающегося государственного деятеля с представителем со-

словия помощников присяжных поверенных, но ведь и Сергея Юльевича Витте начинало колотить при одной только мысли, что все эти местечковые террористы и помощники присяжных поверенных будут изгнаны черносотенным движением русского народа, поднявшегося на защиту империи.

Почему?

Да потому, что созданное по благословию святого праведного Иоанна Кронштадтского движение русских людей, на которое старался опереться император Николай II, неизбежно должно было оттеснить вместе с террористами-революционерами и ту космополитическую по своему духу аристократию, что окружала трон.

При этом нужно подчеркнуть, что Николай II никого не отстранял от участия в жизни Святой Руси, которую строил. Он не рубил, подобно Петру I, разрушавшему Святую Русь, головы послушникам. Николай II просто хотел сделать так, чтобы сопротивляющиеся переменам приближённые переменились, как переменился он сам, начав исправление общественных недугов с самого себя.

Это-то и вызывало столь сильную истерику в его ближайшем окружении.

Но что эта истерика по сравнению с тем воём, который подняла либеральная и аристократическая публика при появлении в Царском Селе Григория Ефимовича Распутина!

3

Показать, как организовывала воля святого царя грандиозные успехи, которых добилась Российская империя в годы его правления, не просто. Мемуаристы-исполнители чаще всего склонны были полагать, что все достижения – их личная заслуга, а государь не только не помогал, но мешал им.

Если бы не он, успехи были бы ещё грандиознее...

Разумеется, это не так, и рано или поздно, проанализировав прохождение государственных документов, удастся документально выявить роль императора в принятии решений, сыгравших благотворную роль для жизни страны, и тогда рассеются многие нынешние недоумения.

Но одновременно с этим есть в правлении Николая II немало сюжетов, где воля Божия присутствует настолько очевидно, что любые попытки подменить её категорией «случайного» уже и сейчас выглядят просто нелепыми.

К таким сюжетам относится, например, принципиальный вопрос возможности продолжения династии...

Мы говорили, что рождение долгожданного наследника престола царевича Алексея последовало после прославления Серафима Саровского, и в сознании как царской семьи, так и всего народа воспринималось как непосредственное продолжение этого события, как чудо, совершённое преподобным.

Можно называть это только совпадением, но, действительно, царская династия обрела возможность своего продолжения именно после деяния, потребовавшего от Николая II выступить в чисто духовном вопросе против единодушного мнения членов Святейшего синода и его все сильного обер-прокурора К. П. Победоносцева!

Можно не связывать уничтожение богоотступниками в Казани одной из главнейших святынь России – первообраза Казанской иконы Божией Матери и начало гемофилии, переданной царевичу по наследству от матери, но эти события стоят так пугающе близко друг от друга, что кажется, страшная болезнь дьявольской злобой злоумышленников и была впрыснута в тело царского ребёнка...

И снова оказалось поставленным под вопрос продолжение династии. Начало сбываться пророчество преподобного Серафима, предсказавшего, что «радость будет на самое короткое время. Что дальше, матушка, будет такая скорбь, чего от начала мира не было».

И, конечно же, появление в царской семье Григория Ефимовича Распутина, единственного человека, умеющего останавливать болезнь царевича Алексея и возвращать его к нормальной жизни, воспринимается в ряду перечисленных нами чудесных событий, поскольку оно само таким чудесным событием и являлось...

Личное знакомство Николая II с Григорием Ефимовичем Распутиным произошло 1 ноября 1905 года.

«Вторник. Холодный ветреный день. От берега замёрзло до конца нашего канала и ровной полосой в обе стороны. Был очень занят всё утро... – записал в этот день в дневнике Николай II. – В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Миллицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.»

Распутин явился как Божия помощь, ниспосланная царской семье по их молитвам. А если

говорить более широко, то получается, что Распутин был послан как Божия помощь всей России. В его лице страна получала шанс, что продолжится прямое наследование престола и страна минует осложнения, связанные с борьбой внутри императорского дома.

«Ах, милости у Бога много — несть конца... — говорил сам Григорий Ефимович. — И все это мы переживаем на себе — чудеса — не даём отчёта в них».

Царская семья и сам святой царь этот отчёт себе давали...

4

Совсем иначе обстояло дело с высокопоставленными сановниками.

Возмущение, которое вызвало появление Распутина в Царском Селе, пережидало через край.

Подобно Владимиру Николаевичу Коковцову⁴, большинство сановников было убеждено, что «Распутин — типичный сибирский варнак, бродяга, умный и выдрессировавший себя на известный лад под простака и юродивого и играющий свою роль по заученному рецепту; во внешности ему недоставало лишь арестантского армяка и бубнового туза на спине; по замашкам это человек, способный на все, в своё кривляние он, конечно, не верит, но выработал твердо заученные приемы, которыми обманывает как тех, кто искренне верит всем его чудачествам, так и тех, кто преклоняется перед ним ради достижения через него тех выгод, которые не даются иным путем».

Это предубеждение, переходящее в открытое отвращение, трудно объяснить одним только возмущением аристократов, наблюдающих, как простой крестьянин из сибирской глуши запросто посещает царский дворец.

Вообще-то в нашей истории бывали взлёты и покруче.

Достаточно вспомнить ливонскую крестьянку Марту, сделавшуюся русской императрицей Екатериной I, или, например, малороссийского певчего, превратившегося во всемогущего графа Разумовского...

Но с ними толпящиеся у трона сановники как-то сразу примирялись, потому что эти простолудины сразу стали такими же, как они. Облачаясь в такие же одежды, новоиспечённые

графы сразу начинали вести такую же, как в высшем свете, жизнь, перенимая манеры, привычки и сам образ мыслей...

Распутин не собирался становиться ни графом, ни епископом, он оставался в своей косоворотке, шароварах и мужицких сапогах **посторонним** в великосветском кругу, и это раздражало ещё сильнее, чем его необыкновенное возвышение.

Великосветское раздражение проникло в круги революционно-либеральной публики, и она — благо, и фамилия подходила! — сразу превратила Распутина в жупел разврата, в котором якобы погрязла царская семья.

Успеху раздуваемого газетами, депутатами и великосветскими кругами мифа о Распутине способствовало то, что главная причина появления Григория Ефимовича во дворце, как и сама болезнь наследника, сохранялась в тайне, и в неё были посвящены только самые близкие царской семье люди. Не получавшая реального объяснения близость Распутина царской семье обрастала в результате самыми нелепыми и дурными слухами.

Григорий Ефимович оказался в весьма сложном положении. Не имея права раскрыть доверенную ему в царской семье тайну, он не мог дать объяснений, которых, безусловно, ждали от него и которые сразу бы сняли очень много недоброжелательности, проявляемой по отношению к нему.

Положение усугублялось тем, что к Распутину, помимо искренних поклонников и поклонниц, сразу прихлынула достаточно большая масса лиц, ищущих протекций и знакомств с влиятельными лицами.

Умения мгновенно разобраться в сложной структуре чиновничьих интриг, дворцовой опытности, искусства лавирования между различными группировками у Распутина, конечно, не было, да он и не желал приобретать этого опыта. То и дело натываясь на открытую вражду и недоброжелательность, попадая в нелепые положения, Распутин усиливал своё юродство, язык которого был чужд аристократической и либерально-революционной публике, и шокировал её ещё в большей степени, чем близость к царской семье.

Посмотреть, как это происходило, можно по воспоминаниям уже процитированного нами Владимира Николаевича Коковцова...

«Когда Распутин вошел в мой кабинет и сел в кресло, **меня поразило откровенное вы-**

⁴ Министр финансов, а в 1911–1914 годах ещё и Председатель Совета министров.

ражение его глаз. Глубоко сидящие в орбитах, близко посаженные друг к другу, маленькие, серо-стального цвета, они пристально и долго смотрели на меня, словно Распутин пытался произвести на меня какое-то гипнотическое воздействие или же просто изучал меня, увидев впервые. Затем он резко закинул голову вверх и стал рассматривать потолок, обводя его по всему карнизу, потом потупил голову и стал упорно смотреть на пол, но все время молчал.

Мне показалось, что мы бесконечно долго сидим в таком бессмысленном положении, и я наконец обратился к нему, сказав: «Вот вы хотели меня видеть, что же именно хотели вы сказать мне? Ведь так можно просидеть и до утра».

Мои слова, видимо, не произвели никакого впечатления. **Распутин как-то глупо, деланно, полуидиотски осклабился**, пробормотал: «Я так, я ничего, вот просто смотрю, какая высокая комната», — и опять замолчал, закинув голову вверх, и все смотрел на потолок».

Сцена эта нуждается в небольших комментариях.

Осмотрительный Коковцов пригласил в качестве свидетеля на эту встречу с Распутиным своего зятя Валерия Николаевича Мамонтова, но тот задержался, и Владимир Николаевич нервничал.

Он не скрывает антипатии к гостю с **«отвратительным выражением глаз»**, который **глупо, деланно, полуидиотски** улыбается, **показывая зубы...**

Однако свои ощущения и диалог автор мемуаров воспроизводит, по-видимому, достаточно точно, и в результате (против его воли) вместо отвратительного чудовища, которому не хватает «лишь арестантского армяка и бубнового туза на спине», перед читателем возникает Григорий Ефимович Распутин во всей полноте совершающегося юродства.

Увидев, что Коковцов беспокоится, как бы не оказаться загипнотизированным, пока не появился зять, Распутин демонстративно начинает разглядывать вначале потолок комнаты, а потом пол.

Из томительного состояния, в которое поверг его ответ Распутина, Коковцова выводит приход Мамонтова. Тот целуется с Распутиным и сразу берёт быка за рога, поинтересовавшись, действительно ли Распутин собирается уехать домой?

«Вместо ответа Мамонтову, Распутин снова уставился на меня в упор своими холодными, пронзительными глазами и проговорил скороговоркой:

«Что ж, уезжать мне, что ли? Житья мне больше нет, и чего плетут на меня...».

Я сказал ему: «Да, конечно, вы хорошо делаете, если уедете. Плетут ли на вас или говорят одну правду, но вы должны понять, что не здесь ваше место, что **вы вредите государю, появляясь во дворце** и в особенности рассказывая о вашей близости, давая кому угодно пищу для самых невероятных выдумок и заключений».

Прервем ещё раз цитату.

Владимир Николаевич Коковцов умело выдвигает против Распутина самое страшное в глазах самого Григория Ефимовича обвинение: «Вы вредите государю, появляясь во дворце и в особенности рассказывая о вашей близости»...

— Кому я что рассказываю, — неловко начинает оправдываться он. — Всё врут на меня, всё выдумывают! Нешто я лезу во дворец? Меня туда зовут!

И вот тут-то и вступает в диалог Валерий Николаевич Мамонтов.

— Ну что греха таить, Григорий Ефимович, ты и сам рассказываешь лишнее, да и не в том дело, — вкрадчивым голосом говорит он. — А в том оно, что **не там твоё место, не твоего ума дело ставить и смещать министров да принимать всех кому не лень идти к тебе со всякими делами да просьбами**, и писать о них кому угодно...

Очень важны здесь выделенные слова...

«Не твоего ума дело»...

Это ключ к разгадке причины травли Распутина.

5

К сожалению, даже и современные историки патристического направления, пытаясь реабилитировать Распутина, стараются доказать, будто Григорий Ефимович никак не влиял на государственные назначения и на ход государственных дел...

Всё-таки это не так.

Разумеется, нелепо представлять влияние Распутина в фельетонной стилистике памфлетов, но разве оно реализовалось только в виде указаний пьяного чудовища совершенно безвольному государю?

Как пишет С. С. Ольденбург, Николай II интересовался, как Распутин отзывается на те или иные вопросы государственной жизни; в его ответах он чувствовал нередко подлинную «связь с землёй». Правда, Ольденбург прибавляет тут же, что «особого значения его отдельным мнениям государь, конечно, не придавал», но это уже реверанс в сторону либерально-демократической публики, никак не украшающий серьёзного историка.

Что значит – не придавал особого значения? Как мы уже говорили, Николай II вообще мало чьим отдельным мнениям – отсюда и бесчисленные сетования мемуаристов! – придавал особое значение.

Тем не менее все мнения были важны для выработки окончательного решения. И в этом смысле мнение Григория Ефимовича, в ответах которого чувствовалась подлинная «связь с землёй», конечно же, тоже учитывалось им.

Уместно напомнить тут, что Григорий Ефимович Распутин, находясь рядом с царской семьёй и оказывая ей (лечение наследника) действительно неоценимые услуги, сумел накопить денег только на деревянный дом в родном селе Покровское. Дом был хороший, крепкий, но таких домов и в Покровском было порядочно... А ещё? А больше ничего не осталось от легендарных богатств Распутина...

Распутин, располагая доверием государя, не преследовал никаких личных интересов, не выпрашивал для себя должностей и званий, его задачей было разрушение того средостения, которое всегда существовало между русскими императорами и русским народом и которое только в правление последнего императора начало разрушаться. И в этом смысле Распутина можно считать частью плана устроения Святой Руси, который с Божией помощью осуществлялся Николаем II.

Поэтому-то преуменьшать влияние Распутина на государя не следует. Много для государя без Распутина осталось бы скрытым, хотя, по мнению Коковцова, Мамонтова и множества подобных им, **не его ума было это дело**.

Вообще-то давать или не давать рекомендации – это личное дело каждого отдельного человека. Когда великий князь Александр Михайлович возле ещё не остывшего тела императора Александра III рекомендует молодому государю список лиц, на которых он может опереться, это никого не возмущает, это нормально. А вот протекция Распутина – это уже не его ума дело...

Да ведь и не государственные директивы писал Георгий Ефимович, к его рекомендациям, как это делал, например, Пётр Аркадьевич Столыпин, можно было и не прислушиваться.

В чём же дело? Да только в том, что в рекомендациях Распутина преобладала простонародная составляющая, это и возмущало велико-светскую публику.

И, наверное, именно поэтому и раздували либеральные журналисты и историки миф о распутинщине, пронизывающей русскую государственную жизнь, что в лице Распутина происходило оттеснение от власти лиц, которые, рассуждая о народном представительстве во власти, менее всего хотели, чтобы власть в России, действительно, становилась народной и русской.

«Распутин, пока говорил Мамонтов, сидел с закрытыми глазами, опустив голову, и упорно молчал. Подали чай. Распутин набрал пригоршню печенья, бросил его в стакан, уставился опять на меня своими рысьими глазами.

Мне надоела эта попытка гипнотизировать меня, и я сказал: «Напрасно вы так упорно глядите на меня, ваши глаза не производят на меня никакого действия. Давайте лучше поговорим. Ответьте мне: разве не прав Валерий Николаевич (Мамонтов. – Н. К.), говоря вам то, что он сказал?»

Распутин глупо улыбнулся, заерзал на стуле, отвернулся от нас обоих и сказал: «Ладно, я уеду, только уж пушай меня не зовут обратно, если я такой худой, что царю от меня худо».

Я хотел перевести разговор на другую тему. Стал расспрашивать Распутина о состоянии продовольственного дела в Тобольской губернии – в тот год там был неурожай. Он оживился, отвечал очень здраво, толково и даже остроумно. Но стоило мне сказать ему: «Вот так-то лучше, можно и обо всем договориться», как он опять съехался, стал закидывать голову или опускать ее, бормотал какие-то бессвязные слова: «Ладно, я худой, уеду, пушай справляются без меня, зачем меня зовут сказать то да другое про того да про другого...» Долго опять молчал, уставившись на меня, потом сорвался с места, сказал: «Ну вот и познакомились, прощайте», – и ушел от меня...

Казалось бы, сравнивать Петра Аркадьевича Столыпина с Григорием Ефимовичем Распути-

ным нелепо. Что общего можно обнаружить у представителя древнего дворянского рода и простого мужика, у высокообразованного государственного деятеля и человека, едва овладевшего грамотой, у смелого реформатора, возглавляющего правительство гигантской империи, и старца, молитвенника, человека, позиционирующего себя как духовного наставника...

Кажется, нет тут никаких точек соприкосновения, но тем не менее и Столыпин, и Распутин – оба близки императору Николаю II, оба они, хотя и каждый по-своему, необходимы государю для создания новой России, оба они будут убиты врагами этой новой России...

Удивительно, но Пётр Аркадьевич Столыпин, хотя он, разумеется, имел отличный послужной список: Ковенский уездный предводитель дворянства Ковенской губернии, губернский предводитель, гродненский губернатор, саратовский губернатор; совершает головокружительный скачок в карьере не столько из губернаторского кресла, сколько из той глубинки народной жизни, где чудом Божиим разрушалось средостение между царём и народом.

Момент этот сам Пётр Аркадьевич описал в письме жене от 28 июня 1904 года: «Только что проводил Государя и усталый пишу тебе. Все обошлось прекрасно... Говорили речи Мельников, А. Д. Юматов (от земства), городской голова, но лучше всех сказал волостной старшина, которому я велел самому придумать слово... Он сказал: «Прими, Ваше Величество, хлеб-соль от своих крестьян, не тужи, Царь-Батюшка, мы все за тебя».

В этом же письме П. А. Столыпин описывает ещё одну случайную встречу государя, произошедшую в Кузнецке...

«Он среди крестьян узнал одного бывшего семёновца-конвойного, сказал, что помнит, что ходил с ним на съёмку, но что тогда он был без бороды. Крестьяне в восторге.

Вообще, кажется, всё хорошо. И государь был, видимо, доволен...»

Меньше чем через год Пётр Аркадьевич был вызван телеграммой в Царское Село. Сразу распространился слух, что Николай II прочит его в министры иностранных дел.

Прощаясь перед отъездом, Столыпин сказал:

– Интересно знать: откуда исходит это предложение? Если от Совета министров, то я поста-

раюсь немедленно вернуться обратно; если же из Царского Села, – я останусь там.

Оказалось, что предложение исходило действительно от государя.

Вспоминая встречу в Кузнецке, он сам выбрал П. А. Столыпина, чтобы он «по-провинциальному», «по-саратовскому» делал петербургскую работу. И Николай II не ошибся и тут.

Именно с помощью П. А. Столыпина удалось Николаю II завершить крестьянскую реформу, начатую отменой крепостного права его дедом, Александром II.

Самому Петру Аркадьевичу это стоило собственной жизни...

7

«Россия пала и потому, что среди её высшего класса, аристократии оказалось слишком мало людей, подобно ему (Столыпину. – Н. К.) сознательно готовых на жертву, – отмечает биограф Столыпина Г. П. Сидоровнин, – «белая кость» была тронута тлением распада. Может, Столыпина и принимали с трудом оттого, что его мужественный облик, его дела и поступки раздражали знатных особ, были укором для них».

Это объяснение не исчерпывает всей проблемы, потому что часть её заключалась в характере самого Столыпина.

«Теоретически рассуждая, П. А. Столыпину недостает, может быть, только того, чем он был так богат: удачи, – писал в марте 1911 года обозреватель газеты «Новое время» Михаил Меньшиков. – Трудно припомнить у нас более быструю и ослепительную карьеру, чем та, которую сделал премьер-министр. Ни биография В. К. Плеве, ни даже капризная судьба гр. С. Ю. Витте не идут в сравнение с судьбой г. Столыпина. Из простых губернаторов попасть в управители всего правительства – это, кажется, ещё первый случай после эпохи временщиков. И, что всего замечательнее, выбор оказался вообще удачным. Удача преследовала г. Столыпина и дальше. Трагедия нашей революции прошла над самой его головой, но он вышел благополучно из катастрофы. Он унаследовал, правда, уже разгромленный бунт, но имел счастье дожидаться заметного «успокоения». Увы, маятник остановился лишь на одну секунду, и, кажется, мы снова, всей интеллигенцией, начинаем катиться влево. Вот тут удача как будто и оставляет своего любимца. Повидимому, П. А. Столыпиным пропущен какой-то психологический момент...

В общем, дело так складывается, что под ногами власти как будто нет материка. Нет гранитной в себе уверенности, нет достаточных точек опоры в земле, в истории, в народе. А. Столыпин обвиняют слева в национализме, патриотизме и тому подобных скверных вещах, и он как будто конфузится иногда этих обвинений. Он, конечно, выше того, чтобы оправдываться, но все-таки укоры слева как будто сдерживают его в исповедании своей настоящей веры. В политике П. А. Столыпина нет ясно выраженного стиля».

Так получилось, что, сам того не подозревая, Михаил Осипович Меньшиков дал тут не только оценку отдельного этапа работы, а подвёл итог всей деятельности Петра Аркадьевича Столыпина в целом.

Не пытаясь проанализировать всё многогранное и чрезвычайно плодотворное служение Петра Аркадьевича России, отметим только, что М. О. Меньшиков пронизательно и очень точно уловил главную его слабость.

Пётр Аркадьевич, безусловно, являлся патриотом Великой России, и тем не менее и родством, и культурой, и воспитанием он столь прочно был связан с тронутой тлением распада «белой костью», что зачастую не узнавал, а порою и не хотел узнавать той Руси, которая устраивалась благодаря его трудам.

Видимо, это и называл Михаил Осипович Меньшиков отсутствием «ясно выраженного стиля»...

Хотя именно Николай II привлёк Петра Аркадьевича Столыпина к руководству империей и сумел сохранить его на этом посту вопреки всем интригам своего окружения, сам Столыпин не слишком-то высоко оценивал роль государя и склонен был приписывать той же императрице-матери спасительные для него, премьер-министра, решения.

Николай II видел это, но по свойственной ему деликатности ни разу не выказал своего недовольства, хотя понятно, что такое отношение человека, проводившего его национальную политику, было ему неприятно.

8

Особенно ярко стремление Столыпина дистанцироваться от государя, показать свою особую значимость и независимость проявилось, когда Николай II попытался сблизить его с Распутиным.

Первая попытка сделать это была предпринята после трагедии на Аптекарском острове...

12 (25) августа 1906 года, возле дачи премьер-министра остановилось ландо, из которого вылезли мужчина в штатском и два жандарма с портфелями в руках. Они уверенно направились в приёмную, но генерал-майор А. Замятин, заведовавший охраной Столыпина, обратил внимание, что жандармы были в касках старого образца, и начал спускаться, чтобы разобраться, в чём тут дело.

– Ваше превосходительство! – крикнул ему охранник. – Неладно!

Но генерал Замятин среагировать на этот крик не успел.

– Да здравствует геволуция! – картаво закричал жандарм и бросил свой портфель на пол.

Взрывом разворотило весь фасад дома... Людей, которыми была заполнена приёмная, разнесло в клочья, и даже на дорожках парка валялись куски человеческих тел.

Кроме бывшего пензенского губернатора С. А. Хвостова и управляющего канцелярией московского генерал-губернатора А. А. Воронина, погибли совершенно случайные люди: женщина на восьмом месяце беременности, вдова, которая пришла с маленьким сыном хлопотать о пособии... Пособие вдове не понадобилось – ручку мальчика нашли после взрыва на дорожке в саду.

На балконе, прямо над крыльцом, сидели двое детей Столыпина, дочь Наташа и трёхлетний Аркадий вместе с няней, воспитанницей Красностокского монастыря Людмилой Останкович.

Четырнадцатилетняя Наташа Столыпина попала под копыта обезумевших от ранения лошадей, впряжённых в ландо, превратилась в калёку, а у трёхлетнего Аркадия Столыпина оказалось переломано бедро. Няня погибла.

Разорванными в клочья оказались и сами террористы, а также швейцар, охранник и генерал-майор Замятин.

Пётр Аркадьевич Столыпин на этот раз осмелился остаться живым, чем возбудил очередную волну негодования у передовой интеллигенции. Более того, через неделю, 19 августа 1906 года, он провёл свой «Закон о военно-полевых судах», сумевший если не остановить, то притушить террор.

Вот тогда-то, чтобы поддержать Петра Аркадьевича и помочь его дочери, и написал Николай II письмо своему премьер-министру...

«Петр Аркадьевич,

На днях я принял крестьянина Тобольской губернии Григория Распутина, который поднес мне икону.

Он произвел на её Величество и на меня замечательно сильное впечатление, так что вместо пяти минут разговор с ним длился более часа.

Он в скором времени уезжает на родину. У него сильное желание повидать вас и благословить вашу больную дочь иконой. Очень надеюсь, что вы найдете минутку принять его на этой неделе...

Николай
Петергоф
16 окт. 1906».

П. А. Столыпин принял Г. Е. Распутина в Зимнем дворце, где теперь жил, но принял, только чтобы выполнить просьбу императора. Аудиенция длилась несколько минут и никакого сближения двух едва ли не самых важных для Николая II людей не произошло. Аристократическое воспитание помешало Петру Аркадьевичу разглядеть в крестьянине из Сибири то, что увидел в нём государь-император.

Более того, через несколько лет Столыпин стал едва ли не главным гонителем Распутина. Убедив себя, что близость Распутина к семье Романовых возбуждает дурные толки и пересуды, Столыпин, если и не организовал, то санкционировал полицейскую слежку за старцем, чтобы добыть компрометирующие материалы...

9

По воспоминаниям Марии Петровны Бок, отец якобы рассказывал ей, что он не раз пытался открыть государю глаза на Распутина: «Я каждый раз, как к этому представляется случай, предостерегаю государя. Но вот что он мне недавно ответил: “Я с вами согласен, Пётр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы”. Конечно, всё дело в этом. Императрица больна, серьёзно больна; она верит, что Распутин один на всём свете может помочь наследнику, и разубедить её в этом выше человеческих сил. Ведь как трудно вообще с ней говорить. Она если отдаётся какой-нибудь идее, то уже не отдаёт себе отчёта в том, осуществима она или нет».

Разумеется, говорить так об императрице государь мог только в представлении дочери Петра Аркадьевича, но тем и интересно это воспоминание, что оно показывает, как высока была

предубеждённость против Григория Ефимовича в семье Столыпиных.

Существуют предположения, что П. А. Столыпин планировал, применив закон, позволяющий министру внутренних дел высылать мошенников, пьяниц, развратников, выслать Распутина из столицы в административном порядке. Но пока шли приготовления, Распутин, чтобы не ставить государя в положение, когда ему придётся выбирать между ним и Столыпиным, предпочёл сам уехать в Покровское.

Надо сказать, что само это перемещение Распутина, сделавшегося вдруг невидимым для многочисленных филёров, прикрепленных к нему, является чудом...

Увы... Ничего не вышло из замысла государя сблизить двух едва ли не самых важных для него людей. И произошло это не по вине Распутина.

Есть свидетельства, что последний раз Григорий Ефимович видел Петра Аркадьевича в Киеве 1 сентября 1911 года, когда тот проехал мимо него в закрытом автомобиле в Киевский городской театр.

– Его преследует смерть! – крикнул тогда Распутин.

Предвидение не обмануло его. Через два часа в антракте спектакля «Сказка о царе Салтане» Мордко Гершович Богров в упор дважды выстрелил в Петра Аркадьевича Столыпина.

Так произошла непоправимая для Российской империи трагедия. В полувековой юбилей отмены крепостного права убили человека, который пытался завершить начатую пятьдесят лет назад реформу.

Глава седьмая

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА, КОТОРУЮ МЫ ПРОИГРАЛИ

За минувшее столетие написано множество книг, посвящённых эпохе правления Николая II. К сожалению, авторы большинства из них, рассказывая о реальных событиях, не могут проследить всю цепочку причинно-следственных связей, и происходит это даже не по их вине, а просто потому, что существенные элементы этих связей выпадают из аппарата материалистического анализа, которым пользуются эти исследователи. И в результате исчезает из исследования и сам подвиг царя-мученика.

Более того...

К имени Николая II, этого воплощения смиренномудрия и доброты, и сейчас ещё пытаются приклеить кличку Кровавый, а правление его изобразить как самое несчастное правление в истории императорской России.

И это вопреки неоспоримому факту, что в ходе николаевского правления наша страна превращалась в процветающее, мощнейшее государство мира, а само понятие о деспотизме и несвободе уходило в далёкое предание!

1

Задача очернения самого Николая II и его эпохи во многом облегчается тем, что Российская империя проиграла Первую мировую войну и якобы по вине Николая II рухнула в пропасть революций...

Только ведь для этого надобно согласиться с шулерским передёргиванием фактов, нужно позабыть, что в пропасть революций Россия рухнула, когда Николая II вынудили отречься от престола, а поражение в войне произошло по вине тех, кто заставил государя подписать отречение...

И можно рассуждать, что государь виноват уже тем, поскольку допустил беспорядки, но подробный разговор об этом в следующей главе, а пока скажем только, что Николая II вынудила уйти в отставку русская правящая аристократия, которая видела, во что превращается воздвигаемая императором страна, и которая понимала, что в этой стране места для неё не будет.

Поразительно, но только сейчас, спустя столет после войны, вглядываясь в события Первой мировой войны, начинаешь постигать, как, во многом благодаря мудрости и самоотверженности императора Николая II, рождалась победа в той войне, которую Россию заставили проиграть.

В войне, которую до революции называли у нас Второй Отечественной, легко выделить четыре основных этапа. Первый, начальный этап длился примерно полгода и вместил в себя блистательные победы и оглушительные поражения.

20 августа между городами Гумбиннен (нынешний Гусев) и Гольдап⁵ произошло Гумбиннен-Гольдапское сражение. Хотя соотношение сил перед сражением было не в пользу русской армии, 1-й армии генерала П. К. Ренненкампа

удалось нанести поражение 8-й германской армии. Решительный успех был одержан благодаря 25-й пехотной дивизии генерал-майора Павла Ильича Булгакова и 27-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Августа-Карла-Михаила Михайловича Адарида, которые разгромили корпус Макензена и обратили его в бегство.

«Очень немногие слышали о Гумбиннене, и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа, — писал Уинстон Черчилль. — Русские контратаки 3-го корпуса, тяжёлые потери Макензена вызвали в 8-й армии панику, она покинула поле сражения, оставив своих убитых и раненых, она признала факт, что была подавлена мощью России».

Действительно, 20 августа возникла реальная угроза разгрома 8-й германской армии, и уже вечером того же дня генерал фон Притвиц принял решение оторваться от противника и уходить за Вислу.

Однако Верховное германское командование предпочло другое стратегически ошибочное для себя решение. Оно перебросило на русский фронт шесть корпусов, три из которых — 11-й армейский, Гвардейский резервный корпуса, 5-й армейский корпус — были сняты с самого ответственного участка западного фронта и в результате не участвовали в битве на Марне, исход которой мог привести к полному разгрому Франции.

Кроме того, 21 августа Хельмут фон Мольтке сместил Притвица и назначил на его место генерал-фельдмаршала Пауля фон Гинденбурга.

Результат нам известен.

13 (26) августа началось Таненбергское сражение.

Пауль фон Гинденбург нанес мощные удары по фланговым корпусам 2-й армии Александра Васильевича Самсонова. Две дивизии 6-го корпуса потеряли 7 500 человек и в беспорядке отступили. Правый фланг армии генерала А. В. Самсонова оказался открытым, но из-за отсутствия надёжной связи генерал Самсонов не получил информации об этом, и центральные корпуса продолжали наступление, сами себя загоняя в мешок.

Между тем штаб Северо-Западного фронта, полагая, что корпуса 2-й армии А. В. Самсонова уже отошли к границе, остановил продвижение выдвинувшихся на помощь левофланговых корпусов и кавалерии 1-й армии П. К. Ренненкампа. К моменту, когда Самсонов отдал приказ об

⁵ Город в Польше, входит в Варминьско-Мазурское воеводство.

отходе своих корпусов, пехота Ренненкамппа находилась от них на расстоянии около 60, а кавалерия – 50 километров.

В результате 17 (30) августа 17 пехотных полков 2-й армии (около 30 тысяч человек при 200 орудиях) оказались окружены в районе Комусинского леса.

Командующий армией 54-летний генерал Александр Васильевич Самсонов застрелился. Генерал Николай Николаевич Мартос был захвачен в плен немецкой кавалерией, вышедшей в тыл русским войскам. Генерал Николай Алексеевич Ключев пытался тремя колоннами вывести войска из окружения, но две колонны были разбиты, и Ключев отдал приказ о сдаче в плен. Остатки 2-й армии отступили за реку Нарев.

Русские потери составили 6 тысяч убитых, около 20 тысяч раненых, 30 тысяч пленных. Немецкие потери убитыми и ранеными составили 30 тысяч человек.

Об этом поражении в основном и писали наши учебники истории, рассказывая о Первой мировой войне. Это было несомненное поражение, но можно ли считать его немецкой победой?

Мы говорили, что с французского фронта на русский было переброшено тогда шесть корпусов, три из которых Хельмут фон Мольтке снял с самого ответственного участка западного фронта, окончательно изменив соотношение германских и французских войск накануне решающей для исхода всей Первой мировой войны битвы. По сути, это была стратегическая ошибка немцев.

Уже в начале сентября 1914 года во фланг рвущейся в направлении Парижа 1-й немецкой армии генерала Александра фон Клука ударила сформированная из резервов 6-я французская армия генерала М. Манури, и 9 сентября Вильгельм II отдал приказ армиям правого фланга отступить.

Битва на Марне оказалась проигранной.

Виновника этого поражения Хельмута фон Мольтке 14 сентября 1914 года сняли с поста начальника Полевого генерального штаба.

Получается, что, проиграв Танненбергское сражение, мы помогли выиграть стратегическое сражение на Марне.

И тут возникает вопрос, надо ли было спасать Францию?

Если исходить из известных нам итогов Первой мировой войны, зная поведение той же Франции по отношению к России, ответ однозначен. Но это уже историческое брюзжание, а не

стратегия. На войне союзников спасать необходимо, потому что поражение твоего союзника – твоё поражение.

Конечно, Англия или Америка воюют иначе, но их стратегия определяется географией. Чтобы воевать так цинично-расчётливо по отношению к союзникам, как они, нужно находиться на острове или вообще на другом материке.

Россия, как известно, такого счастья не имеет. Все немецкие корпуса, которые были завязаны на французском фронте, в случае поражения Франции оказались бы развёрнуты против русской армии.

Итак, потеряв армию Самсонова, Россия вместе с союзниками одержала стратегическую победу, не позволив разгромить Францию.

2

Не будем забывать и того, что одновременно с Танненбергским сражением шли бои на Юго-Западном фронте, которым командовал Николай Иудович Иванов.

В середине августа произошло сражение между 3-й австро-венгерской и 3-й русской армией генерала Н. В. Рузского на реке Золотая Липа, в котором победа досталась русской армии.

Тогда же соединения 8-й армии генерала Алексея Алексеевича Брусилова разгромили 12-й корпус австрийцев.

21 августа (3 сентября) был взят Лемберг (Львов), четвёртый по величине город Австро-Венгрии. 22 августа (4 сентября) – Галич.

Галицийское сражение, в ходе которого войска юго-западного фронта отразили наступление четырёх австро-венгерских армий в Галиции и Польше и отбросили их за реки Сан и Дунаец, стало очевидной победой русской армии. Потери русских составили 230 тысяч человек, а австро-венгерские войска потеряли 325 тысяч человек.

Поскольку победа в Галиции открывала российским войскам путь в Верхнюю Силезию (важнейший промышленный район Германии), Гинденбург вынужден был перебросить в район реки Варта четыре корпуса 8-й армии и сформировать из них 9-ю немецкую армию, которая совместно с 1-й австро-венгерской армией генерала Виктора Данкля (общая численность 310 тысяч человек) перешла в наступление на Варшаву и Ивангород.

Победы сменялись поражениями, а поражения победы...

Потери исчислялись сотнями тысяч, а никакого перелома в ходе войны ни в ту, ни в другую сторону не происходило. Наверное, это самое страшное и неприятное открытие, которое было сделано в ходе сражений 1914 года...

В лодзинском сражении и в Сражении на четырёх реках (Бзуре, Равке, Пилице, Ниде) в Польше в декабре германские потери превысили 100 тысяч человек. Русские потери оказались в два раза больше.

Разгоревшаяся война оказалась совсем не похожа на ту войну, которую все ожидали. Тёмные и неясные предчувствия приходили на смену безоглядному всенародному подъёму, который владел страной в первые дни войны...

*Рождённые в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы – дети страшных лет России –
Забывать не в силах ничего.*

*Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы
Кровавый отсвет в лицах есть...*

Это написал 8 сентября 1914 года Александр Блок.

Но вместе с этими недобрыми предчувствиями, рождалась и новая идеология Отечественной войны. С Божией помощью должно было выполнить страшную, но неизбежную работу, чтобы совершить в себе необходимое преобразование и привести к победе Святую Русь...

*И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны.*

*Тружеников, медленно идущих,
На полях, омоченных в крови,
Подвиг сеющих и славу жнущих,
Ныне, Господи, благослови...*

Стихотворение написал в ноябре 1914 года вольноопределяющийся лейб-гвардии уланского полка Николай Степанович Гумилёв.

3

В 1915 году, на втором этапе войны, в корне изменилась немецкая стратегия.

Германия перешла на Западе к оборонительной войне и сосредоточила на восточном фронте 107 австро-германских дивизий (в начале войны против России воевало лишь 49 дивизий). Эта мощная группировка должна была наступать на восток, чтобы вывести Россию из войны.

Зеркально повторилась ситуация с тем, что происходило полгода назад во Франции, только вот союзники, в отличие от России, с помощью спешить не стали.

«Мы, – признавался впоследствии Ллойд Джордж, – предоставили Россию её судьбе».

19 апреля 1915 года Пауль фон Гинденбург, планируя взять в окружение сразу семь русских армий, одновременно с ударом армейской группы фельдмаршала Макканзена на Люблин-Холм на севере нанёс удар по Наревскому фронту.

Началось Великое отступление Северо-Западного фронта.

23 июля (5 августа) под звуки «Ещё Польска не сгинела» полки 9-й германской армии Леопольда Баварского вступили в покинутую русскими войсками Варшаву.

2 августа пала Митава. Немцы вышли на подступы к Риге.

Всего в летнюю кампанию 1915 года Русская армия потеряла убитыми и ранеными 1 410 тысяч человек, а пленными – 976 тысяч человек.

При этом максимум потерь пришёлся на май и летние месяцы, когда главнокомандующий великий князь Николай Николаевич растерялся и полностью потерял нити управления войсками.

Протопресвитер военного и морского духовенства Георгий Шавельский вспоминал, как в эти дни он вошёл в купе великого князя и увидел его, уткнувшегося в подушки, вздрагивающего от рыданий.

– Батюшка, ужас! – воскликнул он в ответ на вопрос, что с ним. – Ковно отдано без боя... Комендант бросил крепость и куда-то уехал... крепостные войска бежали... армия отступает... При таком положении что можно дальше сделать?! Ужас, ужас!..

И тогда, видя растерянность главнокомандующего и неумение его предотвратить военную катастрофу, 23 августа 1915 года император Николай II принял Верховное командование армией на себя.

«С твердой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины

до конца и не посрашим Земли Русской» – гласил его приказ по армии и флоту от 23 августа 1915 года.

«История часто видела монархов, становившихся во главе победоносных армий для легких лавров завершения победы, – писал Антон Антонович Керсновский в своей «Истории русской армии». – Но она никогда ещё не встречала венценосца, берущего на себя крест возглавить армию, казалось, безнадежно разбитую, знающего заранее, что здесь его могут венчать не лавры, а только тернии».

Уезжая в Могилёв, государь, подобно герою стихотворения Николая Степановича Гумилёва, записал в своём дневнике: «Господь да благословит поездку мою и решение мое!».

Он испрашивал этого благословения подобно тысячам других тружеников войны, идущих по полям, размокшим от крови...

4

Николай II принял верховное командование едва ли не в самый критический момент войны, когда положение на фронте вплотную приблизилось к катастрофе.

27 августа германская кавалерийская группа под командованием генерала О. фон Гарнье вошла в разрыв между 10-й и 5-й русскими армиями и развернула наступление в направлении Свенцяны, Молодечно с задачей выйти в тыл 10-й русской армии.

1 (14) сентября кавалеристы О. фон Гарнье захватили Вилейку и пошли в районе Сморгони по тылам 10-й русской армии. 6 (19) сентября немцы заняли Вильно и устремились в направлении Борисова и Минска.

В этих условиях, когда фронт буквально обрушивался, Николай II сумел остановить панику и спасти армию. К району прорыва было переброшено несколько армейских корпусов, и уже 19 сентября (2 октября) 2-я армия генерала Владимира Васильевича Смирнова ликвидировала Свенцянский прорыв.

Существует множество воспоминаний и исторических книг, повествующих о том, каким малопригодным к должности верховного главнокомандующего был государь.

При этом как-то упускается из виду, что это именно Николаю II меньше чем за месяц после своего вступления в должность удалось стабилизировать фронт на линии Рига – Двинск – Ба-

рановичи – Дубно – Тернополь, и отсюда русские войска не отступали вплоть до отречения государя.

Да... **Такой** войны в России не ожидали и не были готовы к ней, как, впрочем, не были готовы к **такой** войне и другие воюющие страны. Огромными были человеческие потери, гигантскими материальные затраты.

Наступил момент, когда стало не хватать боеприпасов и оружия для этой небывалой прежде войны, но Николай II и тут сумел сделать невероятное. В условиях войны благодаря пяти Особым совещаниям, созданным для руководства экономической жизнью страны, он сумел перестроить военную промышленность России, и только в 1915 году в три раза выросло производство винтовок, примерно в шесть раз – производство орудий, а различных видов боезапасов – в пять раз.

«Мало эпизодов Великой войны, более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году, – писал Уинстон Черчилль. – К лету 1916 года Россия, которая 18 месяцев перед тем была почти безоружной, которая в течение 1915 года пережила непрерывный ряд страшных поражений, действительно сумела собственными усилиями и путем использования средств союзников выставить в поле – организовать, вооружить, снабдить – 60 армейских корпусов вместо 35, с которыми она начала войну».

Причём сделано это было – не побоимся этого слова! – как-то удивительно безболезненно для страны.

Да... В армию было призвано уже 15 миллионов мужчин. В стране насчитывалось 3 миллиона 300 тысяч беженцев.

Но при этом (фантастика!) Россия – единственная из стран, участвовавших в Первой мировой войне, которая так и не ввела продуктовых карточек на хлеб.

Когда за полтора года войны цены в России выросли на 43 процента по сравнению с довоенным июлем 1914 года и начались волнения думской общественности, министр земледелия А. Н. Наумов, выступая перед депутатами, вынужден был объяснять, что «в империи имеется до девятьсот миллионов пудов избытка главнейших хлебов». Только 16 сентября 1916 года в Петрограде началась выдача талонов на мясо – три фунта (больше килограмма) в одни руки, а

20 сентября было опубликовано положение Совета министров об уголовной ответственности торговцев и промышленников за повышение цен на продовольствие или предметы первой необходимости.

В России работало более 120 тысяч школ, в которых обучалось около 8 миллионов детей.

Конечно, тяготы для населения война вызвала, но только 6 (19) апреля 1916 года в связи с истощением государственного бюджета из-за всё возрастающих военных расходов был введён подоходный налог, который не распространялся на лиц со средним заработком менее 850 рублей в год.

Любопытно упомянуть тут, что в тот же день было введено ещё одно ограничение. Московский губернатор издал постановление о запрете хранения кокаина.

Поразительно, но в России и во время войны практически не ограничивалась деятельность прессы и других демократических институтов.

Мы привели стихи Александра Блока и Николая Гумилева, но выходили ведь в годы войны и совсем другие сочинения.

В январе 1915 года, когда на оледенелых берегах Бзуры и Равки гибли сотни тысяч русских солдат, Игорь Северянин выпустил сборник стихов «Ананасы в шампанском»:

Ананасы в шампанском!

Ананасы в шампанском!

Удивительно вкусно, искристó и острó!

Весь я в чём-то норвежском!

Весь я в чём-то испанском!

Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

В конце августа 1915 года, когда над русской армией нависла катастрофа, Александр Иванович Куприн выпустил повесть «Яма», рассказывающую о тяжелой жизни проституток.

Нет нужды обвинять Игоря Северянина или Александра Куприна в какой-то злонамеренности, но нечто зловещее в их равнодушии к трагедиям, которые претерпевает армия их страны, конечно, присутствует. Ещё это свидетельство того, что никаких действительных предпосылок для недовольства, а тем более, для волнений в тылу не было. Не было их и на фронте.

Император Николай II, как писал историк Сергей Сергеевич Ольденбург, «довел Россию до порога победы: его противники не дали ей переступить через этот порог».

Военные успехи на этом «пороге победы» очевидны.

22 мая (4 июня) 1916 года в Неделю святых отцов Первого Вселенского Собора началось наступление Юго-Западного фронта, возглавляемого генералом Алексеем Алексеевичем Брусиловым, которое вошло в историю под названием «Брусиловский прорыв».

15 (28) июля стало самым кровопролитным и самым, как считают историки, ярким днём Первой мировой войны. Левофланговые корпуса армии генерала Алексея Максимовича Каледина совершенно разгромили при Кошеве 4-ю австро-венгерскую армию генерала Карла Терстански. Особую роль в этом сражении сыграл 8-й корпус генерала Владимира Михайловича Драгомирова, выведшего в этом бою «военное искусство из тупика позиционного застоя».

В целом же в ходе Брусиловского прорыва русские войска взломали австро-германскую оборону на всём её протяжении, от Припятских болот до румынской границы, и продвинулись вперёд, освободив большие территории. За два с половиной месяца боёв противник потерял более одного миллиона ранеными и убитыми и ещё 272 тысячи австрийских солдат попали в плен. Русские потери ранеными, убитыми и пропавшими без вести оказались в три раза меньше.

До недавнего времени в наших учебниках истории принято было говорить не об успехе Брусиловского прорыва, а о том, что командование не сумело воспользоваться успехом и не реализовало всех открывающихся взгляду историков перспектив.

Наблюдение совершенно справедливое, если, конечно, не учитывать того обстоятельства, что Ставке приходилось воевать не на бумаге, а в условиях реальной войны, где реальные «овраги», про которые забывают теоретики, мешают осуществлению их гениальных замечаний.

Как бы то ни было, но Брусиловский прорыв стал выдающимся успехом русской армии, и огромная заслуга в проведении и осуществлении его принадлежит верховному главнокомандующему Николаю II.

Несомненным успехом летней кампании 1916 года стала и Эрзинджанская операция армии генерала Н. Н. Юденича, в результате которой в районе Мамахатуня было нанесено тяжёлое поражение 3-й турецкой армии. Её потери составили более 100 тысяч человек.

Хотелось бы подчеркнуть, что хотя и известно достоверно об участии Николая II в планировании и проведении боевых операций, но роль его как монарха не ограничивалась этим.

Присутствие царя в армии, его постоянные поездки на линию боевых действий укрепляли и духотворяли армию.

Снова, как в дни Саровских торжеств, разрушалось средостение между государем и его подданными, и происходила та мистическая встреча царя и народа, которой столько столетий ждала Русь.

И если взглянуть на события 1916 года без выработанного антирусской пропагандой предубеждения⁶, то за грохотом разрывов и свистом пуль неимоверно тяжёлой войны начинаешь различать не только одержанные тогда Россией победы, но и национальный смысл её, который только в единении царя и народа и мог раскрыться.

29 ноября (12 декабря) 1916 года, когда Германия направила державам Антанты ноту, в которой сообщила, что государства Центральной Европы готовы к переговорам, Николай II издал приказ по армии и флоту, в котором говорилось, что время мира ещё не наступило, «враг ещё не изгнан из захваченных им областей, достижение Россией созданных войной задач: обладание Царградом и проливами... обще не обеспечено».

Более того...

За визгливыми криками думских ораторов о предательстве правительства, о страданиях и тяготах помощников присяжных поверенных вдруг ясно открывается, что 1916-й, последний предреволюционный год, был годом реального решения кардинальных национальных задач...

Ведь именно в последний год своего правления Николаю II удалось завершить дело, которое в первые дни его царствования помешал ему совершить С. Ю. Витте.

21 сентября (4 октября) на берегу незамерзающей Кольской бухты был основан Романов-на-Мурмане⁷, первый в России порт, открытый в северные моря и Атлантический океан. А через полтора месяца, 3 (16) ноября 1916 года, открылось движение по железной дороге Петроград – Мурманск, построенной за двадцать военных месяцев.

⁶ Хотелось бы отметить тут, что как большевистская пропаганда, так и белоэмигрантская в массе своей оценивали деятельность императора Николая II одинаково отрицательно.

⁷ С 1917 года – Мурманск.

То, что с трудом различаем мы сейчас, столетие спустя, ясно различали те тёмные силы, которые не могли допустить, чтобы произошло возрождение Святой Руси.

Хорошо сказал об этом Павел Николаевич Милюков, один из главных идеологов заговора, помешавшего России переступить через порог победы. Вспоминая мартовские события сразу после октябрьского переворота, он признался: **«Того, что случилось, мы не хотели.** (Здесь и далее выделено нами. – Н. К.) Вы знаете, что цель наша ограничивалась достижением республики или же монархии с императором, имеющим лишь номинальную власть, **преобладающего в стране влияния интеллигенции и равных прав евреев.**

Полной разрухи мы не хотели, хотя и знали, что на войне переворот во всяком случае отразится неблагоприятно. Мы полагали, что власть сосредоточится и останется в руках первого кабинета министров, что временную разруху в армии и стране мы остановим быстро и если не своими руками, то руками союзников добьемся победы над Германией, **заплатив за свержение царя некоторой отсрочкой этой победы.**

Надо признаться, что некоторые даже из нашей партии указывали нам на возможность того, что и произошло потом. Да мы и сами не без некоторой тревоги следили за ходом организации рабочих масс и пропаганды в армии.

Что же делать: ошиблись в 1905 году в одну сторону – теперь ошиблись опять, но в другую. Тогда недооценили сил крайне правых, теперь не предусмотрели ловкости и бессовестности социалистов.

Результаты Вы видите сами.

Само собою разумеется, что вожаки Совета рабочих депутатов ведут нас к поражению и финансовому экономическому краху вполне сознательно. Возмутительная постановка вопроса о мире без аннексий и контрибуций помимо полной своей бессмысленности уже теперь в корне испортила отношения наши с союзниками и подорвала наш кредит. Конечно, это не было сюрпризом для изобретателей.

Не буду излагать Вам, зачем все это было им нужно, кратко скажу, что здесь играла роль частью сознательная измена, частью желание половить рыбу в мутной воде, частью страсть к популярности. Но, конечно, мы должны признать, что нравственная ответственность за совершив-

шееся лежит на нас, то есть на блоке партий Государственной Думы.

Вы знаете, что **твердое решение воспользоваться войною для производства переворота было принято нами вскоре после начала этой войны.** Заметьте также, что **ждать больше мы не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая (1917 года. — Н. К.) наша армия должна была перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство и вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования.**

Вы понимаете теперь, почему я в последнюю минуту колебался дать согласие на производство переворота, понимаете также, каково должно быть в настоящее время мое внутреннее состояние. История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю.

Что же делать теперь, спрашиваете Вы...

Не знаю. То есть внутри мы оба знаем, что спасение России в возвращении к монархии, знаем, что все события последних двух месяцев ясно доказали, что **народ не способен был воспринять свободу, что масса населения, не участвующая в митингах и съездах, настроена монархически, что многие и многие агитирующие за республику делают это из страха.**

Все это ясно, но признать этого мы просто не можем.

Признание есть крах всего дела всей нашей жизни, крах всего мировоззрения, которого мы являемся представителями. Признать не можем, противодействовать не можем, не можем и соединиться с теми правыми, подчиниться тем правым, с которыми так долго и с таким успехом боролись»⁸.

Это поразительное признание.

Вспомним, что 1 ноября 1916 года на открытии зимней (последней) сессии Думы П. Н. Миллюков произнёс речь, послужившую, по его собственному признанию, «штурмовым сигналом к революции». Прогрессивный блок устами своего лидера обвинил императрицу в измене: «Что это? Глупость или измена?».

И вот этот человек — что это? Глупость или предательство? Ради «преобладающего в стра-

не влияния интеллигенции и равных прав евреев» — таких целей, кажется, не ставила больше ни одна революция в мире! — стремиться разрушить огромную страну вместе со всей её интеллигенцией.

Это помрачение П. Н. Миллюкова сродни зловещему равнодушию Игоря Северянина и Александра Куприна, оно навеяно тёмными силами, стремящимися не допустить возрождения Святой Руси в её Божией силе.

И первый удар эти тёмные силы нанесли по православному государю в Петрограде 17 декабря 1916 года...

7

Страшно и сейчас, столетие спустя, вчитываясь в подробности убийства, совершённого по наущению английской разведки мерзавцами из высших аристократических кругов.

17 декабря 1916 года князь Феликс Феликсович Юсупов, женатый на племяннице Николая II, заманил Григория Ефимовича Распутина в свой дворец на Мойке и там убил его.

Присутствовали при этом великий князь Дмитрий Павлович, а так же знаменитый помещик-черносотенец Владимир Митрофанович Пуришкевич, сумевший расколоть Союз Русского народа, и... школьный друг Юсупова, офицер британской разведки МИ-6 Освальд Рейнер⁹.

Ещё были в Юсуповском дворце поручик **Сергей Михайлович Сухотин** и врач **Станислав Сергеевич Лазоверт**, но, по-видимому, они являлись простыми подручными. Вольноопределяющийся **Сергей Сухотин**¹⁰ (мачехой его была Татьяна Львовна Толстая) находился в Петрограде по ранению и якобы лечился в англо-русском госпитале, находившемся во дворце великого князя Дмитрия Павловича, управляли

⁹ В своих воспоминаниях Ф. Ф. Юсупов Освальда Рейнера не называет. Имя его как участника и организатора убийства Г. Е. Распутина обнаружено английской разведкой.

¹⁰ В 1932 году в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» появилась статья, автор которой произвёл С. М. Сухотина в поручики лейб-гвардии Преображенского полка, но тут же журнал вынужден был напечатать опровержение: «Милостивый государь господин редактор, в № 19 журнала «Иллюстрированная Россия» от 27 февраля с. г., в статье «Дело об убийстве Распутина», в числе участников убийства поименован поручик Преображенского полка Сухотин. В целях установления исторической точности имею честь уведомить Вас, что в Л.-Гв. Преображенском полку офицера Сухотина не состояло, о чем прошу Вас поставить в известность читателей редактируемого Вами журнала. Прошу принять уверения в совершенном уважении и таковой же преданности. А. Гулевич, председатель Союза Преображенцев».

⁸ Дело «Каморры народной расправы». Т. 3, конверт с изъятими у И. В. Ревенко письмами. Полностью письмо опубликовано в моей книге «Гибель красных Моисеев». М.: Вече, 2004.

которым связанные с английской разведкой леди Сибил Грей и леди Мюриэл Пэдджет. Ну, а врач **Станислав Сергеевич Лазоверт** работал заведующим медицинской частью санитарного поезда, организованного В. М. Пуришкевичем.

Подлое убийство Феликс Юсупов подробно описал в книге «Конец Распутина». Разумеется, сочинение это было написано, чтобы доказать, будто вместе с великим князем, бывшим черносотенцем и офицером английской разведки он пытался тогда спасти Россию, но эта ложь не нуждается сейчас даже и в опровержении. А вот в непосредственном описании злодеяния содержатся подлинные детали, которые проливают свет, как на нутро самого убийцы, так и на природу юродства Григория Ефимовича.

Юсупов, который планировал завершить обучение на офицерских курсах при Пажеском корпусе как раз к завершению войны, понимал, что убивать своего гостя даже и такому титулованному мерзавцу, как он, это, как бы сказать, не совсем порядочно, поэтому перед описанием убийства он начинает говорить о «чувстве безграничной жалости к этому человеку», которое вдруг охватило его: «Мне сделалось стыдно и гадко при мысли о том, каким подлым способом, при помощи какого ужасного обмана я его завлекаю к себе. Он – моя жертва; он стоит передо мною, ничего не подозревая, он верит мне»...

Впрочем, тут же угрызения совести сменяются у великовозрастного курсанта любопытством: «Но куда девалась его прозорливость? Куда исчезло его чутье? Как будто роковым образом затуманилось его сознание, и он не видит того, что против него замышляют»...

И хотя Распутин, пытаясь предотвратить преступление, говорит Юсупову:

– Да, милый, мешаю я больно многим, что всю правду-то говорю... Не нравится аристократам, что мужик простой по царским хоромам шляется – всё одна зависть да злоба... Да что их мне бояться? Ничего со мной не сделают: заговорён я против злого умысла. Пробовали, не раз пробовали, да Господь всё время просветлял. Вот и Хвостову не удалось – наказали и прогнали его. Да, ежели только тронут меня – плохо им всем придётся.

Юсупов отмечает, как жутко звучали эти слова Распутина там, где ему готовилась гибель, но больше ничто не смущает его.

Отныне убийство превращается для него в забавную игру-угадайки.

«В течение всего нашего разговора одна только мысль была в моей голове: заставить его выпить вина из всех отравленных рюмок и съесть все пирожки с ядом.

Через некоторое время, наговорившись на свои обычные темы, Распутин захотел чаю. Я налил ему чашку и придвинул тарелку с бисквитами. Почему-то я дал ему бисквиты без яда.

Уже позднее я взял тарелку с отравленными пирожками и предложил ему.

В первый момент он от них отказался:

– Не хочу – сладкие больно, – сказал он.

Однако вскоре взял один, потом второй...

Я, не отрываясь, смотрел, как он брал эти пирожки и ел их один за другим».

Не так уж и много описано в мировой литературе типов убийц-отравителей столь же омерзительных, как князь Юсупов.

«Действие цианистого калия должно было начаться немедленно, но, к моему большому удивлению, Распутин продолжал со мной разговаривать, как ни в чём не бывало.

Тогда я решил предложить ему попробовать наши крымские вина. Он опять отказался».

23

8

Сам Юсупов не понимает, что происходит, то есть он не понимает не только того, отчего не умирает отравленный Распутин, а не понимает, что Распутин, отказываясь вначале от пирожков, а потом от вина, тоже производит над ним опыт. Он предоставляет Юсупову возможность отказаться от совершения преступления, а, когда тот не желает воспользоваться спасительной возможностью и продолжает настаивать на своём, съедает все начинённые ядом пирожки сразу.

Как известно, яд в желудке Распутина при вскрытии не был обнаружен. Выдвигаются различные объяснения. Одни говорят, что цианид был нейтрализован сахаром или высокой температурой при приготовлении в печи. Другие считают, что яда вообще не было, и он появился, чтобы запутать (это каким же таким образом?) следствие.

Нам представляется, что всё было гораздо проще. Иногда и яд на человека не действует, и в огне он не сгорает... Известны по Житиям святых такие случаи...

«Время шло. Меня начинало охватывать нетерпение. Я налил две рюмки, одну ему, другую

себе; его рюмку я поставил перед ним и начал пить из своей, думая, что он последует моему примеру.

– Ну, давай попробую, – сказал Распутин и протянул руку к вину. Оно не было отравлено.

Почему и первую рюмку вина я дал ему без яда – тоже не знаю.

Он выпил с удовольствием, одобрил и спросил, много ли у нас вина в Крыму. Узнав, что целый погреб, он был очень этим удивлён. После пробы вина он разошелся:

– Давай-ка теперь мадеры, – попросил он.

Когда я встал, чтобы взять другую рюмку, он запротестовал:

– Наливай в эту.

– Ведь нельзя, Григорий Ефимович, не вкусно всё вместе – и красное и мадера, – возразил я.

– Ничего, говорю, лей сюды...

Пришлось уступить и не настаивать больше.

Но вскоре мне удалось как будто случайным движением руки сбросить на пол рюмку, из которой пил Распутин; она разбилась.

Воспользовавшись этим, я налил мадеры в рюмку с цианистым калием. Вошедши во вкус питья, Распутин уже не протестовал».

Если бы Феликс Юсупов придумал этот диалог, его можно было бы причислить к выдающимся писателям – так тонко, так чётко воссоздана здесь попытка (юродивого? святого?) спасти погибающего человека.

Когда, не зная почему, Юсупов протягивает ему рюмку с неотравленным вином, Григорий Ефимович сразу начинает хвалить его и очень удивляется, что у хозяина-отравителя целый погреб неотравленного вина.

И тут убийце-отравителю уж никак нельзя дальше продолжать своё подлое дело, тут по всем канонам христианства нужно бы покаяться злодею, чтобы попытаться спасти свою душу.

Только как же спасти то, чего нет в человеке, что давно продано то ли англичанам, то ли самому дьяволу?

И когда решил проверить Распутин, совершилось ли раскаяние, и попросил налить мадеры, оказалось, что ничего не изменилось, по-прежнему полон Юсупов злобы и убийства...

Более того...

Уже и не остановить этого человека, то и дело вспоминающего дьявола и ни разу – Господа...

В бесовском остервенении Юсупов разбивает пустую рюмку, чтобы передать Григорию Ефимовичу ещё одну рюмку, начинённую ядом...

«Я стоял перед ним и следил за каждым его движением, ожидая, что вот сейчас наступит конец.

Но он пил медленно, маленькими глотками, с особым вкусом, присущим знатокам вина.

Лицо его не менялось. Лишь от времени до времени он прикладывал руку к горлу, точно ему что-то мешало глотать, но держался бодро, вставал, ходил по комнате, и на мой вопрос, что с ним? – сказал, что «так, пустяки, просто першит в горле».

Прошло несколько томительных минут.

– Хорошая мадера. Налей-ка ещё, – сказал мне Распутин, протягивая свою рюмку.

Яд продолжал не оказывать никакого действия: «старец» разгуливал по столовой.

Не обращая внимания на протянутую им мне рюмку, я схватил с подноса вторую с отравой, налил в неё вино и подал Распутину.

Он и её выпил, а яд не проявлял своей силы...

Оставалась третья, и последняя...

Тогда я с отчаяния начал пить сам, чтобы заставить Распутина пить ещё и ещё.

Мы сидели с ним друг перед другом и молча пили.

Он на меня смотрел, глаза его лукаво улыбались и, казалось, говорили мне:

– Вот видишь, как ты ни стараешься, а ничего со мною не можешь поделать.

Но вдруг выражение его лица резко изменилось: на смену хитрой слащавой улыбке явилось выражение ненависти и злобы. Никогда ещё не видал я его таким страшным. Он смотрел на меня дьявольскими глазами.

В эту минуту я его особенно ненавидел и готов был наброситься на него и задушить».

9

Повторю, что придумать такое может только великий художник.

Злодей, отравитель, убийца различает ненависть и злобу в человеке, которого он пытается отравить.

Человеку, исполняющему волю дьявола, начинает казаться, что его невинная жертва смотрит на него дьявольскими глазами!

Это уже почти на уровне Ф. М. Достоевского...

Но Феликс Юсупов, разумеется, не принадлежал к числу великих писателей, этот велико-светский мерзавец просто записал то, что видел, то, что врезалось ему в память навсегда...

В дьявольском исступлении он травил человека, который был послан царской семье и всей России, чтобы спасти царскую династию и Российскую империю, он всаживал пули в этого человека, он бил его гирей по голове, а Распутин не умирал, потому что знал, что ждёт и царскую семью, и всю Россию.

Но муж племянницы императора, великий князь, бессарабский помещик-черносотенец и офицер британской разведки всё-таки убили его.

Они планировали скрыть убийство, но каждое движение встающего после очередной попытки Григория Ефимовича Распутина оставалось запечатлённым.

И как задрожали веки на его лице несколько минут спустя после выстрела Юсупова, и как, проваливаясь в снег, бежал он к воротам, а Пуришкевич, вспоминая уроки, взятые в тире, стрелял и стрелял в него из пистолета, и как пытался он развязать верёвку, уже будучи сброшенным в Неву...

И не могло не сохраниться, потому что в своём последнем юродстве-предсказании показывал, как будет умирать преданная её выродившейся элитой Российская империя.

До обрыва в пропасть ей оставалось чуть больше двух месяцев...

Глава восьмая

ОТРЕЧЕНИЕ

Ранним утром 28 февраля 1917 года вышли из Могилёва с часовым интервалом литерные поезда. В первом – помещалась свита императора, во втором – следовал и сам Николай II, и его личная охрана.

Перед отбытием из Ставки император беседовал с генералом Николаем Иудовичем Ивановым, отправляющимся с восьмью сотнями георгиевских кавалеров наводить порядок в Петрограде.

Говорили, что радикальные настроения захлестывают Государственную думу, и Александр Фёдорович Керенский ещё 14 февраля 1917 года призвал не только свергнуть монархию, но и при необходимости физически устранить правящую династию. Ответ Николая II был тогда быстрым и жёстким. В ночь с 26 на 27 февраля 1917 года сессия Государственной думы была прервана.

Однако всё тот же Александр Фёдорович Керенский не успокоился, на Совете старейшин

Думы 27 февраля он призвал не подчиняться царской воле. Керенский утверждал, что на этом этапе революции авторитет Думы достиг наивысшей точки, и её отказ созвать официальное заседание был бы равносителен политическому самоубийству...

Кроме того, начались волнения, связанные с временными перебоями в снабжении Петрограда хлебом, и самое главное – революционная агитация проникла в расквартированные в Петрограде запасные батальоны гвардейских полков.

Об этом и говорил император с генералом Ивановым, отправляя его с георгиевскими кавалерами, чтобы навести порядок в столице.

Прежде всего надо было разобраться с запасными батальонами, не желающими покидать «тёплые казармы» и выделять маршевые роты на фронт. Следовало лишить революционных смутьянов этой военной поддержки!

Для этого и назначался Николай Иудович главнокомандующим войсками Петроградского военного округа с чрезвычайными полномочиями и с подчинением ему всех министров.

Беседа с генералом затянулась до трёх часов ночи, и утром 28 февраля император встал в своём поезде только в десять часов.

Погода была морозная, солнечная.

Днём благополучно миновали Вязьму и Ржев, но, когда 1 марта в два часа ночи царский поезд прибыл в Малую Вишеру, там всё ещё стоял свитский поезд. Императору доложили, что Любань и Тосно заняты восставшими запасными ротами лейб-гвардии Литовского полка и дальше дороги нет – на путях завалы.

Решено было вернуться в Бологое, чтобы проследовать в Царское Село через Старую Руссу, Дно и Вырицу. На станцию Дно император вызвал Председателя Государственной думы Владимира Михайловича Родзянко.

Однако в Старой Руссе поступило сообщение о повреждении моста на Виндавской дороге, и литерные поезда пошли на Псков, чтобы выйти к Царскому Селу по Варшавской дороге через Лугу и Гатчину.

Было ли сообщение о повреждённых мостах дезинформацией, неведомо.

Но совершенно определённо известно, что решение императора вернуться с фронта в «революционный» Петроград вызвало настоящую панику среди заговорщиков.

1 марта на имя командующего Северным фронтом генерала Н. В. Рузского в 17 часов 15 минут пришла из Ставки телеграмма, в которой содержалась просьба доложить государю о беспорядках в Кронштадте, о восстании в Москве и о признании Балтийским флотом Временного комитета Госдумы. Под телеграммой стояла подпись генерал-квартирмейстера Александра Сергеевича Лукомского.

Ещё через полчаса помощник начальника штаба Ставки генерал Владислав Наполеонович Клембовский передал главнокомандующему Северным фронтом Николаю Владимировичу Рузскому просьбу генерала Алексеева и великого князя Сергея Михайловича убедить государя в необходимости образования ответственного министерства во главе с В. М. Родзянко.

Эта телеграмма была не столько инструкцией, сколько сигналом к действию.

Генерал Рузский, который уже давно состоял в заговоре, сразу переехал на железнодорожный вокзал и разместился в стоящем на запасном пути штабном вагоне.

На вокзале было выставлено оцепление.

В 20 часов 00 минут, когда литерный поезд «А» прибыл в Псков, его сразу загнали в глухой тупик на неосвещённые пристанционные пути...

1

То, что он попал в ловушку, император понял, когда в 21:00 к нему явился главнокомандующий Северным фронтом Николай Владимирович Рузский.

Рузский держался нехорошо. Он рассказывал о волнениях в Петрограде, об эшелонах генерала Иванова, которые задерживаются на станциях, говорил, что Гатчина и Луга тоже заняты восставшими, и всё время отчаянно трусил.

Потом он ушёл, а в 23:00 вернулся с проектом Манифеста о создании Министерства, ответственного перед верховной властью, и все тянул, тянул время, уговаривая государя не принимать жёсткие меры к наведению порядка в восставшем Петрограде.

Он напирал на то, что это может плохо отразиться и на порядке на железных дорогах, и на семье государя, которая сейчас, возможно, находится в руках восставших.

Может быть, Николай Владимирович Рузский и хотел немножко шантажировать императора, но он, действительно, не слишком-то и преувеличивал опасность, в которой находилась тогда царская семья.

«Никогда не забуду ночи, когда немногие верные полки (Конвой Его Величества, Гвардейский Экипаж и Артиллерия) окружили дворец, т. к. бунтующие солдаты с пулеметами, грозя все разнести, толпами шли по улицам ко Дворцу, — вспоминая эти дни, писала фрейлина Анна Вырубова. — Императрица вечером сидела у моей постели. Тихонько завернувшись в белый платок, она вышла с Марией Николаевной к полкам, которые уже готовились покинуть дворец, и, может быть, они ушли бы в эту ночь, если бы не Государыня и её храбрая дочка, которые со спокойствием до 12 часов обходили солдат, ободряя их словами и лаской».

1 марта великий князь Кирилл Владимирович увёл эти полки.

«Караулы ушли... — свидетельствует Вырубова. — По дворцу бродили кучки революционных солдат, которые с интересом все рассматривали, спрашивая у оставшихся слуг объяснения. Особенно их интересовал Алексей Николаевич. Они ворвались к нему в игральную, прося, чтобы им его показали».

Разумеется, Николай Владимирович Рузский не знал всех деталей, но в целом рисовал реальную картину происходящего в Царском Селе.

Государь не перебивал генерала. Молча, он слушал человека, которого ещё вчера и заподозрить не мог в предательстве, и глаза его тускнели.

В 0 часов 20 минут он подписал телеграмму на имя генерала Н. И. Иванова: «До моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать».

Вырвав у императора эти гарантии безопасности¹¹, Рузский помчался докладывать о своём успехе председателю Государственной думы В. М. Родзянко.

Может быть, тогда, после его ухода, и записал император в «Дневнике»: «Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства всё время там! Как бедной Аликс должно быть тягостно одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!»

¹¹ В ночь на 2 марта навстречу генералу Н. И. Иванову, движущемуся с эшелонном Георгиевского батальона, выехал командированный начальником генерального штаба генерал-майором Занкевичем полковник Доманевский. Встреча произошла на станции Вырица. Полковник Доманевский доложил ему обстановку в Петрограде. Узнав о ситуации в Петрограде и руководствуясь полученным от Николая II распоряжением, Иванов остановился на станции Выра, а 3 марта, когда стало известно об отречении императора, отправился назад в Могилёв.

А тем временем в 3 часа 30 минут ночи начались переговоры, которые вели генерал Рузский и председатель Государственной думы Родзянко.

Лента переговоров сразу же передавалась в Ставку, и запись этих переговоров сохранилась.

Когда выяснилось, что верные государю георгиевские кавалеры не появятся в Петрограде, Владимир Михайлович Родзянко сразу осмелел и заявил, что ехать в Псков не собирается.

Генерал Рузский попытался выяснить причину и сообщил о возможности создания Министерства, ответственного перед верховной властью.

«Очевидно, что Его Величество и вы не отдаете себе отчёта в том, что здесь происходит, — надменно ответил Родзянко. — Настала одна из страшнейших революций, побороть которую будет не так легко. Манифест запоздал, ночью 2 марта я вынужден был сам назначить Временное правительство».

На вопрос Рузского о судьбе династии Родзянко ответил:

«Грозные требования отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становятся определенным требованием!»

Изоляция государя в Пскове...

Остановка войск, которые могли пресечь мятеж...

Заговорщики переступили рубеж, за которым измену уже нельзя списать ни на обстоятельства, ни на растерянность. Они сбросили маски и открыто играли теперь на опережение.

Ответственное Министерство заговорщикам было уже не нужно, теперь они требовали отречения государя.

Около 10 часов утра Николай Владимирович Рузский сообщил Николаю II о результатах переговоров с Владимиром Михайловичем Родзянко.

Император лично прочитал телеграфные ленты.

— Я считаю, Ваше Величество, — сказал Рузский, — что нужно идти на все уступки и сдаваться на милость победителя. Надо давать полную конституцию, иначе анархия будет расти, и Россия погибнет!

2

Близкие к императору люди замечали, что под влиянием гнева или каких-то сильных переживаний задумчивые серо-голубые глаза его выцветают, тускнеют, расширяются, становятся не-

подвижными. В такие минуты казалось, что, заглядывая в них, заглядываешь в ледяной, бесконечный холод вечности...

Ещё невольному свидетелю казалось в эти мгновения, что сам император ничего не чувствует, ничего не замечает.

Именно таким увидел государя 2 марта 1917 года вошедший без доклада в его вагон дворцовый комендант Владимир Николаевич Воейков.

— Неужели верно то, что Ваше Величество подписали отречение? — спросил он.

Вместо ответа император протянул пачку телеграмм.

«Прошу вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, отказаться от Престола в пользу Государя Наследника цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого исхода нет»...

Не дочитав телеграмму генерал-адъютанта Брусилова, Воейков перевернул её. Следующая телеграмма была от генерал-адъютанта Эверта: «Средств прекратить революцию в столицах нет никаких. Необходимо немедленное решение, которое могло бы привести к прекращению беспорядков и сохранению армии для борьбы против врага. При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество во имя спасения Родины и Династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии».

Телеграммы прислали командующие фронтами и флотами...

«Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам Главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, сформулированного председателем Государственной Думы. Если решение не будет принято в течение ближайших часов, то это повлечет катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей Родины. Вице-адмирал Непенин».

«Войну можно продолжать лишь при исполнении предъявленных требований относительно

отречения от Престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Генерал-адъютант Алексеев».

Тут же находилась телеграмма и от великого князя Николая Николаевича: «Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему. Осеня Себя крестным знаменем, передайте Ему – Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой, молю Бога подкрепить и наставить Вас. Генерал-адъютант Николай».

– Даже он! – проговорил Николай II, и впервые голос его дрогнул.

Отпустив Владимира Николаевича Воейкова, он пригласил к себе лейб-хирурга, профессора Сергея Петровича Фёдорова и попросил откровенно рассказать о состоянии здоровья наследника.

– Боюсь, что он проживёт лет до шестнадцати, не больше! – помявшись, ответил Фёдоров.

– До шестнадцати... – повторил Николай.

Потом он сказал, что хотел бы теперь пожить в России простым обывателем. Воспитывать сына...

– Едва ли малолетнему царю, Ваше Величество, разрешат остаться с отцом... – возразил Сергей Петрович.

– Да! – кивнул Николай II. – Наверное, вы правы...

Император произносил слова, которые запомнились его собеседникам, но они ничего не значили, потому что государь, разговаривая с ними, думал о другом.

Наверное, вспоминал он о Григории Ефимовиче Распутине, который один только и умел излечивать царевича Алексея от приступов страшной принесённой из Англии болезни. Наверное, думал о том, что Распутина два месяца назад убили подкупленные английской разведкой Феликс Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович, императрица писала тогда, что эти «юноши» собираются убить и её... А вся император-

ская семья, все великие князья встали горою на защиту подлых убийц...

Можно предположить, что в томительные часы, проведённые в псковском тупике, вспомнил Николай II, как шестнадцать лет назад ездил с императрицей Александрой Фёдоровной в Гатчинский дворец, где хранился пакет с пророчествами монаха Авеля, заточённого Екатериной II в Шлиссельбургской крепости...

Его пророческое предсказание «о судьбах державы Российской» и царской династии было вложено императором Павлом в конверт с наложением личной печати и собственноручной надписью.

Ещё утром, собираясь в Гатчину, царская чета относилась к предстоящей поездке как к праздничной прогулке, обещавшей доставить развлечение.

И вот, отслужив панихиду, вошли в небольшую залу, посередине которой на пьедестале стоял узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Вокруг ларца на четырёх столбиках, на кольцах, был протянут толстый красный шёлковый шнур, сам ларец был заперт на ключ и опечатан.

Николай II открыл ларец и вынул пакет...

«Вскрыть потомку нашему в столетний день моей кончины»... – было написано на нём рукою императора Павла, убитого на английские деньги великосветскими заговорщиками.

Весёлым вошёл император Николай II в Гатчинский дворец 11 марта 1901 года, а вышел удручённым.

Точного содержания предсказания никто так и не узнал, но после этой поездки Николай II стал поминать о 1918 годе как о роковом годе и для него лично, и для династии...

Конечно, это только наши предположения, о чём думал последний российский император в своём поезде, загнанном в псковский тупик.

Но ведь, с другой стороны, и не думать, не вспоминать об этом он не мог!

3

Часто приходится слышать адресуемый государю упрёк, дескать, если бы он был более решительным и смелым, он мог бы взять войска, сохранившие верность присяге, и разогнать смутьянов и бунтовщиков, как это сделали бы, к примеру, Наполеон или Николай I.

Нет, не мог! Императора загнали в ловушку, и никто, ни Наполеон, ни Николай I, не могли бы ничего сделать, оказавшись на его месте.

Сличая свидетельства участников мартовских событий, пробираясь сквозь пустоту умолчаний и нагромождения лжи, каждый раз приходишь к выводу, что императором Николаем II было сделано всё возможное и невозможное, чтобы спасти и страну, и династию, и самого себя.

Ложь, будто он был мягким и бездеятельным. И никакого бездействия не было со стороны Николая II. Он делал всё, чтобы спасти и страну, и династию. Приостановил заседания Думы, послал войска на усмирение волнений.

Но всё это ничего не давало. Приказы императора искажались и не выполнялись. В заговоре оказалось практически всё его окружение, всё руководство армией и государством.

Императора Николая II во второй половине февраля 1917 года можно было уподобить взрослому человеку, увидевшему детей, играющих со спичками возле бочек с порохом. И увещеваний эти до невменяемости расшалившиеся дети не слышат, и силой отбирать спички рискованно, дети грозятся зажечь их.

А те люди, которых он посылал, чтобы отобрать спички, сами начинали разводить костерки, требуя, чтобы он ушёл.

Конечно, это был заговор, конечно, это была измена, но это было ещё и помрачение.

Ведь человек, вступивший в заговор и задумавший измену, всегда предполагает получить выгоду от своего предательства. А какую выгоду от «преобладающего в стране влияния интеллигенции и равных прав евреев» мог получить великий князь Николай Николаевич? Или генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев?

Ну ладно, великий князь... Он не случайно заслужил прозвище Лукавый. Его честолюбие и жажда власти действительно не имели границ.

Но генералы!

Ведь все они – и Владислав Наполеонович Клембовский, и Николай Владимирович Рузский – считали себя – вот уж поразительная гибкость психики! – убеждёнными монархистами и, конечно же, только в полном помрачении могли делать то, что они делали.

Забегая вперёд, скажем, что эти генералы ненадолго переживут преданного ими императора.

Уже 25 марта 1917 года Николай Владимирович Рузский будет отставлен друзьями-заговорщиками с поста главнокомандующего фронтом и

уедет в Кисловодск, и 1 ноября 1918 года его выведут на Пятигорское кладбище, где председатель Северо-Кавказской ЧК товарищ Георгий Александрович Атарбеков (Атарбеян), как простому барану, перережет кинжалом генералу горло.

А за три недели до этого, 8 октября 1918 года, задохнётся в тифозном бреде другой борец за «преобладающее в стране влияние интеллигенции и равные права евреев», член масонской «Военной ложи» генерал от инфантерии Михаил Васильевич Алексеев...

Зато бывший начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии Владислав Наполеонович Клембовский, инструктировавший генерала Рузского, как ему следует поступить с государем в Пскове, переживёт их и умрёт в московской тюрьме только в 1921 году.

Но 2 марта 1917 года ни Николай Владимирович Рузский, ни Михаил Васильевич Алексеев, ни Владислав Наполеонович Клембовский ещё ничего не знали о судьбе, которую они выбрали для себя.

В этот страшный для России вечер заговорщики не скрывали своего торжества.

29

4

Ничего не происходит в мире вопреки воле Божией, и гибель романовской династии тоже должна иметь духовное объяснение.

В трёхсотлетней темноте корней династии и самозванец Гришка Отрепьев, **человек дома Романовых**, и патриарх Филарет, принявший в 1605 году из рук **своего** дворового человека митрополичий сан. Напомним, что после гибели Отрепьева митрополит Филарет сам участвовал в прославлении мощей подлинного царевича Дмитрия, но это не помешало ему через три года принять патриаршее достоинство из рук второго самозванца, еврея Богданко.

При внуке Филарета, царе Алексее Михайловиче, произошёл церковный раскол. Инициированные якобы политической целесообразностью – шло объединение России с Украиной – церковные Соборы второй половины XVII века унифицировали церковный обряд. Древний Студийский Устав, по которому жила все предыдущие века Русская православная церковь, был признан порождением невежества и объявлен не вполне православным. И косвенным, и самым прямым образом обвинения в «неполной» православности коснулись и всего Собора русских

святых, тоже живших якобы «не вполне православно».

Последствия тех церковных Соборов – а решения их были отменены только постановлением Собора 1971 года! – оказались катастрофическими для Святой Руси. Подобного вреда России не могло нанести никакое открытое чужеземное вторжение.

После расправы с соловецкими иноками Алексей Михайлович прожил шесть дней. Гонения на раскольников продолжил его сын Фёдор, который умер через две недели (он был вдвое моложе отца!) после сожжения пустозёрских узников. Начатую реформу пришлось завершать другому сыну Алексея Михайловича – Петру I.

Разумеется, Петру I и его преемникам удалось достигнуть грандиозных успехов в военном и государственном строительстве. Весь вопрос в цене, которой были оплачены эти успехи. Русским трудом и русской кровью воздвигалась могущественнейшая империя, чтобы основная часть населения, сами русские находились в рабстве в своей собственной стране.

И, конечно же, именно тогда и был нанесён сокрушительный удар по национальному самосознанию. Порабощение и унижение Русской православной церкви; жесточайшие расправы над всеми, кто выказывал малейшее уважение к русской старине; упорное преследование русской одежды; окончательное закрепощение русских крестьян – это тоже Пётр I. А в противовес – неумеренное, незаслуженное возвышение иноплемеников, хлынувших со всех сторон в Россию, обезьянье копирование заграничных манер и обычаев...

Всё это привело к тому, что в общественном сознании укрепилась мысль о предпочтительности всего иностранного, о бесконечной и дремучей отсталости всего русского. **Быть русским стало** не только не выгодно, но как бы и **не совсем культурно...**

Трудно назвать случайностью совпадение смертей Алексея Михайловича и Фёдора Алексеевича с казнями соловецких и пустозёрских староверов, произведённых этими царями...

Но череда совпадений тут не заканчивается.

Введение Единоверия, снявшего запрет на употребление старых обрядов (этого и добивались соловецкие иноки), совпадает по времени (правление императора Павла) с прекращением вахханалии дворцовых переворотов...

Понимали ли сами Романовы мистическую, роковую зависимость династии от преступле-

ний, совершённых против православия, Алексеем Михайловичем, Петром I и их преемниками? Несомненно...

Императору Павлу, его сыну Николаю I, его внукам и правнукам пришлось употребить воистину героические усилия, чтобы вернуть страну на естественный путь развития, чтобы неограниченное своевольное самодержавие Петра I и его преемников ввести в рамки монаршего служения Богу и народу. Однако исправить просчёты имперского проекта Павловичи-императоры, хотя все они и заплатили своими жизнями за это, не успели. И не могли успеть, потому что и сами, и всё ближайшее окружение, и дворянство, на которое они продолжали опираться, и были продуктами этих просчётов.

И кровью своей, и образованием, и привычками они были связаны с теми силами, которые мешали России вернуться на её русский путь...

Только последние русские императоры Александр III и Николай II сумели, кажется, понять, что исправление ошибок государственного устройства империи следует начинать с самого себя, чтобы снова, как во времена Святой Руси, совпадали пути спасения и устройства русским человеком своей души с путями спасения и устройства государства.

За это вместе с патриотическими движениями и был предан Николай II и «передовой», либеральной интеллигенцией, и аристократией, и высшим командованием армии, за это и предстояло ему принять мученическую кончину.

Кажется, единственному из Романовых-императоров, Николаю II, удалось подчинить свою личную жизнь нормам православной морали и (вот оно чудо!) единственному предстояло войти в сонм благоверных князей.

У истока династии, прошедшей путь от Ипатьевского монастыря до подвала дома Ипатьева в Екатеринбурге, стоял патриарх Филарет – отец царя Михаила Фёдоровича.

Внуком патриарха Филарета был изгнан патриарх Никон. Правнуком – отменено патриаршество вообще.

Николай II думал о восстановлении патриаршества, но – такова, видно, была Господня воля – совершится это должно было после окончательного уничтожения династии, родоначальник которой принял патриарший чин из рук самозванца.

Так и случилось...

Святителя Тихона избрали уже после отречения Романовых от престола.

Николай II не мог знать этого 2 марта 1917 года, подписывая отречение, но похоже, что он понимал всё, чему назначено случиться...

Да и не мог же Николай II не вспоминать в эти дни и о том, что династия Рюриков, более шестисот лет правившая Русью, завершилась убиением святого благоверного царевича Дмитрия...

Годуновы правили всего семь лет, но и их династия завершилась зверским убийством пятнадцатилетнего царя Фёдора II Борисовича Годунова, составившего первую карту русских земель.

А сами Романовы...

Ветвь царя Ивана Алексеевича, правившего вместе с Петром I, завершается убийством в Шлиссельбурге императора Иоанна Антоновича, всю свою жизнь с самого раннего младенчества безвинно просидевшего в тюрьмах...

5

Весь этот день в Пскове прошёл в ожидании делегации Думы – Александра Ивановича Тучкова и Василия Витальевича Шульгина – но они прибыли только в десятом часу вечера.

На Владимира Николаевича Воейкова, встречавшего гостей, делегаты произвели впечатление людей невымытых и небритых. Крахмальное бельё их было, словно бы специально, чтобы понравиться сопровождавшим их рабочим и солдатам, испачкано.

Находящаяся на станции публика начала кричать делегатам «ура!».

– Какая неуместная выходка! – возмущённо сказал Воейков, но комендант Пскова генерал-лейтенант Ушаков произнёс с самодовольной улыбкой:

– Нужно-с привыкать... Теперь другие времена настали-с.

Николай II принял делегатов в салоне.

Внимательно выслушал он доклад Александра Ивановича Гучкова о положении в столице.

Гучков, открыто ненавидевший Николая II и распространявший на гектографе в качестве агитационного материала попавшие в его руки через Илиодора письма Григорию Распутину от императрицы и великих княжон (письма были невинными, но сопровождалась гнусными ком-

ментариями), был послан в Псков, чтобы ещё сильнее унижить и оскорбить государя.

– Что же Дума считает сейчас желательным? – спросил император, когда сын совладельца торгового дома «Гучкова Ефима сыновья» и француженки, неторгующий купец и злобный дуэлянт, прозванный императором за неумеренные амбиции Юань Шикаем, замолчал.

– Отречение Вашего Императорского Величества от престола в пользу наследника цесаревича Алексея Николаевича! – дерзко ответил Гучков.

– Александр Иванович! – угодливо встрял тут в разговор Рузский. – Это уже сделано!

Однако Николай II словно и не услышал Рузского.

– Считаете ли вы, что своим отречением я внесу успокоение? – спросил он.

Получив утвердительный ответ, государь сказал:

– В три часа дня я принял решение отречься от престола в пользу моего сына, Алексея Николаевича, но теперь, подумав, пришёл к заключению, что я с ним расстаться не могу, и передаю престол брату моему – Михаилу Александровичу.

Эти слова императора прозвучали столь неожиданно, что Гучков растерялся.

Задумав революцию, заговорщики, как это было принято в России, хотели провести её тайно.

Если бы государь передал престол сыну, вроде бы никакой революции и не произошло бы. Всё бы оставалось на своих местах, только власть бы на время малолетства царевича перешла бы, конечно, в руки нужных людей. А далее понятно было, что царевич сейчас, когда наконец-то убит Распутин, долго не проживёт, и его естественная смерть освободит страну от монархии уже навсегда. Тихо и мирно... Никаких волнений, а ненавистное самодержавие будет ликвидировано. Так складно всё было продумано. И теперь Николай II, не зря Гучков так не любил его, путает всё.

– Но мы к этому вопросу не подготовлены! – воскликнул Гучков. – Разрешите нам подумать.

– Думайте! – сказал император и вышел из салона...

Через полчаса он передал депутатам текст телеграммы, которую следовало отправить в Ставку начальнику штаба генералу Алексееву:

«...В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственной думою признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть.

Не желая расставаться с любимым Сыном Нашим, Мы даем Наследие Наше брату Нашему великому Князю Михаилу Александровичу, благословляя его на вступление на Престол Государства Российского.

Заповедаем брату нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том нерушимую присягу горячо любимой Родине».

Ночью 3 марта царский поезд наконец-то выехал из тупика, куда загнали его по приказу генерала Рузского.

Николай II прошёл в кабинет и, усевшись за письменный стол, раскрыл свой дневник. Поезд уже набрал скорость, и вагон чуть пошатывало. В этом пошатывающемся вагоне и описал последний русский император события последнего дня царствования своего и всей династии Романовых...

«2 марта 1917 г. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 1/2 ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии, нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста.

Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого.

Кругом измена, и трусость, и обман!»

Удивительно точно перекликаются эти слова с молитвой святого праведного Иоанна Кронштадтского, составленной Всероссийским ба-

тюшкой вскоре после совершённого на него покушения: «Господи, спаси народ Русский, Церковь Православную, в России погибающую: всюду разврат, **всюду неверие, богохульство, безначалие!** Господи, спаси Самодержца и умудри его! Господи, все в Твоих руках, Ты – Вседержитель»...

Вот и в дневнике Николая II возникает это возносимое к Богу моление, но захлёбывается в тяжком воздухе всеобщего предательства и измены, ибо моление это государю можно вознести только тем мученическим подвигом, который ещё предстоит совершить ему.

Странное ощущение испытывает человек, взявшийся за чтение дневника последнего императора и обнаруживший, что в основном здесь записи о внутрисемейных событиях, а о делах государственных говорится вскользь, сухо, только записываются для памяти имена наиболее важных собеседников...

И лишь постепенно, иногда многие годы спустя, понимаешь, что государь и не мог вести свой дневник иначе. Ведь Николай II управлял страной не по собственному своеволию, а по Закону, так, как было необходимо, так, как и должен управлять настоящий государь!

Он в дневнике своём являет нам пример величайшего самообладания и собранности. При всём старании не обнаружить тут никакой рефлексии, ничего суетного, ничего недостойного высокого царского служения.

Он таким и был.

И даже во время отречения он оставался великим государем великой державы и вёл себя, как и должен вести государь. Кругом обнаружили измена, и трусость, и обман, но этим и ограничивалось возмущение, больше никакой рефлексии, почти никаких эмоций...

Путь царского поезда лежал через Двинск, назад в Могилёв.

Наступало 3 марта 1917 года. В этот день – «вплоть до Всероссийского учредительного собрания» – отрёкся от престола великий князь Михаил Романов.

«Миша отрёкся, – записал в дневнике Николай II. – Его манифест кончается четыреххвосткой для выборов через шесть месяцев Учредительного Собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»

Это, кажется, самое сильное выражение в дневнике императора.

Завершалось по глупости и своеволию великосветского общества правление династии Романовых в России, и впервые преданный государь не сумел справиться с эмоциями...

Николай Романов – так теперь звали бывшего государя! – не знал, что в этот день, 2 марта 1917 года, явилась в селе Коломенском под Московской икона Божией Матери «Державная».

Икону эту – Царица Небесная была изображена на ней как Царица земная – увидела во сне крестьянка Евдокия Андрианова. Она разыскала церковь, в которой никогда не бывала раньше, и рассказала настоятелю отцу Николаю о своём сне. Так и была обретена эта икона. Её нашли в подвале церкви, и была она совершенно чёрной, но, когда икону внесли в церковь и промыли от многолетней пыли, все увидели Царицу Небесную, в царской короне, Богоматерь держала в руках скипетр и державу, а Богомладенец благословлял народ...

Хладнокровие Николая II, проявленное им в дни отречения, так резко контрастирует с беснованием уличных митингов и думских совещаний, с помрачением штабов и министерств, что кажется, будто речь идёт о событиях, разделённых целыми эпохами.

Но так и было...

Император жил как бы в другом измерении, и проникнуть туда не помогали ни знатность, ни богатство, ни интриги.

И не слабость государя видится нам в его отречении, а вершина попыток исправить совершённые отцами династии ошибки и нравственное осуществление этого исправления.

Николай II подписал отречение не потому, что поддался на уговоры или испугался угроз. Просто стало ясно в эти дни, что с существующей правящей аристократией построить Русь, которую он воздвигал вместе с православным русским народом, не удастся.

Чтобы завершить работу, совершаемую по воле Божией, стране необходимо избавиться от аристократии, происходящей из созданного первыми Романовыми класса рабовладельцев, аристократии, которая и полвека спустя после отмены крепостного права продолжала оставаться по духу аристократией рабовладельческой империи.

Говорят, что в истории нет сослагательногоклонения...

Это, разумеется, верно, но верно только в узком смысле.

Если же историю рассматривать не только как цепь поступков и деяний, порождаемых своеволием и гордыней отдельных личностей, но попытаться прозреть духовный смысл её, то окажется, что вся история – это история вразумления народов, не желающих слышать и видеть то, что открывает им Господь; что это история неизбежного возвращения народов к тем ситуациям и проблемам, от решения которых эти народы малодушно уклонились.

И неважно, сколько прошло лет или столетий.

Завершая династию, основатели которой непосредственно участвовали в раздувании Смуты, династию, многим обременённую самозванцам, Николай II пошёл по пути страстотерпца Бориса. Командуя дружиной своего отца, равноапостольного князя Владимира, Борис, несмотря на очевидное превосходство в силе, отказался от войны за великокняжеский престол с братом Святополком, пожертвовал собою ради предотвращения разорительной для страны междоусобной войны.

Предательству аристократии, военачальников, министров и интеллигенции Николай II мог сейчас противопоставить только народ, призвав его защитить своего самодержца. Но даже если бы и услышан был его призыв? Чем, кроме моря крови, могла обернуться эта война?

Конечно, как справедливо отмечал Иван Александрович Ильин, Николай II, стремясь избежать гражданской войны, согласился на отречение, и в результате народ вёл гражданскую войну без государя и не за государя...

Понимал ли это последний русский император?

Как свидетельствуют записи в его дневнике и свидетельства близких, понимал.

Но ведь понимал он и то, что хотя жертва страстотерпцев Бориса и Глеба не предотвратила междоусобной войны на Руси, эта жертва предотвратила нечто большее, чем война, – Божий Гнев!

Николай II понимал, что его ждёт. И от этой страшной участи он не пытался скрыться.

Он только молился. И за Россию, и за свою семью, и за себя. Он очень хорошо знал, в чьи руки он отдаёт сейчас себя...

6

Надо сказать, что, в отличие от других деятелей революции, Александр Фёдорович Керенский своего членства в масонской ложе никогда

не скрывал: «Предложение о вступлении в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в IV Думу. После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией... Не велись никакие письменные отчёты, не составлялись списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества...

Основу нашего общества составляла местная ложа. Высший совет ордена имел право создавать специальные ложи помимо территориальных. Так, была ложа в Думе, другая – для писателей и так далее. При создании каждая ложа получала полную автономию... На ежегодных съездах делегаты от лож обсуждали проделанную работу и проводили выборы в Высший совет. На этих же съездах генеральный секретарь от имени Высшего совета представлял на рассмотрение делегатов доклад о достигнутых успехах с оценкой политического положения и программой действий на предстоящий год. Порой на съездах между членами одной и той же партии происходили острые столкновения мнений по таким жизненно важным проблемам, как национальный вопрос, формирование правительства, аграрная реформа. Но мы никогда не допускали, чтобы эти разногласия наносили ущерб нашей солидарности.

Такой внепартийный подход позволил достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых – создание программы будущей демократии в России, которая в значительной степени была воплощена в жизнь Временным правительством. Бытует миф, который всячески распространяли противники Временного правительства, о том, будто некая мистическая тройка масонов (имеются в виду А. Ф. Керенский, Н. В. Некрасов и М. И. Терещенко. – Н. К.) навязала правительству, вопреки общественному мнению, свою программу. В действительности же положение в России и насущные нужды нашей страны обсуждались на съездах масонов людьми, которые вовсе не пытались навязать друг другу свои политические программы, а руководились лишь своей совестью в стремлении найти наилучшие решения. Мы ощущали пульс национальной (какой нации? – Н. К.) жизни и всегда стремились вопло-

тить в нашей работе чаяния народа (какого народа? – Н. К.)»¹².

В 1913 году сразу же после вступления в масонскую ложу Керенскому было предложено первое испытание.

В Киевском окружном суде рассматривалось тогда дело о ритуальном убийстве евреем хасидом Менделем Бейлисом ученика Киево-Софийского духовного училища Андрюши Ющинского. Все силы прогрессивно-либеральной общественности были брошены на оправдание Менделя Бейлиса, и Александр Фёдорович Керенский, нарушая мыслимые и немыслимые нравственные и юридические нормы и правила, сумел провести на коллегии адвокатов Санкт-Петербурга резолюцию, которая гласила: «Пленарное заседание членов коллегии адвокатов Санкт-Петербурга считает своим профессиональным и гражданским долгом поднять голос протеста против нарушений основ правосудия, выразившихся в фабрикации процесса Бейлиса, против клеветнических нападок на еврейский народ, проводимых в рамках правопорядка и вызывающих осуждение всего цивилизованного общества, а так же против возложения на суд чуждых ему задач, а именно сеять семена расовой ненависти и межнациональной вражды. Такое грубое попрание основ человеческого сообщества унижает и бесчестит Россию в глазах всего мира. И мы поднимаем наш голос в защиту чести и достоинства России».

Вердикт присяжных, вынесенный спустя пять дней после публикации этого демагогического заявления, гласил, что суду удалось доказать ритуальный характер убийства.

«12-го марта 1911 года в Киеве, на Лукьяновке, по Верхне-Юрковской улице, в одном из помещений кирпичного завода, принадлежащего еврейской хирургической больнице и находящегося в заведывании купца Марка Иоанова Зайцева, тринадцатилетнему мальчику Андрею Ющинскому при зажатом рте были нанесены колющим орудием... раны... а затем, когда у Ющинского вытекла кровь в количестве 5-ти стаканов, ему вновь были причинены таким же орудием раны в туловище... каковы... вызвав мучительные страдания у Ющинского, повлекли за собой почти полное обезкровление тела и смерть его».

¹² Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары: пер. с англ. – М.: Республика, 1993. С. 62–63.

Но вот по второму вопросу: виновен ли в совершении этого преступления Менахиль Мендель Тевиев Бейлис, мнения разделились. Шестеро присяжных признали виновность Бейлиса, шестеро не были убеждены в ней, и в результате Бейлис оказался признанным невиновным.

Насколько подорвало решительность шести присяжных заявление петербургских адвокатов, судить трудно, но карьера Александра Фёдоровича Керенского после этого сразу круто пошла вверх. Тогда-то и взошла на общественно-политическом небосклоне России его звезда.

И вот теперь Керенскому предстояло выдержать следующий экзамен.

Надо было по-масонски, то бишь по «своей совести», расправиться с Николаем II и его семьёй... Отметим, что у Александра Фёдоровича с царской семьёй были свои счёты. 14 февраля 1917 года в своей речи в стенах Государственной думы А. Ф. Керенский открыто призвал не только свергнуть монархию, но и при необходимости физически устранить правящую династию.

За всю историю парламентской монархии в России никто ещё не позволял себе заявлять такое по отношению к правящей династии с думской трибуны, и императрица Александра Фёдоровна, со свойственной ей прямоотой, пообещала повесить Керенского на самом высоком суку в царскосельском парке.

7

Сейчас написано великое множество работ, посвящённых трагедии царской семьи, но по-прежнему основной акцент переносится на екатеринбургский финал. И упускается при этом, что сама трагедия началась уже в первых числах марта 1917 года, как-то смазывается и ускользает та очевидная мысль, что без хлопот Александра Фёдоровича Керенского не было бы и екатеринбургского ужаса.

Как известно, 4 марта генерал М. В. Алексеев связался из Ставки по прямой линии с князем Георгием Евгеньевичем Львовым – А. Ф. Керенский сам пишет об этом в мемуарах «Россия на историческом повороте» – и сообщил, что Николай II передал ему листок бумаги с текстом своего послания. Во-первых, в нём была изложена просьба: разрешить ему и его свите беспрепятственный проезд в Царское Село для воссоединения с больными членами семьи. Во-вторых, бывший император просил гарантировать безо-

пасность временного пребывания в Царском Селе вплоть до выздоровления детей, а в-третьих, гарантировать беспрепятственный переезд в Романов (Мурманск). Четвёртая просьба касалась разрешения вернуться после войны в Россию и поселиться в Крымской Ливадии для постоянного проживания, но её по телефону генерал Алексеев озвучивать не стал.

Как писал сам Керенский, «документ этот открывал дорогу к разрешению нашей проблемы». Но так он писал в мемуарах, изданных в Лондоне много лет спустя, а в 1917 году им было сделано всё, чтобы не допустить мирного разрешения «проблемы».

В тот же день, когда бывший император обратился к князю Львову с письмом, отдававшим «Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства»¹³, была учреждена Верховная чрезвычайная следственная комиссия, которая должна была обследовать также и деятельность Николая II и Александры Фёдоровны на предмет вреда, нанесённого интересам страны. Ну, а для того, чтобы комиссия могла успешно выполнить свои обязанности, Керенский потребовал принять к императорской семье меры пресечения.

35

7 марта Николай II и Александра Фёдоровна были лишены свободы, и царская семья оказалась полностью в руках главного борца за права евреев.

И ведь как вовремя ухватил Александр Фёдорович царскую чету!

6 марта Павел Николаевич Милюков встречался с послом Великобритании сэром Джоржем Бьюкененом, чтобы выяснить позицию британского правительства, и 10 марта Бьюкенен сообщил, что британское правительство положительно относится к идее переезда царской семьи в Англию.

Но теперь – следствие началось! – с переездом в Англию следовало погодить.

А там (хотя в ходе работы Комиссией был собран огромный материал, но никаких противозаконных действий со стороны Николая II и Александры Фёдоровны, как, впрочем, и других высших должностных лиц империи, обнаружить не удалось!) 10 апреля 1917 года король Георг V (кстати, он был двоюродным братом Николая II) дал указание своему секретарю лорду Станфордхэму предложить премьер-министру,

¹³ Из протокола допроса А. Ф. Керенского судебным следователем по особо важным делам при Омском окружном суде Н. А. Соколовым в Париже 14–20 августа 1920 года.

«учитывая очевидное негативное отношение общественности, информировать русское правительство о том, что правительство Его Величества вынуждено взять обратно данное им ранее согласие».

Без хлопот астральных медведей¹⁴ тут явно не обошлось, и мы так уверенно говорим о масонской составляющей этого решения, потому что Николай II, будучи полковником Русской армии, носил ещё чин английского фельдмаршала и за три года войны сделал очень много для успеха союзнических войск. Достаточно было нескольких статей в газетах, чтобы простые англичане с цветами встретили его в Лондоне.

Но другое дело – «общественность».

Против «общественности» не попрёшь! Хотя, наверное, и поглавнее, чем в «Малой медведице», имелись в Лондоне масоны, но хозяева-то у тех и других были одни, и неужто надо было тратить деньги на убийство Григория Ефимовича Распутина, чтобы теперь спасать российского императора?

Кто-кто, а Александр Фёдорович Керенский это понимал...

Забегая вперёд, скажем, что и авторство плана отправить царскую семью в Сибирь тоже целиком принадлежит Александру Фёдоровичу Керенскому.

– Было решено изыскать для переселения Царской Семьи какое-либо другое место, и всё разрешение этого вопроса целиком было поручено мне, – объяснял А. Ф. Керенский на допросе у Н. А. Соколова в Париже. – Я стал выяснять эту возможность. Предполагал я увезти их куда-нибудь в центр России, останавливаясь на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это. Просто немыслим был сам факт перевоза Царя в эти места через рабоче-крестьянскую Россию. Немыслимо было увезти Их и на юг. Там уже проживали некоторые из Великих Князей и Мария Фёдоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов я остановился на Тобольске. Отдалённость Тобольска и его особое географическое положение, ввиду его удалённости от центра, не позволяло думать, что там возможны будут какие-либо стихийные эксцессы. Я, кроме того, знал, что там удобный губернаторский дом. На нём я и остановился...

Эти показания Керенского относятся к 1920 году, когда многие эмигранты позабыли уже, что это они и предали государя, и начинали вновь ощущать себя монархистами. При таком настроении общественности суровая масонская правда 1917 года становилась опасной для здоровья, вот и приходилось Александру Фёдоровичу выкручиваться.

Но выкрутиться не удавалось...

Как-то очень дико звучали слова Керенского насчёт удобного дома в Тобольске. Уж чего-чего, а подходящий дом – война пока никак не задела российские земли – можно было найти и в других русских городах.

Еще нелепее звучали объяснения насчёт безопасности пути...

«Я не могу понять, почему везти Царя из Царского куда-либо, кроме Тобольска, означало везти его через рабоче-крестьянскую Россию, – резонно заметил по этому поводу следователь Н. А. Соколов, – а в Тобольск – не через рабоче-крестьянскую Россию»¹⁵.

Это, действительно, понять невозможно, но можно понять, почему говорил так Александр Фёдорович. Увозили царскую семью в самую российскую глубь, во-первых, конечно же, для того, чтобы им невозможно было выбраться оттуда, а во-вторых, для того, чтобы не нести никакой ответственности, если и случится там с ними что-то нехорошее. Ну, понятно, что наказали бы кого-нибудь из охраны, но с непосредственных министров Временного правительства какой спрос? Как доглядишь, как примешь спасительные меры, если такая даль отделяет Тобольск от Петрограда?!

Были, конечно, и другие причины, чтобы выбрать Тобольск, но об этом мы ещё поговорим, а пока вернёмся в Царское Село.

8

«В первый раз я посетил Царское через несколько дней после доставления туда Царя. Это было в конце первой половины марта месяца, пожалуй, 10-12 числа. Я видел тогда Царя, Александру Фёдоровну и Детей, познакомился с ними. Я был принят в одной из комнат детской половины, – рассказал Керенский на допросе, а потом, день спустя, снова вернулся к сладким для него воспоминаниям: – Я вхожу впервые к ним. Вдали стоит, сбившись в кучу, как бы испу-

¹⁴ Ложа «Малая медведица» осуществляла общее руководство и контроль за действиями масонов в России.

¹⁵ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. СПб.: Сирин, 1990. С. 38.

ганная Семья. Ко мне идет нерешительно как-то робко полковник. Скрамная фигура, какая-то неловкая, одетая как будто бы в костюм с чужого плеча. Мы сошлись. Было смущение. Он не знал, подавать ли мне руку, подам ли руку я. Я протянул ему руку и назвал: «Керенский». Он сразу вышел из неловкого положения, заулыбался приветливо, повел к Семье. Там рядом с Ним стояла передо мной женщина, в которой сразу же чувствовался человек с колоссальным честолюбием, колоссальной волей, очень упрямый, совершенно Его подавлявший своим волевым аппаратом».

И хотя, как мы уже говорили, Александру Фёдоровичу Керенскому приходилось скрывать свои подлинные поступки и побуждения, но то ли по столь свойственной ему актёрской горячности, то ли по какой-то особой масонской простоватости он то и дело раскрывался, рассказывая, как издевался над своими венценосными узниками.

«После обычных слов знакомства, я спросил Их, не имеют ли Они сделать мне, как представителю власти, каких-либо заявлений, передал Им приветствие от английской королевской семьи и сказал несколько общих фраз успокоительного характера. В это же свидание я осмотрел помещение дворца, проверил караулы, **дал некоторые указания руководящего характера.**

Вторично я был в Царском вместе с полковником Коровиченко, которым я заменил коменданта дворца, кажется, Коцебу.

Согласно воле Временного правительства, я выработал инструкцию, которая устанавливала самый режим в Царском, и передал её для руководства Коровиченко. **Инструкция, установленная мною**, не касаясь подробностей, вводила:

- а) полную изоляцию Царской Семьи и всех, кто пожелал остаться с Нею, от внешнего мира;
- б) полное запрещение свиданий со всеми заключёнными **без моего согласия**;
- в) цензуру переписки.

Установлена была двойная охрана и наблюдение: внешняя, принадлежавшая начальнику гарнизона полковнику Кобылинскому, и внутренняя, лежавшая на полковнике Коровиченко. Коровиченко, как **лицо, назначенное мною**, который был уполномочен Временным правительством, являлся уполномоченным от меня. Ему там в мое отсутствие принадлежала полнота власти.

Вводя указанный режим, я установил в то же время как руководящее начало полное невмешательство во внутренний уклад жизни Семьи. Они в этом отношении были совершенно свободны.

Я заявляю, что с того момента, когда **Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства**, я считал себя по долгу чести обязанным перед Временным правительством оградить неприкосновенность Семьи и гарантировать Ей проявление в обращении с Нею **черт джентльменства**».

Государь отдал Себя и Свою Семью под покровительство Временного правительства...

Так Керенский называет арест императора и императрицы.

Ну и насчёт «джентльменства» тоже надо сказать. Николай II виделся «джентльмену» Керенскому человеком скрытным, ограниченным, неинтеллигентным, поражающим полным равнодушием ко всему внешнему, претворившемуся в какой-то болезненный автоматизм.

«Когда я взгляделся больше в Его лицо, то оно мне стало казаться маской. Из-за этой улыбки, из-за этих чарующих глаз выглядело что-то мертвящее, безнадежное, какое-то последнее одиночество, последняя опустошенность».

«А рядом, — это Керенский уже об Александре Фёдоровне говорит, — мучилась, страдала без власти, не могла оторваться от вчерашнего дня, не могла примириться с многим больная, истеричная, такая вся земная, сильная и гордая женщина. Она подавляла всех кругом своим томлением, тоской, ненавистью, непримиримостью. Такие, как она, никогда ничего не забывают, никогда ничего не прощают».

Такими раздавленными, ничтожными и видел, а вернее, хотел видеть Керенский своих пленников, это наполняло его собственным джентльменским величием, и он старался передать своё джентельменство и охране.

«Встав в позу, я обратился к ним с напутственной речью, в которой между прочим сказал: «Помните, солдаты, **лежащего** не бьют».

Скоро все «черты джентльменства» были проявлены Александром Фёдоровичем по отношению к **лежащим** узникам не только на словах:

«Кроме этой меры, была принята ещё вторая мера: лишение на некоторое время общения Николая II и Александры Фёдоровны, разделение

их. **Эта мера была принята лично мною, по моей инициативе**, после одного из докладов, сделанного мне по их делу следственной комиссией. Имелся в виду возможный допрос их комиссией. В целях беспристрастного расследования я признал необходимым произвести это отделение. Николаю II об этом я объявил сам лично. Александре Фёдоровне объявлено было об этой мере Коровиченко по моему приказанию. Наблюдение за выполнением этой меры было поручено Коровиченко, причем о ней были предупреждены и другие лица, жившие с ними в Царском... Такой порядок был установлен мною, кажется, в первых числах июня и существовал, приблизительно, с месяца».

Конечно, можно говорить, что Александр Фёдорович не избивал своих узников, не морил их голодом... **Принимаемые им** по отношению к августейшим пленникам **меры** почти никак физически не ущемляли их, они только заставляли постоянно, ежеминутно ощущать его, Керенского, власть над ними.

Сам Керенский упивался своим могуществом, ну, а как чувствовали себя люди, которые всего несколько недель назад правили гигантской империей, Керенского по свойственному ему «джентльменству» интересовало только, так сказать, с познавательной стороны.

«Всмотревшись в эту живую маску, — рассказывал он на допросе у Н. А. Соколова, — понял я, почему так легко выпала власть из его рук: он не хотел бороться за нее. В нем не было воли к власти. Он без всякой драмы в душе ушел в частную жизнь.

«Как я рад, — говорил Николай II старухе Нарышкиной, — что больше не надо подписывать этих скучных, противных бумаг. Буду читать, гулять, буду с детьми». Эти слова не были рисовкой со стороны Николая II, ибо действительно в заключении Николай был большей частью в благодушном настроении, во всяком случае спокоен. Тяжелое бремя власти свалилось с плеч, и стало свободнее, легче. Вот и все».

Только иронии достойно объяснение Александра Фёдоровича, почему **так легко** выпала власть из рук императора Николая II. Из рук самого Александра Фёдоровича, как известно, власть выпадет ещё легче...

А вот насчёт **воли к власти** интереснее.

Керенский, которого его родная масонская организация, словно ради забавы, обвесила таким множеством высших государственных должностей, относится к власти, как к работе в адвокатской конторе: навёл справки, разобрался, договорился, объяснил, уговорил, произнёс блистательную речь — и можно идти получать заслуженный гонорар!

Керенский даже не понимал, что для Николая II власть была не должностью, а тяжким царским служением, и скинуть его с себя он не мог, поскольку и лишённый власти, он оставался и Царём, и Государем.

Впрочем, хотя Александр Фёдорович, конечно, и не понимал этого, но всё-таки некая адвокатская проницательность присутствовала в нём, и он отмечал нечто прорывающееся в Николае II сквозь «благодушное настроение».

«Он, действительно, мог быть и был мистиком, — доверительно рассказывал А. Ф. Керенский Н. А. Соколову в Париже. — Он искал общения с небом, так как на земле все ему опостылело, было безразлично».

Тут, сам того не понимая, Александр Фёдорович попадал почти в точку. Общения с небом Николай II искал. Вернее, и так-то подтянутый и собранный, он ещё более духовно сосредотачивается в эти месяцы, предчувствуя, какие испытания предстоят ему.

«21-го марта. Сегодня днём внезапно приехал Керенский, нынешний министр юстиции, прошёл через все комнаты, пожелал нас видеть, поговорил со мною минут пять, представил нового коменданта дворца и затем вышел. Он приказал арестовать бедную Аню и увезти её в город вместе с Лили Ден. Это случилось между 3 и 4 часами, пока я гулял. Погода была отвратительная и соответствовала нашему настроению!

25-го марта. Благовещение. В небывалых условиях провели этот праздник — арестованные в своём доме и без малейшей возможности сообщаться с мамá и со своими! В 11 часов пошёл к обедне с Ольгой и Татьяной. После завтрака гулял и работал с ними на островке. Погода была серая. В 6½ были у всенощной и вернулись с вербами. Анастасия встала и ходила наверху по комнатам.

27-го марта. Начали говеть, но, для начала, не к радости началось это говение. **После обедни прибыл Керенский и просил ограничить наши встречи временем еды и с детьми си-**

деть раздельно; будто бы ему это нужно для того, чтобы держать в спокойствии знаменитый Совет Рабочих и Солдатских Депутатов! Пришлось подчиниться, во избежание какого-нибудь насилия»...

Мы приводим эти выдержки из дневника Николая II, чтобы снова поразиться величайшему самообладанию, пример которому явлен здесь. Ведь, казалось бы, тут **так** легко возмутиться, поскольку возмущает буквально всё, и **меры**, связанные с изоляцией императрицы, и нелепые запреты, и мучительное неведение о судьбе и своей собственной, и своей семьи.

Но государь не один.

Его жизнь-подвиг проходила на глазах у детей. Он находился рядом с ними! И хотя он был лишён государственной власти, но семейной ответственности никто не лишал его. Он остаётся в глазах детей государем и не имеет права показать им слабость и малодушие. Он обязан сохранять свой отцовский и императорский авторитет перед детьми ещё и потому, что ему – Николай II уже чувствует это – предстоит провести по мученическому пути всю свою семью.

Дети тоже чувствовали это и так и вели себя, поддерживая своим поведением отца.

«31-го марта. Хороший солнечный день. Погулял с Татьяной до 11 часов. В 2 часа был вынос плащаницы. Гулял и работал у паромы. В 6½ пошли к службе. Вечером исповедовались у о. Беляева».

Царевич Алексей болел в тот день, на службе сидел в креслах, одетый в голубой халатик, обшитый по краям узорчатой тесьмой...

«Как шла исповедь, говорить не буду... – записал тогда в дневнике настоятель Феодоровского собора Афанасий Беляев. – Впечатление получилось такое: Дай, Господь, чтобы и все дети нравственно были так высоки, как дети бывшего царя. Такое незлобие, смирение, покорность родительской воле, преданность безусловная воле Божией, чистота в помышлениях и полное незнание земной грязи – страстной и греховной, меня привело в изумление, и я решительно недоумевал: нужно ли напоминать мне как духовнику о грехах, может быть, им неведомым, и как расположить к раскаянию в неизвестных для них грехах...»

Обид на притеснения охраны Николай II в своих дневниковых записях не высказывает. Вернее, не позволяет себе высказывать.

Только 8 июня, когда солдаты отберут детскую винтовку Алексея, которой тот играл на острове, Николай II возмущённо запишет: «Хороши офицеры, которые не осмелились отказать нижним чинам».

И снова страницы дневника заполняют прогулки, тихие летние вечера, катание на лодке, работа в парке.

В мае, когда потеплело, начал работать в огороде, занимался с Алексеем географией, историей, катался на лодке и велосипеде, по вечерам читал детям вслух книги на английском и французском языках. 25 мая начал читать вслух «Графа Монте-Кристо».

Чтение романа затянулось на целый месяц.

Счастливые семейные вечера в гостиной царскосельского дворца...

И никто из внимавших рассказу о приключениях заточённого на острове графа не знал, что уже скоро им всем предстоит отправиться в долгий и страшный путь.

Никто не знал, что всем им остаётся жить ровно один год...

«26-го июня. День стоял великолепный. Наш хороший комендант полковник Кобылинский попросил меня не давать руки офицерам при посторонних и не здороваться со стрелками. До этого было несколько случаев, что они не отвечали. Занимался с Алексеем географией. Спилили громадную ель недалеко от решётки за оранжереями. Стрелки сами пожелали помочь нам в работе. Вечером окончил чтение «Le Comte de Monte-Christo».

28-го июня. Вчера был взят нами Галич и 3000 пленных и около 30 орудий. Слава Богу! Погода стояла серая и тёплая, с ветром. После прогулки имел урок истории с Алексеем. Работали там же; спилили три ели. От чая до обеда читал.

11-го июля. Утром погулял с Алексеем. По возвращении к себе узнал о приезде Керенского. В разговоре он упомянул о вероятном отъезде нашем на юг, ввиду близости Царского Села к беспокойной столице.

12-го июля. День был ветреный и холодный – 10° только. Погулял со всеми дочерьми. Днём работали там же. Распилили четыре дерева. Все мы думали и говорили о предстоящей поездке; странным кажется отъезд отсюда после 4-месячного затворничества!

13-го июля. За последние дни нехорошие сведения идут с юго-западного фронта. После

нашего наступления у Галича многие части, насквозь зараженные подлым пораженческим учением, не только отказались идти вперед, но в некоторых местах отошли в тыл даже не под давлением противника. Пользуясь этим благоприятным для себя обстоятельством, германцы и австрийцы даже небольшими силами произвели прорыв в южной Галиции, что может заставить весь юго-западный фронт отойти на восток.

Просто позор и отчаяние! Сегодня, наконец, объявление Временным Правительством, что на театре военных действий вводится смертная казнь против лиц, избалованных в государственной измене. Лишь бы принятие этой меры не явилось запоздалым.

День простоял серый, тёплый. Работали там же по сторонам просеки. Срубили три и распилили два поваленных дерева. Потихоньку начинаю прибирать вещи и книги».

Что ещё удивляет в этом дневнике?

Железная самодисциплина, предельная строгость к себе, мужество и бесстрашие производили удивительные вещи.

В дневниках нет ни рефлексии, ни каких-либо сожалений.

Николай II живёт каждый день, как и положено жить христианину, готовым, что этот день будет последним для него. Разумеется, он не думал об этом, вернее не позволял себе думать. Каждый день встречал он с радостью и жил этот день с тем предельным наслаждением, которое не омрачается никакими пустыми и несущественными хлопотами о суетных проблемах...

«28-го июля. Чудесный день; погуляли с удовольствием. После завтрака узнали от гр. Бенкендорфа, что нас отправляют не в Крым, а в один из дальних губернских городов в трёх или четырёх днях пути на восток! Но куда именно, не говорят, даже комендант не знает. А мы-то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии! Срубили и свалили огромную ель на просеке у дорожки. Прошёл короткий тёплый дождь...»

9

Нынешних исследователей не устраивают лживые и увёртливые разъяснения А. Ф. Керенского по поводу выбора Тобольска, и многие из них склоняются к мысли, что первый русский город в Сибири был выбран Временным прави-

тельством в силу своей, так сказать, каторжной отменности. Три с лишним века шли в Сибирь через Тобольск ссыльные и каторжники.

И хотя всю глубину астрально-медвежьего замысла о судьбе царской семьи это объяснение, разумеется, не исчерпывает, однако, несомненно, что оно ближе к истине, чем невнятное бормотание Александра Фёдоровича Керенского.

Говорят, что страна потеряла в его лице великого актёра.

Мы бы добавили, что и великого режиссёра тоже.

Когда то ли в «Малой медведице», то ли в более вышестоящем органе решение о высылке царской семьи в Тобольск было утверждено, Александр Фёдорович, позабыв про все государственные дела, сразу же взялся за эту постановку.

«31-го июля. Последний день нашего пребывания в Царском Селе, — записал тогда в дневнике Николай II. — Погода стояла чудная. Днём работали на том же месте; срубили три дерева и распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, который всё время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что Миша скоро явится. Действительно, около 10½ милый Миша вошёл в сопровождении Керенского и караульного начальника. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при посторонних было неудобно»...

Ну, конечно, неудобно! Но так это и было задумано Александром Фёдоровичем!!!

«Я присутствовал при последнем свидании Государя с Михаилом Александровичем в ночь отъезда из Царского, — вспоминал он. — Встреча братьев состоялась около полуночи в кабинете царя. Оба казались очень взволнованными. Тягостные воспоминания о недавнем прошлом, видимо, удручали обоих. Довольно долго они молчали, а затем возник какой-то случайный, мало-значущий разговор, столь обычный для такого рода кратких встреч. «Как Алиса?» — спросил Великий князь. Они стояли друг перед другом, не в силах сосредоточиться на чем-либо, время от времени хватаясь за руку другого или за пуговицу мундира».

Мизансцена замечательна и по выбору, и по расстановке фигур...

В одном помещении, на одной сценической площадке сошлись и бывший император Нико-

лай II, и его брат, который мог бы стать императором Михаилом II, и, конечно, сам Александр Фёдорович, ставший в результате главой России, человеком, которого почитатели называли Александром IV.

Так сказать, вот она, сама история...
И какое точное исполнение.

Братья-императоры «не в силах сосредоточиться на чем-либо», время от времени бестолково хватают друг друга за руки или за пуговицы мундира, а он, Керенский, благородно отошёл в сторону к окну и задумчиво смотрит на тёмный сад, размышляя о судьбе России...

Воистину, мизансцена – это язык **режиссёра**, действительно, это средство наиболее полного раскрытия образного содержания и способ достижения художественного впечатления...

– Могу ли я видеть детей? – несколько нарушая режиссёрский замысел, обратился к Керенскому Великий князь.

– К сожалению, я вынужден вам отказать, – хладнокровно ответил Керенский. – Не в моей власти продлить долее вашу встречу.

Учитывая, что несколько дней назад А. Ф. Керенский сменил князя Георгия Евгеньевича Львова на посту министра-председателя, сохранив при этом пост военного и морского министра, ответ его предполагал какие-то ответные реплики со стороны братьев Романовых, но они не стали ни упрашивать Александра Фёдоровича, ни негодовать.

«Они начали прощаться, – завершая описание этой мизансцены, напишет Керенский. – Кто мог подумать, что это была их последняя встреча».

Незадолго до этого у Александра Фёдоровича состоялся разговор с самим Николаем II.

«После определения даты отъезда я объяснил Николаю II создавшееся положение и сказал, чтобы он готовился к длительному путешествию. Я ему не сообщил, куда ему предстоит ехать, и лишь посоветовал, чтобы он и его семья взяли с собой как можно больше теплой одежды. Николай II выслушал меня очень внимательно, и, когда я сказал, что все эти меры принимаются ради блага его семьи, и просто постарался приободрить его, он посмотрел мне в глаза и произнес: «Я ни в малейшей степени не обеспокоен. Мы верим вам. Если вы говорите, что это необходимо, значит так оно и есть». И повторил: «Мы верим вам».

Сам Керенский привёл этот разговор как свидетельство доверительности своих отношений с императором. В его пересказе Николай II, которого он отправляет вместе с семьей на смерть, как бы и заискивает перед ним. Но это его, Керенского, пересказ.

Тут вообще не о доверительности со стороны государя идёт речь и тем более не о заискивании, а о гораздо большем.

Слова Николая II звучат, как отзвук евангельских слов Спасителя, обращённых к Иуде: «Тогда Иисус сказал ему: что делаешь, делай скорее. Но никто из возлежащих не понял, к чему Он это сказал ему. А как у Иуды был ящик, то некоторые думали, что Иисус говорит ему: «купи, что нам нужно к празднику», или чтобы дал что-нибудь нищим».

Было 5 часов утра 14 августа, когда подали поезд.

Поезд бывшего царя – ещё одна находка режиссёра Керенского! – шёл под японским флагом. На спальном вагоне, где четыре купе занимала семья, красовалась надпись: «Японская миссия Красного Креста».

Напомнить бывшему императору проигранную им Русско-японскую войну – это Александр Фёдорович неплохо придумал. Из-за этого и управление Россией можно было отложить почти на целые сутки.

Но и тут Керенский не покинул узников, обеспечивая своё «джентльменское» сопровождение до конца. Поезд подали не к перрону, а на переезд, на «пятый запасной путь», где подъём на ступеньки вагона был затруднён.

Первой в вагон по указанию Керенского отправили императрицу.

Александра Фёдоровна – никто не помогал ей! – с трудом влезла на неудобную подножку вагона и всей тяжестью тела повалилась на площадку, в тамбуре.

Вот тут-то Керенский, словно только и ждал этого, подскочил к упавшей женщине, помог ей подняться и повёл в купе.

Там он поцеловал императрицу руку и сказал:

– До свиданья, Ваше Величество! Как видите, я предпочитаю придерживаться в обращении с вами старого титула.

Но увы, увы...

Александра Фёдоровна вообще с трудом улавливала тонкости русского языка, а сейчас, когда она так унижительно упала животом на пол

в грязном тамбуре, она и вообще не понимала, о чём говорит человек, которого ей так хотелось повесить на дереве в царскосельском парке.

Керенский, видимо, понял, что его тонкая ирония не доходит до этой грубой женщины, и поспешил выйти из купе.

Он сделал здесь, кажется, всё, что было поручено.

Пора было братья теперь за Россию.

Наконец поезд тронулся в путь.

«Красив был восход солнца, при котором мы тронулись в путь на Петроград и по соединительной ветке вышли на Северную железнодорожную линию», — записал Николай II в дневнике.

Стучали колёса. Оставив в стороне Шлиссельбург, поезд шёл к городу, которому назначено было стать голгофой царской семьи.

Глава девятая

ЕКАТЕРИНБУРГСКИЙ РАССТРЕЛ

К именам двух императоров из династии Романовых делают приставку «Великий». Это Пётр I и Екатерина II.

Пётр I основал Санкт-Петербург и назвал его в честь своего небесного покровителя.

В честь Екатерины II назван Екатеринбург.

И так получилось, что в царствование Екатерины II в Ропше под Санкт-Петербургом был убит император Пётр III, оказалась обрублена петровская линия династии Романовых, а в Шлиссельбурге, где убили Иоанна Антоновича, иоанновская...

Теперь пришло время для расправы над династией Павловичей, исходящей непосредственно от Екатерины II, и произойти это должно было под Екатеринбургом...

1

Считается, что первые полтора месяца тобольского заключения были лучшими для царской семьи. Слово «лучшие» залетело в этот текст из двадцатых годов, когда, зная о екатеринбургской трагедии, с нею и сравнивали тобольские месяцы.

Но если день за днём проследить скорбный путь, перехватывает дыхание от тех неисчислимых страданий, которые пришлось перенести государю и всей семье и в самом Тобольске, и на пути к нему.

Скорбен был этот путь.

Николая II отправили в ссылку не потому, что он совершил какое-то государственное преступление, а потому что был помазанником Божиим, это в глазах Временного правительства или масонской ложи, в которой состояли члены его, и было самым тягчайшим преступлением. И не только сам император оказывался виновным тут, но и его жена, и его дети. Все они должны были отвечать неведомо перед кем.

И угнетали не только тяготы дороги, не только строгий и унижительный присмотр — угнетала неизвестность.

Легко вообразить, что чувствовал государь, когда, забывая, что это не они едут, а их везут, дети невзначай обращались к нему с вопросами, касающимися дальнейшей дороги... Что он мог ответить, если сам не знал, что будет с ними дальше?

Трудно тут не затосковать, не захандрить, но у Николая II рядом была семья, на него смотрели дети, которых ему надо было вести за собою по ещё неведомому, но такому невыносимо трудному пути, и он не позволял себе расслабиться.

Даже в дневнике ощущается эта удивительная собранность.

«Плавание по реке Туре... — записывает он. — У Аликс, Алексея и у меня по одной каюте без удобств, все дочери вместе в пятиместной, свита рядом в коридоре; дальше к носу хорошая столовая и маленькая каюта с пианино. II класс под нами, а все стрелки 1-го полка, бывшие с нами в поезде, сзади внизу. Целый день ходили наверх, наслаждаясь воздухом. Погода была серая, но тихая и тёплая. Впереди идёт пароход министерства путей сообщения, а сзади другой пароход со стрелками 2-го и 4-го стрелковых полков и с остальным багажом. Останавливались два раза для загрузки дровами. К ночи стало холодно»...

Но были на этом скорбном пути и утешения от Господа...

5 августа, перед обедом, навстречу «Руси» — так назывался пароход, на котором ехала царская семья — выплыло село Покровское.

— Здесь жил наш дорогой Григорий Ефимович, — проговорила, комкая в руках носовой платок, Александра Фёдоровна. — Мир праху его, Божьего человека. Царство ему небесное!

Государь внимательно разглядывал выбежавшие на берег Туры избы.

Говорят, что император перед самым объявлением войны посылал Григорию Распутину в Тюмень телеграмму, спрашивая его совета.

Почти сразу же пришёл ответ: «Крепись, войны не объявляй. Плохо будет тебе и Алеше».

Что думал, что чувствовал Николай II, вспоминая об этом предостережении и вглядываясь в проплывающий мимо «Руси» дом старца?

— Здесь, в этой реке, он ловил рыбу, — всё повторяла Александра Фёдоровна. — Вы помните, он присылал нам свежую рыбу в Царское Село?

Ночью государь спал плохо, проснулся, когда уже вышли в Тобол.

«Река шире, и берега выше. Утро было свежее, а днём стало совсем тепло, когда солнце показалось. Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского, — родина Григория»...

Эта оговорка не о забывчивости Николая II свидетельствует, а о том, что мысль о предопределённости «встречи» со старцем Григорием на последнем пути, была додумана и осознана государем.

Но, как и заведено в его «Дневнике», об этом, сокровенном, ни слова...

«Целый день ходили и сидели на палубе», — завершает ссыльный пассажир «Руси» запись за 6 августа 1917 года.

Как отметил Н. А. Соколов, в Тобольске «жизнь сразу вошла в спокойное, ровное русло». В 8 часов 45 минут подавался утренний чай. Государь пил его в своём кабинете с дочерью Ольгой. После чая занимался у себя, затем обыкновенно пилил дрова во дворе.

Та осень в Тобольске удалась на славу...

«16 августа. Отличный тёплый день. Теперь каждое утро я пью чай со всеми детьми. Провели час времени в так называемом садике и большую часть дня на балконе, который весь день согревается солнцем. До чая провозились в садике, два часа на качелях и с костром».

И 17 августа ночь была лунная, а утро — серое и холодное, и только около часа вышло солнце, и снова настал отличный день. И в воскресенье вечер был тёплый и лунный, а 23 августа, хотя и прошёл тёплый ливень, но день простоял превосходный...»

Всё это из «Дневника».

Прекрасен Божий мир! Николай II принимал эти осенние радости как Божье утешение, но приходящие из Петрограда новости жаркой вол-

ною стыда и позора смывали покой тобольской осени.

24 августа приехал Владимир Николаевич Деревенко и привёз вести, что Рига оставлена и русская армия отступила далеко на северо-восток.

«Тёплая погода с сильным восточным ветром... — привычно записывает Николай II 25 августа, но тут уже срывается: — Прогулки в садике делаются невероятно скучными; здесь чувство сидения взаперти гораздо сильнее, нежели было в Царском Селе»...

2

1 сентября в Тобольске появилось новое начальство.

«Прибыл новый комиссар от Временного Правительства Панкратов и поселился в свитском доме с помощником своим, каким-то расстрепанным прапорщиком, — записал в этот день Николай II. — На вид — рабочий или бедный учитель. Он будет цензором нашей переписки. День стоял холодный и дождливый».

«Бедный учитель», который будет осуществлять контроль за перепиской царской семьи...

Николай II никак не оценивает этот факт, но уже в самой констатации его — боль и горечь очередного унижения.

Конечно же, царь знал о том, что Василий Семёнович Панкратов сидел в Шлиссельбургской крепости, и, хотя он вышел по амнистии по случаю коронации Николая II, Шлиссельбург не мог не сказаться на их отношениях.

Разумеется, Николай II и не ждал от Керенского и его правительства какого-то снисхождения к себе, но была ещё и семья, и она уж точно перед такими, как Панкратов, не виновата была ни в чём...

Начало комиссарства Василия Семёновича было ознаменовано тем, что 4 сентября залило ватерклозеты.

«Великолепный летний день. Много были на воздухе. Последние дни принесли большую неприятность в смысле отсутствия канализации. Нижний WC заливался мерзостями из верхних WC, поэтому пришлось прекратить посещение сих мест и воздерживаться от ванн; всё от того, что выгребные ямы малы и что никто не желал их чистить. Заставил Е. С. Боткина привлечь на это внимание комиссара Панкратова, который пришёл в некий ужас от здешних порядков».

Принято считать, что Панкратов был мягким и добрым человеком.

Об этом свидетельствовали почти все выжившие обитатели губернаторского дома в Тобольске, подчёркивая, что особенно выигрышно добродушие Панкратова выглядело рядом с мелочной придирчивостью «похожего на растрепанного прапорщика» Александра Владимировича Никольского, который с первого дня – «Нас, бывало, заставляли сниматься и в профиль, и в лицо!» – старался ужесточить режим. Грубый, совершенно невоспитанный Никольский отличался ещё и редкостным упрямством.

Может быть, Панкратов действительно «был человек по душе хороший».

«То, что он таким молодым кончил своё бытие, возбуждало во мне сострадание и жалость, – вспоминала о нём Вера Николаевна Фигнер, которая оказалась его соседкой и вместе с ним училась искусству тюремного перестукивания. – Я была старше его на двенадцать лет, и мне казалось, что человеку со свежими силами должно быть значительно труднее, чем мне. Это определило мое нежное, без малого материнское касательство к его личности... Как зачастую случается при заочном знакомстве, он представлялся мне круглолицым юношей с чуть-чуть пробивающимся пушком на румяных щеках, шатеном с серыми, добрыми глазами и мягким славянским носом. На деле же он был смуглым брюнетом с черными, как смоль, волосами, с черными пронзительными глазами и крупным прямым носом – «истинный цыган», как он сам отзывался о своей наружности».

Разумеется, не вина Панкратова, что он был дурно образован и воспитан и при этом сам совершенно искренне считал, что культуры и образованности как раз царской семье не хватает.

«Не знаю, какое впечатление произвел я, но что касается меня, то первое впечатление, которое я вынес, было таково, что живи эта семья в другой обстановке, а не в дворцовой с бесконечными церемониями и этикетами, **притупляющими разум и сковывающими все здоровое и свободное**, из них могли бы выйти люди совсем иные, кроме, конечно, Александры Фёдоровны. Последняя произвела на меня впечатление совершенно особое. В ней сразу почувствовал я что-то чуждое русской женщине... – вспоминал он. – Бывший царь действительно знал русскую военную историю, но знание его вообще истории народа было очень слабо: он или забыл, или во-

обще плохо разбирался в периодах русской истории и их значении, все его рассуждения в этом отношении сводились к истории войн»...

Конечно, можно только пожалеть плечами, удивляясь, до каких немыслимых пределов разросся апломб Василия Семёновича, но бывший народоволец был ещё и по-шлиссельбургски энергичен и по простоте души пытался ликвидировать пробелы в образовании и воспитании как царских детей, так и самого государя. Однако главные проблемы заключались даже не в отсутствии у Панкратова желания понимать людей, с которыми его свела воля Керенского, а в том, что от него действительно мало что зависело...

Вернее, это сам Панкратов делал всё, чтобы от него ничего не зависело.

Представляя власть Временного правительства, он всё время изображал её такой, какой она, по его мнению, должна выглядеть: мудрой, великодушной, прозорливой. Но поскольку власть была совершенно другой, то Панкратову оставалось только надувать щёки, изображая знание неких тайных обстоятельств, которые мешают ему быть мудрым, великодушным и прозорливым.

Между прочим, это подробно описано в его воспоминаниях...

«Ко мне подходит князь Долгоруков.

– Господин комиссар, когда же будет разрешено сходить в церковь? Николай Александрович и Александра Фёдоровна просили меня узнать, – обратился он ко мне.

– Как только будет все приготовлено. У меня нет ни малейшего намерения лишать их посещения церкви, – ответил я.

– Какие же нужны приготовления?

– Устраняющие всякие неприятности и недоразумения.

– Не понимаю, – огорченно отвечает князь.

– Не думайте, что меня беспокоят неприятности, только касающиеся меня лично, возможны неприятности другого порядка, которых я не могу допустить, – пояснил я князю.

Но он опять не понял меня»...

«Через несколько дней бывший царь опять обратился ко мне с просьбой разрешить ему с семьёю пойти за город и осмотреть город.

– Весьма охотно бы это сделал, если бы имел разрешение от Временного правительства. Кроме того, есть ещё и другие мотивы.

– Вы боитесь, что я убегу? – перебивает меня Николай Александрович.

– Этого меньше всего, – возражаю ему. – Я уверен, что вы и попытки такой не сделаете. Есть нечто другое. Вы читаете газеты?

– Что же в них? Я ничего не заметил, – недоумевая, ответил Николай Александрович.

«Николай Александрович неоднократно под влиянием этих рассказов и разговоров (рассказы самого Панкратова о красоте и богатстве сибирской природы. – Н. К.) повторял свою просьбу о прогулке за город, и каждый раз приходилось отказывать ему в этом.

– Вам нечего бояться... Вы думаете, я решусь убежать. Назначьте конвой... – говорил он.

– Я уже вам объяснил, что с этой стороны менее всего препятствий...

– А если мы сами возбудим ходатайство перед правительством?

– Пожалуйста. Разве я вам делал какие-нибудь препятствия в этом отношении?

– Но мы обращаемся к вам как к представителю правительства. Теперь мы с Александрой Фёдоровной советовались и решили обратиться прямо. Но нам кажется, что вы могли бы и своей властью разрешить»...

Подчеркнём ещё раз, что эти диалоги записаны самим В. С. Панкратовым.

Поразительно! Достаточно одарённый писатель, он даже не чувствует тут, насколько пародийно звучат его бюрократические увёртки...

А объяснения, дескать, вдруг кому-либо из тобольцев «придёт в голову во время прохода в церковь выкинуть какую-либо штуку? Бросить камнем, выкрикнуть нецензурную похабщину и т. п. Пришлось бы так или иначе реагировать. Лучше заблаговременно устранить возможность подобных историй!» – напоминают анекдот про исправника, который приказал убрать в парке все скамейки, чтобы хулиганы не могли царапать на них неприличные слова...

Как действовали эти объяснения Василия Семёновича на царскую семью, видно из дневника государя.

«На днях Е. С. Боткин получил от Керенского бумагу, из которой мы узнали, что прогулки за городом нам разрешены, – записал он 29 сентября. – На вопрос Боткина, когда они могут начаться, Панкратов, поганец, ответил, что теперь о них не может быть речи из-за какой-то непонятной боязни за нашу безопасность. Все были

этим ответом до крайности возмущены. Погода стала прохладнее»...

Государь дал Панкратову прозвище Маленький человек.

Панкратов и в самом деле был невысокого роста, но не это определило прозвище.

Панкратов и в сущности своей был «маленьким человеком». Он панически боялся ответственности и всячески уклонялся от самостоятельных решений...

3

Сам Николай II в эти дни начинает читать книги Николая Степановича Лескова.

«13 сентября. Полдня шёл дождь, но было тепло... Начал роман Лескова «Обойдённые». В девять часов вечера у нас в зале была отслужена всенощная. Легли рано».

Чтение Лескова, начавшееся накануне Воздвижения Креста Господня, увлекло государя.

И это не случайно...

Невозможно найти писателя – Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский тут не исключение – которые могли бы сравниться с Лесковым тем глубинным знанием народной русской жизни, той красотой русского языка, тем обилием положительных народных характеров, которые мы находим на страницах лесковских произведений.

Наверное, Николая II ошеломила раскрывающаяся перед ним в произведениях писателя русская жизнь. В сентябре 1917 года в Тобольске он читает Лескова рассказ за рассказом, роман за романом, том за томом...

«16 сентября. Погода простояла совсем тёплой. Приятно было ходить и работать на дворе. Кончил рассказ «Обойдённые» и начал «Островитяне»...

18 сентября. Осень в этом году здесь замечательная; сегодня в тени было 15° и совсем южный тёплый воздух. Днём играл с Валею Д. в городки, чего не делал много-много лет. Нездоровье Ольги прошло; она сидела долго на балконе с Аликс. Кончил «Островитяне» Лескова. Написал маме письмо через цензуру Панкратова.

19 сентября. Полуясный, но такой же тёплый день. Около 12 часов прошёл короткий летний дождь. Анастасия пролежала в постели. Татищев поправился. Днём попилил дрова и поиграл в городки. Начал читать роман Лескова «Некуда».

Чтение Лескова захватывало государя ещё и потому, что он мог наглядно сравнить повадки

нигилистов из лесковского романа с прихватами комиссара Панкратова.

«24 сентября. Вследствие вчерашней истории нас в церковь не пустили, опасаясь чьей-то возбужденности. Обедницу отслужили у нас дома. День стоял превосходный; 11° в тени с теплым ветром. Долго гуляли, поиграл с Ольгой в городки и пилил. Вечером начал читать вслух «Запечатленный ангел»...

В тишине губернаторского дома в Тобольске, прерываемой лишь свистками пароходов с реки, звучал голос бывшего российского императора, рассказывающего о той «преудивительной штуке», что совершилась с барином, который отправился «в жидовский город» расследовать творящиеся там по торговой части нарушения. Вместо взятки, полученной с еврейских торговцев, он ещё и должен оказался им 25 тысяч рублей. С этим полученным вместо награды долгом и возвращается домой барин, но супруга его, весьма богомольная барынька, объявила мужу, что за его «нерассудительность другие заплатят», и приказала требовать деньги со староверов, которые работали на строительстве моста.

Денег таких у староверов, разумеется, не нашлось, и вот начинается дикая расправа, превосходящая по своей лютости жестокость любого иноплеменного нашествия.

Барин, обозлённый, что староверы не желают покрыть его долг перед евреями, «накопивши сургучную палку, прямо как ткнет кипящею смолой с огнем в самый ангельский лик!».

Кажется, ни один писатель до Лескова не сумел так ярко, открыто и правдиво рассказать о той глухоте русской жизни, пользуясь которой, любой просвещенный мерзавец мог надругаться над нею.

И, наверняка, об этом тоже думал государь, читая вслух «Запечатленного ангела». Русским трудом и русской кровью была воздвигнута могущественнейшая империя, но в результате этого строительства основная часть населения, сами русские, оказались обращены в рабство в своей собственной стране.

Разумеется, начиная с правления императора Павла Петровича предпринимались попытки исправления общественного устройства, но даже когда деду Николаю II удалось отменить крепостное право, вопреки ожесточенному сопротивлению дворянства, преодолеть раскол русского общества так и не удалось.

И не могло удастся.

Слишком разным стало всё.

Язык... Культура...

Какая-то глухота появилась в русской жизни, и уже не докричаться было сквозь неё.

Только молитва и могла преодолеть эту глухоту...

«26 сентября. Окончил роман Лескова «Некуда».

30 сентября. День простоял солнечный, хороший. Утром гуляли час, а днём два с половиною часа; играл в городки и пилил. Начал читать пятый том Лескова – длинные рассказы. В девять часов у нас была отслужена всенощная».

«На воле мне много приходилось слышать о том, что семья Николая II очень религиозна... – пишет В. С. Панкратов. – Но религиозность слишком различно понимается людьми, и в данном случае судить об этом более чем трудно. Эта духовно-нравственная потребность царственных пленников сначала удовлетворялась тем, что богослужение совершалось в зале губернаторского дома, то есть в том же доме, где жила семья бывшего царя. И в ближайшую субботу мне первый раз пришлось присутствовать на всенощной.

Всю работу по обстановке и приготовлению зала к богослужению брала на себя Александра Фёдоровна. В зале она устанавливала икону Спасителя, покрывала аналой, украшала их своим шитьем и пр. В восемь часов вечера приходил священник Благовещенской церкви и четыре монашенки из Ивановского монастыря. В зал собиралась свита, располагаясь по рангам в определенном порядке, сбоку выстраивались служащие, тоже по рангам. Когда бывший царь с семьей выходил из боковой двери, то и они располагались всегда в одном и том же порядке: справа Николай II, рядом Александра Фёдоровна, затем Алексей и далее княжны. Все присутствующие встречали их поясным поклоном. Священник и монашенки тоже. Вокруг аналоя зажигались свечи. Начиналось богослужение. Вся семья набожно крестилась, свита и служащие следовали движениям своих бывших повелителей. Помню, на меня вся эта обстановка произвела сильное первое впечатление. Священник в ризе, черные монашки, мерцающие свечи, жидкий хор монашенок, видимая религиозность молящихся, образ Спасителя. Вереница мыслей сменялась одна другою...

«О чем молится, о чем просит эта бывшая царственная семья? Что она чувствует?» – спрашивал я себя.

Монашки запели: «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение...»

Вся семья Николая II становится на колени и усердно крестится, за нею падают на колени и все остальные. В то время мне казалось, что вся семья бывшего царя искренно отдается религиозному чувству и настроению».

4

В книге Н. А. Соколова приведено свидетельство полковника Кобылинского, что «Панкратов сам лично не был способен причинить сознательно зло кому-либо из царской семьи, но тем не менее выходило, что эти люди ей его причиняли. Это они делали как партийные люди. Совершенно не зная жизни, они, самые подлинные эсеры, хотели, чтобы все были эсерами, и начали приводить в свою веру солдат»...

В этом свидетельстве очень важны слова о партийности.

То ли из любопытства, то ли из тщеславия Панкратов постоянно искал неформальных контактов с царской семьёй, но при этом даже в задушевных разговорах никогда не отступал он от своих партийных принципов и заученных схем.

Эти принципы и разрушали всё хорошее, что хотел сделать Панкратов...

Не напрасно Николай II прозвал его «маленьким». «Маленький» тут ещё и тотемическое название некоей бесовской силы русской революции, сидевшей в Василии Семёновиче...

– Какова подготовка детей? – обеспокоенно спросил однажды Панкратов у Клавдии Михайловны Битнер.

– Очень много надо желать! – понимая, что хочет от неё услышать товарищ комиссар, ответила Клавдия Михайловна. – Я совершенно не ожидала того, что нашла. Такие взрослые дети и так мало знают русскую литературу, так мало развиты! Они мало читали Пушкина, Лермонтова ещё меньше, а о Некрасове и не слыхали. О других я уже и не говорю. Алексей не проходил ещё именованных чисел, у него смутное представление о русской географии. Что это значит? Как с ними занимались? Была полная возможность обставить детей лучшими профессорами, учителями – и этого не было сделано.

– Что же их больше всего интересует и интересует ли что? Может быть, в них всё убито дворцовой жизнью? – спросил Панкратов.

– Интересуются положительно всем. Они очень любят, когда им читаешь вслух. А вам, Василий Семёнович, должна сказать комплимент: им очень нравятся ваши рассказы о ваших странствованиях...

– Вы прочитайте им вслух Некрасова «Русские женщины» и «Мороз Красный Нос», – предложил Панкратов.

На следующий день Клавдия Михайловна доложила, какое потрясающее впечатление произвели на всех детей поэмы Некрасова.

– Все слушали. Даже бывший царь и Александра Фёдоровна приходили. Дети в восторге. Странно... Как мало заботились об их развитии, образовании.

– Но что же вы скажете, Клавдия Михайловна, о ваших занятиях? Идут успешно?

– Алексей не без способностей, но привычку к усидчивой работе ему не привили. У него наблюдается какая-то порывистость, нервность в занятиях. Что же касается Марии и Анастасии, то метод, какой применялся в занятиях с ними, не в моём вкусе...

Панкратов кивал.

Слова учительницы подтверждали его наблюдение, что царская семья «задыхалась в однообразии дворцовой атмосферы, испытывала духовный голод, жаждала встреч с другими людьми, но традиции, как гиря, тянули её назад».

Удивительно, но эта очевидная заинтересованность Панкратова в перевоспитании царских детей каким-то образом перемешивалась с почти садистским попустительством притеснению их со стороны Александра Владимировича Никольского.

Что же делал «этот смелый и бескорыстный друг», как называл его сам Панкратов?

«Взрослый человек, – рассказывала Александра Александровна Теглева¹⁶, – Никольский имел глупость и терпение долго из окна своей комнаты наблюдать за Алексеем Николаевичем и, увидев, что он выглянул через забор, поднял целую историю».

«Он, – подтверждает Е. С. Кобылинский, – прибежал на место, разнес солдата и в резкой форме сделал замечание Алексею Николаевичу. Мальчик обиделся на это и жаловался мне, что Никольский «кричал» на него.

Столь же невозмутимо относился Василий Семёнович и к мерзким издевательствам над

¹⁶ Няня царских детей, находилась с царской семьёй в Тобольске.

детьми солдат, которых сам и «образовал». В своих воспоминаниях он говорит, что по отношению к узникам «поведение отряда было почти рыцарским».

Каким-то удивительным образом в это рыцарство входила яма для отбросов, выкопанная солдатами прямо под окнами княжон и Александры Фёдоровны, и те отвратительные по цинизму надписи, которыми покрывали солдаты доску детских качелей.

Ещё меньше щадили «обучаемые» Панкратовым солдаты чувства самого государя. Они вдруг перестали отвечать на приветствия государя. Однажды государь поздоровался с солдатом: «Здорово, стрелок!» – и в ответ услышал: «Я не стрелок. Я – товарищ».

Однажды государь надел черкеску, на которой у него был кинжал, и солдаты немедленно потребовали, чтобы государя обыскали.

– У них оружие! – кричали они.

Потом солдаты вынесли решение, чтобы снял офицерские погоны и государь...

И снова поражаешься мужественной сдержанности государя.

Какая мудрость требовалась ему, что успокоить детей, подвергающихся хамскому обращению, какая сила требовалась, чтобы не сорваться, когда его унижали на глазах детей! А ведь к этому и подталкивали его и солдаты, и Никольский, и сам Панкратов... Им хотелось, чтобы вчерашний император стал смешным и жалким в бессильной ярости.

Государь выстоял.

Поразительно, но и на фотографиях, сделанных уже в заключении, мы видим человека, не только не потерявшего ничего из своего достоинства, но, более того, ещё укрупнившегося, человека, стоящего неизмеримо выше всех своих мучителей...

И чему он учил сына?

Истории...

Но что такое учить истории наследника престола, когда свой урок в это время даёт сама история?

«17 ноября. Такая же неприятная погода с пронизывающим ветром. Точно читать описания в газетах того, что произошло две недели тому назад в Петрограде и в Москве!

Гораздо хуже и позорнее событий Смутного времени.

18 ноября. Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентаров

нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия!»

Мы знаем, что и для великих княжон, и для царевича Алексея жизнь в Тобольске, в этом отгороженном дворе с небольшим садом, в окружении всегда одних и тех же людей, была поразительно скучной.

Об этом и княжны, и царевич писали в письмах, но при этом никаких вспышек протеста, противоречия родителям, на которые, может быть, сам того не понимая, и подвигал их В. С. Панкратов, с их стороны не было.

«Живем тихо и дружно», – писал государь в письме великой княгине Ксении Александровне, и это, наверное, главное чудо, которое сумел сотворить Помазанник Божий в Тобольске. Он научил детей той силе и тому мужеству, которая может дать только истинная вера, он научил их смирению и жертвенности собою ради других не в мгновение высокого подвига, а ежедневно, ежечасно.

И царевич Алексей и великие княжны, как мы знаем, выдержали экзамен по отцовскому уроку.

Как выдержал его и сам государь.

5

20 октября 1917 года государь записал:

«Сегодня уже 23-я годовщина кончины дорогого папá, и вот при каких обстоятельствах приходится её переживать!

Боже, как тяжело за бедную Россию! Вечером до обеда была отслужена заупокойная всенощная».

20 октября 1894 года в Ливадии оборвалась жизнь императора Александра III, и тогда в дневнике Николая тоже появилась запись:

«Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого, горячо любимого Папа. Голова кругом идет, верить не хочется – кажется до того неправдоподобной ужасная действительность. Все утро мы провели наверху около него! Дыхание было затруднено, требовалось все время давать ему вдыхать кислород. Около половины третьего он причастился Святых Тайн. Вскоре начались легкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал его голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжелые дни!»

Две дневниковые записи...

Одна сделана будущим государем, другая – бывшим. Между ними – всё правление последнего русского императора.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский тоже оставил в своём дневнике запись о 20 октября 1894 года...

«Он тихо скончался. Вся Семья Царская безмолвно с покорностью воле Всевышнего преклонила колени. Душа же Помазанника Божия тихо отошла ко Господу, и я снял руки свои с главы Его, на которой выступил холодный пот.

Не плачь и не сетуй, Россия! Хотя ты не вымолила у Бога исцеления своему царю, но вымолила зато тихую, христианскую кончину, и добрый конец увенчал славную Его жизнь, а это **дороже всего!**»

Теперь не было рядом с Николаем II такого молитвенника.

Теперь, чтобы зазвучала эта молитва о России, нужно было самому стать святым.

Свидетельство тому, что эта молитва начала звучать в государе, – слова из его дневниковой записи в этот день: «Боже, как тяжело за бедную Россию!». Слова эти перекликаются со словами Иоанна Кронштадтского и как бы продолжают их, вмещая в себя и будущий мученический путь государя.

Свидетельство тому, что эта молитва царя-мученика нашла отклик и в России – присланное в эти октябрьские дни в Тобольск стихотворение Сергея Сергеевича Бехтеева «Молитва»:

*Пошли нам, Господи, терпенье,
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест, тяжелый и кровавый,
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!
Владыка мира, Бог Вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час...
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!*

Это стихотворение, посвящённое великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне, Сергей Бехтеев написал в Ельце в октябре 1917 года и через графиню Анастасию Васильевну Гендрикову передал в Тобольск.

Однако мистическая история «Молитвы» не ограничилась совпадением с теми переживаниями, которые владели государем в октябрьские дни 1917 года.

Великая княжна Ольга Николаевна переписала стихотворение в свою тетрадку, подаренную – на книге сохранилась надпись: «В. К. Ольге. 1917. Мама. Тобольск» – императрицей Александрой Фёдоровной.

По этой причине долгое время авторство «Молитвы» приписывалось царевне Ольге, и даже публиковалось стихотворение под её именем.

Но ведь так это и было.

Молитва, породившая «Молитву», звучала из уст государя и всей царской семьи, и тепло её коснулось Сергея Сергеевича Бехтеева, сумевшего записать эту великую тобольскую молитву на бумаге...

6

26 января 1918 года государь, как он отметил это в своём дневнике, завершил чтение 12-томного собрания сочинений Н. С. Лескова...

Это событие совпало с решением отрядного комитета об отстранении В. С. Панкратова и его помощника А. В. Никольского от занимаемых должностей.

После их отъезда в Тобольске начались совсем уже странные дела.

В начале марта 1918 года прибыл сюда из Омска комиссар Запсибсовета В. Д. Дуцман, и вслед за ним появился отряд омских красногвардейцев во главе с А. Ф. Демьяновым.

Всю весну они спорили, кто заберёт себе царскую семью...

«Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится Имя Твое в России! **Да будет воля Твоя в России!** Ты насади в ней веру истинную, животворную! Да будет она царствующей и господствующей в России»...

Эта молитва святого праведного Иоанна Кронштадтского свободно проникала в мартовские дни 1918 года в сердце последнего русского государя и продолжалась уже самой его мученической жизнью...

Дневниковые записи его неопровержимо свидетельствуют об этом.

«2 (15) марта 1918 года. Вспоминаются эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде!

Сколько ещё времени будет наша несчастная родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто как Бог!

Да будет воля Его святая!..»

22 апреля приехал в Тобольск комиссар Константин Алексеевич Мячин, назвавшийся Василием Васильевичем Яковлевым.

Следователь Н. А. Соколов считал, что Яковлев повёз государя в Ригу, но довёз его Мячин-Яковлев почему-то только до Екатеринбурга...

Через десять лет по заказу наркома НКВД РСФСР Александра Георгиевича Белобородова Владимир Николаевич Пчёлин нарисует для Уральского музея революции восьмиметровый холст «Передача семьи Романовых Урал-совету».

Если добавить в названии слово «палачам», то оно не только уточнит смысл произведения, но и углубит трагедийное содержание картины, начинающей последнюю, екатеринбургскую страницу жизни царской семьи...

7

Такого не может быть, всё наше материалистическое воспитание восстаёт против этого, но, когда задумываешься над короткой жизнью последнего наследника Русского престола, кажется, что сама мистика обретает реальную плоть...

Мы уже говорили, что царевич Алексей родился в 1904 году, после посещения царской семьёй Саровской пустыни.

П. Жильяр пишет в своих воспоминаниях, что впервые он увидел цесаревича, когда тому было полтора года...

«Цесаревич был в то время самым дивным ребёнком, о каком только можно мечтать, с своими чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами. У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребёнка, и, когда он улыбался, на его круглых щеках вырисовывались две ямочки. Когда я подошел к нему, он посмотрел на меня серьезно и застенчиво и с большим трудом решился протянуть мне свою маленькую ручку.

Во время этой первой встречи я несколько раз видел, как Императрица прижимала Цесаревича к себе нежным жестом матери, которая как будто всегда дрожит за жизнь своего ребёнка, но у нее эта ласка и сопровождающий её взгляд обнаруживал: так ясно и так сильно скрытое беспокойство, что я был уже тогда поражен этим. Лишь много времени спустя мне пришлось понять его значение».

Страшная болезнь... Человек, пришедший с берегов Туры, чтобы спасти мальчика. Зверское убийство этого человека, попытка утопить его тело в Неве...

Это и называется Роком...

И разве объяснишь простым совпадением, что в тот год, когда родился наследник престола, его будущий убийца пятнадцатилетний ученик аптекаря Янкель Свердлов первый раз угодил в тюрьму?

Рок... Судьба...

Наследник престола рос красивым и смелым мальчиком, хотя страшный рок ежеминутно напоминал о себе.

«Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, как резвый и жизнерадостный мальчик. Вкусы его были очень скромны. Он совсем не кичился тем, что был Наследником Престола... — пишет в своих воспоминаниях П. Жильяр. — Он об этом всего меньше помышлял. Его самым большим счастьем было играть с двумя сыновьями матроса Деревенко... У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе...»

«Наследник, будучи горячим патриотом, считал хорошим только все русское... Он был умен, благороден, добр, отзывчив, постоянен в своих симпатиях и чувствах. При полном отсутствии гордости, его существо наполняла мысль о том, что он — будущий царь, вследствие этого он держал себя с громадным достоинством. По мнению всех близко знавших цесаревича, он представлял по уму и характеру идеал Русского царя»...

Однажды, задумавшись, цесаревич сказал своему наставнику:

— Нет... Когда я буду царём, в России не будет бедных и несчастных...

Словно в сказке о спящей принцессе, родители заботливо изымали из спальни все острые

и колющие предметы. В детской Алексея не было корабельной мачты – этого неперемennого атрибута детской комнаты наследника престола... Родители окружали Алексея вещами, которые не могли поранить его...

Но никакие предосторожности не помогали. Однажды Алексей влез на скамейку в классной комнате, поскользнулся и упал, стукнувшись коленкой об угол.

«На следующий день он уже не мог ходить. ещё через день подкожное кровоизлияние усилилось, опухоль, образовавшаяся под коленом, быстро охватила нижнюю часть ноги. Кожа натянулась до последней возможности, стала жесткой под давлением кровоизлияния, которое стало давить на нервы и причиняло страшную боль, увеличивающуюся с часу на час».

Странное ощущение охватывает сейчас, когда смотришь на сохранившиеся игрушки Алексея.

Вот заводной аист, вокруг которого хороводом бегают зайцы... Вот огромное пасхальное яйцо. Яйцо открывается, в одной половинке – футляре – деревянная статуэтка гусара; в другой – лейб-гвардейца... Фигурки солдат можно вынуть, потом аккуратно уложить назад в яйцо-футляр, накинуть защёлку и убрать яйцо в шкаф, где уже стоит грустный аист с неподвижно застывшими вокруг него зайцами.

На эти игрушки, действительно, можно было только смотреть...

Сохранилась фотография детской царевича Алексея...

Возле чума две коряжские лодки, дальше на небольшом подиуме, как в хорошем музее, модель железной дороги и броненосца, пирамида с игрушечными винтовками, модели орудий... Под потолком – аэропланы с широкими крыльями.

Вот такая странная, больше похожая на музей, чем на комнату, в которой играет ребёнок, детская...

Но, впрочем, странность рождалась и от другого.

Разглядывая невиданное пасхальное яйцо, я думал, что ведь не игрушки убили царевича Алексея...

Ведь как раз в те дни, когда «боли были ещё нестерпимее, чем накануне», в те дни, когда «Цесаревич, лежа в кровати, жалобно стонал, прижимаясь головой к руке матери», его будущий убийца Янкель Свердлов, развлекаясь в

тюремной камере, топил в параше пойманную крысу...

Ловко орудуя палкой, он не давал ей выкарабкаться, сбрасывал назад в ведро. Крыса отчаянно верещала, и товарищи Янкеля с отвращением отворачивались, чтобы не видеть этой садистской забавы.

Но ученику аптекаря наплевать было на эмоции и переживания соседей по камере...

Теперь в заточении оказались государь и его сын, который должен был стать самым русским царём...

2 мая 1918 года император Николай II записал в дневнике: «Применение «тюремного режима» продолжалось и выразилось тем, что утром старый маляр покрасил все наши окна во всех комнатах известью. Стало похоже на туман, который смотрится в окна»...

8

Большинство исследователей склоняются к выводу, что окончательные решения о судьбе царственных узников были приняты, когда в первой половине июля большевики установили единоличную диктатуру и утвердили на съезде Советов свой проект Конституции.

Все эти мероприятия были осуществлены к 7 июля.

В Кремле, на квартире Янкеля Мираимовича Свердлова, которого звали уже Яковом Михайловичем Свердловым, жил тогда член президиума Уралоблсовдепа, военный комиссар Шая Исаакович Голощёкин, и это сюда и пришла телеграмма председателя уральского областного совета Александра Георгиевича Белобородова: «Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина. Авдеев сменен. Его помощник Мошкин арестован. Вместо Авдеева Юровский. Внутренний караул весь сменен»...

Считается, что Шая Исаакович и привёз в Екатеринбург инструкции Янкеля Мираимовича Свердлова.

В Екатеринбург он приехал 14 июля.

В тот же день, в 10 часов вечера, состоялось объединённое заседание Уральского областного комитета коммунистической партии и Военно-революционного комитета. Шая Исаакович Голощёкин сообщил на этом совещании о директиве Янкеля Мираимовича Свердлова, а начальник губчека Яков Хаимович Юровский, которого в

Екатеринбурге знали просто как Янкеля Фельдшера, доложил свои соображения по ликвидации царской семьи.

План его был утверждён, и 16 июля вечером Яков Хаимович Юровский явился в дом Ипатьева и приказал начальнику охранного отряда Медведеву собрать все револьверы системы Нагана.

Медведев выполнил приказ, и собранные наганы раздали членам команды особого назначения – чекистам с нерусскими именами, неведомо как возникшим в доме Ипатьева.

По многим свидетельствам, они проходят как латыши, но, судя по именам, никакого отношения к латышам не имели.

Сохранился список их фамилий, отпечатанный на бланке Революционного штаба Уральско-го района:

«Горват Лаонс, Фишер Анзелм (вероятно, в имени пропущен мягкий знак – Анзельм)...

Эдельштейн Изидор...

Фекете Эмил (тоже пропущен в имени мягкий знак – Эмиль)...

Над Имре...

Гринфелд Виктор (Гринфельд)...

Вергази Андреас»...

Имена эти, помимо списка расстрельщиков царской семьи, больше не встретятся ни в каких чекистских документах. Получается, что семёрку эту то ли набрали из военнопленных, то ли специально для расстрела царской семьи привезли в Екатеринбург...

Незадолго до полуночи в Ипатьевский дом приехали Шая Исаакович Голощёкин и Петр Захарович Ермаков.

Можно было начинать.

Яков Хаимович Юровский разбудил лейб-медика Евгения Сергеевича Боткина и велел поднимать царскую семью. Он сказал, что получил приказ увезти семью в безопасное место.

Когда все оделись, Яков Хаимович приказал всем следовать за ним в полуподвальный этаж.

Впереди шли Юровский и Никулин (не сохранилось ни его имени, ни отчества), который держал в руке лампу, чтобы освещать тёмную узкую лестницу.

За ними следовал государь.

Он нёс на руках царевича Алексея – мальчика, который должен был стать русским императором и который мечтал, чтобы не было в России бедных и несчастных. Нога у царевича была перевязана толстым бинтом, и при каждом шаге он тихо стонал.

За государем шли государыня и великие княжны. Анастасия Николаевна несла на руках свою любимую собачку Джимми.

Следом – лейб-медик Е. С. Боткин, комнатная девушка А. С. Демидова, лакей А. Е. Трупп и повар И. М. Харитонов.

Замыкал шествие Павел Спиридонович Медведев.

Спустившись, прошли через нижний этаж до угловой комнаты – это была передняя с дверью на Вознесенский переулок.

Здесь Юровский указал на соседнюю комнату и объявил, что придётся подождать, пока будут поданы автомобили.

Это была пустая полуподвальная комната длиной в 5,5 и шириной в 4,5 метра. Справа от двери виднелось небольшое, с толстой железной решёткой окно на уровне земли, выходящее тоже на Вознесенский переулок.

Дверь в противоположной от входа восточной стене была заперта. Все стояли лицом к передней, через которую вошли.

«Романовы, – как пишет в своей записке Яков Хаимович Юровский, – ни о чём не догадывались».

– Что же, и стула нет? – спросила Александра Фёдоровна. – Разве и сесть нельзя?

Яков Хаимович – вот она чекистская гуманность! – приказал принести три стула.

Государь сел посреди комнаты и, посадив рядом царевича Алексея, обнял его правой рукой.

Сзади наследника встал доктор Евгений Сергеевич Боткин.

Государыня села по левую руку от государя, ближе к окну.

С этой же стороны, ближе к окну, стояла великая княжна Анастасия Николаевна, а в углу за нею – Анна Степановна Демидова.

За стулом государыни встала великая княжна Татьяна Николаевна, чуть сбоку – Ольга Николаевна и Мария Николаевна. Тут же стоял камердинер, полковник Алоизий Егорович Трупп, державший плед для наследника.

В дальнем левом от двери углу – повар Иван Михайлович Харитонов.

В 1 час 15 минут ночи за окном послышался шум мотора грузовика, присланного для перевозки тел, и тут же из соседней комнаты с наганами в руках вошли убийцы с нерусскими лицами...

Мы уже говорили, что от словосочетания «нерусский чекист» для нас за версту несёт тавтологией. Однако **эти** чекисты, вошедшие в полуподвальную комнату с толстой решёткой на окне, даже и к народам, населяющим Российскую империю, не принадлежали.

Повторим ещё раз эти имена...

Лаонс Горват, Анзельм Фишер, Изидор Эдельштейн, Эмиль Фекете, Имре Надь, Виктор Гринфельд, Андреас Вергази.

Семеро должны были расстрелять **семь** членов царской семьи.

Четверо местных палачей – Юровский включил в команду особого назначения ещё Никулина, Павла Медведева, Степана Ваганова – должны были убивать доктора Е. С. Боткина, комнатную девушку А. С. Демидову, лакея А. Е. Труппа и повара И. М. Харитонову.

Однако в последний момент Юровский изменил план и велел Горвату, который должен был стрелять в Николая II, стрелять в Боткина.

Государя Яков Хаимович взял себе.

Послушал ли Лаонс Горват Юровского, неизвестно.

Возможно, что, как было ему приказано ранее, он стрелял в православного царя. Во всяком случае, получилось так, что император был убит сразу, а Боткина после первых выстрелов пришлось достреливать...

– Граждане цари! – войдя в комнату и надувая щеки, сказал Яков Хаимович. – Ввиду того, что ваша родня в Европе продолжает наступление на Советскую Россию, Уралисполком постановил вас расстрелять!

Государь не сразу понял смысл сказанного. Он привстал со стула.

– Что? Что? – переспросил он.

Вместо ответа Яков Юровский в упор выстрелил в государя.

Следом раздались ещё десять выстрелов.

Сражённый пулей Алексей Николаевич застонал, и один из чекистов ударил его сапогом в висок, а Юровский, приставив револьвер к уху мальчика, выстрелил два раза подряд.

Пришлось достреливать Боткина и царевен. Раненую Анастасию Николаевну добивали штыками. Добивали штыками и горничную Демидову.

«Один из товарищей вонзил ей в грудь штык американской винтовки «Винчестер». Штык был тупой и грудь не пронзил».

Всё оказалось залито кровью.

В крови были лица и одежда убитых, кровь стояла лужами на полу, брызгами и пятнами покрывала стены.

«Вся процедура, – как сказано в «Записке Юровского», – считая проверку (щупанье пульса и т. д.) взяла минут двадцать. Потом стали выносить трупы и укладывать в автомобиль, выстланный сукном, чтоб не протекала кровь. Тут начались кражи: пришлось поставить трех надежных товарищей для охраны трупов».

Тем временем нерусские чекисты из расстрельной команды, то ли хулиганя, то ли исполняя обряд, выводили на стенах разные надписи¹⁷.

«...На южной стене надпись на немецком языке:

*Belsatzar ward in selbiger Nacht
Von seinen Knechten umgebracht*¹⁸.

Это 21-я строфа известного произведения немецкого поэта Гейне Belsatzar. Она отличается от подлинной строфы у Гейне отсутствием очень маленького слова: «aber», то есть «но всё-таки».

Когда читаешь это произведение в подлиннике, становится ясным, почему выкинуто это слово. У Гейне 21-я строфа – противоположение предыдущей, 20-й строфе. Следующая за ней и связана с предыдущей словом «aber». Здесь надпись выражает самостоятельную мысль. Слово «aber» здесь неуместно.

Возможен только один вывод: тот, кто сделал эту надпись, знает произведение Гейне наизусть.

На этой же южной стене я обнаружил **обозначение из четырех знаков**¹⁹.

9

Это **обозначение из четырёх знаков** новейшие исследователи склонны трактовать как каббалистическую надпись и расшифровывают её так: «Здесь по приказанию тайных сил царь был принесён в жертву для разрушения государства. О сём извещаются все народы».

Я не берусь судить, насколько разумно идентифицировать **обозначение из четырёх зна-**

¹⁷ Об этом не принято говорить, но ради объективности отметим, что надписи могли появиться и позже, когда Ипатьевский дом несколько недель стоял без присмотра и в него совершались многочисленные экскурсии.

¹⁸ В эту самую ночь Валтасар был убит своими холопами.

¹⁹ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М.: Сирин; Советский писатель, 1990. С. 218.

ков с каббалистической записью, а тем более обсуждать верность перевода, но ритуальный характер убийства царской семьи очевиден...

Только самое страшное в этом убийстве – не каббалистические знаки, которые оставили словно бы из тьмы преисподней вынырнувшие чекисты с нерусскими именами...

Самые страшные в книге Н. А. Соколова, на мой взгляд, страницы, посвящённые описанию следов, которые оставил возле Ганиной ямы главный убийца Яков Хаимович Юровский...

Следователь Н. А. Соколов приводит свидетельство послушницы Антонины, которая приносила провизию для царской семьи, о том, что незадолго до цареубийства Янкель Хаимович велел ей упаковать в корзину яйца...

«Для кого, – задается вопросом Н. А. Соколов, – Юровский приготовлял 15 июля эти яйца, прося упаковать их в корзину?»

Вблизи открытой шахты, где уничтожались трупы, есть маленькая лесная полянка. Только на ней имеется единственный сосновый пенёк, весьма удобный для сидения.

Отсюда очень удобно наблюдать, что делается у шахты.

24 мая 1919 года вблизи этого пня под прошлогодними листьями и опавшей травой я нашёл яичную скорлупу.

15 июля ранним утром Юровский уже собрался на рудник и заботился о своем питании...

На этой же самой полянке, вдали от кустов и деревьев, я нашёл в тот же день 24 мая под прошлогодней травой несколько листиков. Они были вырваны из книжки и запачканы человеческим калом.

Книжка эта – учебное пособие малого формата, карманного. На одном из листиков сохранилось и название отдела книги, из которого листики были вырваны: «Алфавитный указатель».

Кто-то на этой полянке удовлетворял свои потребности. Под руками не было ничего подходящего. Он вынул из кармана свою книжечку и воспользовался страницами, наименее нужными.

Знакомый практически с медициной врач не станет носить у себя в кармане пособия. Это говорит о недоучке. Таким фельдшером-недоучкой был Юровский»²⁰.

Это свидетельство страшнее любой каббалистической записи...

Попробуем представить себе картину той страшной ночи...

Возле шахты чекисты обливают вначале серной кислотой, а потом керосином тела государя, царицы, царевен и цесаревича, втаскивают на костёр и пытаются сжечь их...

А недалеко на полянке, с которой удобно наблюдать, что делается у шахты, сидит на пеньке Яков Хаимович Юровский и, не обращая внимания на сладковатый запах обугливающих тел, расколупывает яичко.

Совершено страшнейшее преступление...

Безвинно убиты не только взрослые люди, но и дети...

Эти они обгорают сейчас, превращаясь в гигантские чёрные головешки на разведённом чекистами костре...

Время от времени Юровский поглядывает на костёр, оттуда на поляну тянет сладковатым дымом, хлопья пепла падают на руки Якова Хаимовича, на расколупанное яичко, и Юровский счищает их, но хлопья слишком жирные и не счищаются, липнут, размазываются серыми разводами по яичной скорлупе...

И Яков Хаимович выпивает яйцо вместе с хлопьями пепла, а потом достаёт из корзинки другое яйцо, не сводя глаз с жуткого костра. В свете костра видны хлопья пепла, прилипшие к толстым, жирным губам...

Совершено величайшее преступление – убит царь и его семья, обрублена возможность для возвращения гигантской России к мирному пути развития во главе с конституционным монархом...

Яков Хаимович Юровский, кажется, и не думает об этом, так увлёт его процесс поглощения яиц.

А потом, насытившись желтками и белками, смешанными с пеплом царской семьи, Яков Хаимович Юровский расстёгивает штаны и, не отходя от пенька, не спеша, справляет свою нужду, подтираясь листочками, вырванными из учебного пособия малого формата...

Так совпало, но 27 июля 1918 года, сразу после расстрела царской семьи, СНК издал особый закон об антисемитизме, согласно которому Совет народных комиссаров объявил «антисемитское движение опасностью для дела рабочей и крестьянской революции».

Как свидетельствовал А. В. Луначарский, дополнение, предписывающее всем Совдепам «принять решительные меры к пресечению в

²⁰ Соколов Н. А. Убийство царской семьи. М.: Сирин; Советский писатель, 1990. С. 301–302.

корне антисемитского движения», а «погромщиков и ведущих погромную агитацию» «ставить вне закона», было сделано собственноручно В. И. Лениным.

Яков Хаимович Юровский об этом законе мог узнать разве только по телефону от своего непосредственного шефа Янкеля Мираимовича Свердлова, которому он и повёз семь баулов с царскими драгоценностями после расстрела царской семьи²¹.

Тем не менее этот глумливый убийца не побоялся бросить в Екатеринбурге свою мамашу – Эстер Юровскую...

И хотя белогвардейцы в Екатеринбурге тоже ничего не знали о подписанном В. И. Лениным декрете, мамашу Эстер, разумеется, не тронули. Она благополучно дождалась возвращения сына-цареубийцы...

²¹ Из Тобольска в Екатеринбург было вывезено 2 700 пудов вещей царской семьи, из которых после бегства большевиков осталось всего 150 пудов.

Ну, а тот день, когда туманом, стекающим из малярного ведра, затягивало окна дома Ипатьева, в московском Кремле, брызгая слюной и посверкивая стёклышками пенсне, спорили о судьбе последнего русского императора новые власти России...

И одному из них, бывшему ученику аптекаря Янкелю Свердлову, вспомнилось вдруг, как там, в камере, завершив истязание крысы, он отвернулся лицом к стене и долго лежал с открытыми глазами, словно видел в каменном мраке подвал Ипатьевского дома, куда следом за императрицей и дочерьми спустится и сам государь, держа в руках мальчика, мечтавшего, чтобы не было в России бедных и несчастных.

А следом за ним спустились в подвал чекисты с нерусскими лицами...

И уже никто не увидел, как, ярко вспыхнув вблизи Марса, скатилась с небосклона последняя звезда русских императоров.

**Виталий
КРЁКОВ**

**ОТЧИЙ КРАЙ
КАК РЕЧЬ ЖИВАЯ**

* * *

*Я вижу отчий край. Он весь как речь живая,
Кругом светлынь небес и кислорода ток.
Привет тебе, привет, гвоздичка полевая!
Как малый мотылёк, твой розовый цветок.
Как в прошлом на лузу короткое свиданье
И отошедшей, той, летучая краса...*

*На венчике твоём и пух, и расстоянье
Стоят, как в летних лужах небеса.*

* * *

*Манит купальница, цвет-огонёк.
Век бы глядел! Только путь мой далёк.
И вот и пора кучевых облаков.
В травах звонки-клубеньки родников.*

*Я и сестрёнка в нарядных венках.
Вянут цветочки в горячих руках.
Нам не уйти! Этот радостный круг –
В сотни цветов полыхающий луг.*

* * *

*И стала тишина неслышно шарить
По стенам, от угла и до угла,
И, шляясь тёмной ночью, чья-то память
Людей немых и странных привела.*

*Она коснулась век и лба устало,
Неосторожно обронив века,
И виделись невиданные страны,
Несхожие, как в небе облака.*

*И люди, коих Бог на землю бросил, –
Пусть навсегда исчезли их следы, –
Но каждый жил и нёс в большую осень
Кто горькие, кто сладкие плоды.*

56

* * *

*И оттого, что в этом хлебе
Кому-то, а не мне везло,
Я жаждал, чтоб в осеннем небе
Завязло лебедя крыло.
Кричал ему: «Постой, товарищ!
Пусть груды зёрен на току –
Ты дожинать мне оставляешь
С полей созревшую тоску».*

*.....
Но здесь душа моя прославит
На небе облачную рябь,
Лес хвойный в золотой оправе,
Плугами вспаханную зябь.
Всё чаще уходящим в спину
Глядит отчаянье полей...
Я, замерзая, не покину
Предела родины своей.*

КРЁКОВ Виталий Артемьевич родился в 1946 году в Бийске. Работал на стройках. Печатался в журналах «Москва», «Наш современник», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Сибирский тракт», «Огни Кузбасса». Автор четырёх поэтических сборников и книги рассказов «Воспитание кривых брёвен». Лауреат областных литературных премий им. В. Баянова и «Энергия творчества». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

* * *

Надежда выше всех печалей,
Моим молчанием живёт.
Молчанием прониклись дали,
Где опустился небосвод.

Мы в листопадах замечаем
Утраченных событий вес.
Во имя новых начинаний
На ладан снега дышит лес.

* * *

Когда поля осмысливаю взором,
Когда я слышу развесёлый смех,
То оживает прошлое, в котором
Любил и горько плакал человек.

Года мои короче, как ни странно,
Всё вечернее надо мною дни.
В чертах людей я вижу, слышишь, мама,
Отчётливей печалины твои.

Моя любовь – не прелесть лунной ночи
И не уют под очертаньем крыш,
Но люди, от которых сердце хочет
Забиться в стог, как полеваямышь.

* * *

Чтоб пережить хороший сон,
Мне стоит только в мой знакомый
Шахтёрский выехать район,
Увидеть дом за терриконом,

Дом голубой, где ждёт уют,
Где чаем встретят непременно,
В подарок прозвучит этюд,
Рождённый гением Шопена.

Там стопки интересных книг,
Как ожиданье встречи с музой,
Под ноты спрятанный дневник
Особы юной, светло-русой.

А может, скажут мне: «Пора, –
Как ковш воды плеснут за ворот, –
Забудь её. Она вчера
Уехала в далёкий город».

* * *

Как непредвиденное диво,
В раздолье злаковых полей
Приезжего встречали ивы
Могуществом своих ветвей.

Дождили дар листвы богато,
Когда мертвел под снегом дол.
Был виден каждый – в два объёма –
Корявый, почерневший ствол.

Был скромн замысел мой давний:
У той, у брошенной избы
Сменить полы, навесить ставни,
Поправить верх печной трубы.

И жить легко, неторопливо
Вдали от пасмурных времён.
И с располневшею любимой
Раз в год наведывать район.

* * *

Вот мир мой с серенькими далями,
Изба да высохший плетень.
И ты в шалёнке, дочка мамина,
И вечерее зимний день.

57

Ты назвала меня милёночком,
Кончается мой выходной.
Вот так дойдём до остановочки,
Уеду я к себе домой.

Чтоб вновь на лист тетрадный выплакать,
Как бьёт черёмуха в окно,
Как в сердце ничего не высохло,
Что былями истомлено.

* * *

Как остро чувствуют глаза:
Над крышами нависла нега,
Собачий лай и голоса,
Воскресшие от хлопьев снега.

Герани поздней алый ком
В окне. Забота утро будит.
Уже за ранним молоком
Спешат с бидончиками люди.

И там, где замирают дни,
Высокое тревожит слово.
Как будто детство пронесли
Охалкой сена молодого.

* * *

О жизнь монеткой изотрусь,
 Вконец растрачу дар сердечный,
 С тяжёлой головой проснусь
 В избушке низкой на Заречной.
 Но труд от всех падений спас.
 Мысль проплыла в оконной раме:
 «Как хорошо, что есть аванс,
 И три рубля ещё в кармане,
 Что прожитое, ровно дым,
 Коль сортностью был ниже средних».
 Уже вода под подвесным –
 Тяжёлая, в листьях осенних.
 Шаг сделаю, другой, ещё,
 В туманное завязну утро,
 Увижу девичье лицо,
 И станет солнечно и мудро.
 И поведёт мечту вперёд, –
 Подумаю: «Откуда милость?
 Иль прошлое во мне живёт?
 Желанное со мной случилось?»
 И сдерживая чувства вал,
 Скажу одно ей, не скрывая:
 «Я богом жил, его я знал».
 Она: «Его я тоже знаю».

* * *

С. Донбаю

Незабудки голубеньким снегом
 На зелёном лугу вновь и вновь
 Впрошуют: «Мы разве не небо?
 Разве мы на земле не любовь?»
 И прохладят любимым,
 далёким
 С детских лет. Вот уже потому
 Эту весть о покое высоком
 Принимаю один к одному.
 Здесь, где северный ветер
 наводит
 Облаков необъятную мощь
 И просёлок, петляя, уходит
 В занавесы редяющих рощ,
 Слёзы смоят безумство
 и важность...
 Всемогуций! На лике земли
 Ты прости и хоть в малую
 тварность
 На исходе пути посели.
 Незабудками, веточкой вербы
 Наши души проклюнутся вновь,
 Впрошывая: «Мы разве не небо?
 Разве мы на земле не любовь?»

**Валерий
НОВИКОВ**

КАКИЕ БЫЛИ ВРЕМЕНА...

(Байки сибирского
киношника)

ЯДЕРНЫЙ ВЗРЫВ

В институте ядерной физики очередная иностранная делегация во главе с президентом Франции Жоржем Помпиду. Высокий гость осматривает знаменитый ВЭПП – ускоритель на встречных электронно-позитронных пучках и, делая умное лицо, слушает пояснения академика Будкера.

Съёмки для хроники ведёт Владимир Хомяков. В зале, где стоит установка, он сходу выцеливает технологическую железную лестницу. Стараясь не шуметь, поднимается вверх, смотрит в визир камеры – роскошный верхний план!

В момент, когда оператор готовится нажать спусковую кнопку, происходит непредсказуемое. Ремень, на котором висит аккумулятор, срывается с плеча. Сетевой шнур, идущий к двигателю камеры, обрывается. Тяжёлый ящик – ужас! – катится вниз, прыгая по железным ступеням. По каждой в отдельности!

Оглушительный грохот – бам, бам, бах – выстрелы, взрывы! Натренированный охранник делает рывок, прикрывая президента своим телом.

«Спускаюсь по лестнице, – вспоминал впоследствии Хомяков, – и вижу, что внизу уже сто-

ят. Догадываюсь, кто, и догадываюсь, что меня ждёт».

А ждало вот что. Оператора, бережно поддерживая под локотки, довели до двери, заботливо её открыли, вышли вместе с ним и, скрывшись от взоров французов... «так поддали под зад, что я до противоположного конца коридора летел, казалось, по воздуху. Профессионалы!».

Хомяков – надо отдать должное – всегда рассказывал об этом случае без обиды. Сам виноват. С той поры он всегда носил аккумулятор на ремне только через плечо. Как солдат подсумок с патронами.

И У НАЧАЛЬСТВА ЕСТЬ ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЕ СТРУНЫ

Однажды режиссёр М. И. Шерман поехал в Москву сдавать фильм, снятый по заказу Государственного комитета по профтехобразованию.

В это время существовал порядок, согласно которому смотреть и, соответственно, принимать решение о приёме мог только руководитель ведомства. И никак не ниже. Профтехобразованием – тем, что раньше именовали пэтэушниками, – в ту пору ведал некто Шепилов, которого в стране иначе как «примкнувший»

НОВИКОВ Валерий Германович родился в 1938 году в Бийске. Окончил Томский университет, Всесоюзный государственный институт кинематографии. На телевидении и в кино с 1961 года. Снял более 50 документальных и научно-популярных фильмов. В 1986 и 1988 годах снимал в Чернобыле. Автор книг документальной прозы: «Дороги без дорог», «Сибирские пельмени. Кулинарная повесть», «Чёрно-белый Чернобыль», «Ефим Славский, атомный президент», «Сибирь. Кино. Судьба». Печатался в журналах «Сибирские огни», «Неизвестная Сибирь», «Флорида» (США) и других. Режиссёр-документалист, писатель, член Союза кинематографистов России. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации. Кавалер ордена Мужества.

не звали. Дело в том, что накануне Хрущёв разоблачил антипартийную группу, в которую входили такие государственные киты, как Маленков, Молотов и Каганович. Они были главными злыднями, Шепилов же, тоже член Политбюро, проходил как «примкнувший» к ним.

В чём тут дело, никто не знал, предполагали только, что покался больше других. Народ мгновенно откликнулся анекдотом – самая длинная фамилия «Ипримкнувшийкнимшепилов». Как бы то ни было, падение с заоблачных вершин в кресло главы пэтэушников было чувствительным. Рассказываю обо всём этом подробно, потому что к дальнейшему данная история имеет касательство самое непосредственное.

Итак, Шерман договаривается с секретаршей о просмотре, приходит в кинозал, через минуту появляется Шепилов, также садится, но тут выясняется одно важное обстоятельство. А именно – опаздывает московская сценаристка, которая должна была принести и начитать дикторский текст под так называемое «немое» – без звука – изображение.

Шерман, естественно, в предынфарктном состоянии, умоляет подождать, но Шепилов решительно встаёт и, ни слова не говоря, удаляется. Через десять минут появляется сценаристка и со свойственной москвичкам непосредственностью признаётся, что проспала. Режиссёр бежит в приёмную, но дверь в кабинет начальства закрыта, а секретарша, пылая праведным гневом, ни в какую не соглашается пригласить шефа на просмотр вторично.

Шерман так прорывается в кабинет: «Вот, будьте добры...». Шепилов крайне раздражённо сообщает, что он не мальчик, чтобы гоняться по этажам за какими-то киношниками, он занят делами государственной важности, теперь у него долго не будет времени на эти глупости, и всё такое прочее.

Тут Шерман делает гениальный ход. Проникновенно глядя в глаза Шепилову, он произносит со значением: «Дмитрий Трофимович, но вы-то знаете, что в жизни всякое бывает...»

Слова эти задели какие-то чувствительные струны в самой глубине души свергнутого партийного чиновника, и тот, разом загрузив, тихо произнёс: «Да-да, вы правы, конечно-конечно, всякое бывает... Вы правы, пойдёмте смотреть ваше кино».

Рассказывая об этом, Шерман всегда добавлял: «А шо? Он тоже человек. Хотя и бывший член Политбюро».

ОБЕЛЯТЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ. БУКВАЛЬНО

Общеизвестный факт – документальное кино в прошлые годы представляло не отражение жизни, а её идеальную модель. Таковы были правила игры, которые принимали как должное и творцы, и зрители. Не стану здесь разбираться, оправданно или нет это было. Было – и всё.

В тридцатых годах на студии работал оператор Минорский. Отправляясь на съёмку в деревню, он брал с собой не только камеру и штатив, но и... ведро с извёсткой. А также кисть. Зачем? Белил перемазанных навозом колхозных коровёнок. Не всё стадо, конечно, а тех, что стояли в кадре на первом плане. И только после этого приступал к съёмке.

В материалах, снятых Минорским, слова дикторского текста «тучные колхозные стада» не звучали иронично.

Потом появилось выражение «лакировка действительности». Минорский действительно не лакировал. Он её белил.

КАК НЕ СТАТЬ МИЛЛИОНЕРОМ

Раз в жизни у меня был шанс стать состоятельным человеком. Я этим шансом не воспользовался.

Вот как это было. Осенью 1986 года мы снимали в Чернобыле. Ликвидация аварии завершилась, до окончания возведения саркофага – железобетонного укрытия над четвёртым блоком АЭС – оставалось немногим более месяца.

И тут я получил телеграмму. В ней сообщалось, что мне надлежит срочно прибыть в столицу, так как через два дня в Испанию отправляется делегация кинематографистов, в которой числился и я. Об этой поездке было известно заранее, не знал только срока.

Я срочно выехал в Киев, благо сделать это было нетрудно – в нашем распоряжении находилась машина. В киевском аэропорту Борисполь сел на ближайший самолет в Москву – помогли чернобыльские справки. С ними считались. Утром на следующий день пошёл в знакомое здание на Васильевской – наш Союз, получил документы. А ещё через несколько часов приземлился в Мадриде, в аэропорту Барахас.

Скажу честно, перенестись из суровой и опасной обстановки эпицентра атомной катастрофы в беззаботную праздничность европейской столицы, причём с интервалом в два дня – само по себе ощущение не из слабых. Тем не менее не шедшее в сравнение с потрясением,

которое я испытал, распаковав в гостинице дорожную сумку.

Как выяснилось, в спешке сборов я перепутал пакеты и выложил у приятеля тот, в котором находились разного рода мелочи вроде мыла, зубной щётки, бритвы и прочего. Но не в их отсутствии было дело.

Из сумки в гостинице «Карлтон» я извлёк пакет с тремя десятками фотоплёнок, отснятых в Чернобыле за последний месяц, — тот, который я собирался оставить в Москве.

Меня прошиб холодный пот, на что была серьёзная причина. Требующая, правда, пояснений.

Шёл восемьдесят шестой год. Слова «перестройка» и «гласность» мы только учились выговаривать. Это потом будем недоумевать: то, о чём знает весь мир, у нас окружено завесой строжайшей секретности. В Чернобыле не было ни одного иностранного корреспондента, хотя они рвались туда. Информация, попадавшая на экран Центрального телевидения, равно как и в газеты, просеивалась сквозь мелкое сито цензуры. Рядом с развалом упал военный вертолёт, зацепившись за трос крана (мы сняли это), — в прессе молчание. Когда группа появилась в Зоне, от нас потребовали... сценарий. С трудом удалось убедить — в документальном кино это невозможно. «Ладно, снимайте, — махнул рукой начальник политотдела Управления строительства, — потом чтобы всё до кадра показали кому надо. Мы сами решим, что можно, что нельзя тащить на экран».

А я, получается, вывез за границу секретнейшие материалы!

Один маленький пример. В Чернобыле были задействованы западногерманские краны «Демаг» огромной грузоподъёмности, с огромным вылетом стрелы, без помощи которых вряд ли было возможно сооружение саркофага. Увидев, что мы снимаем работу этих уникальных механизмов, к нам подошёл невысокий сухощавый человек, одетый, как и все здесь, в чёрную хлопчатобумажную робу:

— Да, ребята, за эти кадры вам огромные деньги фирма отвалила! За рекламу. А у нас скажут так: «Они просили пустить их поснимать, но мы не разрешили — начнут болтать, что мы без импортной техники не справимся с аварией».

Сказал это Геннадий Георгиевич Ведерников, заместитель председателя Совета министров СССР, председатель Правительственной комиссии.

Я не побежал искать испанское представительство фирмы «Демаг». Не пошёл и в редакцию газеты El País, которая явно не отказалась бы вставить фотилу всем мировым изданиям.

Вместо этого перевязал пакет с фотоплёнками верёвочкой и спрятал на дно сумки, прикрыв запасной рубашкой. Так и ездил двенадцать дней по солнечной стране, щёлкая направо и налево своим стареньким «ФЭДом», у которого за падала кнопка и не всегда срабатывал затвор.

Тем самым «ФЭДом», которым снимал в Чернобыле уникальные кадры, за которые...

В общем, вы всё поняли.

ОРДЕНОНОСЕЦ ЛЕБЕДЕВ

Где-то в шестидесятых работал на студии режиссёр Николай Иванович Лебедев, Лебедок, как звали его за глаза.

Был он чрезвычайно худ, отличался повышенной нервностью, возможно, от злоупотребления горячительными напитками. Особо уважал «бормотушку» — дешёвое плодово-ягодное вино, которое в народе называли «плодово-выгодным». Считал себя его ценителем и знатком. «Налейте мне стакан, — говорил Николай Иванович, — и я с закрытыми глазами отличу «Яблочное» Тогучинского райпищекомбината от «Яблочного» мочищенского разлива. Букет, понимаешь, у мочищенского не тот».

Проводили эксперимент, наливали — отличал, действительно.

Снимал Лебедев только заказные техпропагандистские фильмы. На любые темы — от прогрессивных методов выращивания свиней до техники безопасности в угольной промышленности. Получал за них не только деньги, но и награды.

Дело в том, что на ВДНХ в те годы шёл постоянно действующий конкурс подобных картин, и многие киноработы такого жанра удостоивались медалей главной выставки страны — золотых, серебряных и бронзовых. По внешнему виду, особенно издали, эти медали здорово смахивали на знак лауреата Ленинской премии — такой же кругляшок на такой же колодке, может только чуть поменьше диаметром. Изображение на них было, конечно, другим, да кто же разглядит сразу?

У Лебедева таких медалей было целых пять штук. Он драил их специальным порошком для солдатских блях, купленным в «Военторге» и, надев на пиджак, ходил, неся плечо с медалями немного впереди. Для тех, кто видел его впер-

вые, эффект был убойным! Кстати, эти медали однажды сослужили Лебедку хорошую службу.

Случилось так, что он остался без квартиры. Поменяв квартиру, уехал в Казань к дочери, там не пожилось, вернулся в Новосибирск уже бездомным. И тогда, особо усердно начистив свои награды, пошёл на приём в горисполком. Там, рванув на себе рубашку, произнёс: «Неужели человек, которого столь высоко отметило родное государство, будет жить по чужим углам?». Чиновник, ведавший распределением жилья, заворожённый сиянием наград, струхнул и тут же подписал ордер на трёхкомнатную квартиру.

И еще Лебедев запомнился исторической фразой: «Советский режиссёр не может жить на 2 рубля 60 копеек в день!». Это была суточная сумма командировочных расходов. Хотя на самом деле жить на такие деньги было можно, так как пол-литровая бутылка любимого Лебедем «Яблочного» стоила в ту пору один рубль десять копеек, а плавленый сырок – одиннадцать копеек.

Кстати, то и другое – вполне приличного качества.

БРАТЯ-ОТЛИЧНИКИ

Появилась новая награда: знак «Отличник кинематографии СССР», прямоугольный значок красного цвета с лавровой веточкой в уголке.

Давали его ветеранам Министерства кинематографии, не делая различия, в какой системе работает человек – кинопроизводства или кинопроката. И та, и другая в систему самого Министерства входили.

На студии знак отличника кинематографии первым получил режиссёр Михаил Александрович Лукацкий. Был нескрываяемо счастлив и горд.

Случилось так, что вскоре Лукацкий поехал на юг.

Далее – его рассказ: «Иду в Сочи по набережной. Страшно жарко, все в рубашках. Я обливаюсь потом, но всё равно пиджак не снимаю – у меня на лацкане награда, пусть все видят! Навстречу идёт человек, тоже в костюме, с таким же значком. Меня увидел, бросился, как к родному, с криком: «Брат, ты где крутишь?».

Оказалось – киномеханик из Рязани.

Документалистов в ту пору наградами не баловали.

ТРИ СЕКУНДЫ – И ВСЯ ЖИЗНЬ

На студию Анатолия Хомякова зазвал младший брат Владимир.

Оба стали прекрасными операторами – со своей манерой, своими пристрастиями. Владимир снимал более изысканно и, если это можно говорить о документальных съёмках, художественно. Анатолий – более цепкий репортёр. Аскетично-худой, подтянутый, выносливый, способный «трое суток шагать, трое суток не спать ради нескольких кадров в кассете...».

Последние годы работал в корпункте в Кузбассе. Однажды на Запсибе вводили в строй новый конверторный цех. Вредные выбросы должны отводить гигантская, высотой в тридцатиэтажный дом, труба. На ней собирались поднять и установить флаг. Внутри трубы ходил технологический строительный подъёмник.

Хомяков договорился с бригадиром – бригада, которой предстояло поднять флаг, возьмёт его с собой. Но люлька подъёмника ушла без оператора, трудно сказать, по причине злого умысла или нет. Хомяков осмотрелся и увидел: на внешней стороне трубы вбиты скобы. Причём без всякого ограждения – были зачем-то нужны в процессе строительства. Анатолий посмотрел вверх, потом закинул «Конвас» и аккумулятор за спину и, цепляясь за скобы, полез вверх.

Без ограждения, напоминаю!

Кто-то предостерегающе крикнул, но он ничего не слышал.

На одном порыве долез до половины, считай, пятнадцать этажей.

«И тут я сделал ошибку, – рассказывал Анатолий. – Посмотрел вниз. Делать этого в таких случаях категорически нельзя. Земля – далеко-далеко... Ладони сжались в спазме. Всё. Ни вверх, ни вниз. Чувствую, могу сделать только одно – разжать кулаки, и... сами понимаете. Вот она какая, секунда, когда с жизнью прощаются. Жену вспомнил, сына Ярославчика – недавно родился. Уже вижу себя, лежащим на земле бездыханно. Разобьюсь, факт, вариантов нет. И тут в голове мысль: «Работяги сначала перепугаются, а потом будут говорить: киношник-то слабый оказался». И эта мысль обидная мне почему-то силы придала. Полез вверх. Когда выбрался на площадку на самом верху трубы, там все белые были от страха. Бригадир кричит: «Твою мать, я ведь в тюрьму бы пошёл, если что с тобой! Водрузили флаг, я снял, поехали вниз – в люльке, естественно».

На экране этот кадр занимает три секунды. А мог и вообще не войти, если бы режиссёру не понравился.

ВСТРЕЧА НА ОКОЛИЦЕ

У Георгия Александровича Цветкова доброе открытое лицо, он часто улыбался, и всем своим видом как бы говорил человеку, которого он снимал: «Вы мне чрезвычайно приятны и интересны! Таким себя и увидите на экране!» И даже в записных передовиках, избалованных прессой, открывалось что-то личное, человеческое, глубоко спрятанное. Редкий дар для документалистов!

Он любил «травить» о своих молодых годах, пришедшихся на тридцатые годы:

«Поехал я как-то из одного райцентра в колхоз, там какие-то необыкновенные надои у одной доярки были. В районе сказали – она, мол, тянет на республиканский почин. Если ещё в кино попадёт, может, и на Героя. Еду. Это сейчас просто: сел в машину – и на месте! А нам с ассистентом дали тогда лошадь и возницу из местных, погрузил я «Дебри» свою с ручным ещё приводом, треногу, юфк квадратный с плёнкой – до круглых ещё не додумались, и мы – чух, чух, потихоньку двинулись в путь. Поля, околки, речушки с деревянными мостиками-настилами... Останавливаемся в красивых местах, я пару пейзажей снял – адресные планы, так тогда говорили. Без них редакция сюжет не принимала. К вечеру дело. Малость осталось. Возница говорит: «Может, ещё в сельсовет поспеем, чтобы на ночлег определили. Из района-то обещали позвонить». Деревня завиднелась. Что это? Народ у околицы, флаг красный, плакат над головой какой-то... Праздник, что ли? Я на всякий случай камеру из ящика достаю, говорю ассистенту: «Кассету приготовь...». Подъезжаем. Вижу – помост из свежих досок сколочен, на него два мужика залазят: секретарь партиячейки и председатель колхоза, как потом узнал. Слышу, объявляют: «Митинг, посвящённый приезду в наше село первого советского кинооператора, объявляется открытым!» Вот как было, да... Любили нас. Молодым не понять...»

Уйдя на пенсию, Георгий Александрович стал заправским пасечником. От него вкусно пахло мёдом, лугом, дымком, которым он окуривал пчёл. В город летом он приезжал на оценочную комиссию – раз в месяц всем киножурналам и фильмам давали, как тогда говорили, «группу оплаты». Вижу как сейчас: «Журнал хороший... Но мало, понимаете, сихронов! Вот мы, понимаете, такой техники не имели, а всё равно старались снимать сихронно!».

Слово «синхрон» он говорить так и не научился.

ФУЖЕР ЧАЯ

Конец восьмидесятых, Ленинград, кинофестиваль.

Мероприятия такого рода по традиции начинаются и заканчиваются банкетом, читай – пьянкой. На этот раз есть одно пикантное обстоятельство.

В стране полным ходом идет трезвенническая кампания. Гулять в таких условиях как-то неудобно. Посиделки по поводу открытия фестиваля отменяются.

На завершающий банкет участников приглашают в отель «Ленинград», парадные двери которого выходят на Неву аккуратно напротив вечной стоянки легендарного крейсера «Аврора». Столы ломятся от изысканнейших яств, хотя в стране бумажная колбаса ещё распределяется по карточкам, застенчиво именуемым талонами. Осетрина и севрюга, чёрная икра, буженина... и ни капли спиртного! В хрустальных графинах – морсы, квасы, минералка.

Публика грустно жуёт деликатесы, с отворачиванием запивая сладкой водичкой.

Однако есть и опытные люди. За соседним с нами столиком с подозрительно весёлой компанией сидит маститый Станислав Ростокский. Время от времени он производит руками какие-то манипуляции под столом, в результате чего на скатерти появляются фужеры с напитком цвета свежесваренного чая.

Мимо проходит Зиновий Гердт. Я слышу разговор.

– Зяма, присаживайся, попей с нами чайку, – гостеприимно приглашает Ростокский.

– Индийский? – понимающе осведомляется Гердт.

– Армянский, – отвечает Ростокский, пододвигая фужер.

Гердт с видимым удовольствием нанизывает на вилочку дольку лимона.

К чаю положено.

ЧУДИК

Отношение сельских жителей к своему знаменитому земляку, Шукшину, было, как бы это сказать помягче... разным.

На деревенской улочке к нам подошёл мужик в кепке, заломленной по здешней моде на затылок, – типичный чудик из шукшинского рассказа.

– Про Ваську сымаете? Ну-ну.

– А вы что, знали его?

– Хм, знал... Кореша мы, по девкам вместе бегали. Книжки-то Васькины читали? Он описывает, как на нас один папахен собак спустил. Васька-то убежал, а у меня клочок из задницы кобелюка выдрал. Вы почитайте, почитайте. Половину того, что написано, я ему рассказывал. Мог и сам, конечно, написать...

– А чего ж не написал?

– А когда мне писаниной-то заниматься? Отцу-матери помогать, сено косить. Дрова на зиму готовить. А Васька лентяй был, ничё не делал по хозяйству, рассказы свои строчил – ну, с моих слов. Он и сам теперь, когда приезжает, говорит: «Спасибо тебе, Михаил (Михаил – это я), спасибо!» Я говорит, много у тебя почерпнул. А почему всё? Лентяй потому что. А вы кина про него смотрите. Ну-ну, давайте, – разрешил он.

И дальше пошёл. Мужичок был в лёгком подпитии по случаю выходного дня. Может, по какому ещё.

БАНЫКА

– Мария Сергеевна, можете показать в Сростках дом, где вы Васю своего родили? – этот вопрос задаю я матери Шукшина, Марии Сергеевне Куксиной.

– Да какой там дом! Мы же тогда беднотой были, не дай бог. В избе не повернуться. Скотина тут же. Время рожать пришло, я к богатому мужику попросилась. В баню. В баньке и родила. Её уж нет давно, и место не упомяну.

Факт не столь, может, и значительный, но всё равно интересный, я нигде не встречал.

Ни в одной книге о Шукшине, ни у него самого.

Хотя о баньке он писал не однажды.

Причём с большим чувством.

САПОГИ

Матери Шукшина не понравился памятник сыну, установленный у входа в музей. Бронзовую фигуру в полный рост делали и отливали в Москве, в Сростки привезли уже готовую.

Шукшин в соответствии с расхожим представлением изображён в простецкой рубаше и сапогах – этаким деревенский свой парень.

– Вы Васю железного не снимайте, – попросила она нас. – Не Вася это. Что же они его в сапогах-то сделали? У него чё, ботинок не было?

МАРК ДОНСКОЙ. БАЙКА В БАЙКЕ

Жарким летним днём после купания в Москва-реке я гулял со своим другом Ярославом

Ярополовым по тенистой аллее Серебряного бора.

Высокие липы давали желанную прохладу, крутилось колесо обозрений, повизгивали детишки, на скамейках благодушествовали сытые московские пенсионеры.

Внезапно Ярослав остановился:

– Кто это, знаешь? Марк Донской!

Ещё бы я не знал эту фамилию! Я же его сдавал во ВГИК по курсу «История советского кино». Режиссёр фильмов «Радуга», «Сельская учительница», «Алитет уходит в горы» и многих-многих других. Феллини в одном интервью сказал, что весь итальянский неореализм вырос из Марка Донского, а сам он состоялся как режиссёр под влиянием своего московского друга. Одним словом – классик!

Ярослав в ту пору, сделав блестящую карьеру, занимал немалый пост – был директором Бюро пропаганды советского кино. На каком-то фестивале незадолго до того он общался с Донским, и потому подошёл к нему без робости.

– Люблю сюда ходить, – объяснил классик своё появление в парке. – Живу неподалёку. Думается здесь хорошо.

– Над чем работаете, Марк Семёнович?

– Вот – сценарий написал. Современный. Хороший.

Говорил он короткими фразами, как бы захлабываясь. Такое бывает с настоящими художниками – мысль и эмоции опережают слова.

– Сами ставить будете?

– Какой ставить! Не утверждают сценарий-то! – засмеялся Донской. – Не утверждают! – он как бы радовался этому обстоятельству.

– Как это – не утверждают? – недоумевающее спросил я. – Кто это может у вас что-то утверждать или не утверждать?

– Представьте, может! Герой у меня подлец. А я фамилию ему дал Ермашкин.

Мы с Ярославом разублались.

– Вот-вот! Мне потом объяснили – у нас в кино главный сейчас с какой-то похожей фамилией...

«Главным в кино» в ту пору – всеильным председателем Госкино СССР, действительно, был человек «с похожей фамилией» – Ермаш.

– Мне говорят: поменяй фамилию. А я не хочу – мне эта нравится. Поменяй, говорят, что тебе стоит, и всё пойдёт. А я не хочу! Пусть будет Ермашкин. Хорошая фамилия для героя. А никакого Ермаша я не знаю, и знать не хочу!

Говорил Донской без тени улыбки, так, что нельзя было понять, всерьёз или дурачится человек.

Всё же, наверное, дурачился.

НЕ ТУДА ПОПАЛ

В заполярном посёлке Хатанга, который называют воротами Таймыра, встречаем знакомого из Новосибирска – фотокорреспондента ТАСС. Он прилетел вместе с экономической экспедицией сибирских учёных, путешествующей по Крайнему северу. Как полагается мэтру фотографии, обвешан кофрами и аппаратами. Вид отчего-то невесёлый. Рассказывает:

– Узнаю: готовится мощная поездка учёных по северам. Руководит Аганбегян Абел Гезович, я его снимал когда-то, так что знакомы. Маршрут – закачаешься! Тикси, Певек, Хатанга, Диксон – сказка. Договорился, выбил у своего начальства командировку. Ну, думаю, снимаю от души. Неделя прошла, а я одну плёнку не могу добыть. Почему? Всё выглядит так. Прилетаем в Уренгой. В аэропорту встречают, везут в райком партии. Секретарь райкома у карты с указкой: «Здесь у нас новое месторождение газовое, отсюда строим дорогу досюда, тут проектируем посёлок». Учёным этого достаточно, для них дорога, посёлок, вышка нефтяная, вообще человек – категории абстрактные! А мне-то это увидеть и снять надо! После райкома они в машины – и на банкет. Потом гостиница. До утра режутся в преферанс. Утром в аэропорт – полетели. Мне что, физиономии их снимать? Могу и в Новосибирске это сделать...

– Так пошёл бы к Аганбегяну, объяснил. Поди, поймёт, академик как никак!

– Пошёл, ну... А он говорит: «Значит, вы ошиблись». Довод привёл убийственный.

– Какой?

– У нас, говорит, экспедиция экономическая, а вам надо в фотографическую.

БОЛИД УПАЛ В ТАЙГУ

Звонок из Госкино СССР: «Послезавтра к вам в Новосибирск прилетит Антонин Броусил, ректор Пражской академии киноискусства, председатель жюри Московского кинофестиваля. Профессор выразил желание побывать в Сибири. У него там какие-то особые интересы, обещал сказать о них на месте. Имейте в виду – это очень, очень большая величина. Он содействует продвижению советских фильмов в Чехослова-

кии. Так что – выполнять любые пожелания. Ясно?»

Куда ясней.

С директором студии Владимиром Павловичем Сафоновым прикинули, что особенного может пожелать гость.

В те годы – начало семидесятых – гремел Новосибирский оперный. Студия даже сняла фильм с неслабым названием «Большой театр Сибири». Сводим профессора в театр, не проблема, на всякий случай узнали – в программе «Жизель». В Академгородок, конечно, – геологический музей, всем иностранцам его показывают. Захочет, попытаемся устроить встречу с Лаврентьевым, отношения с «дедом», как все его зовут за глаза, у студии прекрасные – фильм о нём сняли только что. Покажем студийную программу... Что ещё?

Знаменитый киновед, которого машина Интуриста привезла на студию из аэропорта, оказался сухоньким человеком интеллигентного облика. Хорошо в годах. Не успели мы с Сафоновым «огласить всё меню», как он прервал. Ничего из предложенного не интересует. В оперном театре недавно был в Милане, наука его не волнует. «Все мои коллеги поехали в Сочи, и... как это? В Пи-цун-ду. Я правильно говорю? Я один сказал, что полечу в Сибирь, потому что давно хочу увидеть настоящую сибирскую тайгу, о которой много читал. А также место, где упал Тунгусский болид. Всё».

Мы переглянулись. До непроходимых болот, куда более полувека назад шлёпнулся метеорит, или что это было, полторы тысячи километров. И только отчаянные смельчаки снаряжают туда экспедиции. «Дело в том...» – начал я, заикаясь. Сафонов прервал: «Хорошо. Завтра всё это вы увидите», – обращаясь к Броусилу.

На следующий день заехали в гостиницу к профессору. Долго не могли достучаться. Профессор вышел помятый и невыспавшийся. По его словам, всю ночь звонили какие-то леди, предлагали услуги, в которых он не нуждается. Заснул под утро, когда вспомнил о специальных вкладышах в уши, которые купил во Франции.

Профессор позавтракал, и мы поехали на студийном «газике» в Караканский бор. Проехали сотню километров по трассе, потом ещё около двух десятков по лесной дороге, пока она не выклинилась в сосняке. Профессор вышел из машины. «Это настоящая сибирская тайга?» – спросил он подозрительно. Мы дружно заверили, что более настоящей не бывает.

Гость сделал несколько шагов, подобрал сосновую шишку, зачем-то её понюхал, аккуратно завернул в платок и положил в карман. Пояснил: из поездок по миру он всегда привозит экзотические сувениры. Из Китая привёз камень – кусочек Великой Китайской стены. Купил его в одной лавочке в Пекине. Шишка из настоящей сибирской тайги – тоже раритет, он будет в Праге показывать её друзьям.

«Если это тайга, – вдруг спохватился Броусил, – где медведи? Или хотя бы следы их пребывания?»

Тут Сафонов привёл в исполнение свой план.

Дело в том, сказал он, что все медведи ушли отсюда из-за плохого урожая кедровых орехов, которыми они питаются. Как раз в район Ванавары, на север Красноярского края, куда упал метеорит. Там орехов больше. И потому посещение этого района связано со смертельным риском. Недавно медведи загрызли одного из участников экспедиции – очевидно, орехов всё же недостаточно. Но если профессор пожелает...

«Нет-нет», – сказал профессор. Ему вполне хватает сознания того, что он находится поблизости от места падения замечательного Тунгусского болида. Он не будет настаивать на его посещении.

Мы сели в «газик» и вернулись на студию.

На следующий день Антонин Броусил улетел в Москву, увозя с собой раритетную сосновую шишку.

До сих пор у меня есть большие сомнения по поводу подлинности камня из Великой Китайской стены, который профессору впарили в Пекине.

Но шишка – настоящая!

ОПЕЧАТКА

На студию поступает заказ. Правительственный.

Предыстория такая. Андропов, пришедший к власти в стране после смерти Брежнева, посетил в Москве станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе.

Почему он выбрал это не самое главное столичное предприятие, никто не знает. Возможно, каким-то образом его уговорил министр станкостроительной промышленности по фамилии Бальмонт. Кстати, не просто однофамилец знаменитого русского поэта-декадента, а его родня, внучатый племянник.

Как бы то ни было, Андропов, с первых дней своего секретарства круто взявшийся за наведение дисциплины в стране, на заводе побывал, осмотрел пару цехов и, как нам потом рассказали, сказал министру: «Ладно, тут ты порядок навёл. Но я же не смогу побывать на всех заводах! Вот ты бы снял фильм про свою отрасль да показал мне».

Слова первого лица государства, брошенные, возможно, между делом, естественно, были восприняты как приказ.

Тут же Госкино сверх всяческих графиков включило в план производства полнометражный фильм «Советское станкостроение – экономический и социальный прогресс». Предполагалось, что снимать надо все заводы подобного профиля в стране – от Владивостока до Калининграда. И потому выполнение ответственного задания поручили студии, географически находящейся как раз посередине этой оси, то есть Новосибирской.

Сформировали группу – я в качестве автора сценария и режиссёра, Володя Лапин – оператор. Само собой – ассистент оператора и осветитель. Я поставил условие: на весь съёмочный период за нами закрепляется машина. Дирекции ничего не оставалось, как это условие принять, и мы отправились в путь.

Брежнев – имеется в виду город, в недавнем прошлом Набережные Челны, Иваново, Воронеж, Рязань, Москва. Съёмки были очень трудными – металл, грохочущие цеха, обычная заводская неразбериха, но я вспоминаю эту командировку с большим удовольствием. И потому, что у нас была очень дружная съёмочная группа, и потому, что мы находили возможность вырваться в интересные места: на Дон под Воронежем, в Константиново под Рязанью, на Истру под Москвой. И ещё потому, что все мы были тогда ошеломительно молоды – ценить это обстоятельство учишься только с годами...

Когда-нибудь, возможно, я расскажу об этих съёмках подробнее. К примеру, о гордости отечественного станкостроения – автоматической поточной линии по производству корпусов моторных блоков на заводе в Иванове. Линия эта, управляемая умной электроникой, без участия человека производила больше сотни сложных операций – сверлила, растачивала, шлифовала эти самые многопудовые блоки. И всё бы ничего, но конвейер время от времени непредсказуемо останавливался. Для того чтобы линия

пришла в движение, надо было из соседнего цеха звать дядю Петю, который один на всем заводе знал, в какое место надо ударить кувалдой, после чего система оживала. Клянусь, не анекдот! Снимать технологическое звено в виде дяди Пети с его умной кувалдой мы не стали, справедливо рассудив, что такой эпизод вряд ли понравится Андропову.

В Рязани два пэтэушника остались на ночь в цехе, зубилом и молотком вскрыли системы новеньких японских ЧПУ – числовых программных устройств – как вы думаете, для чего? Ни за что не догадаетесь. Для того чтобы наковырять транзисторов для своих копеечных детекторных радиоприёмников. Купленные на золото устройства, естественно, вышли из строя, японцы чинить их отказались, завод сорвал оборонный заказ. После этого всю оставшуюся электронику спрятали в специально изготовленные сейфы из бронебойной стали, поставили гаражные замки, ключи от которых начальник цеха выдавал под расписку. Пацанов судили, но по малолетству и дурачности отпустили.

Доехав до Москвы, мы отправились на тот самый станкозавод, с которого всё началось, имеется в виду посещение Андропова.

Над проходной висел кумачовый плакат, плотно аж в пять строк, разъясняющее, за что именно рабочим надо бороться.

Мы начали снимать общий план, но я остановил оператора – что-то меня царапало. Сказался старый редакторский навык – ловить опечатки, что называется, на лету.

Вот! В словах «за повышение производительности труда». Вместо «производительности» значилось «призводительности».

Я пошёл в партком и сказал об этом секретарю. «Не может такого быть!» – схватился он за голову. Мы вышли к проходной и убедились в моей правоте. «Да под этим плакатом Генеральный секретарь проходил, – убито сказал партийный лидер, – его три месяца каждый день тысячи человек читают...» «А может, не читают?» – осторожно предположил я. «Да-да, вы правы, конечно... – забормотал секретарь, довольно молодой человек, – не читают, кому это надо...» Через час плакат сняли, имею в виду не в кино, а со стены над проходной. Но это событие, я думаю, осталось незамеченным.

Фильм мы сняли, смонтировали, сдали.

Андропов, правда, его не увидел.

Причина была уважительной.

Умер.

«С БРЕЖНЕВОМ ГОВОРИТЬ БУДЕТЕ...»

Приезжаю домой после длительной командировки. Узнаю семейные новости, рассказываю сам. Беру телефон, чтобы позвонить друзьям, замечаю: корпус аппарата основательно разбит. Что случилось? Жена рассказывает историю. Звонок глубокой ночью, в три часа. Это всегда тревожно. Жена в темноте хватается телефон в руки, снимает трубку. Женский голос: «Это такой-то телефон?» – «Да». – «Не кладите трубочку, с Брежневым говорить будете». Телефон летит на пол.

Теперь пояснения, если кто не понял. Буквально через месяц после кончины Леонида Ильича город с прекрасным названием Набережные Челны переименовали – он стал Брежнев. Там я и находился на съёмках. Телефонная связь очень плохая – на почте меня предупредили, что с Новосибирском соединят только ночью. Выбора не было.

«С Брежневым говорить будете...»

Остальное вы знаете.

ЧУДЕСНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Алтайское село Балыктыюль по соседству со знаменитым Пазырыком – местом, где при раскопках курганов были сделаны открытия мирового уровня. Поднимающиеся в гору кривые улочки, деревянные дома – для зимы, островершие пирамиды-аилы – летнее жилище.

За дырявой изгородью из жердей замечаем девочку-алтайку. Чумазая мордашка, чернущие миндалевидные глазёнки, драное платьишко, сбитые локти и коленки. Сосёт грязный палец, с любопытством наблюдая за нами. Типаж!

Рядом с аилом сидит на корточках, вычёсывая овечью шерсть, молодая алтайка, явно мама.

– Мы киногруппа, фильм снимаем об Алтае, о вашей деревне... Можно к вам зайти?

Хозяйка берёт девочку за руку и, не говоря ни слова, скрывается в аиле. Мы недоумеваем: можно, нельзя? Через пару минут алтайка появляется – с дочкой.

Боже! Личико, по которому провели мокрой тряпкой, розовое платьишко колоколом, огромный бант на голове. Наверное, именно так выглядят ангелы у алтайцев. Стоит, руки по швам – пай-девочка. В довершение ко всему по лицу блуждает глупая-преглупая улыбка – снимайте!

– На американскую плёнку? – вздыхает оператор.

– На американку, – соглашаюсь я.

Шифрованная фраза, известная всем киношникам. Означает: снимать придётся, но на пустую кассету.

СОБАКИ В ИГРКЕ

По Игарке бегали голубые и зелёные собаки.

Псам это, как видно, не мешало. Они вели себя как полагается их родичам менее экзотических цветов. Строго говоря, собаки были не буквально голубыми. Кто-то перемазал их краской, будто сумасшедший художник-авангардист создал в северном городе гигантскую инсталляцию.

Мы долго гадали по поводу причин загадочного явления. А потом встретили дедка, выходящего из калитки с цветной собакой. Состоялся разговор:

– Это ваша собака?

– Моя. Чья ещё?

– А что это она зелёная такая?

– Сам-то как думаешь?

– Вот мы и гадаем... Заборы где-то красят?

Потёрлась и перемазалась?

– Х-ох! Потёрлась! Она что, свинья? Это свиньи так чешутся.

– Так что же?

– Это я ей жизнь подарил, понятно?

– Нет.

– Да как если у нас собаке шкуру не попортить, её в два счёта пустят на унты или шапку! Все так делают.

Так просто решилась загадка.

ГЕРОСТРАТ МЕСТНОГО РАЗЛИВА

Всеволод Михайлович Сушкевич начал кинематографическую деятельность ещё в тридцатые годы – сначала в мультцехе, потом оператором на студии кинохроники. И тогда же, в тридцатых, собрал большую коллекцию киноплакатов. Здесь надо напомнить, что плакаты тех лет вообще и киноплакаты в частности представляют особое явление в нашей художественной культуре. Над ними работали выдающиеся отечественные мастера: Дейнека, Моор, Лисицкий, Родченко и другие. Отдельные плакаты сохранились в единичных экземплярах и считаются большим раритетом.

Я с Сушкевичем познакомился в шестидесятые и, узнав о его замечательном собрании, принялся ныть: покажите. Он обещал, потом забы-

вал, отнекивался, словом, всё тянулось. Занявшись организацией музея на студии, я стал просить его сделать выставку, а лучше – передать коллекцию в музей. Ну не хочет в студийный – пусть в городской. Он опять начал обещать, но ничего не делал.

Потом Сушкевич ушёл на пенсию и как-то исчез из вида. В конце восьмидесятых я случайно узнал, что он уезжает из города к родственникам, живущим где-то в Европе. Я позвонил, попросил о встрече, сославшись на надобность записать его воспоминания. Встретились, ему было уже за восемьдесят. Воспоминания я не только записал, но и снял на плёнку.

А в конце разговора снова вышел на тему, мол, теперь-то зачем вам везти эту тяжесть...

– А нет плакатов, – сказал Сушкевич.

– Где же они?

– Я их сжёг, – сообщил он буднично.

– Как – сжёг???

– А так вот, – он сделал движение рукой, – чиркнул спичкой и сжёг. На мусорке.

– 3-зачем? – только и мог выговорить я.

– Кому это сейчас нужно? Это сейчас никому не нужно, – непререкаемым тоном пояснил Сушкевич.

Вскоре он уехал. Я попытался узнать у родственников, может, пошутил? Подтвердили: сжёг. Вот и всё.

Эх, Всеволод Михайлович! Если правда, что все наши земные деяния там, наверху, записываются в некие скрижали, этот ваш поступок попал в раздел «Грехи наши тяжкие».

Бог вам судья.

КУВАЛДА КАК ИНСТРУМЕНТ СПИСАНИЯ

Было на предприятиях, возможно, есть и сейчас, такое понятие: «списание основных средств».

Означает оно следующее. Разного рода оборудование, отслужившее свой срок по нормативам, подлежит ликвидации и замене новым. В принципе, наверное, всё правильно – на новом станке работать лучше, чем на старом. Но тут, по мнению особо бдительных товарищей, есть тонкий момент. А вдруг старый станок, в принципе ещё вполне исправный, кто-нибудь из нечестных людей утащит и начнёт на нём точить детали дома? И таким образом будет обогащаться, составляя конкуренцию Форду или Вандербильту? Чтобы этого не произошло, полагалось привести списываемое оборудование в негодность.

Каким образом? Очень просто: расколотив кувалдой.

Операция, сильно пахивающая вандализмом, производилась в присутствии специальной комиссии, одним из главных действующих лиц в которой был главный бухгалтер. Поскольку киностудия являлась частью системы – тянет сказать «социалистической» – подобное происходило и здесь. Станками, то есть предметами производства на студии являются кинокамеры, объективы, штативы и прочее съёмочное оборудование. Периодически полагалось его списывать – обновлять парк.

В пятидесятых и шестидесятых годах под кувалду пошли киноаппараты, верой и правдой долгие годы служившие самым первым нашим киношникам, – «Аскания», «Дебри», «Кинохрон», «Аймо». В основном французские и немецкие – металлические ящики с рукояткой, которую оператору надо было крутить с равномерной скоростью. Выражение «крутить кино», дошедшее до наших дней, означает не только его показывать, но и снимать. На смену пришли мобильные «Конвасы», стационарные камеры для синхронных съёмок «Эра», «Дружба» – с электроприводами и даже некоторым подобием автоматики и электроники. Конечно, они были более портативными, оперативными, удобными. Печальная судьба ждала старенькие «Кинохроны», открутившие не одну тысячу метров горячего целлулоида. И, кстати, запечатлевшие исторические эпизоды жизни Сибири и страны. Собиралась комиссия, сваливали камеры в кучу, и рабочий с молодецким гэканием начинал свою палаческую работу. По окончании чего составлялся акт, который подписывали все члены комиссии.

Старые киношники предпочитали на это время уезжать в командировки. Говорили, что с одним из них, оператором Хмельёвым, когда у него потребовали сдать камеру для уничтожения, стало плохо. Но что-то по мелочи удавалось спасти.

Механик Николай Осачев по большому секрету показал мне объектив: «Двухсотка, цейсовская. Рисует – божественно. Тут всего дел – выточить колечко, переходник на фотоаппарат». Я пошёл к главбухше: «Зачем вам ходить на улицу, вон какой дождь, самолично расколочу и принесу вам». Ладно, говорит, только покажи обязательно. Я бутылку молотком разбил, железок добавил и всё это в ведре принёс:

– Вот, смотрите, всё по-честному.

– Молодец – говорит, подписала акт.

А объективчик-то – вот он. Ему цены нет!».

Кстати, сегодня цена одной камеры «Дебри» на антикварном рынке – из тех самых десятков и сотен, уничтоженных в порядке «списания основных средств», – соответствует стоимости автомобиля среднего класса.

«МОНЯ, ТЫ ЗАБЫЛ СКАЗАТЬ: «МОТОР!»

Жену режиссёра Лукацкого звали Анной Лазаревой.

Познакомились они перед войной в Одессе. Однажды на танцах студент театрального института совершил необдуманный поступок – от полноты чувств чмокнул в щёчку юную партнёршу. На следующий день она пришла к нему в общежитие с чемоданчиком, сказала, что её зовут Аня, а также сообщила, что расценила поцелуй как пылкое объяснение в любви и предложение провести оставшуюся часть жизни вместе. Она согласна. Если Соломончик по какой-то причине считает по-другому, это не имеет никакого значения, потому что Аня уже сообщила о своём решении маме и папе, они сгорают от нетерпения обнять своего зятя и уже готовят свадебные еврейские блюда.

С этого дня Анна неотлучно находилась при муже-режиссёре. Вместо длинного Соломон она звала его просто Монею.

Подобно женам декабристов, поехала с ним в Сибирь.

На съёмках Анна добровольно взяла на себя важную функцию. Было принято – режиссёры того времени отдавали оператору команду начать съёмку, произнося слово: «Мотор!». А Моня был ужасно забывчивым и мог сказать что-нибудь другое, например: «Снимай!». Или ещё хуже: «Поехали!». Оператор нажимал кнопку. И тогда Аня бросалась на съёмочную площадку с криком: «Стоп! Моня, ты забыл сказать: «Мотор!»

Фамилию человека, выполнявшего столь ответственную работу, не писали в титрах.

Аня считала это глубокой несправедливостью.

ДЕНЩИК МАРШАЛА

Иван Степанович Левяков на студии работал начальником осветительного цеха. Плёнка была малочувствительной, на съёмку приходилось возить кучу осветительных приборов, прожекторов, кабелей, штативов. Всё это хозяйство у Ле-

вякова было в идеальном порядке разложено на стеллажах и в любое время готово к работе.

Иван Степанович – немолодой мужик, старательный, немногословный. Фронтвик.

Однажды я оказался с ним в командировке в райцентре Тюменской области. Снимали сельскую жизнь. В гостинице нашей группе дали одну большую комнату, все варились в одном котле.

Как-то за вечерним чаем (а может быть, не чаем) мы принялись расспрашивать Ивана Степановича о войне: где, на каких фронтах был, в каких сражениях участвовал.

Вытянуть всё это из него оказалось делом непростым – ну, воевал, ну, отступали сначала, потом наступали. Где? Под Сталинградом, на Первом Белорусском, на Третьем...

– А потом попал к Фёдору Ивановичу...

– Какому Фёдору Ивановичу?

– Ну, Толбухину, маршалу. В штаб.

– Маршала? В штаб? Кем, Иван Степанович? Уж не адъютантом ли?

– Ну, навроде того...

Как-то не вязался простецкий облик нашего собеседника с представлением о лихо щёлкающими каблуками в ответ на приказание щеголеватых адъютантах больших военачальников...

– А что же ты делал, Иван Степанович, у прославленного маршала?

Из дальнейших расспросов выяснилось, что главные обязанности нашего собеседника были связаны с надобностью держать в полном порядке мундир, шинель, начищать сапоги, драить медали Толбухина.

– Иван Степанович, выходит, ты денщиком, что ли, был?

– Хотите – так называйте... Только это слово не говорили. Порученец. А кто, по-вашему, будет всё это делать? Сам, что ли? У него времени нет, а жён тогда с собой не возили. Хотя кто-то находил, случалось, пэпэжэ...

– Кого?

– Походно-полевую жену. Но Фёдор Иванович – ни-ни. У него с этим строго. Чай из самовара любил, я ставил...

– Какой же самовар на фронте?

– В штабной машине возили... Ну, это уже к концу войны, там полегче стало. В Грецию летали на переговоры с союзниками. Всякое было. Раз я свежую рубашку принёс, Фёдор Иванович попросил, а тут Сталин позвонил. О чём говорили, я шибко не прислушивался. Не моё дело. Фёдор Иванович после войны предлагал поехать к

нему в Москву. Я, говорит, Ваня, привык к тебе. Квартиру выправлю, женишься. Учиться будешь. Нет, говорю, Фёдор Иванович, домой хочу, в Сибирь. Она мне четыре года снилась. Конечно, если бы приказал, я – что? Под козырёк – и готово дело! Но он с пониманием отнёсся. Сам ведь из простых крестьян родом.

До сих пор не прощу себе – не сняли мы, киношники, Ивана Степановича ни в этот вечер, ни потом. А ведь хороший мог бы получиться фильм! «Денщик маршала». Ведь кто-то и правда на войне драил до зеркального блеска сапоги генералам и маршалам, кипятил им чай, стирал рубахи, пропотевшие в душных землянках...

Такая страничка войны, о которой не говорили тогда, и не вспоминаем сейчас. Стесняемся как бы.

Бронзовый Толбухин стоит в Москве на Самотёчной площади. Проходя мимо, я каждый раз вспоминаю Ивана Степановича, денщика маршала.

ЕСТЬ ТАКАЯ ИНСТРУКЦИЯ

Техника обычно ломается в самое неподходящее время. В том числе и киносъёмочная.

С немалыми трудностями мы добрались до глухой деревушки, затерявшейся в лесах и болотах Архангельской области. Шли дожди, дорогу развезло, и поездка превратилась в испытание нервов. Но всё, как известно, когда-нибудь заканчивается, и мы достигли цели.

Но как только расположились в колхозной гостинице – так называемой «заежке», выяснилось, что кочки и ухабы сыграли роковую роль в судьбе нашей камеры, хотя оператор практически всю дорогу держал её на руках.

Камера «умерла».

Ассистент Саша поменял элементы аккумулятора, потыкал отвёрткой – бесполезно. Решили не пороть горячку по принципу «утро вечера мудренее».

Однако же всё, что удалось сделать утром, – поставить диагноз. Да, мотор. А запасного, который обычно возим с собой, нет. Так получилось.

Утром наши расстроенные физиономии увидел зашедший заведующий отделением – главный местный начальник.

– Вот, похоже, не судьба, придётся возвращаться... Не солоно снимавши, – сообщили мы грустную новость.

– А что случилось-то?

– Движок, ну мотор.

– Может, с питанием что?
 – Нет, аккумулятор в порядке, проверили.
 – Движок, говорите? – заведующий задумался.
 – Ладно, подошлю я одного человека. Он разберётся.

Саша недоверчиво спросил:

– У вас что, супертехник в деревне есть? Специалист по съёмочной аппаратуре?

– По аппаратуре нет. А в двигателях здорово понимает. На дизеле работает.

– На каком дизеле?! У нас техника п-прецизионная, – Саша от волнения всегда заикался.

– Говорю же, специалист. Не переживайте, Через час в заезжку пришёл хмуроватый мужик в ватнике, пропитанном неистребимым запахом солянки и машинного масла. Не здороваясь, он мельком глянул на разобранный движок камеры с торчащими проводками и спросил:

– Что тут у вас?

– А в-вы в этом разбираетесь?

– Не пашет, что ли? Так. Вот этот синенький проводок куда идёт – на массу?

– Н-нет, знаете, тут не так всё просто. Техника п-прецизионная...

– На красненьком есть напруга? Мерили? – мужик не слышал Сашу. – Перекидывай.

– К-как перекидывай? Нельзя, полярность изменится, мотор может с-сгореть.

– Перекидывай, – требовательно ткнул он пальцем с въевшейся машинной грязью в нежные внутренности съёмочного аппарата. – Хуже не будет, всё равно ж не работает. Теперь прикручивай. Пробуй.

Саша, демонстрируя всем своим видом возмущение и протест, проделал операции и нажал спусковую кнопку.

Движок зажужжал.

– Контакты ещё почисть маленько. Ладно, я пошёл, мне на смену пора.

После ухода дизелиста Саша долго сидел, потрясённо глядя на оживший «Конвас».

– Ну, могла обмотка дать дуба. Ну, мог от тряски контакт полететь. Но чтобы полярность изменить... Н-не знаю. Ни в одной инструкции об этом не сказано.

Я человек, плохо разбирающийся в технике. Но тут меня осенило:

– Сказано, Саша.

– Где, в к-какой?

– В инструкции к колхозному дизелю.

НЕ НРАВИТЕСЬ ВЫ МНЕ, РЕБЯТА...

Салехард, одноэтажное деревянное здание аэропорта. Привычный к задержкам рейсов северный народ ждёт прилётов и вылетов своих самолётов и вертолётчиков. Бич (бывший интеллигентный человек) канючит у геологов: «Командир, возьми работягой! Я летом не пью, гадам буду!»

На стенке рядом с расписанием рейсов – объявление крупными буквами. Читаем: «Вывоз рыбы ценных сортов запрещён. При обнаружении в багаже – штраф!»

И далее подробнейший прейскурант: «Стерлядь – 1 000 рублей, муксун, чир, сиг – 800 рублей, омуль – 500 рублей» – и так далее. Всё это – штраф «за голову». То есть за штуку. Прикидываем – у нас тысяч на пятьсот. Или на триста, что не легче. Последняя съёмка была в гостеприимной рыбацкой бригаде – сами понимают... Была не была, как-нибудь выкрутимся.

На пункте досмотра милиционер, пожилой старшина.

Далее разговор, который я привожу стенографически.

– Что тут у вас? – кивает он на яффы, большие железные банки для киноплёнки.

Их у нас двенадцать штук. С плёнкой – три. Остальные – сами понимаете, с чем.

– Киноплёнка.

– Не нравятся вы мне, ребята. Открывайте.

– Нельзя, засветится.

– Как засветится? Три дня назад телевидение летело московское, у них ничего не засвечивалось.

– У телевидения плёнка магнитная. Мы киностудия, у нас киноплёнка, как в фотоаппарате. «Кодак», три тысячи метров.

– Не нравятся вы мне, ребята... Документы есть?

– Вот удостоверение, вот командировочное. Читайте: «Киностудия».

– Тут не написано, что у вас в коробках. Ну, хоть одну откройте...

– Ладно, откроем. Но вы нам подпишете бумагу: «В случае порчи обязуюсь оплатить». Два доллара метр. Плюс экспедиционные расходы.

– Я что, идиот?

Голос по динамику: «Досмотр, что у вас? Погода портится, посадку задерживаем!»

– Ладно, проходите. Ох, не нравятся вы мне, ребята...

Через пятнадцать минут мы в воздухе. Впереди – Новосибирск, на магазинных прилавках – минтай да ещё неведомая морская рыба, у которой хвост начинается прямо от головы.

Понимаем, что нарушать нехорошо, но что делать? У всех семьи, друзья...

НАШ ДЕВИЗ – КОРПОРАТИВНОСТЬ

Самый обычный эмалированный таз. Ещё недавно такой можно было купить в любом хозяйственном магазине. Сейчас, правда, их вытесняют пластмассовые собраты, лёгкие и яркие, но в домах металлических ёмкостей осталось предостаточно, уж больно удобны для разных нужд.

Таз, о котором я рассказываю, видал виды, кое-где с краёв откололась эмаль, словом, как говорят в Одессе, был достаточно пошарпанным.

Человек, стоящий рядом со мной, кивнув на таз, попросил:

– Вы поднимите, не стесняйтесь...

Я уверенно взялся за края, сделал усилие и... не смог оторвать от пола ни на самую малость! Дно таза было словно приклеено!

Дело в том, что таз был засыпан песком – почти до верха, на два-три пальца ниже краёв. И не простым.

Золотым!

Мудрая природа словно стремится компенсировать суровость Колымы обилием сокровищ, спрятанных в недрах насквозь промерзшей земли. Одно из главных богатств – благородный металл, золото. Твёрдые горные породы, в которых находятся самородки, за миллионы лет геологической истории разрушились. Но само золото, металл довольно мягкий, никуда не исчезло, просто превратилось в песок. По всему этому краю его и добывают с помощью довольно примитивной технологии.

Найдя перспективный участок, добытчики ставят гидромониторы – своего рода пожарные насосы. Вода под давлением размывает грунт, бульдозеры сгребают его на наклонную ленту транспортёра, высланную ячеистыми резиновыми ковриками, по ней, опять же с водой, пульпа скатывается вниз. Крупинки золота, будучи в этой массе самыми тяжёлыми, остаются в ячеях. Коврики снимают, промывают, песок в опечатанных контейнерах отправляют для окончательной доводки на так называемые ШОФы – шлихообогащительные фабрики.

Мы, не без труда получив разрешение, снимаем на одной такой в Омсукчанском районе.

Но как-то уж больно невыразительно выглядит этот побитый таз с сокровищем, которое тянет не знаю на сколько тысяч или миллионов рублей!

Я зачерпываю полную пригоршню, подношу к объективу киноаппарата и показываю оператору: «Снимай».

Прислушиваюсь к себе: тянет ли рассовать это богатство по карманам и бежать, бежать... Нет, не тянет. Просто любопытство: сколько здесь? Наш сопровождающий, главный инженер, опытным глазом прикидывает – килограмма два. Может, два сто. На жизнь хватит. Ну на жизнь – это если весь таз, но пригоршня – тоже хорошо.

Володя Лапин снимает крупный план.

Я разжимаю ладони, слегка влажный песок шмякается в таз. Тут же мне подставляют ещё один таз – с чистой водой.

– Ручки сполосните, пожалуйста...

– Они у меня не грязные, – пытаюсь шутить.

– А вы помойте, помойте...

Крупинки золота, прилипшие к пальцам, опускаются на дно.

72

На стене цеха вижу плакат: «Наш девиз – корпоративность!». Нам объясняют: это означает, что в помещении, где работают с золотом (так и сказали: «работают с золотом»), обязано находиться несколько человек. Не меньше трёх.

Потому что два могут сговориться о хищении.

– Трое не могут? – задаю я провокационный вопрос.

– Почему не могут? Могут, – пожимает плечами главный инженер, – но вероятность меньше. Побоятся, что один стукнет.

Нас здесь пятеро, так что всё в порядке.

КАКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ НГАНАСАНЕ?

Накануне очередного Дня кино оператор Женя Корзун даёт интервью журналистке иркутской молодёжки, девушке-практикантке. Первый её вопрос:

– Вы, наверное, много ездите...

– Да уж, профессия такая. Вот, буквально неделю назад был за Полярным кругом, у нганасан.

– Кто это такие?

– Народность северная. Их мало осталось, около ста человек. Язык свой. Между прочим,

слово «нганасан», знаете, что означает? Человек. Когда нганасан знакомится и говорит: «Я нганасан», это означает: «Я человек!» Человек, понимаете? Большое самоуважение.

– Ой, как интересно! Обязательно об этом напишу.

На следующий день выходит газета.

Женя открывает и читает: «Неделю назад оператор Корзун вернулся с Севера. Снимал малочисленную народность, которая называется нганасане. Когда нганасан знакомится с приезжим, он говорит: «Я нганасан!». Как рассказал вашему корреспонденту Евгений, это означает: «Я русский!».

Ни больше ни меньше.

РАЗВЕСИСТАЯ КУКУРУЗА

Эту историю рассказал мне иркутский оператор Миша Колесников – человек с большим чувством юмора и столь же полным отсутствием чувства меры, я имею в виду «её, родимую». Что его и погубило в конце концов.

...На студию пришёл срочный приказ из Москвы – для киножурнала «Новости дня» снять сюжет о возделывании кукурузы. Да не где-нибудь, а на Севере. Желательно – крайнем.

Будет уместно пояснить, что дело произошло в шестидесятых годах, когда наш лидер Никита Сергеевич Хрущёв вернулся из Америки, вдохновленный идеей засеять кукурузой всё пространство родины. От южных пустынь до тундры. И это, по замыслу Хрущёва, точнее – под сказке американских фермеров, приведёт к процветанию страны и резкому повышению благосостояния советского народа, жившего в ту пору, честно говоря, не шибко богато.

Из редакции обзвонили все северные районы, однако богатыми урожаями никто похвастаться не мог – кукуруза на мёрзлой земле если и всходила, то вырастала достаточно хилой. А уж до увесистых початков дело и вовсе не доходило.

Тем не менее оператор с ассистентом полетели в Дудинку.

– Есть у нас одно хозяйство, – задумчиво сказал секретарь райкома, – кукуруза там по соседству с карликовой берёзой взошла. Но выросла по пояс. Для нас это достижение – Север, вечная мерзлота!

– Едем! – сказал оператор.

На студии у него была репутация мага и чародея, не завалившего ни одной съёмки.

Увиденное поначалу сильно озадачило. Тощие, в палец, стебли никак не тянули на придуманное хлёсткое название «Чудо-кудесница прописалась в тундре».

Однако оператор был профессионалом. Походив, похмыкав и поприкидывая, он решительно приказал колхозникам:

– Становитесь на колени!

– Зачем?

– Надо для искусства.

Агроном и колхозники послушно встали и... произошло чудо – в визире камеры кукуруза оказалась им по грудь, а отдельные стебли – выше головы.

– Так, хорошо! А теперь пошли! Да не вставайте, на коленях идите!

Плёнку привезли на студию, проявили, отпечатали позитив. Редакция и «худсовет» обратились на просмотр.

Низкое северное небо, кукурузная делянка... панорама... в кадре колхозники... осматривают посевы, переговариваются. Как видно, они довольны урожаем. Идут, но передвигаются как-то странно – рывками.

В зале – лёгкое недоумение.

– А что это они... так? – озадачился главный редактор.

И тут оператор сказал фразу, которая вошла в анналы студии. И не только студии – всей сибирской кинохроники.

– А они, эта... на конях!

ФОТОШОП

Оператор Женя Корзун получил в Кремле Государственную премию и по протоколу сфотографировался с президентом В. В. Путиным. Ему вручили снимок, он привёз его домой в Иркутск, вставил в рамку и повесил на стенку.

А однажды решил сделать ремонт и пригласил бригаду – двух девушек-маляров. Они походили по квартире, профессионально оценивая предстоящую работу. Одна, увидев на снимке хозяина квартиры рядом с президентом, понимающе сказала:

– А! Фотошоп! У брата такая есть, он на компьютере сам сделал. Я тоже хочу попросить, только не с Путиным, а с кем-нибудь. С Макаревичем или с Лещенко...

– Лучше с Димой Биланом. В обнимку.

– Точно! – обрадовалась девушка. – Так и попрошу.

АЛИНГВИЯ

Есть такое понятие: «Алингвия». Означает оно следующее: человек не может усвоить нормы грамотности. Слово «корова», написанное через «а», кажется ему совершенно нормальным. И знание правил здесь решительно ни при чём. Между прочим, это понимал академик Лаврентьев. Однажды ему на стол положили текст, написанный другим академиком. Человек, сделавший это, был недоброжелателем автора текста, и все грамматические ошибки – а их было огромное количество – исправил красным карандашом. Лаврентьев прочитал и сказал: «Дайте ему хорошую машинистку, и дело с концом! Учёный-то он очень хороший!»

Это я вот к чему.

Один мой знакомый, кинематографист, как раз и отличался колоссальной безграмотностью. Его даже из школы в своё время не хотели выпускать. Он пошёл работать на студию, стал замечательным оператором и получил Государственную премию. А в дипломе было написано: «За заслуги в области литературы и искусства». Такая стандартная формулировка.

Все годы после школы он встречался со своей учительницей и пошёл к ней показать награду. И они долго смеялись, читая слова в дипломе: «В области литературы».

Вот такие кульбиты выделяет жизнь.

ЧТО ТАКОЕ СА?

Погоны рядовых Советской армии были абсолютно чистыми – ни букв, ни цифр, ни звёздочек. Что стало основанием для присловья: солдатские погоны чисты, как его совесть. Но однажды в семидесятых появились буквы «СА» – «Советская Армия». Первыми в новую форму переодели военных музыкантов.

Это предыстория. А история такая.

Ассистент оператора Вадим Краснопевцев, первый раз увидев на съёмке солдат с новыми погонами, пошёл с вопросом к своему шефу – оператору Георгию Александровичу Цветкову. Тот переспросил:

– Музыканты, говоришь?

– Ну да, оркестр.

– А... понял. Это просто. СА означает: «Сводный оркестр».

«САМ!»

25 июля, Алтай, гора Пикет, тысячи людей, безуспешно укрывающихся от нестерпимого солнца, деревянный помост-сцена с московскими звёздами. Очередной шукшинский праздник.

По краю поля медленно катит милицмейская машина с мигалкой. В невидимом динамике предупреждающее «фу-фу». Народ расступается. За милицмейской машиной – чёрная «Волга». Останавливается за помостом. Открывается дверца, из неё вываливается – именно так! – огромный человек в длинном, до пят плаще. Ба! Михаил Евдокимов, знаменитая «рожа красная!» Ныне – вальяжный губернатор Алтайского края.

И тут происходит то, свидетелями чего мы оказываемся. Стоявший рядом с нами щедущий деревенский парнишка, по виду – типичный шукшинский чудик, с любопытством наблюдающий, как оператор перезаряжает кассету, окаменеет. Появление Евдокимова для него – чудо, явление Бога! Издав какой-то булькающий звук, он растопыривает ладони и бросается к приехавшему с намерением то ли потрогать и убедиться в реальности происходящего, то ли приложиться к ручке. Душевный порыв!

В ту же секунду Евдокимов суёт навстречу ему кулак размером с боксёрскую перчатку со словами: «Ты чё, больной?!». Чудик отлетает, как мячик. Евдокимов, не глядя по сторонам, поднимается на сцену-помост. Его встречает восторженный рёв многотысячной толпы.

Праздник заканчивается, людской поток рекой течёт вниз, в сторону Чуйского тракта, обочина которого сплошь запружена машинами. Случайно натыкаюсь на парнишку. «Он как мне поддаст! Сам! Сам! У меня аж дыхалку перехватило!» – радостно, возбуждённо и, похоже, не первый раз пересказывает он историю окружающим.

Так же, наверное, через годы будет рассказывать своим детям и внукам: «Сам!»

**Вадим
ТЕРЁХИН**

БОГ НЕ ТРЕБУЕТ НАШИХ МОЛИТВ

* * *

*И когда повстречал я бомжа
На каком-то вокзале убогом,
Я подумал, что наша душа
Точно так же смердит перед Богом.*

*Бог не требует наших молитв.
Но лежу пред Тобой распротёртый.
Это я, изнемогший от битв!
Это я – художественный и чёрный!*

*Это я, предъявивший права
И просящий пощады несмело,
Понимаю, что эти слова,
Может быть, наше главное дело.*

* * *

*Не думая о каждом часе
Невольно прожитого дня,
В безудержном однообразье
Уходит время от меня.*

*Но разгоняет жизни морок
Дитя, рождённое на свет.
Последний раз мне будет сорок,
Ну то есть сорок девять лет.*

*И если стоит жить на свете
Не для стяжания венцов,
Нам радость – бабочки и дети
И звон прощальных бубенцов.*

*Нам радость – данная свобода,
Господь, творящий естество.
И честь достойного ухода
Под сень могущества Его.*

* * *

*Мы всегда пребываем вдвоём:
Я и ты, как жар-птица.
Как тебе удалось уместиться
В тесном теле моём?*

*Говорят, ты у нас хороша,
Из-под рваной рубахи
В разудалом славянском размахе
Рвёшься к небу, душа?*

*Говорят, нам с тобой повезло.
И порядок понятен,
Если мало на совести пятен,
Расступается зло.*

75

ТЕРЁХИН Вадим Фёдорович родился 27 января 1963 года в посёлке Песоченский Суворовского района Тульской области. Окончил Казанское высшее военное училище ракетных войск им. маршала артиллерии М. Н. Чистякова и Московский литературный институт им. М. Горького. Служил на космодроме Байконур (1985–1990). С 1991 года – в сфере культуры и искусства. В 2009–2014 годах был заместителем министра – начальником управления Министерства культуры и туризма Калужской области. Автор восьми книг стихов. Печатался в журналах «Наш современник», «Аврора», «Русская провинция», «Подъём», «Роман-журнал XXI век», «Поэзия», «День и ночь», «Ясная Поляна», «День поэзии», «Всемирный Собор», «Балтика», «Север», «Родная Ладога», «Бийский вестник», «Дети Ра» и многих других. Переведён на македонский, арабский, китайский, вьетнамский, итальянский и якутский языки. Сопредседатель Союза писателей России. Живёт в Калуге.

* * *

Слышишь, заводит сверчок
Песню на лире запечной.
Как бы мир не был жесток,
Слово и музыка вечны.

Мы рождены, чтоб пропасть.
Канут во мгле бесконечной
Слава, богатство и власть.
Слово и музыка вечны.

Как же нам жить на земле
Просто, неспешно, сердечно?
В мире, лежащем во зле,
Слово и музыка вечны.

Жизнь поместилась в семь нот.
Но в суете быстротечной
Всё в этом мире пройдёт.
Слово и музыка вечны.

* * *

В. Чижевской

Поэты не пишут доносы,
Что всё здесь не так: вкривь и вкось,
Про сложную жизнь и партвзносы.
Уж так на земле повелось.

Как сладко начальству вопросы
Подкинуть про то и про сё.
Но вот ведь – не пишут доносы
Поэты, не пишут, и всё!

Под едкий дымок папирозы,
А слово их не воробей,
Поэты не пишут доносы.
Не пишут они, хоть убей!

Ну нету у них интереса
Вот так расточать словеса.
Но можно представить Дантеса,
Открывшего миру глаза.

Поэты поют мадригалы.
Они поголовно добры.
Они посылают сигналы
В иные миры.

* * *

Я вступлю в борьбу с коварством
И останусь невредем,
Полновластным государством
По названию Вадим.

Стану доблестным и мудрым,
Для того чтоб все враги
Знали твёрдо – каждым утром
Им вставать не с той ноги.

Я живу во многих лицах:
Сам – свобода, сам – тюрьма –
Распахну свои границы
Вдохновенья и ума.

Укрепиться между строчек
Помоги мне, Божий Сын.
Истребляют одиночек,
Ну а я-то не один.

И в сражении суровом
Среди пепла и огня
Я прошу, чтоб только Слово
Не оставило меня.

* * *

Тёмен язык, и обиден, и зол,
Если он следует дикой природе.
Солнечным светом наполнить глагол
Призваны были Кирилл и Мефодий.

Им помогло провиденье само –
Вера, смирение, промысел Божий.
И обростало навеки письмо
Речью прямой, не на чью непохожей.

Ради спасенья, во имя Христа,
Чтоб замолить осквернённое тело,
Как мотылёк на огонь, на уста
Одушевлённое слово летело.

Каждый теперь в этом племени мог
Сквозь воспалённые связки гортани
Правильно славить того, кто есть Бог!
И называлось то племя славяне.

* * *

*Предчувствуя скорую встречу,
Шатаюсь меж улиц и звёзд,
Находишь соцветие речи,
Чей умысел явно не прост.*

*Ему повинуешься слепо,
Повержен зловещей судьбой.
Быть может, бездонное небо
Опять поделилось с тобой.*

*Быть может, Оттуда явилась
Тончайшая хрупкая нить,
Тебе наказав Божью милость
На белом листе сохранить.*

*А может, на уровне клетки,
Чья суть первобытно чиста,
Вложили далёкие предки
Свой голос вот в эти уста.*

*И ночью, когда на досуге
Ты в дебри сознания проник,
Очнёшься, услыша в испуге
Повисший над джунглями крик.*

*И хочется дикому детству,
Ответствуя, не изменить:
Над собственным несовершенством
Угрюмо по-волчьи завывать.*

* * *

*Два человека, апрель и январь,
Свежесть весенняя, зимняя стужа –
Мы сочинили себе календарь,
Книгу времён под названием «Ксюша».*

*Нам удалось средь российских равнин
То, что нельзя совершить в одиночку, –
Два гороскопа составить в один
И получить знак созвездия – дочку.*

*Соединившись в одно естество,
В сладком грехе между адом и раем,
Мы сотворили себе божество
И по нему свои жизни сверяем.*

* * *

*Кем устрашится естество
В преддверье смертного порога?
Не остаётся никого
На этом свете, кроме Бога.*

*Всё разлетится в пыль и в прах.
Себя здесь не удержит бытом
Живущий на Его устах
Разноязыким алфавитом.*

*Чем успокоится душа?
Нам всем дано из милосердия
Жить вдумчиво и не спеша
И предвкушать своё бессмертье.*

Агата
РЫЖОВА

ФРАГМЕНТЫ НЕНАПИСАННЫХ КНИГ

Обычно это называют дневником писателя, заметками на полях. Просто иногда ко мне приходят абзацы ненаписанных книг. Я понятия не имею, о чём эти книги, что это за истории. Но они очень настойчивы, эти абзацы, эти упорные слова в голове. И я их пишу.

Когда-то я хотела писать для того, чтобы сделать людей счастливыми. Мне было двадцать лет или около того. И я была совершенно убеждена, что вот оно – счастье. Я его в лицо знаю. Это так просто – счастье, а люди почему-то несчастливы. Я им расскажу, и они всё поймут. А потом я хотела писать потому, что однажды поняла – я всё забываю. Живу-живу, совершаю открытия, меняюсь, исчезаю в том виде, в котором была. И всё проходит, всё меняется, всё падает в меня бесследно, как будто я эдакая бездонная яма. И поэтому нужно записывать. Вот так я и думала: писать, чтобы помнить и быть счастливым.

Тысяча пятьсот ударов в минуту.

Так бьётся сердце самого крохотного млекопитающего на земле – карликовой белозубки. Если бы человеческое ухо позволяло такое услышать, получился бы один сплошной звук, ни-

каких пауз. Живи быстро, умри молодым. Вот уж точно. Никаких пауз – одно сплошное «бум». Длина белозубки – три-четыре сантиметра. Можно спрятаться где угодно. Быть кем угодно. Абсолютная свобода. И абсолютная уязвимость. Ты самый маленький, твоё сердце – самое быстрое, и ты неумолимо умрёшь.

78

Так в детстве пахнут простыни, которые папа приносит с балкона. Они пахнут морозной свежестью, пустым пространством, зимой и небом. И я бросаюсь на диван, куда папа их положил, и эти одереженевшие полотна хрустят и будто ломаются подо мной. От простыней становится холодно, мои детские плечики дрожат, и мама строго бросает: «Слезь с дивана – простынешь». А я не простываю. Никогда не простывала, сколько бы ни ломала в руках свежие простыни. Сколько бы ни хватала ртом пустой морозный воздух. Сколько бы под снегом ни целовала...

Всё в жизни происходит глупо и неправильно. Глупо и неправильно потому, что вопреки моей воле. Я, может, хочу быть индонезийской принцессой, жить в тростниковой хижине и питаться с золотого подноса. Да нет, ничего я не хочу. Заберите эти ваши золотые подносы. Со-

РЫЖОВА Агата Юрьевна родилась в 1985 году в Кемерове. Училась в Кемеровском государственном университете на филологическом факультете. В 2009 году заняла первое место на областном состязании молодых поэтов «Кузбасс – точка роста». Автор двух поэтических книг «Мимо всех» и «Путеводитель для stalkера». В 2010 году повесть «Однажды и навсегда» вошла в лонг-лист Всероссийской премии «Дебют». Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

жгите тростниковую хижину – мне она не нужна. Не сжигаете? Значит, я буду страдать. Потому что моя воля – чтобы сожгли. Всё, что не поддается моему контролю, всё, что мне неподвластно, несёт в себе ужас и отчаяние.

Всякий хочет думать, что он хорош: добрый человек, заботливый муж, ответственный сотрудник. Мы вынуждены оправдывать себя каждый раз, когда чуточку не дотягиваем до «хорошести». Я поступил так, потому что у меня не было другого выхода. Обстоятельства, знаете ли. Или я просто не подумал. Или не знал. Или мне было сильно надо.

Достаточно всего один раз признать себя подонком, чтобы перестать оправдываться. Я совершил зло, потому что я подонок. И всё становится просто и ясно. Граница между добром и злом – это моё желание быть хорошей или быть плохой.

Быть подонком просто и приятно. Почти так же, как быть дурой.

Человек, который как раз. Не мал, не велик, а тютелька в тютельку, будто специально скроен. Не бывает тесен, не морщинит на спине, не давит в груди. Носишь его так, будто его нет.

Но я пишу это со скорбью. Моё лицо в зеркале кажется больше черепа. Человек как раз, а моё лицо больше, чем нужно. Просто я вдруг подумала о тех людях, которые не подошли, были больше, или меньше, или я сама резала им подмышки. Тоже ведь отношения, увлекательные иногда. Со страстями, взлётами. А когда как раз, когда не давит, кажется, что ничего и не происходит. Двигаемся в одном темпе. Синхронное плавание. Это, наверно, невероятное везение, когда кто-то скроен по тебе. Я ведь должна быть, наверно, счастлива...

И вот носишься ты с этим своим знаменем страдания. Я, мол, какой-то особенный, я страдаю. Или того хуже: я, видите ли, чувствовать могу. Да что ж тут такого, что чувствовать можешь? Вон и кошка может. Наступи ей на хвост – сразу услышишь, как громко она чувствует. А то и сам проникнешься её чувством, если она в ногу-то вцепится. Невелико достижение – страдать и чувствовать. Но ты же пузыришься, раз-

дуваешься от гордости за самое себя. Куда деваться? Особенный!

Или другое. Ты деньги, например, зарабатываешь. Или карьеру делаешь. Или ноги у тебя длинные. И всё, накрылось медным тазом всё человечество от стыда перед твоим лучезарным ликом. А ведь Билл-то Гейтс больше тебя зарабатывает. А у того же Путина карьера головокружительнее сложилась. А ноги... Ну, не знаю я моделей, сам придумай. По-любому же, есть ноги и длиннее, и красивее. И что, как ты жить-то намереваешься, не будучи Биллом Гейтсом? Дунет ветерок, шмякнется какая-нибудь ерунда на голову – и всё, нет тебя. Букашка ты несуразная, со всеми твоими ногами, и карьерами, и разным твоим барахлом.

Чтобы забыть, нужно позволить себе поминуть. Расслабиться и отдаться на волю памяти. Так, наверное, учатся плавать. Но я не умею плавать. Зато я научилась забывать. Я помню, как это поначалу было мучительно – помнить. Как я упиралась руками в створки этого шкафа, не желая в него лезть. Воспоминание из отрочества: я захожу в свою комнату, а там мой одноклассник Саша запикивает в шкаф моего одноклассника Мишу. А Миша не хочет в шкаф, он раскидывает руки и ноги пошире, но Саша налегает мощным плечом на его спину. У Миши просто не оставалось шансов – Саша был в полтора раза крупнее. Вот и у меня просто не было шанса, но я упиралась, раскидывая подальше руки и ноги, старалась казаться больше и значительнее этого монстра – памяти. А надо-то было просто расслабиться, сделаться мягкой и податливой, отдаться на волю тому плечу, которое давит мне в спину...

Жизнь постепенно налипает обязанностями и обязательствами, уроками и печалью, псевдомудростью и разглагольствованиями. Радости тоже налипают, впечатления, ощущения и открытия. Всё без разбору. И ты становишься тяжелее день ото дня, давишься этой своей самой лучшей жизнью. У меня нет к ней претензий, кроме разве что одной, самой нелепой – я живу слишком давно. Это похоже на то, как если бы я объелась самой вкусной пищей, овощным рагу, например. Еда такая вкусная да и какой может быть вред от тушёных овощей? Но вот я валя-

юсь, придавленная изнутри всем тем прекрасным, что я в себя запихала. Я ленива, сонлива и рассеянна. Мне не нужно ничего, кроме дивана. Уходите все – я перевариваю.

Последний вступительный экзамен сдан, и вот я лечу, парю над пыльной мостовой, мимо зеркальных витрин, коротко подстриженных газонов, липовых деревьев, киосков с мороженым, мимо кричащей обнаженными ногами, пёстрой и беспечной толпы. Будто это не я выбираю направление, а само лето несёт меня на своих широких солнечных крыльях.

Я ловчиха репчатого лука! Бросьте мне луковцу любого размера – я непременно поймаю! Я ловкая ловчиха, обливающая тёплыми слезами свои луковички. Потому что я обязательно должна их разрезать и посмотреть, что внутри. Что бы вы мне ни бросили – я поймаю и загляну внутрь. А если нет нутра, я его выдумываю. Я ловкая-ловчиха-выдумщица-глубоких-смыслов. Когда заглядываешь внутрь, часто хочется плакать. Если заглянуть любому человеку внутрь, обязательно заплачешь. Потому что каждый несёт в себе едкую горечь, и каждый похож на луковичку.

Я ничего не прошу, ничего не требую, не предъявляю претензий, не возмущаюсь, не ропщу, не обвиняю, не воюю, не надеюсь, не питаю иллюзий, не строю планов, не имею далеко идущих намерений. Я, по большому счету, дерево. Я позволяю солнцу согреть меня, а дождю – смывать пыль с моих листьев. И молния откалывает мою старую ветку просто потому, что ветка мне мешает.

Иногда у меня возникает желание. Глупенькое, любое. Хочу воздушный шарик. Сейчас хочу, а завтра забываю. Мне всё равно, будет он у меня или нет. Мне некогда тратить на это желание свои душевные силы – я слишком много живу. Приходит случайный человек и протягивает мне воздушный шарик – на. Спасибо. И так происходит всегда. Чего бы я ни хотела.

И вот, валяясь на чьём-нибудь ковре в чьей-нибудь гостиной, слушая, как читает свои стихи мой любимый поэт, видя рядом с собой восхитительных, будто из романа вышедших людей, я чувствую себя абсолютно, невероятно, невозможно счастливой. Так, что даже оторопь берёт:

откуда это всё? за какие заслуги? достойна ли? или завтра спохватятся и отберут?

Не отберут. Потому что нечего. У меня ничего нет. Мне ничего не нужно. Спасибо.

А там, снаружи, на большой земле, в открытом социуме: что они только ни говорят о скуке, обыденности, развращённости и нашем «плохом» времени, как только ни хаот мир, жизнь и друг друга, как они воюют, как ломают себе хребты...

Как все люди моего круга общения мечтают о Питере, с тем же бессмысленным рвением я мечтаю о Камчатке. В моей географической тоске нет ничего определённого, кроме трёх пунктов: «уехать куда-нибудь подальше», «по возможности поближе к первозданной природе» и «экзотика». О Камчатке сейчас мечтать не принято. О ней и не вспоминает никто. Кроме меня и Виктора Цоя, вечноживого, словно вечнозелёное растение. А потом я вспоминаю, что в детстве в наших играх фигурировала Камчатка. Проиграешь – на Камчатку. Значит, в самый конец очереди. Быть на Камчатке – это значит быть последним. И последние станут первыми. А однажды я пила чай с человеком, который девять месяцев жил на Камчатке. Это было в мастерской художника, двухэтажной мансарде – как это ни диковинно для наших широт и долгот, на которых не произрастает ничего, кроме сталинок, хрущёвок и Виктора Цоя. Мы пили с художником зелёный чай, слушали джаз с заезженной пластинки, и он рассказывал мне о Камчатке. Художники, безумные поэты, остров, на который нанимают работать счетоводом морских львов. Вручают деревянную конструкцию без дна, в которой нужно передвигаться, чтобы не смущать животных, и полугодовой запас продуктов. И никого в целом свете.

Все люди определяются своей системой ценностей. Мы живём именно так, как мы оцениваем. Если мы не ценим своего времени, мы готовы тратить его на всякую ерунду вроде компьютерных игр и просмотра ток-шоу. Если мы не ценим себя, мы готовы тратить на людей, которые плохо с нами обращаются. Всё просто. В зависимости от своей системы ценностей люди условно делятся на социально-культурные группы. Ценности внутри группы более-менее одно-

родны. Мы дружим с теми, кто нас понимает. Нас понимают те, кто имеет примерно такие же интересы, а значит, ценности. Спорить с представителем другой социально-культурной группы бессмысленно. Он смотрит на вещи совершенно иначе, в его голове другая схема восприятия. Отойди, не трать на это энергию.

Мы будто рыбки в разных аквариумах. Можем быть как угодно близко друг к другу, но никогда не соприкоснёмся в полной мере.

Я, кажется, начинаю смахивать на робота. Здесь я потрачусь, а здесь не буду. Здесь нужно натянуть вожжи, там — приспустить. В данный момент нужно расслабиться, иначе я угроблю себя. Говорят, если пьяный человек вывалится из окна, он скорее всего не покалечится — потому что расслаблен. А хомячок без каких-либо последствий падает на пол с высоты моего роста. Он всегда мягкий, вряд ли он знает, что такое напряжение. С возрастом научаешься пользоваться собой, будто автоматом. Здесь приспустить, там нажать, тут абстрагироваться. А если не выходит — создадим нужные условия, поставим себя перед фактом, загоним в заданный коридор. Будто сам себе хныкающий ребёнок, которого необходимо успокоить. Есть слово, которым называют манипуляцию самим собой? Ах да! Самоконтроль. И ещё одно — воля.

Такова моя воля.

Я отдохну, и вокруг меня снова начнёт воссоздаваться мир настоящего. Он прорастёт точно из зёрнышек меня. Пока живу, я разбрасываю вокруг свои зёрнышки: свои поступки, слова, ожидания, сожаления, мечты. (Мечты я разбрасываю особенно усердно.) А потом самое главное — отвернуться от них, увлечься чем-то другим. И они прорастут. Они всегда прорастают. Только нужно обязательно отвернуться. Это примерно то же самое, когда ждёшь, чтобы в кастрюле закипела вода. Стоишь над душой кастрюли, а вода даже и не собирается закипать. Редко-редко со дна поднимаются пузырьки. А теперь отойди, не мешай — ты уже сделал главное. Ты уже намечтал, набоялся завтрашнее настоящее. Отвернись — и вода закипит.

Меня спросят: где же тут события? где история? Истории нет — и всё здесь история. Успокаивающее ничто.

«Мы ведь не для того себя воспитывали, чтобы чинить табуретки и готовить ужин».

Я обратила внимание на «себя воспитывали».

Мы себя воспитывали, питали книжками и небом, похожим на дверь с облупившейся краской. А для чего тогда? Отрицание предполагает утверждение. Для чего тогда?

Я не спросила.

Меня сейчас осенило, что люди, которые ушли, имеют гораздо больше шансов на любовь, чем те, которые остались. Ушедшего легко наряжать в кружевные шелковые платишки, возносить на любую высоту и вечно нянчить в своей душе. Имеющийся в наличии такого поведения по отношению к себе никогда не допустит. Он обрушится всей тяжестью своей человечности, своего несовершенства даже с самой крохотной кочки.

Самое главное — закончить историю вовремя. Упустил момент — и всё, герой твой ковыряется в носу, или раскидывает носки по углам, или просто оказывается так себе, не героем. А ты ведь его, наверно, ещё попытаешься поднять, дотянуть до героического уровня: «Эй, герой, ну ты чего? Что ты такое делаешь? Немедленно прекрати». Но нет, он всё равно ковыряется и раскидывает. И никто не виноват. Просто нужно вовремя ставить точку.

Моя сестра боится грома, разговоров про конец света и, как выяснилось, летать на самолётах. Во всех перечисленных случаях она забивается в угол дивана, подтягивает к подбородку свои исцарапанные коленки, зажимает уши руками и начинает реветь. Крупная первая слеза сползает по её пухлой щеке к носу и висит некоторое время над верхней губой. Затем, наверно, капля попадает в рот — куда же ей ещё деваться? Я не знаю точно, что там происходит с заповедной детской слезинкой, потому что ужас как не люблю Софьиных истерик и стараюсь быстрее улизнуть из эпицентра очередной трагедии.

О, блаженное детство, когда все мирские несовершенства можно устранить, пролив пару солёных капель и зажав покрепче уши руками.

87

* * *

И я ведь знаю, зачем сюда пришла. Знание такое простое, такое элементарное: мне нужно научиться любить всё существующее и понять, что каждая вещь занимает своё – правильное, такое необходимое ей – место. Всё, что есть, – правильно, и все правы. Какую бы галиматью ни говорил А, как бы ни пыжился от чувства собственного достоинства Б – оба правы. А это моё несогласие с ними, этот мой внутренний протест возникает от того, что я их не люблю. А значит – я не права. Трудный урок – полюбить всё суще-

ствующее скопом, без всяких условий, без всяких выгод. Просто принять как данность. И награда какая-то непонятная, сомнительная – стать звёздной пылью. Просто вернуться домой. Наверно, так.

* * *

Стародавний, сколько-то лет назад предавший меня близкий друг говаривал:

– Запиши, а то я zapomню.

И я пишу.

Чтобы никого не обременять свежей памятью.

**Анатолий
ИЛЕНКО**

**ЧТО ПЕЛО, ПЛАКАЛО
В ГРУДИ**

* * *

Я иду, босой и русский,
По теплу несмятых трав,
Озорной, совсем безусый,
К солнцу голову подняв.
Небо сплошь в разводах синих,
Облака плывут чисты,
Любопытные осины
Шелестят: «Откуда ты?»
Здесь я взял своё начало,
Жили здесь отец и дед,
Здесь земля меня качала
На руках счастливых лет.
Путь далёкий мне назначив,
Птицы вслед поют: «Живи!»
В сердце бьёт родник горячий
Нерастроченной любви,
Ко всему, что примечталось,
Пело, плакало в груди,
Что проехало-промчалось
И что встречу впереди.

* * *

Колю дрова, душой слова рифмую,
Поленицу кладу за рядом ряд.
Любой мороз в тепле перезимую,
А снегопаду буду даже рад.

83

Ведь мне теперь от жизни много надо:
Чтоб в доме было от детей светло,
Чтоб ты была всегда со мною рядом
И наше время медленней бы шло.

С задорным треском ухают поленья,
Ты вяжешь что-то, сидя у окна;
Рождается в груди стихотворенье,
И можно днём довольным быть спола.

* * *

В. Баянову

По селу сугробы стелются,
Переулки замело.
На дворе поёт метелица,
Словно просится в тепло.

В доме тихо, принаряженно.
Дед на лавке. Рядом кот,
Весь умытый и приглаженный, –
Дорогого гостя ждёт.

Затянуло деда чтение,
От газет не оторвать,
Долго ждал он воскресение,
Чтобы вволю почитать.

ИЛЕНКО Анатолий Павлович родился 20 августа 1941 года в городе Таш-Кумыр, что на юге Киргизии. Детство и юность прошли на Волге, в селе Кашир Самарской области. Окончил Безенчукский сельскохозяйственный техникум. В 1960 году в числе группы выпускников-добровольцев приехал на работу в Сибирь. Окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт, позже – новосибирскую Высшую партийную школу. Работал управляющим Верхотомского отделения, директором Щегловского совхоза Кемеровского района, первым секретарём Тисульского райкома партии. Член Союза писателей России. Публиковался в журналах «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «День и ночь», «Огни Кузбасса», «Южная звезда». Автор пяти книг стихов. Живёт в Кемерове.

И старуха нынче добрая,
В кои веки не ворчит –
Над стряпнёй колдует сдобною
Да посудю бренчит.

Ей с утра сегодня чудятся
Чьи-то быстрые шаги.
Может, внучек с дальней улицы
Прибежит на пироги.

* * *

Избы, бани, колодцы, сараи,
В огородах картошка, морковь, –
Что ещё, я, ей-богу, не знаю,
Может так волновать мою кровь.

Возвращается с выгонов стадо,
Суета над деревней плывёт,
Мать с гостинцем спешит за ограду, –
Хлеб в ладонях корове несёт.

Побродил я по свету немало,
Пыль глотал по чужим городам,
Там тревожно душа тосковала
Вот по этим родимым местам.

Перелески, поля, луговины,
Грустной дымкой колышется свет;
Я вовеки тебя не покину,
Край, где мой обозначился след.

Сядет солнце за дальнею рощей,
И потянет прохладой с реки;
Жить мне будет здесь вовсе не проще –
Потеснитесь чуть-чуть, мужики.

* * *

Родом я вот из этой деревни,
По всему видно, тут и умру.
Поклонюсь, благодарный, деревьям,
Терпеливо учившим добру.

Помолчу, заглядевшись на травы,
Станет тихо в лугах и светло.
Они, может, по-своему правы,
Коль бывшее былём поросло.

Так зачем тогда манит дорога,
Где заботами душу томил?
Мне довольно того, что немного
Нужным этим окрестностям был.

Зябь пахал, сеял рожь и пшеницу,
От половы зерно отбивал.
Строил школу, коровник, больницу
И заблудшим как мог помогал.

Попрощаться ни с кем не забуду,
Вспомню каждого в милом краю.
 Попрошу их: «Хорошие люди,
Берегите деревню мою».

* * *

Запах вспаханного поля
Кружит голову, пьяня,
И уводит поневоле
За околицу меня.

Мимо сонных скирд соломы,
Вдоль озимых зеленей;
И чем дальше я от дома,
Тем он ближе и родней.

Светит окнами с пригорка,
Манит шёпотом берёз.
В нём ржаного хлеба корка,
Мне отрадная до слёз.

УУ

**Александр
РАЕВСКИЙ**

БЕРЁЗОВЫЙ ВЕТЕР

1812 ГОД

Среднерусские равнины –
Вены рек. Холмы, поля.
Тучи. Избы да овины.
Шлем былинный в ковылях.
Звякнет дальняя церквушка,
Тонко тронет слух Христа,
И – покой; лесной кукушки
Сонный счёт... А где-то там...
Разноцветным ручейком
Дать отпор Наполеону
Шли походные колонны,
Шли знамёна и иконы
Мимо пушкинских окон...

МАЙ 1945 ГОДА

Всё!.. Кто выжил, те в свой дом
Придут не похоронками.
Твердь усеяна кругом
Гильзами, воронками...
Мир настал – сойти с ума!..
Что ж, начнём жить заново!
...Дым. Рейхстаг. Цветущий май,
«Валенки» Руслановой.
Реет выше синевы
Знамя то – нетленное!
И бредут по мостовым
Те – военнопленные...

Вновь Европе на года
Не тлеть на наковаленке;
Победили – как всегда! –
Ватники и валенки.

КРЕЩЕНСКИЙ ДЕНЬ

Улицы, дома и переулки
Сжала стужа жёстко и всерьёз,
Так, что в рощах деревенских гулко
Лопались стволы седых берёз.
Глубина вселенская звучала
Тонким-тонким звоном бубенца, –
Этой песне не было начала,
Этой грусти не было конца.
Холодно и солнечно на диво!
Смолкли все земные голоса.
Что-то на земле происходило,
Что-то совершалось в небесах...
И никто не ведал, что в пределах,
Где-то на задворках бытия,
Тихо во дворе заиндевелом
Мальчик очарованный стоял.

БЕЛАЯ КОЗА

На холме растёт трава,
На траве лежит коза,
В голубую даль упёрла
Безразличные глаза.

85

РАЕВСКИЙ Александр Дмитриевич родился в 1951 году в селе Алабуга Каргитского района Новосибирской области. Служил в армии. Окончил Новокузнецкий пединститут. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке. Автор нескольких книг стихов: «Полуденный костёр», «Пьяные цветы» и др. Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2003 год. Член союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

Может, сытая она,
Может, дремлет в ней душа,
Всё равно на летнем фоне
Так бела и хороша!
Холм, стрекозы, облака...
Отвяжусь вот от стиха,
Прибегу к ней с белой кружкой,
 Попрошу: «Дай молочка!».

КОНИ

Не скажу, когда и где:
В воскресенье, в среду ли,
В Барабе ли, в Кулунде –
Лошади мне встретились.
Днём паслись невядалеке,
Пред грозой ли, после ли;
Их двенадцать в табунке,
По числу апостолов.
Вижу, есть среди гнедых
Воронные, рыжие...
Где же светлый пастырь их,
Почему не вижу я?
К ним навстречу побежал,
Радостно приветствуя!..
Вдруг один, косясь, заржал
Звонко, но невесело.
Дружно все отозвались
И степными травами
В даль внезапно понеслись,
Крылья вдруг расправили...
Вознеслись над ковылём,
Пропадают в мареве...
...Я побрёл пустой землёй
До села Комарьева.
«Что спугнуло тех коней, –
Думал обречённо я, –
Что учуяли во мне –
Неужели чёрное?..»

* * *

Наевшись жизни оголтелой,
Устав сражаться в темноте,
Устав метаться в тесноте,
Душа донашивает тело,
Уже готовая взлететь.
Уже ей чужды мир жестокий
И агрессивная среда,
Покинув землю навсегда,
К своим таинственным истокам,
К мирам ли грозным и далёким –
Взлетит куда?..

* * *

Травы, звери, птички переливы!..
Радуюсь, мелькая и звуча,
Всё живёт в неведенье счастливом...
Только людям введома печаль.
Знаем мы, что есть на свете нечисть,
Только, уподобленным почти,
Нам понять «вечность», «бесконечность» –
Разум, бедный разум! – не постичь.
Но зато (как милость иль немилость?)
Осознать такое не сумею,
Свыше нам зачем-то приоткрылась
Сущность рокового слова «смерть».
Проступая сквозь свинец ненастья,
Сквозь весёлый полдень голубой,
Чёрная «temento mori» надпись,
Словно меч, висит над головой.
С тайною надеждой и тревогой
В большинстве своём на склоне лет
Молим приютиться ближе к Богу,
Веря: рядом с Богом смерти нет.

МОЁ БОЛОТО

Не моря, где шторм о скалы бьётся,
Не реки широкая дуга, –
Мне привычной тихие болотца
В ряске, в изумрудных берегах.
Может, потому, что возле печки,
От стихий родился далеко –
Не было в деревне даже речки,
Лишь за ней глухое озеро.
Камыши там, чуть шурша, нависли,
Заглядевшись в воду, как в трюмо;
И торчали «котики» меж листьев,
Словно в шоколаде эскимо.
Часто там бывал я. Для сиденья
Острого рогоза наломав,
Вёл свои простые наблюдения,
Счастлив был, любил и понимал.
Видел труд ондатры осторожной,
Миг, когда по глади сонных вод,
Оставляя тинную дорожку,
Выводок утиный проплывёт...
Нравилось, когда мигали свечи
В топлях, между чахленьких дерев
Выпь по-бычьей бухала под вечер...
На краю, бывало, замерев,
В детстве ждал: сегодня или завтра,
Из глубин веков, издавека
Сквозь туман болотный динозавры
Медленно прошестуют в закат...

Сердце находило утешенье
В первой загоревшейся звезде,
В запахах гниения и цветенья,
В тёплой и коричневой воде.
Верил: там Яга живёт в избушке,
Прячутся кикиморы во мглу;
И на кочке царская лягушка
Терпеливо ждёт мою стрелу.

СЛЕПОЙ ДОЖДЬ

...Из-за леса лиловой громадой
Наползла она сгустком тревоги, –
Присмирели под жданной прохладой
Луг, кусты и сухие дороги.

Неужель громыхнёт в самом деле! –
Сонный быт растревожит, как улей?..
Так за месяц уже надоели
Зной и пыльные листья июля!..

Надо, надо, чтоб местность промокла,
Чтобы днями свежо и ночами...
...Но та туча была одинокой,
Освещаемой сбоку лучами...

И под ней, как под крышкой надгробной,
Замер я, без рубашки и босый,

Миг!.. – И сверху посыпались дробно,
Ослепили жемчужные бусы!..

Весь пронизанный солнечным златом,
Дождь такой благодатный пролился,
Что впервые от счастья заплакал
И вослед неумело молился...

САМОМУ СЕБЕ

Когда уже радость, казалось, не светит,
Откуда-то с дальней, забытой межи
Внезапно подует берёзовый ветер –
И вновь станешь свежим. И хочется жить.

Бессонница сгинет, тоска рассосётся,
И снова потянет – сперва на восток,
А после на запад клониться за солнцем,
Как тот беззащитный зелёный росток.

И вновь на износ станет сердце работать,
Страдая за добрых, несчастных людей,
Но всё-таки верить в хорошее что-то,
Землёй любоваться и в небо глядеть.

Когда всё же свыше решат с похоронкой,
Вернись с покаяньем к тому, что манит, –
Всегда тебя примет родная сторонка,
Найдётся могилка. Господь сохранит.

Валентин ЧЕРДАНЦЕВ,
подполковник милиции в отставке

ПОЛКАН

*...Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг.
Мне припомнилась нынче собака,
Что была моей юности друг.*

С. Есенин

В деревне тяжело заболел Илья Попов. Какая-то напасть поразила эту семью: сначала от чахотки умер старший брат, через полгода не стало матери. А вскоре болезнь иссушила Илью. Получалось так, что она досталась Илье по наследству. Народные целители уверяли, что излечиться ему поможет только собачий жир, и потому сердобольные жители деревни, чтобы вылечить Илью, жертвовали своими псами: они их стреляли, снимали шкуру, а мясо отдавали Илье... Много кобелей и сучек пострадало в этой деревенской кампании. Дошла очередь и до Полкана – огромного чёрно-белого пса с большими обвислыми ушами. Окрасом он был в свою мать, которую звали Дамкой. Но Дамка была низкого роста и похожа на таксу. Будучи уже сукотной, она приволокла домой барсука, но в схватке с ним потеряла нижнюю губу, и у неё помутился рассудок – она стала воровать куриные яйца у соседей. Услышит кудахтанье соседской курицы: «Кут-кут-куда», сразу бежит к соседскому дому, находит под сеньями гнездо, куда курица отложила яйцо, забирает его, а съедает уже на своей территории. Соседские дети засекли воровку и сказали об этом Валькиной бабушке. Та в свою очередь приказала Ермолаю привязать собаку на цепь. Вместо этого дед стал увещевать Дамку: «Перестань заниматься воровством! Тебя что, плохо кормят? Вон какая сытая, но бессовестная. Если не перестанешь воровать, я тебя прибью!», но на привязь её всё-таки не посадил, а стал брать с собой на пастбище.

А бабушка продолжала возмущаться:

– Зачем нам такая собака нужна, коль двор не охраняет? Ты, Ермолай, бери её в свои помощники, а к дому приставь другую собаку.

– Да, подожди, Тимофеевна, может она всё забудет и не станет больше лазить к соседям, – успокаивал её Ермолай, – а если снова полезет,

то я её обязательно прибью, пусть только она оценится...

Нет, ничего Дамка не забыла. Как только Ермолай оставил её дома, где она должна ощениться, вороватая сучка вновь залезла в подпол к соседям и украла яйцо, через день – другое. Даже в тот день, когда ощенилась, она не оставила в покое гнездовище соседских кур. Только тогда до Ермолая и дошло, что эту собаку ни добрым словом, ни угрозой не отведишь от воровства, и потому посадил он её на цепь. А когда новорождённые щенята немного подросли, он её и прибил...

Самого крупного щенка дед Ермолай оставил себе, назвав его Полканом, остальных раздали жителям деревни. За год Полкан вырос в огромного пса. Кормили его хорошо, и он, никогда не знавший привязи, подворье не покидал, верно служил хозяевам, охраняя домашний скот и птицу, позволял цыплятам запрыгивать на него, ходить и сидеть на нём.

В это время на Западе разгорелось пламя огромной войны. Фашистские полчища ворвались в пределы нашей Родины, и на её защиту из деревни стали призывать всё мужское население старше семнадцати лет. Ушёл на войну и дед Ермолай, а в деревне появился новый мастер сапожных дел из села Черновая, которого наняли на пошив обуви. Бабушка называла его Иванычем. Он согласился пошить несколько пар сапог, а за работу попросил Полкана. Но, поскольку пса уже обещали отдать Илье на лечение, то за пошив с сапожником договорились о другой плате.

И как можно было продавать или отдавать на убийство этого пса – замечательного друга и хорошего сторожа! Однажды летом на территорию, охраняемую Полканом, забрёл соседский кобель по кличке Лыска. Он был одного помёта с Полканом, и ему, похоже, «захотелось» побывать у брата в гостях. Но Полкан не признал в нём родича, схватил непрошеного гостя за загривок и давай полоскать его в ручье, разделяющем дворы. Купал его до тех пор, пока Валькина тётка не разняла дерущихся собак. Больше Лыска не приходил в гости к Полкану.

Ни на кого из жителей деревни, приходивших к хозяевам, Полкан не набрасывался, не кусал, а только лаем упреждал хозяев, что к ним кто-то пришёл. Как только Валька или его бабушка выходили из сеней на крыльцо, он умолкал и молча

наблюдал за людьми. Кроме Вальки и Валькиной бабушки Полкан никому не позволял даже погладить себя. И вот с таким хорошим сторожем и другом пришла пора расставаться.

По просьбе бабушки Валька накинуд ременной ошейник на шею Полкана и повёл его на колхозный скотный двор. День был не по-летнему хмур, а солнце скрывали низкие тёмные облака, схожие с тучами. Скотный двор был пуст, коровы и телята паслись в поле. Валька, заливаясь слезами, привязал Полкана к столбу и, тяжело ступая, отошёл на безопасное расстояние. Занемевший изнутри, с глазами, полными слёз, Валька следил за казнью друга... Михаил, Валькин дядька, прицелился из ружья и выстрелил. После выстрела Полкан рванул привязь с такой силой, что ошейник лопнул и остался висеть у столба, сам же пёс убежал со скотного двора...

Обрадованный чудесным спасением Полкана, Валька побежал домой, надеясь там встретить своего друга. Но Полкана не было. Несколько дней подряд бегал Валька по логам и кустарникам близ деревни и громко звал беглеца:

– Полкан, Полканушка, откликнись, иди домой, дружок!...

Однако тот не отзывался и около дома не появлялся. Не было его больше недели. Вальке уже посчитал, что друг его со смертельной раной убежал далеко от деревни и там умер. Поиски пришлось прекратить.

Исхудавший Полкан всё-таки появился на подворье. Валька увидел, что левый глаз его прикрыт опухолью, а над бровью был шрам. К себе он Вальку не подпустил. Нет, он не рычал на него, не скалил зубы, а просто медленно, но упорно отходил от приближающегося к нему паренька, оборачивался, садился и внимательно, как казалось Вальке, рассматривал его с горьким укором, словно бы высказывая свою обиду: «Ну как ты мог так поступить, изменить нашей дружбе?». Оно и понятно: Полкан не мог понять своим пёсьим умом, что убить-то его хотели для того, чтобы спасти умирающего человека. А если бы он даже и понял это, то дал бы своё собачье согласие на такое самопожертвование?..

Выпросив у бабушки еду для Полкана, Валька отнёс её в тазу. И пока пёс с жадностью пожирал пищу, он гладил своего униженного и измученного друга. Но эта встреча их была недолгой, и вскоре им пришлось расстаться снова – за пошив обуви Полкана отдал сапожнику, который увёл его в своё село Черновая. Через несколько

дней Полкан вернулся домой, однако Иваныч был настойчив: пришёл к ним в деревню и снова увёл пса в своё село. Чуть позже из того селения дошли слухи о том, что Иваныч посадил Полкана на привязь, а тот в отместку отказался от еды, стал выть, не подпускал к себе никого. Дальнейшее содержание Полкана было опасным: он перестал верить всем и мог искушать любого, кто к нему приближался, в том числе и самого Иваныча. И Полкана всё-таки пристрелили...

А когда в деревню пришла весть о гибели Полкана, Валька несколько дней не мог спокойно находиться дома. Он забирался на чердак и подолгу горько плакал. Все последующие годы Валька тщетно пытался найти ответ на такой простой, казалось бы, вопрос: почему такие умные взрослые не пощадили дружбу мальчика и собаки? А ведь наверняка могли это сделать и должны были...

г. Новокузнецк

Валентин РОКОВ

ПОЧТОВЫЙ

С последними трелями электрического звонка Венька ворвался в класс, плюхнулся на вторую парту, что стояла в среднем ряду, поприветствовал ерзающего от нетерпения и беспокойства за друга Юрку Лапшина и, деловито пошмыгав носом, огляделся по сторонам.

Он успел, всё в порядке. «О'кей» – как говорят англичане. Вошла Зинаида Павловна, класс зачих. Начался урок русского языка. Заспругались глаголы в лицах, временах и числах. Венька слушал минут десять внимательно, вроде бы понимал. Но потом запутался в «говоришь, говорите, говорю и разговариваю». От объяснений учительницы ему стало темно, как в бочке, и он за лучшее почел вынуть книжку «Маугли» из портфеля и показать Юрке, который тоже давно уже зевал во весь рот, плохо соображая в этих спряжениях, и раз несколько обращался уже к Веньке по поводу игры в морской бой.

Когда Венька раскрыл портфель, из него, оглушительно хлопая крыльями, ринулся кверху сизокрылый голубь и направился в сторону качающегося близко за окном большого, раскидистого и очень удобного для мальчишек тополя. Они на нём давно уже соорудили настил, и во время переменок для них этот настил и площадка вокруг тополя были излюбленным местечком, дви-

жение на котором затихало лишь при дребезжании противного звонка.

Ударившись грудью о стекло рамы, голубь принялся описывать круги по классу, сбивая мимоходом развешанные вдоль стен на гвоздиках плакаты и рисунки детишек. Задрал головы в немом восхищении, ученики следили за его полётом. Учительница, застыв у доски с мелом в руках, растерянно улыбалась. Так продолжалось мгновение, в которое уместилась эпоха. Потом тишина разорвалась атомной бомбой: девчонки завизжали первыми, мальчишки заулюлюкали вслед, повскакали с мест и принялись гоняться за голубем, ещё более тем самым усиливая кавардак, образовавшийся неожиданно от шарахающейся по комнате в безнадежных поисках выхода птицы. Началось весёлое столпотворение, спрягаемые глаголы с видимым для учительницы удовольствием употреблялись теперь детьми на практике. Топот десятков ног, хлопанье крышек парт, громкие голоса обладателей юных глоток – всё это, возникшее среди относительной тишины и порядка воспринимающей знания школы, словно пожар, охватило и взбудоражило её обитателей. Школа недоумённо загудела. Способностей Зинаиды Павловны утихомирить своих учеников и возобновить прерванные неожиданным явлением птицы занятия оказалось недостаточным, и очень скоро «на рысях» в расшумевшийся на всю школу класс влетел разгневанный директор.

– Что здесь происходит? – загремел он. – Почему вы позволяете им такое? – тоном фельдфебеля обрушился он на бедную учительницу? – Вы классный руководитель или?..

В предчувствии незаслуженных оскорблений, охрипшая от волнения, Зинаида Павловна ярко покраснела и резко отвернулась к окну, демонстративно ткнув рукой на потолок, по известковому фону которого сизой молнией метался до смерти напуганный голубь.

Умный директор сразу же оценил обстановку, жестом успокоил детвору и ласковым, хорошо поставленным голосом задал вопрос: «Чья это птичка?».

Весёлые чёртики, мелькавшие до того в глазах учеников, потухли. Дети задумались: «Интересно, действительно, чья это птичка? Если она чья-то, обладателю грозит...» Дальше уже думать не хотелось.

Девчонки равнодушно принялись оправлять свои платья и фартучки, мальчишки – осторож-

но, с подозрением переглядываться друг с другом. Веньку бросило в жар, словно его стащили с облитой чернилами парты и принялись зажаривать на медленном огне в духовке. Может быть, никто и не видел, что из его портфеля вылетел голубь, но ведь именно Веньку тронул жалобный вид подмороженной птицы. Она намертво пристыла к асфальту у дверей магазина, и Веньке не составило особого труда подхватить доверившегося ему голубя, сунуть за пазуху и обогреть его дороною своим жарким сердечком. Уже потом, в раздевалке, он переложил голубя в ранец и с этими спряжениями забыл о нём.

Даже Юрке не успел показать его. Поэтому кому ж, как не Веньке, знать, чья эта птичка?

– Почему молчите? Может, она в форточку залетела? – указывая на плотно замурованные рамы окон, с красивыми узорами мороза на стёклах, ещё ласковее вопрошал директор. – А может, вслед за учительницей запорхнула в класс из коридора?

Робкий подхалимский смешок донёсся с задних рядов. Веньке от этого стало обидно. Он гордо вскинул набыченную головку, вытянул себя во весь свой маленький росточек, смело посмотрел на директора и чуть слышно произнёс:

– Он почтовый, ещё фараоны египетские пользовались голубями для передачи писем на большие расстояния. Это очень полезная и нужная птица, а на дворе холодно...

Веньке многое надо было сказать в защиту бездомного голубя, ему очень хотелось отвоевать для этого бедняжки тёплое местечко где-нибудь в классе. Ведь есть же в других школах кружки юннатов. А почему бы и им не завести такой кружок и первым экземпляром детской любви и опеки сделать замерзающего, бездомного, в общем дикого, голубя? Ему очень хотелось убедить и этих, сидящих за партами, и этого, начальственно возвышающегося перед ним человека, что принесённая в класс птица нуждается в их помощи, в их доброте и любви. Она доверилась Веньке, а значит – всем людям, и это очень плохо будет, если она ошибётся в них.

Приблизительно такую речь хотелось произнести Веньке. Но ведь многое из того, что стремимся мы высказать, из-за своего неумения выражать чётко мысли, из-за скудости средств и времени поразмыслить мы не доносим до собеседников. От этого ещё более расстраиваемся, путаемся в словах, сбиваемся и замолкаем тогда, в обиде на самих себя же и тех, кто не жела-

ет понять или действительно не понимает. Венька на все сто был уверен, что прав, проявив жалость к замерзающей птице. Но он не сумел донести свою правоту до людей, его прервали.

– Почтовый, говоришь? Так, значит, это твой голубь? – обратился директор к отыскивавшемуся хозяину обезумевшей птицы. – Тогда и поймай его нам!

Сев за столик посторонившейся учительницы, он стал писать что-то на бумажке. Голубь успокоился, потому что за ним никто уже не гнался. И он свободно спланировал на ближайший подоконник, повернулся боком к классу, расправил крылья и застыл в ожидании продолжения боевых действий детворы.

Похоже, он нутром почувствовал, что ему очень скоро придётся расстаться с божественным теплом этой шумной до крайности комнаты.

Походкой лунатика Венька приблизился к окну. Класс, затаив дыхание, следил за его продвижением, готовый в любую секунду сорваться с парт и броситься мальчишке на помощь. А Веньке теперь было всё равно. Вяло и в то же время уверенно он протянул руки и сграбастал призвавшего в нём своего хозяина голубя.

– Дай-ка сюда твоего дружка, – потребовал директор.

С видом знатока он оглядел голубя, подул на перья, заглянул в клюв, потом положил на стол и, прижав его локтем, обмотал вокруг ножки ему исписанную бумажку и закрепил её вынутым из кармана кусочком медной проволоочки. Подойдя к окну, он решительно выдернул из рамы примёрзшую форточку, широко распахнул её и с безжалостной уверенностью выпустил едва отогревшегося голубя. Пояснил явно не одобрявшей его поступок детворе:

– Если голубь почтовый, то он принесёт мое письмоце Вениной маме, и она завтра придёт в школу.

– А если не принесёт? – с вызовом спросил Венька.

– Значит, твоё счастье.

– Нужно мне такое счастье, лучше бы птичку оставили.

В глазах мальчонки блеснули слёзы.

– Продолжайте занятия и не отвлекайтесь – улыбнувшись, сказал директор и, удивлённо пожав плечами, вышел из класса.

В принципе директор сразу же понял Веньку. И ему тоже стало жалко птичку. Но ведь эта птичка приспособлена природой жить на морозе, и нечего распеваживать её. Урок срывать тем

более. С такими извиняющимися мыслями он и загрохотал по гулкому коридору в свой тихий кабинетик. А Венька остался в классе, и ученики остались. И учительница в оставшиеся до звонка минуты бесстрастным голосом продолжила вдалбливание в детские умы до автоматизма известное ей что-то скучное о глаголах – словах, обозначающих действие, движение, жизнь... А сама жизнь в лице голодного, чуть-чуть обогревшегося голубя несколько минут назад покинула класс, взвилась в морозное небо и прямым курсом подалась в сторону хлебного магазина.

г. Берёзовский

Лев ГРИГОРЯН

ЧЁРНЫЙ ВОРОН

Была на белом свете одна сказочная страна, где люди жили на редкость счастливо. Все они от рождения были красивыми, вырастали добрыми и жили припеваючи. Не случалось между ними ни ссор, ни вражды, потому что каждый человек в той стране был честен и с детства приучался любой вопрос решать по справедливости. У каждого было множество друзей и приятелей, всегда готовых прийти на помощь, если понадобится.

Ни зависть, ни ревность не терзали сердца этих людей. А любовь в этой сказочной стране всегда оказывалась взаимной – видимо, тут действовало какое-то особое волшебство, потому что в других странах так не бывает. Здесь же никто и никогда не страдал из-за неразделённых чувств, и никому не доводилось быть отвергнутым или брошенным.

Ну и, разумеется, нет надобности говорить, что все люди жили в достатке, у каждого была крыша над головой, вдоволь еды и питья, и никто из них ни в чём не нуждался.

Казалось бы, чего ещё желать?

Однако существовала одна проблема, которая отравляла людям всю радость жизни.

Дело в том, что на окраине их счастливой страны, в тёмном-тёмном лесу, обитал злобный и могущественный Чёрный Ворон. И не просто жил себе спокойно, летая с ветки на ветку, как подобает лесной птице, а устраивал частенько кровавую охоту на людей. Был тот Ворон гигантских размеров и поэтому мог без труда поднять в воздух человека. Схватив добычу своими страшными когтями, Ворон взмывал в небо и со злове-

щим карканьем уносил беднягу в лес, в своё логово, где и съедал несчастную жертву целиком.

Так продолжалось из года в год. От всей своей чёрной души ненавидел Ворон людей и радовался лишь тогда, когда ему удавалось кого-нибудь сгубить.

Долго терпел народ бесчинства Чёрного Ворона. Люди были настолько добры, что не решались лишить жизни эту жуткую птицу. Да и кто бы мог справиться с таким исполином, даже если бы захотел? Но однажды людскому терпению пришёл конец.

Так случилось, что в тот день играли свадьбу молодого Короля с прекрасной иноземной Принцессой. На главной столичной площади были устроены празднества, гремела музыка, люди смеялись и танцевали. Вдруг раздался резкий клёкот, небо потемнело, и с необъятной вышины на площадь камнем бросился огромный Ворон. Одним взмахом исполинского крыла сбил он с ног молодого Короля, а когтями подхватил юную Принцессу. Ещё мгновение – и вот уже страшная птица взлетела в небеса, быстрая тень скользнула по растерянным лицам людей, и торжествующее хриплое карканье пронеслось над городом, перекрывая отзвуки замолкающего оркестра.

Дикая суматоха поднялась на площади. Вскочив на ноги, бледный как смерть молодой Король выхватил шпагу, но что могла сделать шпага? Чёрный Ворон скрылся за горизонтом, унося с собой Принцессу, а лишь в ней одной заключалось счастье и смысл жизни Короля.

– Коня мне! – срывающимся от волнения голосом крикнул Король. Он готов был броситься в погоню за Вороном, чтобы вырвать свою невесту из цепких когтей хищной птицы.

– Поздно, Ваше Величество, – в один голос ответили министры, скорбно качая головами. – Пока вы доскачете до Тёмного леса, пройдут сутки или двое. За это время Ворон успеет погубить нашу драгоценную Принцессу.

– Коня!!! – приказал Король, и глаза его бешено сверкнули. Он не желал верить в неизбежное.

Тут же слуги подвели ему превосходного белого коня, Король вскочил на него и, не медля ни секунды, поскакал вслед за Вороном в Тёмный лес.

А министры, посоветовавшись между собой, отрядили целую дружину отважных рыцарей вдогонку Королю.

Но как ни быстро скакала дружина, догнать Короля ей удалось лишь на второй день. Пону-

рив голову, он ехал назад, не спеша, на загнанном до полусмерти белом коне. В руках Короля был обрывок платья Принцессы, залитый слезами и кровью. Это всё, что осталось от прекрасной юной невесты Короля, которой так и не довелось стать Королевой.

Рыцари спешили и бросились к своему властелину, но он не обратил на них внимания, поглощённый своей бедой. Не отвечал он и на расспросы. Лишь одно поняли опечаленные рыцари: Ворона Королю убить не удалось. А значит, за гибелью Принцессы последуют новые жертвы.

– Как же может быть такое в нашей счастливой стране?! – восклицал Король вне себя от горя. – Почему, когда все вокруг счастливы, я один обречён на вечные страдания?

Но страдания Короля оказались не вечны. Возвратившись в столицу, он заперся в своём замке, никого к себе не подпускал и спустя несколько дней безвременно угас от неизбывной тоски.

Страна осталась без Короля. Никто не знал, что делать в такой ситуации. Министры советовались и хотели было выбрать нового короля из своего числа, но тут взбунтовался народ.

92

Сотни людей вышли на ту самую площадь, откуда была похищена Принцесса, и самый смелый из них, пожилой Кузнец, стал держать речь.

– Доколе мы будем терпеть эти злодеяния? До каких пор Чёрный Ворон будет похищать наших жён, детей и отцов, сея страх и ужас в нашей счастливой стране? – вопрошал Кузнец, потрясая внушительным молотом. – Да и можно ли нашу страну называть теперь счастливой, когда всего за несколько дней мы лишились разом и Королевы, и Короля?

Глухой ропот поднялся среди толпы. Люди чувствовали правоту Кузнеца.

– Пора положить конец кровавому убийце! – провозгласил Кузнец, и толпа разразилась одобрительными возгласами.

– Да, мы привыкли никого не убивать, – продолжал Кузнец. – Мы были слишком добры для этого. Но всему на свете есть предел. Час пробил! Чёрный Ворон должен умереть!

Спешно организовали целый отряд из желающих расправиться с Вороном. Это были люди, чьих родных и близких похитила в своё время жестокая птица. И друзья этих людей. И знакомые. И даже некоторые министры – те, которым был дорог несчастный Король.

Во главе всех пошёл Кузнец. По его команде люди вооружились кто чем мог. Преданная покойному Королю дружина в полном составе сопровождала это войско.

Много времени прошло, прежде чем люди добрались от столицы до окраин Тёмного леса. Но ни один из них не повернул назад.

А на опушке леса люди заметили маленькую хижину.

— Кто бы здесь мог жить? — вслух спросил удивлённый Кузнец. — Так близко к владениям Чёрного Ворона... Это же очень опасно...

— Это хижина Трёх Мудрецов, — ответил один из участвующих в походе министров — министр путешествий, хорошо знавший карту родной страны.

— Трёх Мудрецов? — обрадовались люди. — Как здорово! Вот мы у них и спросим, как лучше всего нам извести Чёрного Ворона. Наверняка Мудрецы дадут нам дельный совет.

Кузнец постучался в хижину, и навстречу людям вышли Три Мудреца — мальчишка, взрослый мужчина и старик.

— Что нам делать? — спросил за всех Кузнец, объяснив Мудрецам, в чём состоит затруднение. — Ворон огромен, да и поймать его непросто, ведь он умеет летать, а мы — нет. Как нам истребить негодяя?

Мудрецы переглянулись и покачали головами:

— Между нами нет согласия, — сказали они хором. — Поэтому каждый из нас даст вам свой совет.

— Что ж, пусть будет так, — отозвался Кузнец, хоть его и озадачил немного такой поворот событий. — Небось три совета лучше, чем один.

— Как знать, как знать, — покачал головой самый старший из Мудрецов.

— Итак, — выступил вперёд Мудрец-мальчишка.

Ростом он был невелик, годами юн, и многие люди, глядя на него, заулыбались. Мало кто ждал всерьёз помощи от ребёнка.

— Итак, — звонко повторил Мальчик, — Чёрный Ворон — ваш враг, и он должен быть убит! У меня есть заговорённое копьё, которое поможет вам победить Ворона, и верный пёс, что выследит злодея. Копьё бьёт без промаха, а пёс чует негодяя за много вёрст. Я дам вам и копьё, и пса. Но прежде послушайте моего отца и деда — быть может, они подскажут вам лучший путь.

— Куда ещё лучше, — заворчали некоторые рыцари. — Копьё в руки, пса на поводок, и вперёд!

Но Кузнец сделал рыцарям знак, и те притихли. Тогда вперёд выступил второй Мудрец — крепкий мужчина средних лет.

— Друзья, — сказал он ровным голосом. — Чёрный Ворон злобен. Но он лишь Ворон, а мы люди. Он неразумен, и потому убивает нас. Убивает даже не от голода, а просто из удовольствия. Я дам вам чудесное зеркало — это зеркало просветления. Ворон сам прилетит к вам, ибо зеркало призовет его. Но вы не убивайте Ворона, просто дайте ему посмотреться в зеркало. И тогда он поумнеет. Он многое поймёт, станет почти таким, как мы. С ним можно будет договориться миром. Да, порой он будет продолжать убивать, но редко, лишь когда это необходимо для пропитания. Такова натура Ворона. Вы же не должны губить его, ваша натура иная. Вы — люди. Так не совершайте же греха, не губите жизнь, не вами данную.

Гробовым молчанием встретила толпа этот странный совет. Многие задумались. Но недоверие читалось почти на всех лицах.

А тем временем заговорил самый старый Мудрец.

— Счастливые, — сказал он тихо. — Возвращайтесь домой. Ворон злобен и одинок — благодарите его за это, а судьбу за него. Я ничего вам не дам — у вас и так есть слишком многое. Так сохраните хотя бы то, что имеете...

— Да ты выжил из ума, старик, — взревела толпа, не давая Мудрецу закончить свою речь. И лишь уважение к его годам и седине помешало самым рьяным закидать старика камнями.

С большим трудом Кузнец унял толпу, и начался общий совет. Люди разделились. Большинство хотело покончить с Вороном раз и навсегда, для этого затребовали они волшебное копьё и пса. И мальчик вынес им из хижины копьё, а из конуры приковылял поджарый пёс. Другие, а было их совсем немного, попросили зеркало, они надеялись договориться с Чёрным Вороном. И средний Мудрец принёс им зеркало — старинное овальное стекло, в котором тонуло Зло и отражалась Доброта.

А старый Мудрец лишь грустно махнул рукой и молча ушёл в хижину.

«Видать, и впрямь я выжил из ума, — думал он. — Что проку объяснять толпе законы бытия? Ведь знание — как гиря из алмазов. Чем больше, тем труднее передать другим...»

Кузнец меж тем привязал пса на поводок и самому сильному из рыцарей вручил заговорённое копьё.

Но тут раздался шум крыльев, и над опушкой закружился Чёрный Ворон. Люди в страхе закрыли головы руками. Кто-то бросился наземь, кто-то пожалел о недавней своей ретивости...

Однако Ворон не смотрел на людей. Его призывало волшебное зеркало просветления. И хищная птица снижалась медленными кругами, желая заглянуть в манящее стекло. Люди в ужасе оцепенели, и даже самых храбрых покинула решимость.

Вот Ворон сел посреди опушки, сложил крылья и отразился в зеркале целиком. Быстрая рябь прошла по его телу, и чёрный цвет перьев померк, сгладился – теперь это был не Чёрный, а Серый Ворон. Кровожадный блеск глаз его стал словно бы тише, а во взоре проступила невиданная доселе осмысленность.

И в этот миг опомнился Кузнец. Он выхватил из рук рыцаря копьё и с криком ненависти, больше похожим на рёв раненого зверя, обрушил волшебное оружие на голову Серого Ворона.

– За нашего Короля! – воскликнул Кузнец. – За Принцессу! Получай!

Брызнула кровь, Ворон захрипел и повалился набок. Минуту спустя, жизнь покинула его. А в следующее мгновение над огромным телом Ворона всплыло тёмное облачко и, становясь всё чернее и больше, оно постепенно обволокло всю толпу, и опушку леса, и хижину Трёх Мудрецов.

И каждый человек, попавший в это облако, почувствовал, что теряет что-то важное, теряет какую-то частицу своей души, быть может, самую главную. А вместе с этой частицей уходило из людских сердец чувство победы, уходила способность радоваться, уходили бескорыстие, доброты и любовь.

Вскоре облако рассеялось, словно бы впитавшись в сердца людей. И угрюмая толпа потянулась назад, в столицу. Всем было не по себе, но поправить уже ничего было нельзя.

С того дня страна эта перестала быть сказочной страной. Счастье, милосердие и любовь покинули эти края, не совсем, конечно, немножко осталось, но не больше, чем в любой другой, самой обыкновенной стране.

Всё зло, которое гнездились в Чёрном Вороне, позволяя всей остальной стране оставаться счастливой, расплодилось теперь по королевству, заглядывая в каждый уголок.

Новым королём люди избрали Кузнеца, и он поклялся править мудро и справедливо. Но вско-

ре был разоблачён заговор министров, которые сами метили на место властелина. Министров повесили. Часть рыцарей пришлось арестовать за участие в заговоре, другая часть ударилась в беспробудное пьянство.

Люди перестали помогать друг другу. Исчезло доверие. Друзья предавали друзей, жёны бросали мужей, а мужья изменяли жёнам. Никто не хотел трудиться, разве только для самого себя, и доходы казны упали. Король-Кузнец ввёл новые налоги, и народ потихоньку стал его ненавидеть. Сам же Кузнец слишком быстро привык к роскоши королевского дворца и слишком быстро забыл о своих обещаниях перед народом.

Может быть, он стал тираном, может быть, не успел и погиб при очередном заговоре, преданный самым близким другом. Это уже неважно. Главное, что сказка закончилась...

Сергей ЧЕРНОПЯТОВ

ЗАБОТОЙ МАТЕРИ ХРАНИМ

*Всегда заботой матери храним,
От колыбельных дней и до конца,
Взрослеет сын, и борется и дышит!
Так почему за именем своим
Он пишет имя гордого отца,
А имя доброй матери не пишет!*

Николай Рубцов

«Столько писал об отце, – говорит мне старый друг, – а что же ты о матери не найдёшь слов?» Да в том-то и дело, чтобы найти нужные слова о самом близком с пелёнок человеке... Эти слова должны быть другого уровня, многократно превышающие обыденную, будничную речь. В этих четырёх буквах «МАМА» всё сказано и одновременно ничего.

Об отце пишется, потому что мужчина до старости ребёнок, а это нескончаемые приключения, потому что взрослость если и достигается, то слишком поздно, женщина маленькой девочкой ощущает себя воспитательницей мужчин.

В детском саду, в котором работаю сторожем, я наблюдаю, как эти прекрасные крохотные феи смотрят свысока на своих сверстников в коротеньких штанишках. Строгость, укоризна, ментальная готовность поправить непослушного мальчика, всё это – в девочкином взгляде. А главное, материнство уже живёт в этих маленьких, ещё слабеньких ладошках, в этих пальчи-

ках, на которые надеты разноцветные игрушечные колечки. Материнство живёт в их волосах, распущенных во время праздников и водопадом струящихся по бальному платью. Материнство живёт в плавном танце, в грациозном повороте маленькой головки, головке в которой уже зародилась забота, пока ещё не осознанная, о домашнем очаге.

Насколько легко писать об Одиссее, потому что все его деяния, как на ладони. И насколько трудно о Пенелопе, переживания которой внутри. Насколько легко писалось об Арине Родионовне, с которой можно было выпить по кружке, и как трудно находить строки для трезвенника Никиты Козлова: «Дай, Никита, мне одеться, в митрополии звонят».

Только и мог сказать гений о своём ангеле-хранителе. Просто заботливый человек не интересен для писателя. Снегурочка с Дедом Морозом, приносящие подарки и водящие хороводы вокруг ёлки, что говорить – чудесные существа. Что можно о них написать, им можно ещё улыбнуться с благодарностью. Но как же загораются у ребятишек глаза, когда появляется какая-нибудь нечисть в виде Бабы-яги или старухи Шапокляк, которые крадут из-под ёлки подарки. Характерные герои нужны писателям. Таков был мой отец, чью гармонию и проделки знала вся наша улица. А мама стояла у корыта и стирала. Поправляя тыльной стороной ладони упавшую на глаза прядку волос.

*Дай мне, матушка, одеться,
Я опаздываю в класс!*

Могу я вслед за поэтом сказать.

Моя мама – младшая в своей семье. Она росла самой доброй, ласковой и отзывчивой. Любимица отца, она жалела своего тятю. «Жалеть» – это слово было намного наполненнее и ёмче слова «любить». Когда я бабушку спрашивал о деде: «Баб, а ты его любила?» – она сначала не понимала, о чём это я. Но немножко подумав, бабушка произносила: «Я его жалела». Жалеючи запрягала в девятнадцатом году коня и ехала за своим молодым мужем в Томск, где он в тифозном бараке, призванный ещё при царе, тихо умирал. «Погоняю я Сивку, а по дорогам скачут то белые, то красные, то чехи, – рассказывает моя баба. – А мне тогда и девятнадцати ещё не было». Жалела и учила потом этому чувству мою маму, которая чужую боль ощущала как свою. Когда ещё в начальных классах одной

девочке объявили бойкот, мама стала её лучшей подругой.

Провожая на фронт брата, горевала чаще всех родных, когда долго не было треугольника с войны. Жалела, провожая потом своего сына, то есть меня, в армию и так же бежала за вагоном, сдёрнув с головы платок, рвалась за поездом, хотя горячие точки тогда ещё только нагревались.

Жалела после у телевизора захваченных заложников «Норд-Оста». Находясь трое суток перед экраном, мама вместе с несчастными в далёкой Москве точно так же страдала под дулами автоматов, и точно так же после штурма скорая помощь отвезла её в больницу. Потому что insult – это несколько не легче, чем отравляющий газ или пули. Моя мама всех всегда жалела, и теперь я жалею, что мало говорил ей добрых слов при жизни.

ЗАЯЦ

Серёга в первом классе единственный раз пришёл в заячьей шубе в школу. На другой день он её навсегда снял, а кличка осталась на всю жизнь. Слово «штрейкбрехер» я впервые услышал от Зайца. Урок русского и все эти деепричастные обороты никогда не грели меня. И на Серёгин призыв «А не пойти ли нам в кино» откликнулся, как никто другой. Побег с урока, что может быть прекрасней, когда ты не один, а с тобой почти весь класс! Я говорю «почти весь класс», потому что пятеро остались проходить синтаксис. Он для них оказался важнее, чем «Волшебная лампа Аладдина». Выходя в коридор последним, я всё смотрел на этих пятерых, как на умалишённых. Я не верил своим глазам, впервые столкнувшись с людьми, сделавшими свой выбор не в пользу кино. Этого чуда, перед которым для меня меркнет любая наука. И когда мы, возбуждённые, возвращались, заходили в кабинет русского языка без малейшего угрызания совести, тогда-то Серёга и произнёс это незнакомое слово: «Штрейкбрехеры», как всегда приятно картавя. Тогда я не понимал его значения. Ещё долгое время оно ассоциировалось у меня с людьми, не любящими кино. И когда свою маленькую сестрёнку звал в кинотеатр «Комсомолец», а она отказывалась, я ядовито шипел на неё: «У, шрейкбрехерша!», стараясь произносить всё именно по-зайцевски.

Произносить по-зайцевски, обвести в футбол по-зайцевски, решить задачу по-зайцевски –

это было всё знаком качества. Авторитет был непререкаем.

Впервые я увидел его в деле, когда сборная по футболу моей улицы пыталась противостоять команде, где играл этот парень. Рука в гипсе, хоть и не божественная рука Марадоны, несколько не мешала ему протаскивать мяч от ворот и до ворот без особых помех. Словно на поле не было соперников. «Кто этот инвалид?» – спрашивали у меня мои друзья, до этого гонявшие только двухцветный резиновый мячик. «Да это Заяц» – говорил я им о Серёге, как о своём приятеле. «Я учусь с ним в одном классе!» – добавлял я, не скрывая гордости. Всей своей интонацией, давая понять им, кто они и кто мы с Зайцем. Помню, на каком-то уроке речь зашла о бурлаках, и Заяц бросил скептическую реплику, на что учительница сказала: «Серёжа, как ты можешь так об угнетённых людях?». Он ответил: «За сезон бурлаки зарабатывали хорошие деньги, на которые можно было купить и дом, и лошадь, и корову, и не таскать большие баржи по Волге, но они всё пропивали в кабаках». Педагог был старше моего одноклассника на тридцать лет, а мне казалось, что Серёга взрослее учительницы на целую жизнь.

Это было полвека назад. А совсем недавно уже изрядно поредевший и поседевший класс, встретившись ласковым июнем, чудодейственно помолодел на столетие, потому что вновь отведал не только непревзойдённого юмора, но и изумительного шашлычка, приготовленного моим одноклассником, ныне большим руководителем, Серёгой по кличке Заяц.

ТОЛЯН

Корчагин – эту фамилию я впервые услышал от Толяна. Как он вкусно рассказывал о Павке. Ещё вкуснее рисовал его: мороз в сорок градусов, узкоколейку, дыру в Пашкином сапоге. Да так, что у меня начинала мёрзнуть нога под партой. «Волшебная сила искусства», – говорят знающие люди. И я приходил домой, читал это искусство у Николая Островского и понимал, что этому Островскому надо было учиться у моего друга Толяна рисовать героические картины. «А смены не будет», – заканчивал Толька свой рассказ к концу урока, и на всегдашние его озорные глаза накатывалась слеза. А пацану всего одиннадцать лет. Потом, уже в армии, он тушил ракетную установку, готовую взорваться. И газета «Красная звезда» о нём писала, как когда-то Островский о Корчагине.

На другой день, опять на первом уроке, я рассказывал другу о последнем из могикан. Но до звонка на этот раз мы с Толяном не дотянули. Выдернутые из-за парты директором, этим «Большим Змеем», который вёл историю, мы скатились по лестнице на первый этаж, к нему в кабинет, как последние гуруны (плохие индейцы), получая по головам нашими же папками, хорошо, что они были в моде, а не портфели. И наши усталые маленькие матери как могли отбивались от двухметрового историка.

Если в этот день мы сами лишили себя знаний о неравномерном развитии капиталистических стран в эпоху империализма, то на другой день была вполне объективная причина. Новая тема «Война за независимость английских колоний» прошла мимо половины класса, сильной его половины. Перед началом урока прозвучал приказ директора: «Так! Девочки – в кабинет истории, мальчики – в кочегарку. Лопаты найдёте рядом с углём».

Потом, уже в другой школе, учительница истории, которую мы звали баба Настя, удивляясь провалам в знаниях восклицала: «Вы должны были всё это пройти в восьмом классе». На что один из нас, и, конечно же, это был Серёга по кличке Заяц, бросал устало:

– Спрашивайте у девочек, они проходили.

– А что же мальчики? – удивилась учительница.

– А мальчики уголь грузили.

Недоумение всё равно не сходило с лица интеллигентной пожилой женщины. Интересно, о чём она думала? Очевидно, об эксплуатации детского труда в эпоху развитого социализма.

г. Кемерово

Олег ВОРОНОЙ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Р. А. Черепанову, песнику

– Ну, и куда же ты собрался? Ведь у тебя сегодня день рождения! Хотя в этот день бы отдохнул!

– О, блин! Двадцать седьмое декабря, оказывается, это сегодня. Чёрт, совсем закрутился. Ну, ладно, я недолго, к обеду, думаю, вернусь...

Это ж надо так заработать, что про свой собственный день рождения забыть?! Ничего не

поделаешь, если пообещал, надо сделать. Да и немного дел: отклеить под рубку какую-то сотню деревьев. Должен до обеда управиться. Должен управиться...

Как же всё-таки в лесу хорошо! Столько лет в тайге работаю, а всё душа ликует от всякой малости: то небо вдруг загустеет индиговой синью и коснётся ласково красных веточек берёзовых верхушек, так и тянет влезть на какую-никакую скалу, окунуть ладони да и плеснуть себе в лицо небесной благодатью. А то вот снег: вчера выпал, а изрисован уже зверьём, исписан, всяк по-своему оставил хоть и недолгую, но летопись своей жизни, своего вольного времени...

Стоп! В спину упёрся ружейный ствол. О Господи! Вот это подарок! И кому это я дорогу перешёл, что вот так подсторожили в лесу – и ствол в спину?

Лихорадочные мои мысли носились по всем закоулкам, мучительно перетряхивали всю короткую-длинную память, отыскивая ответ на единственный вопрос: «Кому я стал врагом?» Да никому!!! Ни с кем никогда не ругался, не спорил, даже в самых хмельных пирушках. Нет у меня врагов! Нету! Хоть перед смертью глянуть на убийца... Резко оборачиваюсь... Никого! А в двадцати метрах – изготовившийся к прыжку здоровенный тигр! Мать честная!

Словно ударившись о мой взгляд, тигр стал оседать назад, распрямляя передние лапы, расправляя грудь, растерянно мигая и отворачивая вбок свою огромную голову. Но стоило мне шевельнуться, сразу же сжался, ощерился, словно вдавил в меня свои тяжёлые золотые кругляши злых глаз...

Белее снега... Белее белого... Всю жизнь думал, так говорят, как о чём-то уже запредельном, нереальном, фантастическом. Оказывается, есть цвет белее снега – грудь тигра. Вот он, цвет, белее снега – это сейчас видно: вокруг белым-бело, аж глаза слепит, но ясно видно, что шерсть на тигриной груди ещё белее. Она не имеет оттенков голубого, жёлтого, розового, как снег в солнечных лучах, а просто светит чистой дикой белизной...

Господи! Хоть бы кто-нибудь проехал по дороге! Дорога хорошо видна со склона сопки, где я безуспешно пытаюсь отклеиться от золотых магнитов тигриных глаз. Хоть кричи, хоть не кричи – бесполезно! Тигр готов к прыжку, угрожающе ревёт, стоит только мне пошевелиться.

Неужели?! Издалека донёсся звук работающего мотора. Кто-то сюда едет! Неужели Господь

услышал мои молитвы?! Между деревьями замелькал грузовик, хорошо видно, что он едет в клубах пара. Вот он остановился напротив, из кабины выскочил шофёр, поднял капот, поднялось облако пара. Закипела вода в радиаторе? Человек открыл утеплитель двигателя, в клубах пара долил в радиатор воды...

– Э-э-эй!!! Помоги! Эй! Сюда!

Мой голос утонул в тигрином рёве, человек возле работающего двигателя ничего не услышал! Закрыл капот, сел за руль, хлопнул дверцей и... уехал!

В глазах потемнело от великой обиды, горло перехватили судорожные спазмы, кулаки изо всех сил сжали... ружейный ремень!

Чёрт меня побери! Я же с оружием! Вот это да-а-а! Про всё на свете забыл! Это ж надо! Полдня простоять перед тигром и не вспомнить, что на плече висит казённая двустволка, положенная по технике безопасности каждому леснику! Ну, держись!

Нахлынувшая ненависть наполнила упругим хладнокровием: патроны с дробью вынуть, вставить пулю и картечь. Руки послушно делают всё, что диктуют гневные мысли. Так, сначала всадить пулю чуть выше левого глаза, чтобы по мозгам попало, целиться чуть правее, прямо в центр молодой кедрушки, за которой скрывается розовый кончик тигриного носа, потому что левый ствол бьёт немного левее...

«Бух!...»

Тигр толкнулся всеми четырьмя лапами вверх, согнулся, выгнулся и встал очумелый. Про-ма-зал?! С двадцати метров промазал?! Не может быть! На кедрушке белеет пулевая отметина. Руки невольно опускаются...

«Бух!...» – неожиданно жახнул от бедра правый ствол. Тигр, как пьяный, покачиваясь и загребая лапами, полез в густой кустарник...

– Жёнушка, прости: умотался вусмерть. Сходи к соседям, извинись, скажи, что вечеринка переносится на завтра.

Кое-как разулся, сел за стол, налил полный стакан водки... Не понял. Словно воды выпил. Налил второй стакан... То же самое! Тьфу! Руки-ноги до сих пор дрожат. Разделся, укрывшись с головой, согнулся калачиком... Перед глазами в сотый раз – подпрыгивающий вверх тигр...

– Рома, ты не заболел?

– А? Что?

– Как себя чувствуешь, спрашиваю.

– Нормально. А что?

– Ты всю ночь ругался во сне и дрожал.

– Да нет, ничего. На пару часов отлучусь из дома: кое-что надо доделать, а то вчера не успел...

По своим следам идти легко: мороз высушил каждую лунку от следов, нужно только точно наступать во вчерашние отпечатки. Наступил мимо – нога проваливается, пробивает жёсткую снежную корку. Интересно, какая сила сцепляет так крепко именно потревоженные сдавленные кристаллы?

Вот это место, вот эта кедрушка. Свинец зацепил мёрзлую, твёрдую, как кость, древесину, расплющился и отскочил вбок, вырвав шмат коры. На снегу ни шерстинки, ни капельки крови.

А второй выстрел? Тщательно всё оглядываю, но никаких признаков, что картечина задела зверя, нет. Только несколько отстрелянных веток на высоте, гораздо выше спины тигра. Дёрнула же нелёгкая не вовремя спусковой крючок!

Иду по тигриным следам. Видно, что зверь сначала шёл неуверенно, оглушённый, а затем следы стали всё ровнее и ровнее. Вот он оставливался, оглядывался, потом опять немного прошёл, лёг. Полежал, потом стал валяться в снегу, хорошо отпечатались борозды от хвоста, подушечки лап, широкие углубления, когда тигр тёрся головой о снег, обтирая пороховой запах, выдавливая звон из ушей...

Вернувшись домой, заново и заново вспоминал, словно проглядывал на экране вчерашние события. Да, уберегла меня судьбушка. Не хочется даже думать, что могло бы произойти, если бы ранил тигра. Не вчера, так сегодня, когда шёл по его следам. Видно, нужен я ещё этой жизни, видно, нужен. С днём рождения!

г. Приморск

Ирина СТЕПАНОВА

БЕРЁЗОВЫЙ ЛИСТИК

Поздняя осень. Порывистый ветер крутит в воздухе жёлтые листья, качает деревья, посвистывает в окнах...

Я гляжу в окно, ни о чём не думая, нет почему-то ни грусти, ни радости. Мне нравится такое покойное душевное состояние: просто глядеть и ни о чём не думать.

Потом я начинаю одушевлять листочки, придумывать им судьбы, то есть сочинять сказку.

И вдруг что-то на балконе забренчало. Наверное, от ветра запрыгала крышка на кастрюле с борщом. Пока я сочиняю сказки, дождь заливают кастрюлю. В крышке – отверстие, куда могла попасть вода, да и ветер мог крышку сдвинуть: ведь балкон не застеклён. Такое уже однажды было. Ветер плюс дождь. И всё – борщ пропал. Спешу на балкон, открываю дверь – и замираю от увиденного. На крышке, как раз на круглом отверстии для выхода пара, лежит берёзовый листик. Он как пластырь прилип к крышке, заклеил отверстие. И спас мой обед.

Что тут скажешь. Явление маленького чуда может быть и таким.

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО

Никогда не знаешь, что из чего получится, особенно перед Новым годом. Тот наступающий год по каким-то азиатским поверьям должен был стать годом Зайца. Кстати, взрослым европейцам тоже нравится играть в разные игры перед Новым годом. Я думаю, это неосознанная и непреходящая мечта о чуде да, может быть, тяга к Востоку, лишь отчасти изученному западным миром. Прагматичность Запада – не для русских. А потому – многочисленные экспедиции на Восток и удивление тайнами Шамбалы, а вот теперь и повальное коллекционирование фигурок зверей... Так вот. Один мой хороший друг подарил на Новый год маленького игрушечного зайчишку. Мы встретились накануне рождественских каникул у меня на работе, в библиотеке, попили чая с вареньем. Нас было несколько человек (такая скромная корпоративная вечеринка), вручили друг другу маленькие подарки. Мой товарищ вручил каждому по зайцу. Мне показалось, что мне – самого красивого. Коллеги своих зайчат уложили в сумки вместе с другими подарками, а я своего приколола к кофте. И сразу стала ожидать нового счастья от этого зверька.

Надо заметить, что меня ждал немного грустный и трудовой праздник. Я должна была провести больную тётю, которая жила в другом городе, и, воспользовавшись каникулами, помочь ей наладить быт. В электричке было очень жарко. Напротив сидела молодая женщина с маленьким ребёнком. Малыш так раскапризничался и так громко и безутешно плакал, что у многих погасло предпраздничное настроение. Дорога была долгая, а ребёнок всё плакал и плакал. Деться было некуда – теснота неимоверная. И люди, то один, то другой, пытались помочь молодой маме:

и в ладоши хлопали, и конфеты предлагали. Всё без толку. Я стала читать детские стихи, но как только замолкала, малыш снова заливался слезами. Я расстегнула пальто. И – о чудо! – ребёнок замер, затих, протянул ручонку... Похоже, что он попросился ко мне, и вот он, оказавшись у меня на руках, стал играть крохотным зайчиком, приколотым к кофте. Я отстегнула игрушку, отдала её ребёнку, а потом передала маме дитя. Все облегчённо вздохнули. Всю оставшуюся дорогу мы ехали в тишине и в каком-то приподнятом дружеском расположении друг к другу. Весь вагон меня благодарил. Столько тепла, столько улыбок, столько поздравлений с наступающим Новым годом!.. Вот оно как вышло: подарил мне хороший человек игрушечного зверька на удачу, а оказалось, осчастливил весь вагон!

Вот какое славное преддверие праздника приключилось. Нежданно-негаданно.

г. Москва

Валентина ЧУБКОВЕЦ

МУХА-ПУТЕШЕСТВЕННИЦА

Поехал как-то Саша в очередной рейс в Колпашево. А у меня там родня живёт по папиной линии: три сестры и куча племянников. Ну я, конечно, с ним напросилась. Кого знала, а кого нет, познакомиться захотелось. Взял. Лето было, то ли июль, а то ли август – не помню. Но дождя не было, комаров тоже. А вот муха почему-то летала в кабине МАЗа. Пробовали выгнать – ни в какую. И сквозняк не помог. Саша смеётся: «Значит, с нами в рейс поедет».

Но я понастырнее его, всячески старалась выловить эту «подругу», увы, муха ещё шустрей меня оказалась, вёрткая такая. Смирилась и я с ней, чего нервы трепать, сама вылетит, когда задумает.

Дорога длинная, я продуктов с собой набрала, по кафешкам невыгодно питаться – цены кусаются. Да и своё есть своё. Проголодались. Поесть остановились, и муха с нами примостилась. Вроде и ненадоедливая, вроде бы и не кусает, но как-то не то – муха есть муха. Умудрилась и она с нами перекусить, сноровку свою показала, и на этот раз не удалось её выловить. Саша сказал мне:

– Ладно, на Оби выпустим, там на пароме надо долго ехать, с реки холод, устроим ей сквознячок, мухи их боятся.

Вот и на пароме едем, и сквознячок сделали – нет, сидит наша путешественница и в зеркало смотрится. Я очки надела, разглядеть захотелось, что её так зеркало заинтересовало. А она сидит себе, лапки чистит да собой, похоже, любит.

– Саш, да она у нас чистюлька, вон лапки моет.

– Сейчас вся помоеется, я её поплавать отпущу, – подшучивает Саша, пытаясь поймать чистюлю.

Но не тут-то было.

– Вот наглая-а-а, на халяву прокатиться вздумала. Ладно, в Колпашево высадим, раз Томск не устраивает.

В Колпашеве Саша высадил меня, а про муху-то и забыли. Да и не до неё было: мужу разгружать машину надо, и досками успеть загрузиться, чтобы порожняком назад не ехать, всё за путёвку больше заплатят. Как поработашь, так и полопаешь.

А у меня время ограничено. Адрес родни знала, да сестрёнки меня уже ждали. Радости было-о, и родни-то сколько. Всех и не запомнишь. Старшенькая сестра, гостеприимная такая, оставляла погостить, мол, Саша следующим рейсом заберёт, но я не решилась. Дом есть дом, да и вдруг его в другое место пошлют, буду тогда в Колпашеве, как наша муха-иждивенка. Порадовалась, пообщалась с роднёй, много интересного друг другу порассказывали, побольше я о папиной родне узнала.

Вскоре подъехал Саша:

– Всё, домой пора. Поехали.

Паёк нам родственники в дорогу собрали. И, распрощавшись со всеми, двинулись в путь. Хорошая родня, даже уезжать не хотелось, а надо. Едем, природой налюбоваться не могу, лес распахивается по обеим сторонам, словно требуя остановиться, насладиться таёжной прелестью. Но время поджигает, Саша не любит лишний раз останавливаться. Вот и проголодались, хотя перед отъездом нас плотненько покормили, но в машине-то натрясло. Сидим, едим, про муху забыли, но она-то верной оказалась, не забыла, тут как тут – тоже проголодалась, видать.

– Я же её выгонял, – с удивлением сказал Саша. – Валь, посмотри, она ещё и не одна, другана с собой прихватила.

Мух, действительно, появилось две.

– Ну нет – это уже наглость, – возмутился он.

И мы принялись ловить попутчиков. Мухи же умело от нас прятались, метались в разные стороны, да так быстро – попробуй поймай – шустряги.

– Да ладно, Саш, не объедят, – говорю я.

– Нет, а эта-то что, в Томск собралась, что ли?

– Откуда, – спрашиваю, – ты знаешь, где наша, где не наша, они же одинаковые?

Саша вроде бы и смирился, правда, как их распознать, где чья? Вообще обе мухи оказались ненаглые да и незлые – не кусались. Поели с нами и за свои дела принялись: кто лапки чистит, кто в зеркало любит.

Мы их вроде даже полюбили.

Я книжку почитать решила, пока на пароме больше часа плыли. Читаю, а наша умница по страничке лазает.

– Вот эта, скорее всего, томская, – говорит Саша, – больно умная, даже книгу взялась читать.

– Наверное, наша, – ответила я и, уже не сгоняя рукой, а просто дунув на неё, перевернула страницу.

К мухам мы больше не придирались, привыкли за время дороги, вроде даже сдружились. Только вот интересно – сама вздумала прокатиться колпашевка или наша, томичка, её смашила, Томск решила показать?

г. Томск

Виктор БАБКОВСКИЙ

СЧАСТЬЕ С КИСЛИНКОЙ

Бывают такие редкие моменты в жизни, когда ты живёшь в одном месте, но вот-вот сдвнешься и уедешь в другое... И такое у тебя настроение объявится, такая весёлость, что не нарадуешься. Двенадцать лет тому назад, прихожу в этом состоянии на местный кемеровский рынок. Иду вдоль рядов, улыбаюсь. Слышу, как одна из торговек спрашивает меня: «Молодой человек, вы что ищете?» Отвечаю: «Счастье»... И вдруг из соседнего ряда крик: «А у меня есть!» Подхожу. Оказывается, что вместо счастья у нее на прилавке щавель – такая простенькая и с кислинкой трава. Иногда счастье так и выглядит.

Ах, почему люди не пишут письма? Быть может, потому, что все письма уже написаны Бер-

нардом Шоу. Помните, такой очень-очень худой нобелевский лауреат, но при этом так любил писать письма... Хлебом не корми – так любил писать письма. Наверное, потому и худой... Представьте себе... Нет, этого нельзя представить... Бернард Шоу написал, вы только не пугайтесь, двести пятьдесят тысяч... Получили?... Двести пятьдесят тысяч писем, разумеется, за всю жизнь, а жизнь была длинная. Но Нобелевскую премию ему дали не за письма, значит, ещё чем-то изящным занимался наш Бернард... Но четверть миллиона писем одной рукой, можно надорваться, вот мы и надорвались...

Тут недавно в Италии – в музейных местах – обнаружился феномен пошибче птичьего гриппа. У зрителей, созерцающих музейные красоты, часто возникало чувство тошноты и головокружения. Иные падали. Шок от красоты получается. Всё понятно: человек полжизни созерцал по телевидению сериалы, а тут подлинник какого-нибудь Сандро Боттичелли... Тошно смотреть...

Известно, что писатель Иван Гончаров и фигурой, и манерой жить был очень похож на своего героя Обломова. И вот однажды он поплыл в кругосветку. Представьте себе, какое в то время было давление живой географии, если Обломов ринулся в кругосветку... А вот и рифма: недавно по осени несколько молодых парней – одному не под силу – похитили у знаменитого (единственного) путешественника наших дней Фёдора Конюхова морские цепи и якорь. Мол, плыви и не причаливай. Ты нам мешаешь жить своим присутствием... После этого хочется спросить: зачем Фёдору цепи? А ведь ясно зачем: с этими цепями там, в море-океане, Фёдор свободен...

В пору моей студенческой юности историческую науку преподавал нам отставной военный, добродушного вида человек по фамилии Жаворонков. И вот однажды он просто вскипел, когда напористый студент стал утверждать, что Рафаэль – это певец. Преподаватель кричал, багровея: «Да вы что, смеётесь? Рафаэль – это итальянский художник!..» А студенты и вправду смеялись. Ведь они точно знали, что Рафаэль – это испанский певец. Они даже фильм про него видели, «Пусть говорят» называется... Шли годы. И вот уже Бетховен – собака, Микеланджело –

компьютерный вирус, а Моцарт – футболист... Из этого следует, что продолжение следует...

Листаю какой-то не наш роман. Чувствую что он только для листания и написан. Вдруг в самом конце вижу строчки: «Несчастье этого мира в том, что по-своему правы все», и подпись: «Жан Ренуар», был такой французский кинорежиссёр, сын знаменитого художника... Прочитал ещё раз, понравилось, попросил молоденькую секретаршу напечатать эту мысль крупно... Она напечатала. Читаю... «Счастье этого мира...» Понятно, что молодость жаждет только счастья... Но в чём радость? Со «счастьем» эта мысль стала ещё краше... И вообще хорошие афоризмы, они какие-то круглые: и так хорошо, и так... А ведь и вправду хорошо...

«Счастье этого мира в том, что по-своему правы все» – это вам не Ренуар, а просто Настя!

Идёшь по городу и всё чаще видишь большие афиши спектаклей с участием известных заезжих актёров. Их имена написаны аршинными буквами... Но кто создал эту пьесу, кто её поставил, на афише ни гугу... У нас на дворе время исполнителей и посредников... В Древнем Риме автором называли военачальника, который завоёвывал новые земли. Автор расширяет границы, которые только художникам могут при-
101
ниться.

Шёл скучный спектакль для детей. Все маялись: и сцена, и зал. Какой-то малыш вздремнул и во сне неловко повернулся. Повернулся и хлопнулся головешкой о бархатную спинку кресла. Лёгкое облачко пыли взвилось над ним... Кто-то из детей заметил это чудо и тоже хлопнулся о спинку, родилось ещё облачко... Малыши оживились и стали пускать пыль в глаза. Когда на сцене нет игры, она вспыхнет в зале, были бы дети...

Как-то по зиме вышел во двор нашей высотки и увидел такую вот картинку. Прямо рядом со мной остановилась машина – маленький красный «пежо». Из него вышла женщина бальзаковского возраста и при этом – вся в красном. И пальто, и шляпа, и сапоги. Проходя мимо, я просто не выдержал такого цветового удара и заметил на ходу: «Вам бы ещё и снег красный». Ска-

зал я эти слова не грубо, а с улыбкой. Она тоже улыбнулась и ответила: «Нет, белый снег лучше. Это так контрастно!» И она снова улыбнулась.

Или вот ещё один случай, конечно, более масштабный, но из той же серии. Лето 2012-го. Тридцатая олимпиада в Лондоне. На её открытии в рядах индийской команды красовалась женщина в красном. Все индусы в белом, а она в красном. Выяснилось, что эта дама была волонтеркой и проникла в команду, чтобы просто покра-со-вать-ся. Потом руководители индийского спорта ещё долго краснели из-за неё... Да, и летом, и зимой женщины одинаково преКРАСНЫ!

Зимняя картина. Где-то напротив областной библиотеки три девушки смотрят на своё отражение в большом зеркальном окне кафе. При этом они смеются, шутят, позируют и фотографируются. Я прохожу мимо и тоже на мгновение отражаюсь в их жизни...

Когда летом 1911 года в Париже украли Джоконду, посещаемость Лувра увеличилась в 1,5 раза. Народ просто повалил в музей. Люди приходили посмотреть на место, где она висела. На ставшую знаменитой пустоту. А когда Джоконда вернулась на своё законное место, количество зрителей сильно поубавилось... Такие истории без улыбки читать не следует, особенно если это улыбка самой Джоконды.

Говорят, что в Англии, в дальних заморских краях, появилась новая библиотечная забава – живая книга... Сразу и необразишь, что за диво такое. А на деле всё оказалось очень простым... Живая книга – это человек, который согласился за определённую плату рассказывать свою жизнь или тайны профессии. Допустим, ты бывший актёр, а любознательный читатель тебя выписывает. Ты выходишь, садишься напротив, тебе задают вопросы, ты отвечаешь, если что-то не нравится, можешь промолчать. Но, самое главное, тебя нельзя брать почитать на дом. А жаль, многие бы не отказались...

Живые вести. Германия. Проезжая дорога. Прямо на дорогу выполз и замер барсук. Изумлённый водитель остановил машину, подошёл и понял, что барсук мертвецки пьян... Как выяснилось позже, барсук по собственной воле наелся

перезрелых вишен и крепко захмелел... Сейчас он лежит на обочине в траве и постепенно трезвеет... Барсуку стыдно.

* * *

США. Аэропорт имени Джона Кеннеди. В тот день самолёты долгое время не могли взлететь. На взлётной полосе оказалось великое множество черепашек. У них медовый месяц, им не до полётов, им надо ползти... Перед такой силой любви даже самолёты замерли...

* * *

Оказывается, где-то в наших архивах сохранились голоса московских воробьёв 1960-х годов. Записи весёлые, как будто поют пернатые из фильма «Я шагаю по Москве». И вот недавно песни шестидесятников дали послушать воробьям 2000-х годов. И что? Они их просто не ус-

лышали. Нынче московские воробьи не чирикают, а просто перезваниваются... Всё как у людей!

* * *

Наукой установлено, что человек в течение дня моргает 11 тысяч раз. А за год? Да так можно всё проморгать!

* * *

Вечер. Играем с дочкой-первоклассницей в кроссворд. Спрашиваю её: «А ну-ка, назовёшь мне часть света?» Дочка без раздумий отвечает: «Лампочка!» Светлая личность.

* * *

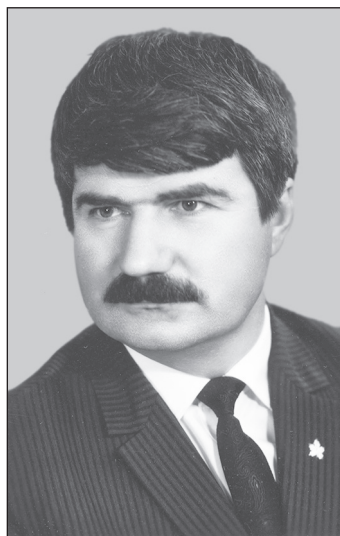
Совсем недавно моя маленькая внучка Василиса стала звать меня «дедуша», и я задумался: «И вправду, где душа?»...

г. Тверь

Гарий
НЕМЧЕНКО

ГОРБАТЫЙ МОСТ

Нет-нет, недаром тогда в командирской рубке «Азова» подначивал меня не кто иной – сам главный штурман Военно-морского флота России.

– Ещё раз посмотрите, – нарочно строго настаивал. – Хата под соломенной крышей... Казак в черкеске. Конь рядом... неужели не видите?

Разумеется, я посмеивался: ладно, мол, Евгений Геннадьевич, ладно – хватит «юнг» разыгрывать! Какие соломенные крыши? Какие там нынче могут быть казаки? Какие кони?!

– А вы посмотрите, посмотрите!

Я снова принимал к окулярам хорошо настроенного прибора, опять поворачивал его мощные линзы, медленно скользил взглядом от одного покато-го окончания острова к другому, почти такому же: выгоревший к середине лета с коричневатыми проплешинами пустынный холм, распластавшийся над синей полосой моря... Серый, судя по окраске, военный катерок неподалёку от еле заметного причала рядом с одиноким белым зданием на берегу и несколько слабо различимых домишек поближе к вершине... Деревенька?

Греческий остров Лемнос, на котором после Гражданской войны бедовали казаки-эмигранты. Как называли они его, Ломонос...

– Ну что, видите? – настаивал главный штурман.

Тогда я так ничего и не разглядел.

Зато через два-три года!..

Какие дали стали мне открываться вдруг дома, в Москве, когда стоял, ткнувшись лбом в оконное стекло, на своём двенадцатом этаже на Бутырской улице... Какие видения вдруг возникли потом в Си-

бири, в нищем теперь, совсем почти провалившемся под землю Прокопьевске! Что я увидал потом на Кубани и Северном Кавказе: не только в Чёрных горах, но, вот ведь какое дело, высоко над ними, чуть ли не в небе!

103

К Лемносу мы шли тогда, как понимаю, не торопясь, потому что за нашими тремя БДК (большими десантными кораблями) с миротворцами для Косова на борту и с техникой в трюмах следовали ещё два почти таких же. Пропустить через Босфор все корабли сразу турки отказались, отряду предстояло соединиться уже после прохода через пролив – как раз возле Лемноса, в точке четырнадцать.

Прекрасно понимаю, что это «мы шли» звучит примерно так же, как известное заявление мухи, сидевшей в поле на рогах у вола: «Мы пахали». Но что было, то было: писательская судьба неожиданно, как сперва показалось, подарила мне, истосковавшемуся за последние годы, давно заждавшемуся хоть какой-то перемены жизни, романтику и этот морской поход, и позднее, а потому как бы уже слегка насмешливое посвящение в моряки с традиционным подношением стакана солёной забортной воды, вместе с тельником и чёрной пилоткой...

Ранней пташкой я был всегда, а тут вдруг такая возможность – встречать солнце в открытом море. Несколько дней подряд я первым появлялся на полубаке рядом с головными каютами и долго простаивал в полном благословенном одиночестве, но в тот день, как нарочно, поднялся поздней обычного: это-то и дало Евгению Геннадьевичу Бабинову повод надо мною пошучивать.

НЕМЧЕНКО Гарий Леонтьевич родился 17 июля 1936 года в станице Отрадная на Кубани. Окончил факультет журналистики МГУ. Более 10 лет работал в Сибири на стройке, редактировал многотиражку «Металлургстрой». Публиковался в журналах «Наш Современник», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Живёт в Москве, Майкопе.

– Я полагал, юнга...

Он первый так назвал меня день назад, протягивая подписанный на память о нашем походе «Устав корабельной службы».

– ... полагал, вы все это как раз и разглядите: недаром мы с вами вчера столько о Лемносе...

Как в похожих случаях, когда оказываешься в местах достопримечательных, подобает, я попробовал вызвать в воображении почерпнутые из книжек картинки былого... Вот двое-трое казачков, само собою – в подштанниках, как без них, медленно входят в холодную воду. Вода поднимается уже до креста на груди, и они задирают руки: в правой шашка или кинжал, а левая как бы заодно с ней покачивается... Увидит осьминога сквозь толщу моря или придётся нырять за ним?

Подумать, и в самом деле только в страшном сне и могло привидеться, что на «воstrую» шашку сперва придётся насаживать эту морскую гадину, а после пластать её на студенистые ленты на берегу, подсохнет и за первый сорт пойдёт на еду, а то, глядишь, чего-нито дадут за неё местные греки, тоже уже успели распробовать... Голь на выдумки хитра, эх! Тем более эта голь теперь без отечества, теперь, и правда что, перекатная...

А что кунаки-черкесы?

Ещё недавно одною лавой неслись на красных, но вот англичане, эти иезуиты, придумали, что охранять казаков должны горцы, – и ещё как теперь охраняют, вошли в роль... Никак не могут англикашки простить свой проигрыш в давней Кавказской войне, ну никак!

Может быть, кроме прочего, под австрийским Лиенцем продали потом Сталину казачков ещё по той же причине?..

Отомстить наконец-то казакам, Кавказскую войну выигравшим.

И вот пробовал я всё это, значит, представить на местности: и палаточный лагерь с походною церковкой, и горькую песню из одних мужских голосов, но шло оно вяло и оттого, что час одиночества я проспал, казалось теперь как бы нарочитым.

Вспомнил вдруг картину Сергея Гавриляченко «Лемнос», висящую у него в мастерской в Москве: несколько стоящих на голом берегу одетых уже не по форме казаков печально, с безнадёгой в глазах всматриваются в морскую даль... Угу! Теперь думаю: «Уж не наш ли пришедший сюда через восемь десятков лет БДК «Азов» они высматривают?..»

Но ведь зачем-то он пришёл сюда, наш «Азов». Зачем-то я на нём оказался!..

Оставил в покое окуляры, вышли с Евгением Геннадьевичем из командирской рубки на боковой мостик, и тут я увидел, что неподалёку от нас уже не два корабля, как было с вечера, а три.

– Четвёртый «десантник» подошёл, а пятого ещё нет? – спросил у главного штурмана.

– «Десантники» оба пока на подходе, – сказал он будничным тоном. – А это ночью догнал нас «Шахтёр»...

Я прямо-таки возмутился:

– Какой ещё посреди моря шахтёр?

– Спасатель, – улыбнулся штурман. – «Шахтёр» у него название... да вон, вон – и отсюда буквы видать, – и вдруг вдохновился. – Сауна там, между прочим, скажу я вам... Если ещё задержимся, может, катер вызовем? Мне-то всё равно туда надо...

– Нет, но откуда он тут взялся, «Шахтёр»?

– А разве я вам не говорил? – с дружелюбным терпением начал Евгений Геннадьевич. – Он тут неподалёку болтался, а когда мы вышли в Салоники, из Главного штаба получил приказ в точке четырнадцать к нам присоединиться, – и глянул на меня повнимательней. – Он вам чем-то не нравится?

Мало того!

«Не нравится» – слабо сказано...

Но как тут всё объяснишь?

В жизни каждого из нас есть сокровенное, как бы ствольное начало и есть ответвления, есть победы, среди которых, кажется иногда, много не только лишних, но, может быть, для дерева даже вредных...

Таким когда-то считали дружки мой давний побег из Москвы на сибирскую стройку... если быть точным и воспользоваться предосудительными нынче полузабытыми терминами – на ударную комсомольскую стройку. Когда-то мне уже приходилось писать, как следовало потом за мной по пятам моё «ударное» прошлое: в доме творчества в тихих зимах Гаграх Юрий Павлович Казаков, которому понравились мои рассказы тех лет, наставлял меня: «Забудь это слово – «Записб», и будешь хороший русский писатель...»

Забудешь тут, как же!

Кто в детстве о море не мечтал?.. После школы я собирался поступать в Военно-морскую медицинскую академию, но на комиссии в военкомате вдруг обнаружилось: у меня – дальтонизм. Якобы не могу цвета различать... Пришлось о море забыть. Но через столько десятков лет вдруг сбылось: я на военном корабле! В дальнем морском походе. В роли журналиста, правда. Но, слава Богу, чем эта роль плоха?.. Целый день слоняюсь от кормы к носу, разговариваю с матросиками-первогодками: по поручению командира похода контр-адмирала Владимира Львовича Васюкова пытаюсь восполнить «дефицит общения», с которым, словно с заразной болезнью, прибыли на службу ребята из дальних вымирающих нынче сёл... С рабочими окраин малых сибирских городов, где тоже мало разговаривают: если что, сразу – в морду...

Благополучных детишек среди морячков, считай, нет. Как и вообще нынче в армии: откупают родители.

Между разговорами с морячками нет-нет и приткнусь к офицерскому кружку: капраз, капдва, каптри наперебой вспоминали, как в Средиземном море ещё недавно держали в страхе военные корабли «америкосов», – у этих «дефицит понимания», «дефицит сочувствия», а мне ли как раз их не понимать?.. Мне ли им не сочувствовать?

И вот оно: Чёрное море, Босфор, длинный галиполийский полуостров, на который высадили русских эмигрантов из офицерского корпуса, потом – «казачий» Лемнос... сама история!

Тем более для меня, кубанца... Да что там Кубань, что казаки!

Когда прошли Босфор, позади остался Стамбул, из командирской рубки выглянул Васюков, позвал глазами к бортовым окулярам, где нет-нет да баловали меня наблюдатели: давали иной раз всмотреться в берег.

– Отсюда ничего не увидите, – сказал с нарочитым сожалением. – Но в тридцати километрах справа по борту – то, что осталось от легендарной Трои... Попробуйте представить. Почувствовать!..

Не самое ли время вспомнить новейшие исследования, основанные на полунамёках древних историков: Гектор был славянин, под стенами Трои стояли *наши*... *Русский космос!* До которого, к сожалению, так редко приходится теперь подниматься.

В далёком Мраморном море, на «Азове», ощущение его тонко кольнуло душу, но вот – нате вам: невеста откуда появляется спасатель «Шахтёр», напоминающий мне, «совку» беспросветному, рабское, как уверяют теперь клеймо: сибирское моё «ударно-комсомольское» прошлое...

В удобной двухместной каюте, которую занимал я один, подсел к столу, пододвинул к себе записную книжку, рядом положил ручку и, прежде чем взяться за описание острова, встал и левой рукой повыше уровня глаз поднял овальную, в кожаном окладце иконку святого Георгия, подаренную мне Мухтарбеком Кантемировым как раз для этой цели – для покровительства Уастырджи, как его зовут осетины, в дальних путешествиях, на незнакомых дорогах...

«Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный Безначального Отца!.. Ты рекл еси пречистыми Твоими усты: яко без мене не можете творити ничесоже...»

Молитва перед началом всякого дела...

И тут вдруг пришло: Ирбек Кантемиров, Юра, старший-то братец Мухтарбека, большой друг и почитатель шахтёров, да-а-а...

Сколько мне принимался рассказывать!

– Можешь поверить?.. Первые после войны гастроли были у нас в Прокопьевске, отец нас туда повёз, и я, ну, как прикипел к нему... удивительный город!.. Весь на буграх, и народ какой-то особенный: хоть где-нибудь на горе, хоть на краю провала,

а непременно – свой дом с коровой и с кобелём на цепи... Обязательно мотоцикл. А с работы он, знаешь, как идёт?.. Почти у каждого на лице синие крапинки от угля и чёрные круги возле глаз. На левом плече за петельку пиджак поддерживает, а в правой у него в пальцах – две бутылки водки. Обязательно две. Не прячет, ни от кого не скрывает – даже как бы наоборот. Даже как бы гордится: а мне наплевать, кто что обо мне подумает... Отработал – иду отдыхать. А приходит в цирк – ну что откуда берётся! Всю страну объехали, где только не бывали, но таких душевных зрителей, как в Прокопьевске, таких понимающих – больше нигде. Как они аплодируют!.. Руки, и правда, отбивают. Кричат, вскакивают, на шею друг дружке бросаются. Плачут как дети... слёзы утирают, ты веришь?.. А после представления – не отобьёшься. Хватают под руки: пойдём в ресторан!.. Мы к этому, ресторану, веришь, настолько привыкли, и официанты с поварами к нам – тоже, что когда и без них, бывало, без шахтёров, придёшь уже поздно, а он закрыт, ресторан... Постучишь, а батя в дверях, швейцар: «А-а, осетины!.. Чего припоздали?.. Ну проходи-проходи!..» Не-ет, что ты, в Прокопьевске удивительный зритель. И отец любил туда возвращаться, и я, когда остался за него... Собираюсь на гастроли в Сибирь и, если есть выбор, обязательно говорю: «Мне – Прокопьевск!»

И так живо представил я рассказы Ирбека об этом самом Прокопьевске, о *Прокопé*, как называли его мы, жители соседнего Сталинска, в один момент ставшего потом Новокузнецком, попросту – *Кузней*... Так живо, что встал из-за стола, вышел из каюты на полубак и долго там стоял, вглядываясь в очертания судна-спасателя... Ну надо же!

Уходишь от Сибири, от стальной, от чёрной от угля страны своей молодости, как любил я когда-то обозначать те края, а всё равно он, «Шахтёр», – вот он!

Ты от него – за тридевять земель, а он тебя уже поджидает в точке четырнадцать возле греческого острова Лемнос. И здесь догнал!

Так это и осталось у меня в сознании, как гвоздь в белой стене, на которой ничего больше нет: Мраморное море за Босфором, остров Лемнос, на котором бедовали казаки, и вдруг... вдруг...

Сперва там, а позже в иных краях всё чаще начал припоминать наши с Юрой бывшие разговоры об этой неумытой, провальной Прокопе...

Как бы между делом в очередной раз сообщая ему, что снова лечу в Новокузнецк, а он – тут же:

– А в Прокопьевске ты не будешь? Не заглянешь туда?.. Я там – уже давненько, эх... Интересные места. И такие названия. Прокопьевск – это сам город, а железнодорожная станция там, если помнишь, – Усяты...

– А зритель та-ам, – начинал ему в тон.

И он ловился:

– Да что ты!.. Это я тебе говорю: такого зрителя нигде больше: ни по стране, ни за рубежом. Даже мексиканцы... Ну выстрелит вверх из револьвера, этим он всё сказал. Но чтобы так радоваться и так понимать...

Конечно, мне это представлялось немножко странным: все эти воспоминания Юры о *Прокопé*. Как-то не без подначки спросил его: что ты, мол, все Прокопьевск да Прокопьевск, может, там у тебя любовь была и никак не можешь забыть?

– Нет, – отвечает. – Ты понимаешь: там зритель особенный. И места, места... Городок, может, помнишь, в тех же краях: *Бачаты*. А по дороге в Кемерово...

– Ясно, ясно! – говорю. – *Барачаты*!

– Это ведь наше «*барачетбысын*». Пожелание изобилия...

И я подхватывал:

– Вот-вот. Изобилие ему!.. Да барачаты – это всего-навсего маленькие *бараки*... Изобилие ему, эх!.. Забыл уже? Я тебе читал как-то стихи моей молодости об этих местах?..

– Припоминаю что-то, но...

И я становился в позу, расправлял плечи и пальцами туда и сюда вёл по усам:

– Расправил я *усаты*, взял руки под *бачаты*...

И Юра начинал улыбаться:

– Ну-ну?

И я вскидывал на уровне груди растопыренную пятерню:

– Да что же вы, *девчаты*, забились в *Барачаты*?!

Отсмеявшись, он просил:

– Ты мне перепиши их.

– Да зачем тебе?

– А ты думаешь, один я те места вспоминаю?..

Поеду в Осетию, прочитаю старым наездникам, они тоже все вспоминают Прокопьевск... Как ты говоришь? *Прокопú*...

Далась им, думал я, эта разбросанная на чёрных шахтовых выработках грязная и почти бесконечная *Прокопá*, без всякой границы переходящая в такой же мрачный соседний горняцкий город – Киселёвск. Страшный этот, похожий на раковую опухоль сдвоенный «мегаполис» шутники-старожилы называют: *Киселёпьевск*.

Потом случилась одна маленькая история, которую помню, кажется, по минутам: настолько она была в духе Ирбека, в его широком, щедром характере...

Летом 98-го приехавшие из разных концов России шахтёры стали палаточным лагерем вокруг Горбатого моста у Белого, будь он неладен, дома...

Сам я к этому времени уже окончательно распрощался с иллюзиями чёрной от угольной пыли

«бархатной революции», уже печально посмеивался над обманутыми горняками и к Горбатову мосту не спешил: зачем лишние разочарования...

Но тут вдруг мне позвонил адыгейский писатель Аскер Евтых, которому тогда уже перевалило за восемьдесят, и решительным голосом предупредил, что вечером его не будет дома: хочет поехать к Горбатову мосту, отвезти шахтёрам несколько бутылок минеральной воды – на улице вон какая жара, а по телевизору передали, что они там помирают от жажды... Что ты с ним будешь делать!

Совсем недавно ушла из жизни его жена Валентина Николаевна, Валечка, которую он, и правда, боготворил и о которой написал потом свою последнюю повесть: «Я – кенгуру». О том, что любовь к этой мягкой, деликатной, ласковой женщине всегда носил в сердце бережно, как далёкое экзотическое животное носит в сумке на животе своих малышей... Ах, Аскер, Аскер! «Солдат» – в переводе с арабского, «боец», и в самом деле ведший в Москве суровую жизнь одинокого воина-отшельника, сам он тоже был трогателен, как ребёнок, и чист, и дружбу с ним вспоминаю теперь с болью и радостью, задним числом принимая её как большой подарок судьбы...

Оставшись один как перст, Аскер явно затосковал и, пытаясь поддержать его, я как младший каждый вечер набирал его номер, а он, аульский хитрец, отдаивался тем, что, позвонив иногда, непререкаемым тоном просил пригласить к телефону Ларису Александровну, мою жену. Хотел с ней якобы по каким-то хозяйственным делам посоветоваться, а на самом деле – расспросить о Майкопе: и ей, бывшей майкопчанке, сделать приятное, и самому душу отвести...

Лето стояло действительно жаркое, был август, и он задыхался там на своем двенадцатом этаже, выходил в основном только за хлебом да за лекарствами и вдруг умудрился загрипповать... Приходить к себе запретил категорически, а я как раз купил ему громадный астраханский арбуз. После долгих споров сошлись на том, что в лифте я поднимусь на этаж, на виду у него оставлю арбуз на площадке и тут же захлопну дверцу, укачу вниз.

Все так и было: он, полный властной значительности, в одних трусах уже стоял на площадке, я выложил арбуз, поднял в приветствии ладонь, нажал кнопку... Подходил уже к собственной двери, тоже на двенадцатом, на Бутырской, когда вдруг подумал: «Арбуз никак не меньше десяти килограммов, нарочно такой выбрал – сделать понимающему человеку приятное... Но как же он его затащит в квартиру – после недавнего инфаркта больше двух килограммов поднимать ему запретили категорически!..»

Первым делом бросился к телефону, набрал номер.

– Молодость пришлось вспомнить, – посмеиваясь, сказал Аскер. – Ногой катил арбуз по площадке, а после из прихожей гнал на кухню... Постинфарктный футбол!

И вот услышал, видите ли, по телевизору, что шахтёрикам, бугаям этим, нечего пить, и собрался нести им минералку!

Старая школа?.. Благородное сердце?

Благородное черкесское сердце.

Мне, и правда что, повезло: в этом они с Ирбеком словно соперничали...

В ту пору Ирбек был во Владикавказе, а когда вернулся в Москву, сам я на Горбатый мост ходил уже как на службу: «думскому» журналу «Российская Федерация сегодня», где в то время работал, потребовался очерк о рабочем движении.

– Бываешь там? – обрадовался Ирбек. – Давай сходим вместе: хочу посмотреть, что там на самом деле...

– Я думал, ты осетин решил поддержать...

– Откуда им взяться там? – удивился Ирбек.

– Да вот нашёл одного. Специально для тебя.

– А как фамилия?

– Дзуцев. Тёзка твой. Тоже – Ирбек.

– Дзуцев... Дзуцев, – повторил он, пытаясь, видно, припомнить. – А по отчеству?

– Может, тебе также – объём грудной клетки и размер обуви?

– Завтра у тебя будет время? – спросил он решительно.

Назавтра мы встретились у станции метро «Краснопресненская». Возле ближайшего киоска я достал бумажник, и он тоже полез за деньгами.

– Что ты обычно берёшь ребятам?

Посмеиваясь, взялся ему рассказывать:

– Это даже как бы не я. Мне тут Аскер... Рвался отнести мужичкам воды, а у самого сердчишко, рассказывал тебе, еле тянет. Куда по такой жаре? Дал ему слово, что вместо него непременно отнесу, и с тех пор у меня проблем нет: беру две бутылки по два литра или три полторашки. И раздаю ребятам. «От черкесского писателя Аскера Евтыха», – говорю...

Он остановил мою руку с бумажником:

– Сегодня будем – от осетин, погоди... Надо было, правда, какую-нибудь сумку, а то в руках как-то...

– Джигиту оно вроде с сумкой не к лицу? – пошучивал я, снимая с плеча свою. – Давай! Так и быть, носить будет русский Санчо Панса, а раздавать – осетинский Дон Кихот...

Пошли мимо стадиона с высокой, окрашенной в чёрный цвет железной оградой, на которой в траурных рамках с красными тряпицами по бокам густо висели фотокарточки погибших в 1993 году.

Мой друг остановился:

– Сколько ж тут народу тогда положили?

– Не знаю, Юра, – сказал я. – По официальным цифрам, что-то около четырёх сотен... А знающие ребята говорят, что по ночам ещё долго сносили на баржи и увозили куда-то за город: никак не меньше трёх тысяч...

Он стащил свою летнюю кепочку:

– Где мы, слушай, живём? В какой теперь стране?

Постояли с ним на краю палаточного городка, осматривая как будто в большой чаше расположенный чуть внизу шахтёрский лагерь, и он спросил:

– Так где, говоришь, мой тёзка?

– С него начнём?

Но прежде мы наткнулись на другого...

Поперёк набитой в порывевшей траве тропинки явно в позе «поддатого» лежало большое, в рост человека чучело с перекошенным в пьяной улыбке horribly знакомым лицом...

– Это он на рельсах, что ли? – нехотя улыбнулся Ирбек.

– Вчера на рельсах и был, – повёл я рукой. – Да вон они, чуть в сторонке.

– А этот, значит, отполз?

– Может, кто оттащил... пожалели!

Мимо торопливо прошёл небритый мужичок в трусах и майке, но с шахтёрской каской на голове. Перешагнул через «царя Бориса», пошёл было дальше, но вдруг вернулся, деловито попинал чучело носами грубых ботинок, обтёр потом об него бока своих башмаков и задники, заспешил дальше...

Обувь, считай, почистил...

– Тебе не стыдно? – горько спросил Ирбек, поведя глазами на чучело. – Не за него. За нас?

– Стыдно, Юра.

– Когда за границей выступали, батя всегда говорил: «Жжигиты!.. Пусть каждый помнит! За ним – Советский Союз и Россия. Россия и Кавказ. Кавказ и Осетия. Осетия и село, где родился»...

Голос у него дрогнул, но у меня и без того уже щипнуло глаза.

Когда вышли на край, где стояла крошечная палатка Ирбека Дзуцева и я указал на неё глазами, друг мой протянул руку к сумке с бутылками воды:

– Дашь одну?

По тону его понял, что с тёзкой своим хочет поговорить один на один.

– Побуду пока во-он у той большой палатки, запомнишь? – спросил Ирбека. – Найдёшь меня возле неё: палатка любимых твоих прокопчан...

У земляка он пробыл долго. О чём они там тогда, два Ирбека, два таких разных человека, беседовали?

В папке с архивами Кантемировых до сих пор у меня хранятся листки со стихами тульского шахтёра Ирбека Дзуцева, явно автобиографическими:

Жаждающий Атлантики воздуха вдохнуть,
 Потерял надежду – как её вернуть?
 Потерял квартиру, потерял семью –
 Янки обнадёжили, ясно почему.
 Я на баррикадах цепи разрывал,
 Ельцин-разрушитель крепче заковал.
 Наглая бездарность якобы реформ –
 Перешли в России на подножный корм.
 Где же ты, Америка золотых ворот?
 И горит ли факел Статуи Свобод?

Дата внизу: «Март 1995 года».

А вот два года спустя:

Обманным путём у народа
 Вы отняли право на труд.
 Товары заморского рода
 Потоком в Россию текут.
 Зачем россиянам работать?
 Не лучше ли всем торговать?

И тут же две коротких строки: «Спасибо, Ельцин,
 за значок – но я уже не дурачок!»

Прозрел наш туляк, прозрел!

А ещё через год, выходит, уже и созрел. Окончательно:

Нарастает гнев народа,
 Никому не устоять.
 Где работа? Где свобода?
 Фарс пора уже понять.
 Пикетируют шахтёры
 У Горбатого моста:
 «Президент и клика – воры!»
 Эта истина проста.
 Будьте прокляты навеки
 За предательство людей.
 Мы – не быдло. Человеки!
 Вдохновители идей.
 Умереть достойно сможет
 Каждый труженик из нас.
 Наша смерть ряды умножит –
 Победим в последний раз!

Под стихами обозначено: «Горбатый мост. Пикет.
 Июль 1998 года».

Человек искренний, эмоциональный, больно раненный предательством, Иrbек Дзуцев и в самом деле был готов умереть. Потому-то и отдал мне тогда свои стихи: ходил упорный слух, что вот-вот нагрянет ночью спецназ либо нанятые «царём Борисом» бандиты, и от палаточного городка останется лишь мокрое место...

Что взять с «простого шахтёрика», если так или примерно так думал боевой генерал Лев Рохлин,

погибший буквально через день после того, как принял роковое для себя решение: стать во главе этой черномазой оравы – вместо самозванного шахтёрского «генерала» Володи Потишного, кубанского казачка родом из Ейска...

Бедная наша родина, самими же нами по излишней доверчивости, по глупости нашей растерзанное Отечество!..

...У прокопчан как раз был затянувшийся «пересменок»: одни пикетчики домой в Сибирь уехали, другие ещё не появились, и в громадной палатке жил только «дежурный сторож» – пожилой весельчак Петюня, как сам мне представился, тут же сообщив, что это, само собой, – его «конспиративная кликуха»...

Познакомились мы с ним ещё в мой первый приход к пикетчикам, а накануне я принёс ему пищевой, с широким горлом, термос с «горячим». Термос был шахтёрского происхождения: перед этим в Новокузнецке нет-нет да приходил с ним ко мне в гостиничный номер гроз (горный рабочий очистного забоя) Коля Ничик, старинный, с детства на Украине рабкор, в Сибири постепенно пробившийся в писатели. Как я на него ни ворчал, как, случалось, ни покрикивал, с хохлацкой щедростью приносил от жены, от Надежды Викторовны, «домашнего», а когда меня провожали домой, в Москву, умудрился-таки незаметно сунуть термос с жарким в купе вагона: дорога, мол, известное дело, долгая, всё съестся!

Теперь я был рад случаю отдариться, тем более что отдарок предназначался не только Коле – как бы всей страдающей нынче шахтёрской братии...

Оглядевшись теперь по сторонам и не увидав Петюни, сходу сунул было в палатку, но вход успели преградить двое загадочно улыбающихся парней – наверняка стояли на шухере:

– Петюня пока не принимает!

Я прямо-таки опешил:

– Эт почему же?!

– Мамочка у него там.

– Какая ещё «мамочка»?

– Какая-какая, – ворчливо упрекнул один.

Второй свойски объяснил:

– Анпиловская!

Значит, носили они сюда не только воду, не только сигареты, но и кое-что ещё, да-а...

Вся Москва на ту пору, казалось, только этим и была озабочена: что предпринять, чтобы миром заставить шахтёров прекратить стучать касками и по домам разъехаться... Лужков якобы ночей не спал: думал.

«Да вот, – всё я про себя потом посмеивался, – да вот, вот – отправить телеграмму в Прокопьевск, на знаменитый Тырган, жене Петюниной». Мол, так и так: в палатку к муженьку приходит «мамочка».

Может, в другой какой конец – ещё примерно такую же.

И через два-три дня тут и следов от лагеря не останется – шахтёрские жены разнесут!

Но нет, нет...

Кто-то эту кашу варит и варит: очень она кому-то нужна!

Ирбек появился, чем-то явно расстроенный, таким я его редко видел. Будто успокаивая себя, обе ладони положил на шишак чугунной ограды, за которой стояла полиэтиленовая, похожая на парник большая палатка, кивнул на табличку с крупными буквами: «Прокопьевск».

– Хоть тут – люди как люди!

– Какие, знал бы ты! – начал было я, отводя его чуть в сторонку.

Уже готов был потихоньку сказать ему о Петюне, который парится, бедный, с «анпиловской мамочкой», и понял вдруг, что не время ему об этом рассказывать... Вообще не стоит... Нельзя... Далась ему эта чистая, прямо-таки юношеская любовь к Прокопе!

Собрались с ним уходить, шли к выходу из городка, когда нас догнала молодая журналистка из Воркуты, с которой я уже достаточно хорошо был знаком:

– Говорили, наш оркестр вам понравился... Может, останетесь послушать?

На свободной площадке в центре городка уже выстраивались четырёхугольником мальчишки с трубами, уже стоял перед ними с поднятой рукой дирижёр...

Детский духовой оркестр был из Чебоксар, из Чувашии. Накануне руководитель его, когда разговаривались, показал дарственные часы от президента Николая Фёдорова, сказал с уважительной улыбкой:

– Любит нас... И мальчишек, и вот меня с ними.

– Тут как-то по телевизору проскочила информация, что он-то как раз против забастовки? – спросил его. – А вас сюда прислал...

И дирижёр повёл ладошкой:

– Не Фёдоров!.. Только и того, что глаза, как горюются, прикрыл... А деньги на поездку Меркушин дал, депутат Госдумы – это он всё поднимает шахтёров...

– Каникулы на Горбатом мосту? – сказал я сочувственно.

И он горячо откликнулся:

– Не говорите, в центре Москвы торчим, а Москвы, считай, и не видим... Только и того, что конфеты московские... задарили! Они уже нос воротят. Но обстановка тревожная... уедем на экскурсию, а вернуться вдруг будет некуда. Да ещё трубы... пропадут или побьют их. А это уж Фёдоров давал деньги. Такие инструменты дорого стоят...

Оркестр ударил «Прощание славянки», и душа отозвалась тонкой болью: хрупкие мальчишки посреди этого грозного лагеря бунтарей... Кто-то здесь наивен, как Ирбек Дзуцев, и так же, как он, непримирим, а кто-то давно всё понял... Знает, что не в шахтовой кассе, а тут сейчас лежит его заработок... Скольких из них увижу потом на съезде шахтёров в дорогих костюмах, модных рубашках, новеньких мокасинах... Во что превратилась эта чёрная от угольной пыли, чумакая революция!.. Что ж, что лежит теперь посреди лагеря тряпичное чучело президента – сам он, въехавший на их горбу в Кремль, сидит там живой-здоровый... Ну, может, не досмотрели – так же, как тут, лежит...

– Здорово у них получается! – с теплотой в голосе негромко сказал Ирбек.

И я отозвался:

– А ты думал?

А мальчишки уже заиграли «На сопках Маньчжурии»: и старые, ну, как будто бессмертные, наши беды опять припомнились, и горе-горькое наше, и общая наша русская вина за всё, что произошло с родиной... Что нынче происходит...

– Дети, считай... И так играть! – растроганно проговорил Ирбек. – Ты веришь: не хуже наших цирковых лабухов.

– Ну конечно! – поддержал я с нарочитой иронией. – Эталон мастерства: ваши лабухи. Как ещё перед утренним представлением, поди, надерутся...

Но он не слышал меня:

– Лучше!.. Я тебя уверяю, лучше...

Вечером он вдруг позвонил мне домой:

– Не спишь ещё?.. Ты ведь у нас – вместе с курами. Хорошо, что не спишь, я только что из цирка. Двадцать контрамарок им хватит?

Я сперва не понял:

– Кому?

– Кому-кому, – проговорил он ворчливо. – Ребятишкам этим. Оркестру. Давай так: ты с утра съездишь, скажешь им. Сможешь? Найдёшь время?.. А я буду у входа ждать в половине седьмого вечера... Решено?

– Какой ты молодец! – искренне сказал я. – А я вот, видишь, не догадался попросить тебя... Опять джигит – в роли доброго волшебника, Юр?..

– Ты на мой вопрос не ответил! – сказал он нарочно строго. – Ты сможешь?

Назавтра хотел приехать к зданию цирка первым, но он уже ждал там. Опять стал было от чистого сердца его благодарить да подхваливать – какая, мол, для ребят радость! Но он ворчливо остановил:

– Я о другом, ночью... не спал, веришь. Что вообще с ними будет? И с этими ребятишками, и кто поменьше, и кто родится потом... Не выходит из головы! А контрамарки – это мелочь... Держи!

– Нет-нет! – отвёл я его руку. – Проведёшь сам. Пусть они запомнят: не кто-нибудь пригласил – джигит Ирбек Кантемиров, осетин...

И он невольно вздохнул:

– Кантемиров-то ладно... Но ради Осетии...

Мальчишки появились большой и шумной оравой, в середине и по бокам шли принаряженные шахтёрики, и я улыбнулся:

– Опять тебе придётся в дверях двух за одного считать?

Напомнил ему, как однажды мой младший сын, попросивший через меня пять контрамарок, привёз потом на представление больше десятка казачат, и я, что называется, схватился за голову, но Юра твёрдо стал напротив пожилой билетёрши и с нарочито серьёзным видом взялся проталкивать ребят по двое:

– Одна пара... две пары... три... сколько там, Нина, – пять?

Улыбаясь помолодевшими глазами, женщина повела ладошкой:

– Всё равно не хватит... Пусть все!

Когда все казачата оказались в фойе, с серьёзным видом спросил его:

– Что ж ты не рассказывал?

Он поймался:

– О чём?..

– Что ты не только джигит – ещё и старый фокусник?

И он рассмеялся, довольный:

– Это цирк!.. Хочешь или не хочешь, всему научишься.

Теперешние его гости, конечно же, засиделись там, на Горбатом мосту – ещё на подходе толкали друг дружку, кричали, громко смеялись... Но то ли началось, когда в фойе каждый нацепил себе купленный в цирковой лавчонке большой красный нос, каждый в левой держал мороженое, а правой пытался отбиваться зажатой в пальцах продолговатым, как огурец, длиннющим воздушным шариком...

– Как ты думаешь? – глядя на них, нарочно серьёзно спросил у меня Ирбек. – На представление они пойдут? Или им и этого, их собственного, хватит?

И я расхохотался, недаром же Никулин накануне записи передачи «С лёгким паром!» «подзанимал» у Юры анекдоты, недаром его шутки потом озвучивал!

Прошли с ним в директорскую ложу, откуда хорошо было видно, как мальчишки рассаживаются на своих местах... Расселись и тут же чуть не разом притихли.

– Смотри, какие пай-мальчики! – повёл на них глазами Ирбек.

– А ты, небось, думал, что они арену займут?

– Сейчас будет оркестр, – проговорил он. – Я уже их подначил, сравним...

Всё глядел на мальчишек, а я опять вспомнил уже давний теперь приход на Цветной бульвар казачат... Многим, понятно, не досталось мест, Ирбек одного над другим рассадил их под деревянным бортиком на ступеньках в проходе, и я тут же решил, что мы с ним сделали всё что могли, но он тихонько скомандовал:

– За мной давай-ка – не отставай!

Быстро прошли какими-то хитрыми переходами и оказались в буфете.

– А, дядя Юра! – дружелюбно встретила его молодая буфетчица. – Что, любимого вашего, томатного? Один стакан? Два?

– Три! – сказал он ей в тон. – Только не соку, а три картонных коробки из-под сока... Найдёшь?

– Конечно, дядя Юра, для вас...

– Разрывай и складывай вот так! – приказал он мне, когда буфетчица принесла нам коробки.

– Что надо, не пойму...

Сам он уже растерзал одну:

– Видел, где мы их посадили? На камень... на бетонные ступеньки... дети! Долго им простудиться? В несколько раз складывай... под попку...

Там сидел и мой внук, сидел Глеб, которого Георгий, сын, специально туда определил, чтобы остальным не было обидно... Но почему не я, а Ирбек тут же бросился искать эти коробки, ну почему?!

110

Держа около груди по охалке вчетверо сложенного картона, зашли потом на конюшню за кусками попоны, тихонько вернулись на представление: в круглом зале держалась напряжённая тишина, головы у всех были задраны – под куполом работали акробаты. Он попридержал меня у входа на верхнем ярусе, а когда ударила музыка, обвалом грохнули аплодисменты, подтолкнул плечом, кивком позвал вниз.

– Привстань-ка! – шепнул первому мальчишке, тот послушно приподнялся и сел уже на картон с кошмой.

Шагнул ещё не ступеньку вниз:

– Привстань-ка!

Но казачок попался упёртый. Руками схватился за край ступеньки.

– Чи-о?! – спросил громким шёпотом.

Не знаю, почему это Ирбек перешёл вдруг на «цирковой-изысканный»:

– Приподыми-ка мадам Сижу!

– Чи-о-о-о?! – совсем потерялся казачок.

– Задницу приподними! – перевёл Ирбек на родной наш язык, на обыденный.

...И вот когда его не стало, когда так неожиданно ушёл, когда Москва так недостойно простилась с ним: ни траурной рамки в газетах, ни слова по ра-

дио, ни хоть коротенького сюжета по телевизору, я, младший, вдруг ощутил настоящее горькое сиротство...

Оказалось, наш с ним шуточный договор о беспрекословном соблюдении горского, кавказского «кодекса чести» в стремительно опускающейся в омут «общечеловеческих ценностей» столице был и в самом деле надёжным щитом от нарастающей во круг разнузданной пошлости и густопсового хамства...

Неужели останусь теперь со всем этим один на один?

Неторопливо и честно писать о джигитах – так, чтобы ни мне самому, ни Ирбеку, ни обоим нам не было стыдно, – с годами вошло у меня в привычку, сделалось добровольной обязанностью. Давно уже понял, что это мне на роду написано – о них рассказать, но не спешил, не торопился – вон как пока силен и красив, как подвижен и крепок, как духом могуч мой друг!

И вот ушёл, а я о чём-то не расспросил его, чего-то, может быть, недопонял, что-то благополучно успел забыть... Издержки «вольных хлебов»... Может быть, слишком «вольных»? При которых вроде бы никому ничего не должен, никто тебя не торопит... Откуда же теперь эта горечь горькая?

Не позвонит, не пошутит, никуда не позовёт больше, не приободрит не только взглядом – одним своим благородным, полным кавказского изящества и ненамного достоинства видом...

В один из тоскливых дней после гражданской панихиды на арене пустого полутёмного цирка отправился к общему нашему с Ирбеком товарищу, работавшему тогда в «Парламентской газете» однокашнику Саше Алёшкину. Сам он отлучился по делам службы, но сидевшие в кабинете за шахматами его коллеги передали, что просил обождать, и я сел в сторонке, невольно приглядываясь к игравшим: так безобразно громко они кричали и спорили... Мало, мало того! В кабинете стоял сплошной мат, всякий очередной ход сопровождался грязной руганью в изощрённой, отвратительной форме... Хотя всего-то газетчики – тоже «мастера» слова!

Вскакивали и потрясали кулаками, раздёргивали якобы непременно – положение обязывает! – галстуки, хватались за жиденькие волосы на давно полысевших головах, сгибались и разгибались, в забывчивости некрасиво почёсывались, и у каждого был такой вид, будто сейчас то ли пукнет, а то ли, расстёгивая молнию на ширинке, шагнет в угол...

Мне вдруг показалось, что они меня разыграли, никуда Алёшкин не уходил – вот же он, вылитый, только и того, что на белёсом худощавом лице воспалённые глаза сильно подзакисли и пену в уголках рта давно вытереть не мешало бы...

Блажен, кто подобного душевного смущения не испытывал!

Я встал, вышел и никогда больше не звонил Алёшкину и никогда не заходил к нему... Ты уж извини меня, Саша, так получилось!

Правда, в этот первый год без Ирбека случилось одно радостное и чуть загадочное, мистическое, если хотите, событие...

Валентин Распутин позвал меня осенью в Иркутск на проходивший здесь уже который год праздник «Сияние России». Встретил нас, небольшую компанию москвичей, в аэропорту и почти тут же отвёл меня в сторонку:

– Ты не обидишься?... Расписывал тут, кто куда поедет, и тебе выпали рабочие города – Братск и Усть-Илимск... Поймёшь правильно?

Чего ж не понять? Больше десятка лет на «ударной комсомольской» стройке в сибирской молодости, это, братцы мои, на всю жизнь.

Осень стояла удивительная, с пылающими яркой желтизной лиственными лесами, которые тянулись и тянулись под небом удивительной голубизны, и я был рад, что сказочный этот вид продлился для меня благодаря почти немеренным расстояниям по железной дороге уже внутри области – до чего она, страна Сибиря, действительно велика!

В Братске спустился к берегу Ангары, умылся речной водой и постоял, улыбаясь давним годам...

*Навстречу утренней заре –
По Ангаре, по Ангаре!..*

Как тогда выпевали наши девчата именно эти слова... да!

«Девчонка, девчонка танцует на палубе», – эти тоже...

Каждая тогда думала, что хоть и далеко Ангара, но это, конечно, – прямо-таки о ней... Где тогда, интересно, был Рыжий Толян, который и Ангару тоже теперь, считай, прикарманил? Сколько ему тогда было лет?

Посреди вечера в одном из читальных залов ко мне под села очень скромно одетая худенькая пожилая библиотечарша, положила передо мной старый мой престарелый роман «Пашка, моя милиция», – ну до того истрёпанный и клеенный-переклеенный!

– Помню вас я с нашей Антоновской площадки, с Записба, – взялась тихонько нащёптывать. – Тогда все: «Братск, Братск», а у нас ещё ничего, до разворота далеко было, помните, тишина, и я сюда приехала, за романтикой.

Спросил по инерции:

– Нашли?

Как печально она посмотрела на меня: был взгляд раненой птицы, оставшейся жить в чужом краю... Бедные вы мои! Какая там «утренняя заря», какая «палуба»!

...Как раз в этот миг, сейчас, компьютер «нового поколения» – благодаря добрым людям только что задёшево приобрёл у одного богатого «продвинутого», которого он уже перестал устраивать, – так вот, эта бездушная машина что-то и дело теперь подсовывает в мой текст: то советы, а то готовые наработки, попыталась тут же напомнить мне о полузабытом в нашей жизни клише «заранее благодарен», и я вдруг горько подумал, что это, может быть, единственная благодарность, которую заслужило бедовавшее на десятках «великих» строек, на сотнях чуть меньше них, моё поколение... Продающий эти машины далёкий чужой миллиардер и тот понимает и, в отличие от наших новоявленных, выходит, как бы сочувствует забытым и обездоленным!..

Но настоящую радость мне пришлось испытать в Усть-Илимске.

Мы были в только что создаваемой местной художественной галерее, когда речь зашла о Кавказе и кавказцах.

– Вы в тех местах бывали? – спросила у меня милая молодая женщина, руководитель галереи. – Хоть немножко их знаете?.. У нас тут небольшая проблема: на первых порах, конечно же, приходится чуть не по всей стране побираться, вот Москва и прислала нам две очень хорошие графические работы, но кто на них...

Работы тут же из запасника принесли, я глянул...

Как-то уже пытался писать, что нет ничего случайного, во всем – промысл Божий.

С одного листа глянул самый старший Кантемиров, уже в почтенных, очень почтенных годах, Алибек Тузарович, глава династии. С другого смотрел на меня мой друг Ирбек.

Пришлось достать из кармана пиджака Мишину иконку в твёрдой, в виде подковы, оправе из кожи.

– Как хотите, это она к вам привела! – сказал, перекрестившись. – Георгий Победоносец, которого осетины зовут Уастырджи. Считается – покровитель мужчин, воинов, путников. Как шутливо в Осетии говорят: министр путей сообщения. Мне её подарил в своё время знаменитый наездник и каскадёр Мухтарбек Кантемиров. – «Не бойся, я с тобой», двухсерийный фильм, может, помните? Там он в главной роли. А здесь его отец и его старший брат.

– Вы уверены?.. Это точно? – стала допытываться руководительница музея. – Мы писали художнику, хотели, чтобы он нам ответил...

– И он не ответил?

– Да, почему-то не ответил.

– К несчастью, он пропал.

– В каком смысле?

– В прямом, – пришлось сказать. – В самом прямом...

Действительно подлое время, которое столько уже поглотило одного за другим! Никто не знает,

куда делся Заурбек Абоев, умница и красавец, талантливый осетинский график, писавший неплохие стихи... Ирбек уже был тогда главой землячества, с помощью высоких милицеских чинов тоже пробовал искать его... Нет!

Но вот остались прекрасные его работы, и две из них чудом переместились в Сибирь, которую так любили отец и сын... Мало сказать, в Сибирь – в самый центр её, в самую глубину-глубинку!

– Вы нам пришлёте хоть что-нибудь о них? – попросила директриса музея.

В Москве я первым делом позвонил Мухтарбеку, рассказал об усть-илимском музее, дал адрес, и оба мы потом слегка растрясли наши «кантемировские» архивы – ради сибиряков...

И вот дома, опустив голову, почти касаясь лбом оконного стекла, стоял я, невидящими глазами глядя на свою Вятскую, по которой неслись машины, и всё размышлял, и всё пытался понять...

Ну, с ребятишками ясное, предположим, дело: Ирбек никак не мог дожидаться внуков – Марик не торопился связывать себя женитьбой, не торопился, и вот она где прорывалась, эта любовь к детишкам и эта боль.

Недаром ведь о них всегда: *династия Кантемировых*.

Династия!

А продолжателя нет...

112

Через несколько лет мы созвонимся с Володей Ли, главным администратором цирка на Цветном бульваре, тестем Маирбека, который будет в то время с гастролями в Англии, созвонимся и съедемся на развилке дорог недалеко от Звенигорода...

Счастливый Володя, дитя корейца и «широй» украинки, прошедший суровую цирковую школу бывший акробат, вылезет из машины с годовалым бутузом на руках:

– Знакомься, Юра, с дядей! – начнёт говорить ему. – Он друг твоего дедушки... знакомься, Ирбек!

Пробую черноглазого малыша взять на руки, но раздаётся такой густой, мощный рёв!..

– Ну-ну, – скажет Володя. – Ну-ну, а то и отец с матерью там услышат... Англичане им продлят контракт, представляешь? Они вообще запрещают кому бы то ни было появляться в стране с парнокопытными, а тут был такой успех, что предложили ещё на несколько месяцев остаться. Послезавтра директор сам полетит подписывать договор.

Так вышло, что «послезавтра» мне пришлось прийти в цирк на Цветном бульваре, чтобы повидаться с Татьяной Николаевной Никулиной... От неё, сидевшей в кабинете покойного мужа, Юрия Владимировича, только что стремительно вышел с бумагами их сын Максим, нынешний генеральный

директор, в приёмной чуть не налетел на вошедшего с кипой чёрных бурок в руках Володю Ли, промчался в свой кабинет.

– Маирбеку хочу с ним, – торопливо сказал на ходу главный администратор, ношей своей раздвигая оставленную приоткрытой дверь в кабинет генерального. – Говорил, что сейчас улетает.

Зато какое спокойствие царило там, где сидела Татьяна Николаевна!

Превращённый в музей кабинет Юрия Владимировича, и при нём ещё уставленный сувенирами со всех концов света, теперь, что называется, ломился от них, и сама она, уже очень пожилая, сухонькая, после нескольких дней болезни поблёкшая тоже невольно гляделась тут одним из многочисленных экспонатов.

Заговорили о Кантемировых, и Татьяна Николаевна очень медленно, будто потихоньку доставая это из памяти, стала рассказывать, как в давние, теперь предание времена, когда выпадали совместные с осетинскими джигитами гастроли, Мариам Хасакоевна, которой и без того приходилось заботиться о своих трёх мужчинах, заодно брала на свой кошт Никулиных, как вкусно она готовила и кавказские блюда и русские щи, как тепло и весело было за общим большим столом...

И тут стало происходить что-то удивительное: на глазах она начала оживать, начала как бы молодеть... Скрывавшие до этого усталую боль глаза зажглись, заискрились, на впалых, давно не выдавших косметики щеках появился яркий румянец. Как очаровательно она улыбнулась!

– Если бы тогда вы их видели: Ирбека и Мухтарбека! – сказала вдруг зазвеневшим голосом. – Юру и Мишу... Какие, и правда, были красавцы!

Но почему их всё-таки так тянуло в Сибирь?

Вышагивая по своему не очень просторному кабинету как бы положенные для печальных раздумий километры, однажды остановился, постоял так, словно к чему-то далёкому прислушиваясь, и вдруг влепил себе в лоб раскрытой пятернёй: туха-матюха!..

Как о таких, вроде меня, молодцах в родной моей станице говаривали...

Или это уже из того, что в других, в далёких от Кубани краях было услышано и стало потом моим?..

Так и тут: всё на свете одно с другим переплетено, всё связано-перевязано, тем более на просторах нашей Руси-матушки, где многое перемешивали, перетасовывали ещё и нарочно!

«Что ж ты, – подумал о себе, – что ж ты уже столько лет, стреляный вроде воробей, о джигитах размышляешь как бы отдельно, о казаках – отдельно и так же о них всегда пишешь... Да ведь ссыльные казаки и были в Сибири теми самыми зрителя-

ми, которые душеньку свою отводили на представлениях джигитов!

Да как же ты раньше до этого не дошёл?

Опять, как в нашей станице, *недотумкал*?!

А ведь было тебе столько знаков: да тот же спасатель «Шахтёр» около Лемноса, который одним своим неожиданным появлением должен был в твоём сознании многие концы и начала соединить! Не отсюда ли тысячи казаков разбрелись потом по Европе, в каких только странах не осели, родили детей, многих растили в русских школах да кадетских корпусах, оказались с ними в немецком Казачьем стане, в корпусе у генерала фон Паннвица, в австрийском Лиенце, где так жестоко англичане их предали, и в телячьих вагонах покатили оттуда в Кузбасс... А кто их тут встретил?

Бедолаги, которых с Дона, с Кубани, с Терека выслали сюда двумя десятками лет раньше: во времена расказачивания-раскулачивания...

Кто все эти шахты бил?... Кто металлургию да химию поднимал?»

В большом очерке «Последнее рыцарство», который был опубликован в первые годы шумно разрекламированного, но так пока и не состоявшегося нашего «возрождения», которое впору уже *«вырождением»* называть, рассказал, кроме прочего, об отце старого своего друга Николая Бурмы, выросшем сиротой лихом красном казаке с Терека. Как раз из-за его сиротства да из-за природного удалства не однажды пощадили его сердобольные, старше возрастом белые... Очерк этот многим тогда понравился, а Коля, посмеиваясь, сказал мне:

– Хочешь, я тебе – продолжение?... Когда распределился на работу в Междуреченск, через год-два приехал ко мне отец. Денёк-другой погостил и говорит вдруг: «Съезжу-ка я, сынок, в Прокопьевск. После гражданской туда половину нашей станицы вывезли... Как они там?... Хоть одним глазком глянуть!..» Вернулся оттуда мрачный и говорит: «Хорошие ребята, но больше я туда не поеду. Стоит выпить стакан, и каждый тут же – о вооружённом восстании... Нельзя к ним ездить, сынок, нельзя, а то ведь загребут вместе с ними!»

А книжка Евгении Владимировны Польских «Это я пред тобою, Господи!»?... Искусствовед по профессии, работала в Москве, уехала во время войны в родные края, на Ставрополье, тут во время оккупации вышла замуж за казака, который вернулся с немцами, с ними оба ушли: муж её издавал у Паннвица газетёнку «Казачьи ведомости»... Ну прямо-таки, как ваш покорный слуга – в Союзе казаков у батеньки Мартынова... В Лиенце их взяли вместе, но на первой же «нашей» станции разделили: офицеров потом провезли дальше, вглубь Сибири, и о муже она ничего больше не слышала, а основную массу «простых казаков» разбросали по зонам «Кузбасслага» да «Южкузбасслага»: в Кемерове, Ленин-

ске-Кузнецком, Белове, Киселёвске с Прокопьевском, Мысках, Междуреченске...

Читал книжку, изданную после очередного её возвращения в Ставрополь, уже в девяностые, и вдруг наткнулся на фразу, от которой зашлась душа: «После ласковых имён кубанских наших станиц – Отрадная, Спокойная, Привольная – ранили даже грубые названия здешних мест: Тайбинка, Тырган, Сибирга...».

Но для меня-то и они звучали торжественной музыкой!

Что говорить о чуть ли не родном прокопьевском Тыргане... В шуточных стихах беспечной молодости была воспета и соседняя с Новокузнецком Сибирга:

*Сибирга, Сибирга!
Приготовь стопарик.
К тебе едет дядя Га...
Дядя Сибир-Гарик!*

Ну что делать, если комсомольские наши стройки возникли потом в тех местах, где перед этим были лагеря с нашими же земляками, а то и близкими родственниками... Думаю иногда, может, побывавши на преддипломной практике в Кузбасе, оттого-то и рвался потом в Сибирь, в места казачьей гибели, что Божий промысел для меня был как раз об этом и рассказать, но за шумными песнями о «величавой Ангаре», о том, как «девчонка танцует, танцует на палубе», я его тогда так и не расслышал и начинаю различать только теперь, когда размышляю о своём друге-джигите...

Ведь, представьте себе, действительно, вы только представьте: бить и бить в глубине эти чёрные норы, в которых тяжёлая земля во время обвала навсегда засыпает твоих товарищей... Если пласт угля невысок, годами потом стоять в этих норах на коленках; пить после безрадостной смены вусмерть, чтобы забыться и хоть как-то отдохнуть... И вдруг по городу слух: «Джигиты приехали!»

За тридевять земель от родного дома сидеть среди немногих выживших станичников под брезентовым пологом шاپито, втягивать жадными ноздрями лошадиные запахи, слышать тихое ржание, и – вдруг, вдруг!

С лихим гиканьем стремительно врываются на арену горячие кони с лихими наездниками в черкесах и высоких папах – будто из недавнего прошлого...

Да так ведь оно и было: полвека назад на ростовском ипподроме совсем молодой тогда осетин Алибек Кантемиров учился джигитовке у донских казаков, а теперь их детям и внукам передавал, несчастным страдальцам, привет с их зелёной и тёплой родины...

...Они восстали-таки, но поздно, поздно, когда позвали их уже не свои – позвали чужие, недаром ведь среди шахтёрских вождей оказалось столько немцев или якобы немцев, которые преспокойно потом уехали кто в Германию, кто в Израиль: приторговывать там сибирским угольком да металлом...

– Говоришь, недавно был у нас, тогда, может, видел эту картину? – расспрашивал меня возле Горбатого моста «дежурный сторож» Петюня. – Её теперь на всех митингах выставляют, на всех праздниках, «Прокопьевский петух» называется. На перекладине мощный кочет с такими шпорами, что будь-буди, ударил крыльями, задрал голову – прямо-таки слышать, как орёт... А перед ним вполнеба – заря!

Занялась над родиной, как же...

– И Норильск, и Воркута – это уже потом. И междуреченские ребята с шахты Шевяковой – это после. А первыми наши прокричали: в Прокопьевске!.. Почему я себе и кликуху эту – Петюня. Наш петух первый свободу объявил!

Как всё же хорошо, что я не стал тогда Ирбеку о Петюне из любимой его Прокопы рассказывать!..

г. Москва

Руслана ЛЯШЕВА

РОЖДЕНИЕ – НА КУБАНИ, ЖИТЕЛЬСТВО – В МОСКВЕ, МЕСТО ДУШИ – В КУЗНЕ

Роман «Красная машина» Гария Немченко
подоспел к его 80-летию

Не зря ударную стройку Запсиба называли Западно-Сибирской Сечью. Были, были там и братство, и молодёжная вольница, и труд от души, и спорт во все лопатки, и много чего. Немалую лепту в сибирский обиход, как говорится, котёл внесли кубанцы с их стойкостью и жизнерадостным юмором при любой погоде – жгучий кузбасский мороз или азиатский испепеляющий зной. Гарий Немченко выразил суть в коротком афоризме: сибирское братство. Подробности живописал в своих 50 книгах, посвящённых в большинстве своём Кузбассу и Антоновской площадке на правом берегу Томи, где возводился Западно-Сибирский металлургический комбинат (ЗСМК). «Красная машина» промчалась от кержацкой таёжной глухомани через любимый Новокузнецк к Москве и дальше со всеми остановками: Мюнхен, Дортмунд, Буэнос-Айрес, короче, как поётся у Высоцкого: «Весь мир на ладони, я счастлив и нем и только немного завидую тем, у кого...» У кого чтение романа ещё впереди. Подступом к главному сюжету книги – чемпионату по хоккею мира и Европы в 1983 году – стал рассказ о новокузнецкой команде «Металлург» с её страстями покруче мюнхенских.

Стремительная, как полёт шайбы по льду, беседа с автором дополнялась его размышлениями на страницах романа «Красная машина» (М.: У Никитских ворот, 2016) и сборника прозы «Голубиная связь» (М.: Спас, 1994).

ХОККЕЙ!.. ТЕМА АРТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ И ОБЩЕГО ДУХА

– Интересная мысль где-то в ваших книгах мне встретилась об извечной традиции казаков – не ждать от Москвы слов о помощи, самим в случае опасности подставлять плечо. А южные рубежи спокойной жизни не способствовали, да и нынешние времена расслабляться не позволяют. Традиция востребована не только у казаков, но и в армии. Даже для нас, штатных, она стала актуальной.

– Такая мысль постоянно проходит в моих книгах о казаках, например в рассказе «День святого Геор-

гия». В книге «Вольный горец» духом постоянной готовности к бою сплочена 58-я армия, воевавшая на Кавказе. Вопрос, кстати, сложный. Михаил Шолохов в «Тихом Доне» со всех сторон вроде бы проблему осмыслил, но всё равно не исчерпал. В годы войны на встрече Сталина с казаками ему предложили вступить в казачье братство. Верховный главнокомандующий усомнился, дескать, слишком замысловатая процедура. Почему же, развеяла сомнения старшина. Нет. Приняли Иосифа Виссарионовича в казаки. Великая Отечественная возродила былой статус казачества, упавший было в годы пресловутого расказачивания.

– Ещё бы! «Едут-едут по Берлину наши казаки...» – показывает песня их в числе победителей.

– Даже галифе с галунами появились.

– Ваш документально-фантастический роман, ещё пахнущий типографской краской, не ограничивается спортивными треволнениями. Хотя в аннотации заявлено, что «во множестве сюжетных переплетений главным героем, конечно, остаётся «Красная машина» – легендарная хоккейная команда сборной СССР, до сих пор вызывающая восхищение болельщиков всего мира». Роман так и называется – «Красная машина». Ритм во второй, основной части «Дортмунд, или «Ихов» Кузбасс» задаёт в повествовании этот чемпионат мира и Европы 1983 года, подтвердивший мировое лидерство наших хоккеистов. Здесь документальную канву событий воссоздают репортажи собкора «Правды» Л. Лебедева, а между ними разворачиваются впечатления и размышления автора. Словно между створок шлюза мчится бурлящая лава современной жизни. Берёт начало «лава» в дорогой писателю Кузнецке, то есть в Кузбассе (часть первая «Новокузнецкая цензура, или Благородный жест Лиды Короленко»), рассказом о команде «Металлург». Затухает «лава» в третьей части «Домой!».

Среди множества проблем романа, похоже, самая дорогая для вас – укрепление дружбы народов, населяющих вместе с русскими огромные просторы России, будь то шорцы в Кузнецком Алатау или адыги на Северном Кавказе, и многие другие. Казачья закваска в наше сложное время весьма кстати. Вы не стали ждать обращения к писателям о помощи и сами подставляете плечо Москве для упрочения рыхлой государственности. Так ли?

– Так оно и есть. Начиналось с рассказа «Хоккей в сибирском городе», продолжалось в рассказе «Хоккей и мальчик». Это развёрнутая на материале спорта тема артельной работы и общего духа. Короче, что спасало Россию во все времена. Объединение! Запало мне в памяти наблюдение какого-то мыслителя, мол, у стаи птиц появляется свержохла,

сверхсознание, сверхзащита, благодаря чему они преодолевают тысячи километров. Птицы становятся неуязвимыми для хищников, даже могут спать внутри стаи и высыпаться гораздо быстрее. С людьми, объединёнными духом, происходит что-то аналогичное, но, конечно, более мощное. Ведь природный инстинкт и в людях заложен, а проявляется в общем деле – труд ли, армейская ли служба, тот же спорт. Человек в создавшемся коллективе ощущает себя сильнее. Отсюда и патриотизм – не риторика, но природный феномен, источник силы каждого в отдельности и всех вместе.

– Раздумья о единстве людей и в целом народа не оставляют вас давно. Празднование Дня Победы 9 мая этого года показало, что это общая забота. Акция «Бессмертный полк», придуманная томским журналистом Сергеем Лапенковым, стала общероссийской, а теперь международной. В 41 стране 30 миллионов человек 9 мая шествовали в колоннах «Бессмертного полка». Виктор Линник в статье «Бессмертный полк» России» (Слово. 2016. № 9) сформулировал мысль, которая нас всех волнует: «Нация непобедима, пока она едина».

К тому же эпоха наших затянувшихся преобразований подталкивает людей к коллективизму, чтобы в одиночестве не стать субъектом для манипуляций фирм, фирмочек, компаний и просто бандочек мошенников, косящих под сообщество бизнесменов. В вашем сборнике прозы «Голубиная связь» не лишён таких забот симпатичный парень на трамвайной остановке. У него на поясе необычный брелок: патрон с пулей. «Афганец» из рассказа «Последний патрон» в армии, как выяснилось в завязавшемся разговоре, был связистом и там всегда последний патрон оставлял для себя. К счастью, патрон не понадобился, в мирной жизни стал памятным брелоком. Однако жизнь дома, представлявшаяся ребятам из афганского «ада» «раем», оказалась не из лёгких. Армейская привычка к сплочённости пригодилась «афганцам».

Этим же в рассказе «Вы не в пустыне» только в отношении трудящихся озабочен четвёртый генеральный директор ЗСМК Борис Александрович Кустов. Машиниста пневмотранспортёра Анну Архиповну Капустину, пришедшую на личный приём, он наставляет ценить коллективизм: «Понимаете, Анна Архиповна, или нет?.. Что рядом с вами – люди?! Что вы – не одна?.. Вы понимаете это, что вы не в пустыне?! Анна Архиповна?»

Капустину в квартире на первом этаже в третий раз обворовали, унесли всё, кроме костюма, в котором она ушла в гости. Она из скромности и присущего ей достоинства не хотела никого обременять жалобами, пока знакомые сами не записали её на приём к генеральному директору.

Правильно делаете, Гарий Леонтьевич, что подробно воспроизводите их разговор – директора и работницы Запсиба.

«Для того мы на комбинате и существуем, чтобы каждому хоть чем-то помочь в трудное наше время. Понимаете, Анна Архиповна, каждому!.. Но этот каждый тоже должен хоть как-то помогать себе... чтобы нам работу облегчить: хоть кричать, что ему плохо!.. Не просто терпеть и терпеть, как вы тут у нас, Анна Архиповна?! Кто нам всем сказал бы это? На всю страну».

Да-а, светлая память осталась у записывовцев о Борисе Александровиче Кустове. Жаль, ему не удалось отстоять ЗСМК; и теперь прибыль Запсиба, который построили молодые энтузиасты всей страны, идёт в закрома Альфа-банка. Банкиры заботливо Капустину бы не наставляли.

КОНВОЙ МЫ ПРИНЯЛИ ЗА ПОЧЁТНЫЙ КАРАУЛ, ИЛИ ГОРЯЧАЯ ЭНЕРГЕТИКА КУЗБАССА

– В записи шутке «Конвой мы приняли за почётный караул» вместе с юмором уместился и серьёзный смысл. В 30-е годы в Сибирь везли зеков, и они трудились (куда, мол, денешься!) на шахтах и стройках. Под конвоем, конечно, доставляли, как в романе «Излом» Максима Сибирцева (Кемерово: Печатный двор Кузбасса, 2013), написанном по лагерному черновику через полвека, о десятичасовом каторжном труде в каменоломне. В 50-е и 60-е годы на молодёжные ударные стройки поехали добровольцы, чему посвящены книги Геннадия Емельянова, Анатолия Яброва, ваши и многих кузбасских писателей. На стыке двух эпох и родилась шутка, типичная для «оттепели», когда страх нейтрализуется смехом. Серьёзное значение афоризма – это кивок на горячую энергетику Кузбасса. По климату, создавшему запасы угля в недрах региона. По характеру людей (энергичных), оказавшихся на трудовом крае страны.

Эта же, записиовская широта мировосприятия проявилась в стиле романа «Красная машина». Вот и разгадка такого стиля: «...под удачную для родной команды игру хорошо и счастливо думалось, под плохую – больней переживалось. Для меня хоккей был – улада. Своего рода музыка. Где можно видеть глазами, как пишутся её ноты. Хотя в музыке я тоже не особо-то понимаю. В нотах – тем более. Некое эмоциональное сопровождение душевных переживаний и размышлений? Всего-то. Но разве этого мало?» (с. 65–66).

Этого вполне достаточно, чтобы мысли писателя и читателя романа пересеклись с проблемами и темами, которые постоянно на слуху современного человека. Например, разговоры о шорцах («куз-

нецкие татары») напоминают о Льве Гумилёве, о его книге «Древние тюрки», потомками которых являются и шорцы, и телеуты (было племя «теле») из деревни около Запсиба, и другие народы, создавшие задолго до монголов и Чингисхана первую державу на евразийской равнине. Философ И. А. Ильин в русском зарубежье пародировал евразийцев Н. С. Трубецкого, П. П. Сувчинского, П. Н. Савицкого, Г. В. Флоровского, Л. П. Карсавина и других за положительную оценку Чингисхана, создавшего вторую империю на просторах Евразии: «Чингисхамство»; философы шутили под стать записовцам.

Или «колбасно-пивное мюнхенское изобилие», как и чистота и опрятность немецких городов, оно поражает автора романа и хоккейного болельщика; дескать, Германия проиграла войну и процветает, а Россия – выиграла, победила, а пребывает в экономическом кризисе. Почему?

Ответ читателю подсказывает доктор экономических наук С. А. Кимельман: «Меня удивляет, что главнаулиберал Е. Ясин не подчеркнул экономическую цель и сущность реформ Л. Эрхарда, его стратегию, которая в мировой экономической науке получила название *«построение социального рыночного хозяйства»*. Здесь ключевое слово *«социальное»*, социальная экономика, обеспечившая *«благосостояние всех жителей страны»*. Обратим внимание, что реформа длилась всего пять лет. А наши либералы реформируют уже 23 года и пока обеспечили благосостояние небольшого клана олигархов и обнищание гражданского общества» (статья «Опять – двадцать пять?» в приложении «Улики», № 8, 5 мая 2016 г., к «Советской России»). Комментарии, как говорится, излишни.

– Слушай, а ты была и остаёшься сварщицей. На Запсибе ты сваривала, соединяла детали металлоконструкций. Теперь как литературный критик «свариваешь», то есть соединяешь проблемы, книги, авторов и тенденции; короче, соединяешь литературу и жизнь. Словом, укрепляешь дух единения писательской братии.

– Выразительный образ. Я рада хоть на капельку содействовать процветанию русской литературы. На ум приходит афоризм прозаика Владимира Личутина, озвученный им недавно на вечере в Большом зале ЦДЛ: «Будет жива русская литература, будет жива и Россия».

– Надо, чтобы не журавли, как было в рассказе «Колесом дорога», возвращались в родные места. Не я возвращался. Не только на Кубань, но и в ставший родным Новокузнецк. Чтобы Россия вернулась на проложенный предками путь.

г. Москва

Николай НИЧИК

ТВОРЧЕСКАЯ УДАЧА ШАХТЁРСКОЙ «ЛАВЫ»

После того как Александр Волошин открыл для мирового читателя «Землю Кузнецкую» и затем продолжил о ней разговор в романе «Всё про Наташку», Геннадий Молостнов зажёл «Голубые огни», а Виктор Чугунов увлёк своих поклонников шахтёрской тематикой, появилось много достойных произведений о горняках. Они заняли заслуженное место в огромной не только региональной, но и всероссийской серии книг о рабочем классе. Назову выборочно: романы «Ствол» Фёдора Залаты, «Шахта» Алексея Плетнёва, «Делись огнём» Геннадия Довнара, «Внезапный выброс» Владимира Мухина, «Междуречье» Геннадия Молостнова, «Повесть о семи миллионах» Геннадия Смирнова; повести Ивана Костыри, Константина Андреева, Гария Немченко, Павла Байдебуры, Дмитрия Осина, Вениамина Мальцева, Николая Погромского и других писателей.

Неожиданным, как гром среди ясного неба, стал выход спецвыпуска «Роман-газеты» под названием «Лава», посвящённый горнякам Южного Кузбасса. А до этого, полтора года тому назад, также увидело свет аналогичное издание «Кузнецкая крепость» о металлургах Запсибметкомбината.

Уникальность «Лавы» заключается в том, что сразу же после известных шахтёрских забастовок (1989) читателям далеко за пределами России была дана реальная картина происходящих событий, рассказано глазами очевидцев то, из-за чего возникла забастовка, которая затем переросла в рабочее движение. И главное – то, что из этого получилось.

Шести послезабастовочных лет было достаточно для того, чтобы политикам, экспертам, руководителям крупных угледобывающих предприятий можно было переосмыслить происходящее, которое «всерьёз потрясло и экономику, и политику России», и выработать планы выхода из сложившейся ситуации. Много неожиданностей, как подводные камни, подстерегало специалистов разного уровня. Среди них, например, ликвидация плановой системы хозяйствования. Помимо отрицательных моментов она имела и положительные черты. Они заключались в том, что в сложившейся ситуации директор предприятия мог сам найти покупателей на свою продукцию и не по фиксированным, как раньше, ценам, а по договорённости выгодней реализовать уголь поставщикам. Полученная прибыль (с учётом уплаченных налогов) оставалась на счету предприятия. А как это было на самом деле?

Немаловажную роль в жизни шахтёрских объединений сыграло акционирование и самостоятельность предприятий. Что это такое и чего добивались стучанием касок на площадях кузбасских городов разбушевавшиеся тогда горняки, убедительно читателям объяснил в то время генеральный директор угольной компании «Кузнецк-уголь» Виктор Васильевич Некрасов: «Акционирование и самостоятельность... – пустой звук. Большинство шахт теперь – акционерные предприятия. Угольное производство во всём мире убыточное и дотируется государством. Акции, естественно, предполагают получение прибыли. Как можно получить прибыль в плано-убыточной отрасли?! То же и с декларируемой «самостоятельностью». Стоит ли о ней говорить, получая дотации на капитальное строительство, соцкультбыт, развитие производства – все те же сферы, которые никакая цена угля никогда не окупит?»

К тому же на каждом шагу руководителей подстерегали и другие неприятные ситуации: невозвращение покупателями за отправленный уголь денежных средств; молниеносный рост железнодорожных тарифов на грузоперевозки; не в полном объёме и с большими задержками поступление госдотаций и прочее.

И тут надо отметить, что на юге Кузбасса, возможно, единственным промышленным уголке России, хотя и непопулярным способом, но всё-таки решили найти единственный в то время правильный выход – все угледобывающие предприятия объединить в одну структуру. А когда всё это произошло, то и другие подрядные организации, оказывающие услуги шахтам, тоже решили присоединиться. Таким образом, в ноябре 1992 года, после третьей годовщины шахтёрских забастовок было создано на добровольных началах акционерное общество открытого типа «Угольная компания «Кузнецкуголь», которую доверили возглавить В. В. Некрасову. Под одним «крылом управления» находилось более 60 предприятий Кузбасса, где основным звеном являлись 18 шахт и 2 обогатительные фабрики. В то время эта структура выдавала на-гора более 17 миллионов тонн чёрного золота. Это третья часть российского угля. А по коксующимся маркам занимали лидирующее место в отрасли. Несмотря на нелегкие времена, когда месяцами горнякам не выплачивалась зарплата, процветал бартер, отсутствовала возможность закупать новое горнопроходческое оборудование, объединение не то что не допускало спада добычи угля, а наоборот, ежегодно наращивало выдачу продукции более чем на 300 тысяч тонн. Понимая, что только общими силами можно выжить, не рассчитывая на поддержку государства, хотя с предвыборных трибун тогдашний президент России Борис Ельцин говорил об-

ратное, горняки всегда надеялись на лучшие времена, верили, что на угольную промышленность всё-таки обратят внимание, как это происходит в развитых капиталистических странах. Мы знали, что, например, в той же Германии на каждую тонну добытого угля из государственной казны выделялось 150 долларов дотации.

Если бы в те, ельцинские времена обращали внимание на нужды шахтёров, то, думается, намного раньше можно было бы реализовать многие проблемы социальной сферы. А ведь в те же 90-е годы «Кузнецкуглю» предстояло достроить пять угледобывающих предприятий и столько же надо было реконструировать. Требовалось с нуля возвести обогатительную фабрику и два аналогичных предприятия модернизировать.

Если бы все эти вопросы при поддержке государства можно было решить вовремя, то, наверно, не пришлось бы закрывать одну из старейших в Новокузнецке шахт, имени Димитрова, и ряд других смежных предприятий, которые занимались её обслуживанием. Можно было бы если не полностью, то хотя бы частично улучшить жилищные условия 14 тысячам семей горняков, уменьшить очередность 2 тысячам шахтёров, нуждающихся в переселении из ветхих домов и бараков. Это жильё находилось в опасных зонах горных подработок. А ведь резервы-то были – на балансе оставалось 150 тысяч квадратных метров незавершённого строительства. Прислушаться бы столичным чиновникам к предложениям местных руководителей, и намного раньше можно было бы решить вопрос о расселении горняков из аварийного жилья. Никак не хотели разрешить десятилетиями бытовавшую дилемму, когда на первый план ставился вопрос о добыче угля, а всё остальное отодвигалось на потом.

Об этих и других накопившихся в угольной промышленности проблемах рассказывается в замечательной повести Гария Немченко «Личная вина, или За что мы касками стучали?» и в документальном очерке Александра Ольшанского «Кузнецкая дуга».

Известно, что составитель сборника Гарий Леонтьевич Немченко много лет сотрудничал с металлургами Запсиба, к 30-летию ЗСМК организовал прекрасный выпуск роман-газеты «Кузнецкая крепость», много своих произведений посвятил людям огненной профессии – и вдруг... шахтёрская тема!

Я в то время просмотрел каталог его творчества, составленный отделом краеведения новокузнецкой городской библиотеки им. Гоголя, и не нашёл ни одного произведения о горняках. Переживали: а получится ли «Лава» интересной? Рад, что Гарий Леонтьевич предложил мне принять участие в этом прекрасном проекте – написать шахтёрский рассказ.

Целый день обдумывал предложение, прикидывал десятки разных вариантов горняцкого рассказа

и, когда к концу рабочей смены начал вырисовываться сюжет «Писаки», пошёл к начальнику участка, чтобы досрочно оформить отпуск в феврале.

– А почему так рано собрался отдыхать? – удивился руководитель. – До начала появления есаульской черемши ещё целых два месяца. Что случилось?

Зная мое равнодушное отношение к витаминной продукции, он как исключение регулярно ставил мне месячный отпуск в начале апреля. В это время в тайге прямо из-под снега начинали появляться первые росточки долгожданной черемши. Вот их в рацион к шахтёрским забутовкам и добавляли мои коллеги по лопате и кайлу, чтобы после длинной холодной зимы подкрепиться сочными витаминчиками и с новыми силами навалиться на перевыполнение сменной нормы. Всю бригаду было за уши не оттащить от пакетика душистой таёжной зелени, но сами в тайгу – не ногой: боялись клещей! А зная то, что я заранее делал прививки от проклятых кровососов, то мне бригадой перед началом смены давался дополнительный наряд – к шахтёрскому обеду в забое я должен доставить увесистый пакет свежей черемши.

Не хвастаясь, пишу искренне, никогда своих горномонтажников не подводил. Всегда «к застолю» горняков была черемша. А для тех, кто не сачковал рабочую смену в забое, как поощрение передавались остатки неиспользованной зелени к домашнему салату.

Хотя ныне и не работаю в шахте в связи с выходом на заслуженный отдых, но и сейчас не забываю своих коллег-горняков. Как только начинает подтаивать снег, сразу отправляюсь в тайгу и первым собранным весенним урожаем делюсь поровну с товарищами. То же самое делаю и в зимнее время: в преддверии рождественских праздников, как Дед Мороз, раздаю им замороженную колбу – новогодние витаминные подарки.

Над «Писакой» работал практически целый отпуск. Рассматривал сразу несколько вариантов развития сюжета, но все они казались мне слабыми, далёкими от совершенства. Но благодаря дружеской поддержке Гария Немченко, который подсказывал, как лучше углубить тот или иной эпизод рассказа, наконец-то моё творение увидело свет в столичном журнале.

Радости не было предела! Сколько поздравлений я получил, и не только от близких и знакомых, но и от тех, кто стал прототипом отрицательных персонажей. После этого написал не один рассказ, появились десятки материалов в различных изданиях страны, но та далёкая роман-газетная публикация – самая дорогая. Она была первым серьёзным писательским опытом в столичном журнале. Ею я дорожу и искренне благодарю своего литера-

турного наставника Гария Немченко, который в июле отмечает своё 80-летие. Долгих Вам лет, Гарий Леонтьевич! Желаю активно выдавать на-гора, как говорят шахтёры, новые свои произведения.

«Лава» превзошла все наши ожидания. В редакцию журнала поступило много писем из разных регионов России, читатели благодарили руководителей «Роман-газеты» за правдивое освещение производственной темы. Много было в то время различных журналистских публикаций о горняцкой жизни, однако все они как-то односторонне раскрывали тогдашние шахтёрские забастовки. Но, познакомившись с творчеством кузбасских литераторов, подписчики стали по-другому оценивать события двадцатилетней давности.

Вот один из примеров. Читатель из Москвы А. Поздняков пишет:

«Недавно вышла «Лава», с интересом прочитал, а некоторые очерки и по второму разу. Спасибо редакции, спасибо авторам. Написано то, что надо, о том, о чём надо. О чём разговоры в магазинах, транспорте, в пригородных электричках.

Спасибо Геннадию Юрову за рассказ о кузбасском самородке Анатолии Викентьевиче Дьякове. Как гриб пробивает асфальт, так Дьяков ломает стену равнодушия, зависти, недоброжелательства и злобы, и остаётся «Богом погоды». Анатолия Викентьевича нет, а я вот держу «Климатическую таблицу Дьякова для Европейской части СССР», рассчитанную с 1982 по 1999 год.

Спасибо А. Ольшанскому за его честную «Кузнецкую дугу», Г. Немченко за честный рассказ о бескровной шахтёрской революции, о тех, кому достались плоды её...» и т. д.

Читатели по достоинству оценили также публицистику Михаила Назарова «Сибирь – геополитическое чудо России», Альберта Ленского «Шахтёрский андеграунд».

В очерке «Начало начал» Геннадий Емельянов прослеживает зарождение шахтёрского строительства в Кузбассе с начала открытия первых залежей чёрного золота и до развития угольной отрасли конца XX века. Это направление промышленности, как пишет автор, «создавалось скороспешно». В первые годы советской власти «пройденны под землёй тысячи километров, созданы многие десятки современных шахт, создан мощнейший угледобывающий район. В мировой практике подобного взлёта... не было». И дальше автор приводит интересный факт: летом на речке Каштак (нынешний Тисульский район) в диких дебрях добывали серебряную руду. В последующих разделах очерка рассказывается о первой добыче угля на Анжеро-Судженском руднике. А нашла этот уголь в 1895 году, как отмечает Г. Емельянов, «...лиса – она выбрасывала из норы чистейший антрацит. Нора и стала той

первой меткой, от которой и начался отсчёт промышленного развития...». Читателя заинтересует также и ещё один немаловажный факт из истории нашей страны: в 1919 году (в разгар Гражданской войны) В. И. Ленин отметил самоотверженный труд шахтёров Кольчугинских каменноугольных копей и указал обеспечить их всем необходимым для восстановления разрушенных шахт. Стране нужен был уголь.

«Лава» поместила отрывок из романа Александра Волошина «Всё про Наташку» и прекрасные воспоминания Геннадия Емельянова «Мятежник» о самом Александре Никитиче.

На шахтёрскую тему также опубликованы повесть Анатолия Яброва «Эхо жизни» и рассказ Виктора Чугунова «Локомотив».

Треть представленных в журнале авторов – поэты. Любовь Никитичева, Павел Майский, Евгений Буравлёв, Николай Николаевский, Игорь Агафонов, Александр Курицын. Помимо шахтёрской тематики авторы в своих стихотворениях воспевают красоту земли кузнецкой, останавливаются на важных исторических событиях края.

Александр Курицын – один из немногих авторов, кто не одно десятилетие посвятил профессии горняка. Несмотря на перенесённую в 1981 году сложную операцию по протезированию сердечного клапана, он не ушёл из шахты, а продолжил работать горным диспетчером, свободное время посвящал поэтическому творчеству. Его публикации появлялись в ведомственной газете «На-гора», «Труд», в местной периодике. В «Лаве» были опубликованы его семь стихотворений – пожалуй, лучшая подборка спецвыпуска:

*Что ждёт российского шахтёра?
На грани краха сотни шахт.
Пружина сжата до упора:
Остался лишь последний шаг.
Повисла в воздухе тревога:
Как выжить и куда пойти?
На горизонте – безнадёга,
Переключает все пути.*

К сожалению, из двадцати авторов спецвыпуска двенадцать человек уже ушли из жизни. В дни, когда будет отмечаться шахтёрский праздник в столице Кузбасса, хочется поимённо вспомнить их: А. Волошин, Е. Буравлёв, Г. Емельянов, С. Чугурян, В. Чугунов, А. Ябров, А. Ленский, А. Курицын, Л. Никитичева, Н. Николаевский, И. Агафонов, Г. Юров. В силу разных профессиональных возможностей они честно сотрудничали с «Роман-газетой», приложили максимум усилий, чтобы «Лава» на всероссийском уровне достойно представила культуру нашего края.

г. Новокузнецк

Сергей ПАВЛОВ

КОНТРРАЗВЕДЧИК В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЕЙ

Три с половиной тысячи километров разделяют Кемерово и Москву. Путь неблизкий, а всё же любят наезжать столичные гости в некогда мятежный Кузбасс: артисты, писатели и прочие знаменитости. Много лет прошло, а нет-нет да вспомнится шахтёрская забастовка. Одни выражают своё уважение Кузбассу, отмечая особый дух независимости шахтёров, их твёрдость и сплочённость в достижении своих задач, другим больше нравится гостеприимство и щедрость сибиряков, третьих покоряет радушие кемеровского губернатора. Как бы то ни было, не забывают столичные гости Землю Кузнецкую, оттого на День шахтёра редкая звезда не отменилась в Кузбассе. И то славно, что каждая из сторон остаётся довольна такой встречей на Земле Кузнецкой...

В середине апреля в Союзе писателей Кузбасса побывал необычный гость – интересный, творческий и, как оказалось, совсем равнодушный к гонограммам от шахтёрских щедрот – военный контрразведчик, генерал-майор в отставке, доктор юридических наук Рыжак Николай Иванович. Люди такой профессии, облечённые правом работы в сфере самых строгих государственных секретов, до поры до времени остаются «вне зоны доступа», превращаясь в мифических героев современной России, личная жизнь и служебная деятельность которых закрыты для обычных граждан. Но, если верить классике, «...человечество больше всего любит тайны...», и потому было ясно, почему 15 апреля в Доме литераторов собравшиеся люди с таким нетерпением ждали встречи с этим человеком. А место встречи, похоже, было выбрано совсем не случайно, потому как гость представил на суд кузбасских писателей свою книгу «Август 1991 года и не только о нём... Размышления военного контрразведчика». При этом автор в книге делает такое послание: «Моим многочисленным друзьям и соратникам, сотрудникам и ветеранам военной контрразведки, их славным делам посвящается эта книга». Не избалованные встречами с людьми такой профессии, писатели, а также чекисты-ветераны Кузбасса тепло встретили отставного генерала, задали массу вопросов, а счастливым, в том числе автору этих строк, удалось получить в подарок книгу с автографом гостя...

В ходе беседы, которая продолжалась около двух часов, Николай Иванович, словно следуя сюжету своей книги, рассказал о тех политических событиях, очевидцем и участником которых ему довелось быть, о людях, окружавших его, о себе и своих близких.

Родившийся в первый послевоенный год в семье советского офицера, Коля Рыжак, похоже, вслед за отцом с самого раннего возраста стал постигать «свою службу», чему способствовала жизнь семьи в военных городках Дальнего Востока и Германии. Детские и юношеские воспоминания автора зачастую сопровождаются его историческими экскурсами и комментариями более позднего периода, которые помогают читателю лучше понять ту обстановку, в которой приходилось жить и работать советским людям. Словно продолжая военную эстафету отца, автор формирует уже свою «служебную географию»: «Возвращение в Потсдам», «Служба в Особом отделе КГБ по Сибирскому военному округу», «Архангельск. Особый отдел КГБ по 10-й отдельной армии ПВО», «Прощай, Север. Здравствуй, Белоруссия», «Москва. После 1989 года». Даже краткий перечень названий некоторых глав книги позволяет понять серьёзность масштаба и размаха его служебной деятельности. Собранных в зале, наверное, интриговал вопрос: как же автор писал свою книгу и собирается рассказывать о работе спецслужб, если её деятельность строго засекречена? Привожу небольшую цитату из его книги, чтобы показать, как генералу удалось, называя факты и события, их конкретику, составляющую суть военной тайны, оставлять за скобками.

«...2-й отдел Управления имел не только сводную информацию на этот счет, но и сведения о путях достижения необходимых результатов. Вскоре для нас, сотрудников второго отдела, стало очевидным, что в ряде органов наметилась тенденция переноса тяжести борьбы в основном с визуальной разведкой противника. Это и легче, и проще, а общие итоговые цифры впечатляют. Надо было что-то предпринимать, так как упрощенчество всегда таит угрозу потери профессионализма в работе и наносит ущерб безопасности Вооруженных Сил...».

Рассказывая о своей службе, о коллегах, автор порой удивлял тем, насколько подробны его воспоминания, как полно даются имена, отчества и фамилии людей, строго очерчены даты событий и детали обстоятельств, о которых идёт речь. А ведь некоторые события отделены от дня сегодняшнего десятками лет. Наверное, в этом и состоит особенность изложения исторических фактов военным аналитиком, военным писателем.

Несомненно, самыми важными и интересными как книги, так и рассказа гостя стали события августа 1991 года. За четверть века, что отделяют нас от

того времени, многое уже было сказано и написано о них, у каждого присутствующего в зале было своё восприятие той трагедии, и тем не менее рассказ генерала вызвал у присутствующих самый неподдельный интерес. В зале звучали имена Андропова, Горбачёва, Ельцина, Вахrameева, Пуго, Крючкова, Лебеда, оживали ситуации того времени, а наряду с известными фактами порой звучивались совсем неизвестные и неожиданные...

Но самым ценным, наверное, как в книге, так и в разговоре с читателем были размышления контрразведчика, русского офицера. Не впадая в излишний пафос, избегая обличительной риторики в отношении руководителей нашего государства и крупных чинов военного ведомства, Николай Иванович достаточно подробно и ярко рассказал о тех событиях, что повлияли на судьбу нашего государства, на существовавший тогда миропорядок, пояснил роль отдельных руководителей разного ранга, вольно или невольно способствовавших развалу СССР.

Участники встречи горячо поблагодарили гостя за интересный и обстоятельный рассказ, за подаренные книги, особо отметив при этом, насколько чистым и правильным литературным языком владеет автор. А такая оценка со стороны писателей, наверное, дорогого стоит...

г. Кемерово

127

Павел ШУБИН

ВЕНЕРА

(Главы из книги)

1

Полюбоваться красотами звёздного неба не просто. Сперва необходимо выбрать день, когда синоптики обещают ясную, безоблачную погоду. Затем подыскать подходящее место для наблюдения. Для этого нужно выехать за пределы городов, подальше от фонарей, машин, домов, от всего того, что вносит световое загрязнение неба. Несколько километров от крупного города может быть вполне достаточно. Желательно, чтобы рядом с вами не было источников электрического света, вроде автомагистрали. Собственно, всё. Теперь осталось только дожидаться, когда зайдёт Солнце. А пока вам, возможно, будет видна верная спутница нашей планеты – Луна.

Вот огненный шар уже касается горизонта, пересекает его черту и через несколько минут скрывается за ним. Если вам повезёт и у вас хорошее

зрение, то вы увидите, как в небе промелькнёт быстрая точка – Меркурий. Если выбрали подходящее время года, вы обнаружите ещё более яркую планету (её точно нельзя не заметить!) – Венеру, в данном случае – Вечернюю звезду.

Но вот остаточное свечение идёт на убыль, глаза адаптируются к темноте, и тогда наконец-то начинают зажигаться огни. Сначала будут яркие – вроде Сириуса или Веги, а вскоре вы увидите и куда более тусклые звёздочки. Вот уже можно различить контуры крупных созвездий, но лучи солнца из рефракции всё ещё забивают более слабый свет. Когда же окончательно наступит тьма, небо вспыхнет целой россыпью огней. Там, в вышине и на сводах небесного купола, вспыхнут не одна и не две, не десятки и даже не тысячи – вас будут окружать сотни и сотни тысяч звёзд.

Над вами во всей красе расстилается Млечный Путь, сверкают Плеяды, всё более и более мелкие звёзды дополняют созвездия. А если немного подождать, можно заметить, как этот гигантский свод поворачивается вокруг оси, центр которой находится где-то в районе Полярной звезды.

Также дотошный наблюдатель может обратить внимание, что не все светила движутся в унисон. Есть несколько звездочек, которые незначительно выбиваются из общего ритма. Если вести наблюдения за ними в течение нескольких дней, то это отличие станет ещё более заметным: они явно скользят по своим, отличным от других звёзд, траекториям. Так вы познакомитесь с другими планетами нашей системы. Невооружённым взглядом вы вполне сможете выделить Марс, Юпитер и Сатурн.

Ну и, конечно, Венеру. Да, Венеру, когда она на небе, не заметить сложно. Для этого даже не нужно выбираться за город. Её можно увидеть, даже находясь в центре мегаполиса, рядом с оживлённой магистралью и яркими фонарями. Она светит ярче, чем самый яркий искусственный объект на небе – Международная космическая станция. Она видна даже сквозь небольшой слой облаков. При этом её никогда нельзя увидеть посреди ночи. Нет, Венера – это верная спутница восходов и закатов. Собственно, благодаря этому она и носит ещё одно имя – Утренняя (или Вечерняя) звезда.

Свет Венеры был старым добрым знакомым всей человеческой цивилизации. Её видел в небе наш предок, первым взявший в руки камень, под её светом строители пирамид возвращались после трудного дня. Конечно, она не могла не повлиять на человека, и, когда тот начал создавать пантеон богов, чтобы при их помощи объяснять события и явления, происходящие в окружающем мире, богиня Венера заняла в нём заслуженное место. Причём практически у всех народов Земли Венера ассоциировалась с женщиной.

Вавилоняне ассоциировали её с Иштар, богиней плодородия и любви. Ей строили храмы, ей поклонялись, через ворота Иштар по дороге процессий проносились в Вавилон статуи богов.

В Древнем Египте её называли Оуати и Тиомутири, а в Китае – Тай-пи (белолицая красавица).

Более того, даже английское название Пятницы (Friday), по сути, пошло от англосаксонского слова *Frigedæg*, которое переводится как День Венеры.

Но человек, видимо, так создан, что не может не пытаться вникнуть в суть вещей, попробовать понять, как именно что-либо устроено. На место веры пришли знания, и человек начал изучать мир вокруг себя.

Несколько тысяч лет отделяют нас от тех событий. За это время даже ось Земли ушла от того положения, в котором находилась в древности. Давно стали едва ли не мифическими личностями философы, математики и астрономы прежних лет. Многие их работы были утеряны за прошедшие века, а часть дошла в искажённом виде. Но даже по этим обрывкам информации можно увидеть, как появилась и развивалась астрономия. И этот путь поражает. Ведь, по сути, учёные бросили вызов небесам и, более того, отчасти сумели понять, как устроен наш мир.

2

По научно-популярным статьям, особенно написанным в последние годы, очень сложно понять, кто же вынудил планетологов отбросить столь привычную ионосферную теорию. Теорию, по которой на Венере должна быть жизнь. Кто-то ставит это в заслугу США, вспомнив полёт «Маринера-2», кто-то – СССР, отдавая пальму первенства станциям серии «Венера». И в этом есть свой резон. Эти станции предоставили достаточно интересные данные. Но финальный результат – результат, по которому, например, представители Академии наук СССР изменили и своё отношение, и техническое задание на «венерианские» станции, принадлежит всё-таки не им. Коснёмся этой истории.

Одним из тех, кто с советской стороны стоял у истоков радиолокационной планетологии, был Аркадий Дмитриевич Кузьмин из Физического института Академии наук, знаменитого ФИАН. Кузьмин был человеком довольно своеобразной судьбы: за его плечами была война, он прошёл её вплоть до Берлина. На развалинах Рейхстага была и его подпись. Затем он участвовал в войне с Японией. После войны Кузьмин продолжил учёбу и вскоре «заболел» радиоастрономией. Он был весьма грамотным наблюдателем, одним из лучших. Например, его книга (написанная совместно с А. Е. Саломоновичем) о радиоастрономических методах измерения параметров антенн была переведена и выпущена

на на английском языке буквально через два года после того, как её напечатали в СССР.

Еще в 1961 году Келдыш поручил ФИАНу провести как можно более полное изучение Венеры радиотехническими методами, чтобы точно знать, какая из венерианских теорий ближе к истине. Для этого на радиотелескопе РТ-22 началась серия экспериментов для определения уровня излучения на разных длинах волн. Это был достаточно сложный и долгий процесс, но к 1963 году он завершился. Был построен спектр излучения Венеры в диапазоне от 70 см до 4 мм. Увы, теоретики довольно быстро выяснили, что под эти кривые подходят как парниковая, так и ионосферная теория. Но в 1964 году Кузьмин предложил новый эксперимент – эксперимент, который точно мог показать природу излучения. В чём же была его суть?

Для реализации такого эксперимента был необходим радиотелескоп с угловым разрешением, по крайней мере не хуже одной десятой углового радиуса, то есть 0,05 угловой минуты, и с достаточно большой чувствительностью. Таких радиотелескопов в Советском Союзе тогда не было.

Но он имелся у США! Это был радиоинтерферометр Калифорнийского технологического института.

Радиообсерватория находилась в долине реки Оуэнс. Именно здесь за два года до описываемых событий был получен результат, из которого следовало, что потемнения к краям Венеры нет, а сигнал приходит из области на 15 процентов большей, чем видимый диск Венеры, тем самым подтверждая ионосферную теорию.

Радиоинтерферометр Оуэнс – Вэлли представлял систему из двух радиотелескопов диаметром 27,4 метра. Оба эти телескопа были установлены на железнодорожные пути, что позволяло разводить их на расстояние до полукилометра. Зачем это было сделано? Совместная обработка сигналов с двух разведённых антенн позволяла получить информацию, эквивалентную той, что могла быть получена с телескопа, размеры которого были бы равны расстоянию между этими составными частями. То есть получалась антенна диаметром до 500 метров. На тот момент это был наилучший прибор в своём классе.

В итоге соглашение между странами было заключено, и в апреле 1964 года Кузьмин вылетел в США в годичную командировку.

Это ведь надо такое придумать! «Холодная война», ещё у всех на памяти Карибский кризис, а советский учёный на лучших научных инструментах США спокойно ставит свои эксперименты, отодви-

гая штатную программу исследований! Конечно, это не сказка, но звучит несколько фантастически.

Известна научная работа Кузьмина, проделанная вместе с профессором Дентом на 26-метровом радиотелескопе Мичиганского университета. Но главная его работа была, конечно, на радиоинтерферометре Калифорнийского технологического института совместно с профессором Барри Кларком.

Несмотря на то что на этом приборе задача выглядела вполне решаемой, она требовала очень большого объёма кропотливой работы. Нужно было получить много измерений при разной ориентации антенн Оуэнс – Вэлли и при разной базе.

Эксперимент был успешно проведён с 18 мая по 25 июля 1964 года, затем определённое время заняла обработка результатов, их проверка и подведение итогов. И вот наконец был получен ответ на вопрос о природе излучения Венеры.

Сложно судить, что думали советский и американский учёные, когда точка за точкой наносили полученные данные на схему. Но чем больше точек оказывалось на графике, тем с большей отчётливостью перед ними проступала истина. И, к величайшему сожалению, это была горькая истина.

Выходило, что излучение, сигнализирующее о высокой температуре, идёт именно с твёрдой поверхности планеты. Ионосферную теорию следовало отбросить, рассматривать её не имело никакого смысла.

Но даже на этом работа Кузьмина и Кларка не закончилась. Дополнительно они перепроверили результаты 1962 года и показали их полную ошибочность. Потемнение имело место, и оно было ограничено диском Венеры. Также удалось определить радиус планеты. Он получился равным $6\,060 \pm 55$ километров. На тот момент это был рекордный по точности результат. Более того, это до сих пор самый точный результат, полученный по изучению собственного излучения Венеры. Ещё более точные данные удалось получить только после изучения отражённого от Венеры сигнала, посланного с Земли.

Ионосферная теория была закрыта. Правда, общественность этого практически не заметила. Например, в местной американской печати информация хоть и появилась, но лишь в виде небольших заметок на последних страницах газет. Возможно, всё было бы иначе, если бы ионосферная теория была подтверждена, и на Венере бы плескались океаны и бродили динозавры. Увы, мир вокруг нас нельзя изменить никаким экспериментом...

г. Кемерово

Лада ОДИНЦОВА

РОДСТВО ДУХОВНОЕ

(Фрагменты мемуарно-литературоведческих записок)

Читая Евангелие, споткнулась я на той мысли Иисуса Христа, в которой Богочеловек провозгласил тезис о том, что домочадцы могут являться врагами, и о том, что Христос признаёт только лишь родство по духу, а не кровное. Было мне 20 лет, когда в общежитии Литературного института, крадучись, я впервые тайно читала запрещённую для граждан СССР книгу об Иисусе Христе. Я пережила такое потрясение от судьбы Иисуса, что нуждалась в обсуждении Христовой истории, но побеседовать на религиозную тему было практически не с кем. Книгу дала мне аспирантка Галина Егоренкова, защищавшая диссертацию о творчестве Достоевского, а ей подарил это зарубежное издание профессор Кирпотин. Никому, кроме меня, аспирантка не дерзала доверить чтение Священной книги потому, что с её стороны это была религиозная агитация и пропаганда – уголовно наказуемое преступление.

В столовой на улице Шота Руставели, однако, я наткнулась на своего сверстника, поэта из города Ростова Ярославского, парня долговязого, доброго, с таким густым колокольным басом, что было впору ему петь, а он в поэты подался. До стипендии оставалось нам ещё дней эдак десять, и это было мучительное голодное время, поскольку нашей нищей стипендии никогда не хватало больше чем на две недели. Гаврилов сидел у окна перед тарелкой с четвертинкой хлеба и тремя стаканами купленного здесь компота. Саша отщипывал хлебные кусочки и как-то неохотно, со скукой в лице клал в рот, запивая компотом. Вокруг раздавались ароматы супов и котлет, но до этого блаженства было нам ещё очень долго. Я купила себе пару стаканов компота и пару кусочков хлеба, подседа к одиноко сидевшему у окна Александру Гаврилову – он обрадовался и поинтересовался своим басовитым голосом:

– Ну что, курсовую работу написала?

– Нет, – покачала я головой. Меня так и распирало поделиться впечатлениями от Евангелия, но Галина взяла с меня честное слово о том, что я буду молчать о её уголовно наказуемом поступке, и я едва сдерживалась:

– Успею! А ты написал?

– Нет, – ответил собеседник. – Тут пришёл ко мне в комнату Сашка Сизов со стихами Василия Фёдорова и как начал обчитывать! Одно четверостишие прямо-таки врезалось в память, отвязаться не могу:

*Милый друг, хочу сказать,
Чтобы знал ты наперёд:
Надо
радость
нам искать!
А печаль – сама найдёт.*

Сильно сказано! Как ты думаешь, Ландыш?

Рубцов, Сизов и Гаврилов накануне вечером пировали вместе и проспали утром на лекцию в институт. Скинувшись по рублю, они решили ехать на такси и на всякий случай послали Рубцова узнать: успела ли я уехать на троллейбусе или нет? Но я полночи изучала древнюю индийскую философию и спросонья таращилась на Рубцова, пробудившего меня, мол, чего тебе нужно? Наконец сообразила, какое студенческое счастье выпало мне (такси!). Я через несколько минут уже скакала по широким лестницам общежития вниз. Машина поджидала меня. Трое приятелей сидели вместе сзади, а я воссела возле шофёра, который, к сожалению, не торопился и законопослушно двигался со скоростью 60 километров в час. А тут ещё не успели проскочить светофор и застряли. Пока горел красный свет, Рубцов поинтересовался, чем я допоздна так увлеклась.

– Поиском смысла жизни, – ответила я.

Этот шекспировский вопрос («Быть или не быть?») терзал меня весь период моего студенчества, являлся настолько фатальным для меня, что едва не оборвал моего существования; я сильно страдала от нерешённости этой проблемы и донимала своим терзанием всех вокруг, но ничей ответ не удовлетворял моей души.

– Ну и как, нашла? – протянул руку Рубцов и взъерошил мою голову (я сидела без шапки в то довольно прохладное апрельское утро – фасонила, гордясь своей элегантною шубкой из белого каракуля-мериноса). Рубцов частенько портил мне причёску, принимая меня за маленькую, поскольку знал меня с моих 17 лет, но теперь мне было уже 19, я фыркнула и ответила:

– Индусы считают, что смысл жизни, а также счастье заключается в дружбе с Богом. Но я не знаю, как можно подружиться с Ним. Да и каков Он из себя – тоже не знаю. И никто не знает.

Рубцов захохотал, это означало, что он доволен мною. Тут и мне пришло на ум смешное:

– Индусы называют людей, которые отказываются искать смысл жизни и Бога, ишаками – это самая тупая людская категория, земляная. Но есть ещё одна категория вульгарных материалистов – это те, которые нашли смысл жизни в удовольствиях, тоже низшие – землеройки. Над ишаками и землеройками рас-

полагаются на иерархической лестнице атеисты, рьяные безбожники, эти искали, но не нашли.

– Как же все вы трое будете сдавать экзамен по научному атеизму? – язвительно ухмыльнулся Рубцов.

– А ты сам как сдал, Николай? – полюбопытствовал сообразительный Сизов.

– А я стихи преподавателю стал читать вместо ответа, – пробормотал Рубцов, – стихи про наших набожных старушек деревенских, берегущих русскую веру, про то, как «жаль мне, как жаль мне разрушенных русских церквей – уж что бы вы там ни ставили мне в зачёт, товарищ преподаватель, но жаль, очень жаль, и всё тут!»

– И какую оценку он поставил? – спросил Гаврилов.

– Удовлетворительную, – буркнул Рубцов, – удовлетворился, сукин сын, тем что я вообще пришёл сдавать такую гадость!.. Мог бы и не явиться, пусть бы ждал.

Зажёгся зелёный свет, такси тронулось с места.

– Мой зять, – вклинился в нашу товарищескую беседу пожилой таксист, – специально покупал туристическую путёвку в Болгарию ради консультации у ясновидицы Ванги. Слышали про такую?

Но никто из нас ничего не слышал о Ванге, и все молчали.

– Так вот, – притормозил таксист, пропуская вперёд машину скорой помощи, – мой зять работает заводским инженером, а детей у него с дочерью не было... Купил путёвку и съездил к Ванге – вся Болгария говорит по-русски, понимает нас... Ванга назначила лечение для зятя, и теперь дочка уже на сносях, ждём пополнения... Так вот, – опять притормозил таксист, пропуская вперёд чёрную «Волгу» с хитрым номером, – болгарская прорицательница Ванга заявила, что к двухтысячному году СССР изменит свои географические контуры, что у нас разрешат верить в Бога и ходить в церкви, начнётся какой-то кризис, который будет полезен: Сибирь сделается культурно-духовным центром России, возродятся также исторические русские города в нашей провинции, и возникнет какое-то видоизменённое общероссийское учение. Что уж за учение такое будет – никто не понял, но догадались, что появится новое философское учение религиозного типа.

– Зачем нам новая религия? – вскипел Рубцов. – У России есть православная религия – отцовская, другой никакой не надо! Один ихний марксизм-ленинизм каков! «Учение Ленина правильное, потому что верное» – так ведь талдычат с утра до ночи все кому не лень?!

– Кончай, Коля, бузить, – дёрнул Рубцова за рукав Гаврилов и спросил: – Товарищ таксист, растолкуйте, пожалуйста, что значат слова Ванги о возрождении исторических русских городов в нашей провинции? Я вот сам родом из Ростова Ярославского.

– А то и значат, – остановился на светофоре пожилой таксист, – что Россия достигнет такого духовно-культурного и экономического уровня развития, что периферия опять станет хозяйкой положения, как встарь.

– Неужели же и Ростов Великий возродится когда-нибудь? – мечтательно задал риторический вопрос ростовчанин Александр Гаврилов, но ему никто не ответил, потому что никто не верил Ванге.

Постовой регулировщик перекрыл движение – ехала вереница правительственных бронированных автомобилей «Чайка», сопровождаемая милицейскими и мотоциклетным эскортом. Приходилось пережидать.

Пожилый таксист продолжил:

– Я на фронте воевал, ребяташки, и убедился, что чудеса на свете случаются, можно умереть молодым и цветущим, например, ни с того ни с сего во сне. А можно выжить под пулями, под шквальным огнём. Вот и делайте вывод сами: есть Бог или нету... Во всяком случае Высшая Сила какая-то есть... Так вот, этой Высшей Силе элементарно просто превратить незначительный пока городишко Ростов опять в великий город – например, в культурно-духовный центр. Наша сватья ездила туда к какому-то попу насчёт бесплодия её сына и нашей дочери молиться, я же и возил, видел Ростов. Не дороги у вас там, а сплошь ямы да колдобины, туалетов на улицах нет, лавки для отдыха раскурочены, столовок маловато, да и духотища в тех столовках!.. Свекровка у попа Арсения Богу молится, чтобы Бог внуков нам послал, а я решил по городу прошвырнуться в ожидании. Зашёл в продовольственный магазин купить плавленный сырок к пиву (мы должны были уехать только завтра утром), как вдруг продавщица заверещала, словно её режут, да на прилавок запрыгнула и уселась своей толстой задницей. Оказывалось, продавщицу напугала мышь! Дурище лет под пятьдесят, а мыши испугалась – оглушила своим визгом. Ну, взял я сырок, откупорил пиво, пристроился у забора: небо в тучах, ветер с дождём, а синоптики обещали бабье лето – ни фиги! Подходит ко мне другой любитель пива – в руках вобла и спрашивает: «Да какое же это бабье лето?». Я отвечаю: «Каковы бабы – таково и лето!» Да и мусорно в вашем Ростове, некогда Великом, колёсные шины в канавах валяются, рванный целлофан на тротуарах, газетные комья, окурки... Одним словом, при желании можно превратить город Ростов в красивый туристический центр – у вас там даже Кремль свой есть! Но ведь туристам требуется сразу многое: и комфортные гостиницы да подешевле, и культурный досуг. А кто у нас о досуге думает? На семь бед один ответ – выпивка! Вот и весь досуг.

– Так вы, товарищ шофёр, наверное, видели знаменитого старца Арсения? – заинтересовался Рубцов.

– Ну видел, да толку-то? Бубнит про Бога, не умолая, а я заскучал и вышел прошвырнуться. Небо в тучах,

ветер с дождём, а я без зонта. Воротник поднял, фуражку нахлобучил – иду по тротуару. Смотрю: девушка выходит из овощного магазина с авоськой, полной картошки. В другой руке чёрный зонт. А рядом её хахаль сигаретку покуривает, под зонт к той труженице подлаживается. Фу ты!.. Наблюдаю за парочкой: огромная лужища на их пути. Хахаль выплюнул сигарету, подхватил девушку и попёрся напрямик по лужам с девушкой на руках. А она растопырилась: в одной руке авоська с картофелем, другой обнимает хахалю и зонт держит... Так что не всё отнюдь дурно у вас в Ростове, ещё он вполне может примарафетиться и стать великим историко-культурным центром. Было бы желание у народа!

– А что наш народ решает в своей судьбе? – пожал плечами Рубцов. – Желание, может, есть, да возможности исправить нету...

– Ну, если верить Ванге, то к двухтысячному году все переменится и как-то исправится, – ответил таксист.

– Нам Хрущёв обещал, – возразил Николай водителю, – построить коммунизм к восьмидесятому году, всех жильём обеспечить. Каких-то одиннадцать лет осталось до указанного срока, а никаких перемен не видится. Вышло так у меня минувшим летом, что совсем ночевать негде было. Ну пошёл я в лес, смастерил шалашик себе, крышу только накрыл (от дождя – на всякий случай), хворосту насобирал, колья вбил над кострищем, перекладину соорудил да котелок повесил – кашу себе варю. Вот где дом мой был – в лесу! Полмесяца там обитал, потом старушонка одна впустила меня пожить да помогать ей по хозяйству... А не тот ли это Арсений, которого святым называют люди? Старушка что-то рассказывала...

– Он единственный такой в Ростове, – ответил таксист, – за веру в Бога всю молодость в лагере провёл. Свекровка говорила, что с Арсением удивительный случай в лагере произошёл. Когда поп этот читал однажды Священное Писание в бараке, вдруг начался внезапный обыск, а ведь церковная книга – это криминал! За это наказывают карцером да и книгу отбирают. Солдаты вынимали даже качающиеся половицы, вещмешки трясли, боковую обшивку барачных стен дёргали – не спрятано ли там что-либо запретное, какая-нибудь крамола? А у Арсения Священное Писание под курткой – сейчас лейтенант прикажет ощупать, и найдут... Только надзиратель уважал попу за порядочность (Арсений однажды подобрал партбилет надзирателя, выпавший из брючного кармана, когда тот доставал носовой платок) и тайно вернул. А ведь уркаган никогда не вернул бы! Или не вернул бы задаром. Поп вернул. И надзиратель отплатил благодарностью – нащупал спрятанную книгу под курткой и доложил лейтенанту: «Нет ничего!».

– Как хорошо, что сохраняется в людях совесть, – обрадовался за попу Рубцов.

– Приехали! – затормозил таксист на Тверском бульваре, у дома № 25.

Мы расплатились, вышли и разбрелись по своим аудиториям: Рубцов подался в деканат, а мы с Гавриловым и Сизовым прошмыгнули в лекционный зал. Гаврилов с высот своего старшинства (незначительного, надо сказать) как старший брат дал мне прозвище, которое отнюдь не вызывало моего расположения: Ландыш. Ну, не люблю телячьих нежностей! И розовый цвет не люблю. Это прозвище Ландыш как-то не совсем подходило ко мне юной: задиристой воображуле, фантазёрке и забияке. Но Александр Гаврилов умел видеть за молодёжным флёром довольно хрупкую сущность моей натуры – видеть ландыш, одним словом. Я морщилась. Мне гораздо больше хотелось бы походить на Жанну д'Арк, чем на ландыш. «Ну, да поэту простительно заблуждаться», – решила я тогда и спросила:

– Сам-то написал ли что-нибудь новое, Саша?

– Пытался и отложил, – пробасил Гаврилов. – Я рассматривал фотографию Василия Фёдорова, перечитывал его поэму «Проданная Венера» и думал добраться до Фёдоровской прозы: мне нравится в Василии Фёдорове то, что он знает жизнь, не прихорашивает её. И пишет правду так, как видит её. Александр Сизов говорит, будто родственник Василия Фёдорова занимал высокий пост на уральской железной дороге, а там что-то случилось, вызвали родственника в Кремль к самому Лазарю Кагановичу и учинили расправу: виноват не виноват, а ответчик у нас должен быть! Короче говоря, расстреляли молодого человека – чуть за тридцать лет ему только перевалило. В общем, мы с Сизовым душевно откликнулись на эту боль... Александр Сизов, между прочим, заметил, что мы с Василием Фёдоровым внешне похожи. Ты когда-нибудь видела его фотографию?

– Нет, – ответила я, – но в Центральном доме литераторов видела как-то мельком его самого.

– Ну и как, похожи мы с ним?

– Что-то есть, наверное, – молвила я нерешительно.

Я молча жевала свой хлеб, запивала его компотом, недоумевала, чем особенным заинтересовал советско-партийный рупор, которым считался Василий Фёдоров, Сашу Гаврилова? Тем более, что ходили слухи, будто поэт Фёдоров происходил из цыган в каком-то далёком родстве. Во всяком случае был он броне-том, а Саша – шатеном. Зачем Гаврилову непременно хотелось походить на цыгана? Но тогда я ещё не знала, что судьба сведёт меня достаточно близко с семейством знаменитого партийного поэта, что никакой он не цыган, а самый что ни есть русский человек с цыганскими, однако, замашками: любил Василий Фёдоров покуражиться-покутить. Да ведь кто из нас, грешных, не любит?... Но тогда я не догадывалась ещё о том, что всё-таки есть особенное нечто в Сашином интересе к Василию Фёдорову – это родовая трагедия.

<...>

Мой муж, работавший в советскую эру скульптором, вспоминал, как известный советский поэт Василий Фёдоров с поэтессой и женой своею Ларисой пригласили нас накануне нашей свадьбы (25 лет назад) за ресторанный столик в ЦДЛ для более близкого знакомства. Василий Фёдоров пил коньяк, а мы трое пили шампанское, кушали мороженое. Рассматривая фотоальбом скульптурных монументов, созданных моим мужем, семья Фёдоровых заострила внимание на образах Ленина, Сталина, Дзержинского, советских героев Второй мировой войны, изваянных моим мужем по распоряжению коммунистических властных структур. Семья Фёдоровых заговорила об исторической миссии Сталина в деле превращения СССР в сверхдержаву. По прошествии зарубежного десятилетия, после которого мы вернулись из Европы в постсоветское российское государство, существующее ныне в условиях феодального строя, но отнюдь не дикого капитализма, как принято врать по телевизору, мы с мужем ощутили ностальгию по тем выдающимся благородным личностям, которые вымерли, подобно динозаврам, – безвозвратно и которые существовали в СССР.

Сталин однажды изрёк: «Незаменимых людей нет». И это оказалось ложью, типичной неправдой того времени. Сегодня мы живём в духовном вакууме, поскольку нечем заменить Вячеслава Клыкова, Владимира Солоухина, Ларису и Василия Фёдоровых, Николая Старшинова, Валентина Сидорова, не говоря уж о гениях. Это и был круг наших друзей, без которых опустела Земля Русская.

<...>

К нам подошли Лариса и Василий Фёдоровы, которые тоже собирались посмотреть модный фильм.

– О чём вы тут переживаете, дети? – ухмыльнулась Лариса и обняла меня, затем пожала руку Саше, который очень нравился даме своим застенчивым мальчишеством.

– О ЛЕФе! – откликнулся Гаврилов со свойственной ему энергичностью. – Да и не спорим вовсе, а мирно беседуем о том, что программа ЛЕФа содержала требование документальной правдоподобности от всех видов литературы и искусств, о Маяковском...

– Маяковский зародил публицистический жанр в поэзии, – буркнул Василий Дмитриевич, – а Твардовский унаследовал, вслед за ним и Евтушенко. Прямо сказать, не люблю рифмованную публицистику. Есть же у Маяковского поистине шедевры крупного масштаба, общепланетарного звучания – эпические шедевры!

– Есть, – согласился Александр, – с Маяковского началась у нас идеологическая поэзия и литература идеологическая. Это величайшая заслуга Маяковского – он вывел поэзию своим принципом идеологичности на общечеловеческие рубежи из тесного мирка

обывательских дум. Из алькова! Превратил поэзию в руководство к жизни.

– Я вот иной раз думаю, – встряла писательница Фёдорова, – а что такое идеологичность в художественной литературе? Это, проще говоря, есть сверхидея творчества – то, что режиссёр Станиславский называл сверхзадачей, это преодоление замкнутого круга личных интересов и выход на общечеловеческий простор, – кивнула Лариса Фёдорова в знак одобрения Гаврилову, – правильно, Саша, ты говоришь.

– Василий Дмитрич, – обратился Гаврилов к советскому классiku, – по Москве гуляют самиздатовские книжонки, ну и попалась мне такая самодельная брошюрка некоей английской теософки Алисы Бейли, которая вслед за Блаватской пишет о Великой Иерархии Света, проще говоря, о тибетских кукловодах, то есть о высшей цивилизации, которая выращивает людей на нашей планете в целях духовного совершенствования и дёргает нас, как кукол, за ниточки. Насколько я понял, теософка Алиса Бейли пишет о предстоящей России грандиозной всечеловеческой миссии, но не ясно, какой? Что вы думаете о нашей миссии?

– Мы победили Гитлера, – опередила мужа с ответом писательница Фёдорова, – так вот и выходит, что Россия выполняет всечеловеческую миссию. Как и Наполеона победили в своё время. Никто, кроме великороссов, не сумел дать им отпор.

– Россия принесла европейцам социализм, – раздумчиво молвил классик и поправил свою пышную шевелюру, пленявшую женщин, – в этом тоже заключается миссия.

– Вряд ли наше навязывание социализма является миссией, – осторожно вклинилась я в беседу, – поскольку и Прибалтика, и Украина, и Венгрия, и Чехия многократно выражали революционное неудовольствие от навязанного им насильно социализма – даже восставали, а советские танки давили тех, кого мы ошастливили русским социализмом. Нет, пожалуй, социализм нельзя причислить к русскому миссионерству.

– Ну, если нельзя к миссионерству причислить социализм, – раздумывал застигнутый врасплох официальный классик советской литературы, любящий докапываться до истины, – то по крайней мере вполне можно причислить к русскому миссионерству создание нового общечеловеческого мировоззрения – всепланетарного. А по мне – социализм очень даже хорош!.. При капитализме кем бы я был с моей родословной?.. Касательно же западноевропейцев, так я заметил, что мы просто не понимаем друг друга. На самом деле великороссы – наиболее одухотворённый народ в Европе; ещё Геродот называл нас могучими гиперборейцами и возлагал историческую надежду на нас. Слышал я от физиков, что лет через двадцать (то есть в начале двадцать первого столетия) якобы

изменит своё привычное положение земная ось – и наша планета наклонится так, что повсюду изменится климат. В нашей московской Гиперборее будто бы вишни да абрикосы начнут вызревать, потому что лютые снежные зимы сменятся тёплыми и дождливыми. А мокрое прохладное лето сменится засушливым и знойным. Насчёт твоей «лисы Алисы» не знаю, а пророчеству болгарской ясновидицы Ванги верю. Она утверждала, что Великая Иерархия Света действительно существует, что теософы Рерихи с Блаватской действительно осуществляли какой-то религиозный синтез, именуемый ею Огненной Библией. Так говорил мне Валентин Митрофанович Сидоров, – и вальжный советский классик обратился ко мне, зная мою с Сидоровым особую дружбу, основанную на единомыслии. – Ванга встречалась с Сидоровым, и он рассказывал об этой встрече. Сидоров передал мне пророчество Ванги о том, что к началу двадцать первого столетия Советский Союз сделается Русью, затем пройдёт огненное крещение и, как орёл, воспарит над всем земным человечеством. Первенство великороссов будет признано всем миром, только признание случится уже в середине двадцать первого столетия, следовательно, чуть позже.

– После огненного крещения, – задумалась Лариса Фёдорова, – как грустно! Вероятно, это будет война, дети, на вашу долю!

– Сидоров передавал мне слова болгарской пророчицы Ванги о том, что Индия, Китай и Русь к середине двадцать первого столетия объединятся. Правда это или нет – мы не узнаем: не доживём. А ваше поколение, послефронтовое, пожалуй... Тут замочек у нас на почтовом ящике сломался, – застегнул пиджачные пуговицы партийный классик, – вынул я его и пошёл в гараж к приятелю подправить. У приятеля в гараже как раз верстак стоит, ну и я в два счёта замок наладил. С приятелем давно не виделись, а на дворе зима... Решили согреться коньячком прямо тут, у верстака. Закошел он и начал мне лапшу на уши вешать: мол, нашу планету посещают инопланетяне, летающими тарелками, мол, забросали пришельцы планету Земля. Всякую такую всячину городит, как пацан про сиськи: пацан сисек бабьих-то ещё никогда не видел, но всем врёт, что видел и будто даже лапал... Так и насчёт инопланетян с летающих тарелок: якобы видел то и другое, да якобы и лапал. Ну я ему и отвечаю, мол, ещё про снежного человека наври что-нибудь! Так что, друзья мои, болтовня досужая – одно, житейская правда – другое... Наука внесёт ясность в эти вопросы, тогда и разберёмся. Я ведь – из Кузбасса, жил в шахтёрской среде, это значит, люблю правду-матку, а треп да брех не люблю.

Партийный классик глянул на меня, ища одобрения, он знал, что, вернувшись с фронта, мой отец работал начальником участка на всесоюзно знаменитой

шахте Донбасса, что за ударный труд сам Хрущёв, приезжавший на шахту после войны, благодарил отца и распорядился предоставить отцу дефицитную вещь, которая отсутствовала в продаже, возжеленное пианино для его маленькой дочери, для меня. Было мне тогда пять лет.

Прозвенел звонок, толпы хлынули в кинозал. Мы тоже намеревались устремиться на модный фильм, как вдруг парочка студентов окликнула Василия Фёдорова, точнее, это были студент со студенткой из музыкального училища. Оказывается, они опоздали на встречу, назначенную им Фёдоровым. Но, заметив, как студенты лопочут про московский час пик в метрополитене, где людская лавина зажала их с аккордеоном (парня) и со скрипкой (девушку), Лариса Фёдоровна пожалела бедолаг и предложила Василию Дмитриевичу отказаться от кинопросмотра да послушать песни на его слова. При мысли о предстоящем студенческом концерте советский классик заулыбался, пригласил концертантов спуститься в Шахматный холл и продемонстрировать свои творческие успехи. Мы уселись в плюшевые кресла, а студенческий дуэт начал исполнять песни на слова Василия и Ларисы, музыку сочинила девушка-скрипачка. Давно так не радовалась я задушевным песням. Супруги Фёдоровы намеревались записать исполнителей на магнитофон и отдать запись на радио, но более о том ничего мне уже неизвестно. Нельзя было представить себе тогда (в моей молодости) того, как быстротечно и как беспощадно время! Нельзя было даже допустить мысли о скорой и неотвратимой смерти Василия Дмитриевича, который в тот описываемый момент так по-детски счастливо улыбался, не замечая, что коварная смерть совсем рядом.

Когда Василия Фёдорова не стало, Лариса Фёдорова долго приходила в себя от шока. Затем ее жизнь отчасти изменилась: у нее почти совсем не осталось времени на развлечения, Лариса Фёдоровна торопилась завершить рукописи, но прежде всего, месяцами не разгибалась над записками и несистематизированными произведениями мужа. Партийный поэт, любимый поэт члена Политбюро Лукьянова, Василий Фёдоров составляет целую эпоху в истории поэзии соцреализма. А в истории литературы соцреализма было всё, что было в самой действительности. Я никогда не являлась поклонницей данного творческого метода, но вряд ли правильно будет перечеркнуть и те достижения, которые вольно или невольно относим мы на его счёт. Лариса Фёдорова всегда поражала меня своей работоспособностью, своим жизнерадостным пчелиным трудолюбием. Но я стеснялась её. А был ли кто-нибудь у меня, кроме Ларисы Фёдоровны, при чьём имени моё сердце трепетало? Я стеснялась её дружеского участия в моей судьбе и надолго пропадала, посылая из своего филёвского забвения, где я пряталась, отключая телефон от всего мира, ми-

лой Ларисе Фёдоровне какую-либо нежную мысль с пожеланием здоровья... Не знаю, как она умудрялась избегать подавления моей свободы, но ответное отношение Ларисы Фёдоровны никогда не отягощало меня. Изредка она требовала, чтобы я простила мою мать, с которой была знакома. При этом Лариса Фёдоровна очень старалась сгладить материнскую чёрствость ко мне – например, выхлопотала однажды люкс в Доме творчества Комарово для моей матери, люкс, полагавшийся для литфондовской элиты.

У Ларисы Фёдоровны почти не оставалось времени на досуг. Но иногда она делала исключения, потому что приход гостей в дом напоминал привычный их совместный бурный образ жизни, и в такое исключение попадала я, заносясь по своему обыкновению в гости довольно внезапно и непредсказуемо.

Накануне октябрьских праздников 1988 года принесла я Ларисе Фёдоровне пёстрые астры. У неё в тот день сидела в гостях Тамара Пономарёва. Они читали друг дружке стихи. Речь зашла о доносите́льстве в советском безбожном обществе, о стукачах, об Иудинном грехе предательства ближнего – доверяющего тебе человека. Я буквально кипела этой темой и восклицала: «Неужели человек должен бояться человека?!» Однажды во время студенческих каникул летом 1969 года в поисках ответа на этот вопрос я уехала сибирским поездом в Братск, оттуда попала в Усть-Илимск. Но я вернулась без ответа.

<...>

Лариса Фёдоровна после смерти мужа заметно изменилась. Если центром её внимания прежде был Василий Дмитриевич, то теперь она сосредоточилась на абстрактной идее – на идее искусства, литературы, прежде бывшей второй после Василия Дмитриевича. Сперва для неё был Он: «Ты – это всё, что имею!». И так она провозглашала это:

*Что мне делать, скажи?
Что мне делать, скажи?
Я тобою взята, как река берегами,
И на горле хрустальный колышется камень,
Ты его отвяжи.
Ну, а если не снимешь, и так проживу,
Даже с мёртвой не трогать его прикажу.*

При жизни поэта Василия Фёдорова она была всегдашним чадзэла, писательского клуба, после смерти мужа сделалась домоседкой, реже выходила, постоянно стуча на пишущей машинке. Убеждённая в необычайной силе и талантливости произведений Василия Фёдорова, вдова денно и нощно систематизировала его рукописи, готовя их к изданию, и сейчас передо мной восседала за столом измученная непомерной работой пожилая женщина. После моего приезда с Украины всякий раз бросалась в глаза разница, изумлявшая меня в первые десять лет, разница между

украинками и русскими женщинами. Несчастливым россиянкам было свойственно такое рабское, такое королевское терпение, что когда бы не оно, то и не существовали бы их семьи. Никогда не сочинила бы таких стихов украинская поэтесса. Для русской женщины типично полное самоотречение до самоуничтожения в супружеской жизни, но совершенно нетипично и несносно для украинки.

*Начинается день, начинаешься ты,
Всё твоим озарением дышит...*

<...>

Прежде советская творческая интеллигенция участвовала в регулировании социальных процессов, поэзия чутко реагировала на тревожные общественные сигналы. Так, например, Василий Фёдоров написал однажды:

*Есть слова – они роковые,
Когда люди их говорят,
В них на сроки все вековые
Отлагается жизненный яд.
Смысл их древний бывает жуток,
Злая магия входит в дых.
С ними, с тёмными, не до шуток.
Кто ж мне бросил одно из них?*

Психиатры обнаружили бы в явлении, описанном поэтом, явление суггестии, то есть переданное внушение. Общероссийская катастрофа требует, чтобы эта художественная суггестия, то есть внушение, была бы доброй, жизнеутверждающей, гуманной, – оздоровительной. Интеллигент первого поколения Василий Фёдоров чутко отзывался на любые общественные переживания и ставил целью своего творчества оказание моральной помощи своему читателю. Я держу в руках чёрно-белую фотографию с двойным портретом: Лариса и Василий Фёдоровы. Под берёзой в обнимку. Вроде бы принято говорить наоборот: Василий Фёдоров и затем уже Лариса Фёдорова. Но позвольте мне выразиться не по рангу, а по этикету: сначала назвать женщину, потом – мужчину.

Она в белом платье, васильковые кудри, – так сама Лариса Фёдорова выпишет свой портрет в книгу «Танец стрижей» (М.: Совпис, 1985):

*Кто-то сумрачно заладил:
В белом платье вы не та!
Я срываю платье – нате:
Я сияньем облита!
Дайте ножницы – обрежу
Свои кудри васильковые...*

На моём двойном портрете, созданном воображением, они сидят вдвоём под берёзой. Под той самой берёзой, что воспета Василием Фёдоровым, под бе-

рёзой, на которой растут райские яблоки. Весной его берёза наряжается в серёжки, летом красуется принарядно, осенью осыпает золотым кружевом своей листвы, зимой унижается инеем, словно белыми ага-тами.

Вот Лариса голову повернула, трогает за руку Василия:

– Слышишь кукушку?

– Слышу, Лара, слышу, – волнуется он и торопится сосчитать, сколько прокукует.

Бог любви,

Я снова в сердце ранен... –

вырвется из его души.

Ты единственен, как жизнь,

Ибо ты – это все, что имею... –

ответит ему Лариса уже после его смерти.

Но, впрочем, о чём я? Любовь бессмертна!

Василий Фёдоров шутливо называл Ларису «Ваше Лиричество». История их творческой дружбы и любви уникальна... Их молодость проходила перед глазами современников, словно перед зрителями. Они будто бы постоянно жили на сцене, содержанием их жизни было самопознание через творчество и любовь.

Каким архаизмом для современного молодого читателя отдают подобные взаимоотношения! Невозвратно миновало время, в котором главной ценностью была человеческая жизнь, душевная, личная. Теперь живут иначе: не позволяя слишком вдумываться в своё существование. В тревоге о завтрашнем дне мы торопимся жить сегодня.

Но старшее поколение иное. Я бы сказала, что они больше люди, чем мы. Они сохраняли ещё в своих душах христианские ценности: умели больше радоваться, больше мечтать, больше жертвовать друг для друга.

...для твоих усад

и твоей любви

ценою жизни

Небывалый вырастил я сад.

.....

На берёзах белых

Золотые яблоки растут, –

прочитаем у Василия Фёдорова в стихотворении «Берёзовый рай». Так и сидят они в обнимку под березой с райскими яблоками. В этом небывалом саду и прошла вся жизнь двух русских поэтов XX столетия.

Василий Фёдоров был мученик страстей и своего демонического характера. За их любовь с Ларисой он заплатил, как ему казалось, ценой потери свободы. Но, когда они попытались предоставить друг другу свободу, оба почувствовали, что свобода друг без друга не нужна. Вот история их любви в стихах Василия Фёдорова:

Сопrotивляясь тёмной силе,

Её жестокости тупой,

Мы друг за друга заплатили

Ценою слишком дорогой.

...И все потери, все утраты,

Всё, что лишь в памяти таю,

Мы жизни отдали в уплату

За позднюю любовь свою...

Творчество Василия Фёдорова, лауреата государственных премий РСФСР и СССР, – выразительный пример соцреализма в поэзии. Его лирический герой – человек из народа, работяга (например, Дон Жуан из заводского цеха). Его лирическая героиня – подруга Дон Жуана. Поэт бытописует прозу жизни, ставит целью возвеличить обыденность и потому прибегает к торжественной классической манере письма, создавая современный вариант поэтического романа. Стилистика поэмы «Дон Жуан» Василия Фёдорова соответствует поставленной задаче: она отдаёт тем самым жизнерадостным архаизмом, который теперь мы называем модным словом «ретро». Впрочем, Фёдоров иронизировал над модой, над ретро-стилем. Да и в самом внешнем облике поэта ироничность была главным, что подчёркивало его характер.

Помню, как-то сидели мы втроем в кафе ЦДЛ: Василий Фёдоров, Анатолий Парпара и я. Василий Дмитриевич показывал нам только что написанное стихотворение о плотнике, стругающем древесину. Мне понравилось оно своей словесной вязью, философичностью, но весь какой-то напряжённый, насмешливый облик поэта не позволил мне раскрепоститься и свободно выразить своего чувства. Как же удивит меня точностью характеристика, данная ему посмертно Ларисой Фёдоровой в её поэтическом сборнике «Танец стрижей», когда скажет о нём: «Философ! Ты демон соблазна и муки».

Меня всегда озадачивало, что вдова поэта Лариса Фёдорова – человек жертвенный по сути, согласный на такие душевные страдания. Это и выразилось в её поэтическом творчестве. Её лирическая героиня – женщина, существо жертвенное, любящая деспотического, своенравного мужчину и относящаяся к нему самоотверженно, по-матерински бережно. Ее лирический герой – владыка, властвующий над лирической героиней; он принимает жертву во имя любви, жертву в виде жизни героини. Вот история самопожертвенной любви, рассказанная Ларисой Фёдоровой в её новой книге:

Я к морю поеду, я лодку возьму

И камень огромный в корму положу.

Плыви, моя лодка, подальше плыви,

Я брошу на глуби мой камень любви!

.....

*Плыви, моя лодка, скорее плыви,
Чтоб волны меня не догнали.
Чуть виден отсюда мой берег любви,
Моей неизбывной печали...*

Жертвенность лирической героини Ларисы Фёдоровой выразилась в её плате за собственную преданность и верность, в плате за право господства возлюбленного над собою же, за позволение тиранить её ревностью, подозрениями, словно в этом самоистязании и заключается какая-то высшая мистическая суть любви женщины. Я никогда не соглашалась с этим направлением русской поэзии да и всего русского бытия, протестовала против них.

А вот история создания Василием Фёдоровым стихотворения «Клятва», которую поведала мне Лариса Фёдорова. Это происходило в 1963 году. Случай, благодаря которому написана «Клятва» Василия Фёдорова, корнями своими уходит в давность их взаимоотношений, начиная с самой женитьбы в 1949 году, когда Василий Фёдоров прочитал в дневниках Ларисы о её брачных симпатиях. Муж потребовал от жены клятвы в верности, хотя с тех пор миновало более двадцати лет, и, как говорится, её увлечения и интересы той поры успели порости бильём. Был зимний день на подмосковном хуторе Гаврилово. Со второго этажа дачи Лариса любовалась хороводом сосен на лесной полянке. Под февральским солнцем на белых крышах сверкал снег. И вдруг в этой сказочной тишине, в этом совершенном блаженстве, даруемом нам иногда жизнью, раздались быстрые шаги по скрипучей и почти отвесной лестнице. В Ларисину светёлку ворвался запыхавшийся Василий Фёдоров и торопливо, не давая жене опомниться, потребовал клятвы в верности. Чем ни клялась несчастная красавица-жена, он не желал верить. Тогда поэт увидел на столике кофейную чашку и бутерброд с белым хлебом, и его осенило: он потребовал поклониться хлебом, Лариса всплеснула руками, воскликнула:

– Господи! Да на белом хлебе поклонюсь!.. На белом снеге поклонюсь! Синим небом поклонюсь!

И снова бегом Василий Фёдоров помчался вниз, на первый этаж, к своему камину. Так возникли лучшие строки его любовной лирики:

*Было всё. Всего нелепей
Заклинал её: страшись!
Поклянись на белом хлебе,
Поклянись на белом снеге,
Синим небом поклянись!..*

Поводом для такой отелловской ревности было то обстоятельство их жизни, что однажды, незадолго до женитьбы, Василию Фёдорову в буквальном смысле свалилась на голову пачка писем. Происходило это в Москве, в переулке Садовского, описанном позже Василием Фёдоровым в его знаменитых «Снах поэта»,

в семиметровой комнате коммунальной квартиры с окном на пустырь, именно через это окно на первом этаже знаменитый их кот по кличке Тартюф, обласканный Владимиром Солоухиным и многими другими популярными нашими писателями, как-то в голодное студенческое время принес Фёдоровым, студентам Литинститута, добычу: свёрток с колбасой. Всего-то в комнатёнке Ларисы умещались платяной шкаф, тахта, стол и стул. Оба учились на втором курсе, на семинаре Антокольского, затем вышла размолвка с литературным наставником, и Лариса стала заниматься у Паустовского, на многие годы приказав своему певчему поэтическому сердцу замолчать. В голодные послевоенные годы студенчества Лариса Фёдорова подрабатывала в Моссовете съездовской стенографисткой, живя в комнате мужа, погибшего на фронте. И когда ей встретился Василий Фёдоров, она собиралась замуж, как это часто бывает, за другого. Свалившаяся на голову Василию Фёдорову пачка писем её нового жениха внезапно вызвала у поэта ревность, которая распалила его тогда ещё неясное чувство к овдовевшей во время войны Ларисе. Много позже, уже известным поэтом, Василий Фёдоров напишет о том:

*Опять люблю, тревог не ведая,
И только в мыслях не решаю:
Что это?! От тебя же еду я,
А кажется, к тебе спешу...*

После смерти Лариса Фёдорова ответит ему:

*Как долго я тебя люблю,
Ни в чём тебе не присягаю.
Пусть присягают королю,
Измены яд беребегая.*

*.....
Неразлучимая с тобою,
Хотя при собственной оси...
Тебе лишь знать, чего я стою
Средь всех любимых на Руси.*

Помнится, что четверть столетия тому назад я поделилась с моей покровительницею тем, что делаю записки на будущее о них с Василием Дмитриевичем, написала и дала прочить ей следующее: «Дорогая Лариса Фёдоровна! Смерти нет. Во всяком случае – у поэта. Ведь Вы сами пишете о Василии Фёдорове как о живом, сами боитесь поверить в чудную тайну – тайну вечной жизни. Да и можете ли забыть сокровенное: Марьевку, домик сибирский, где вы вместе гостили, Марьевку, где издавна жил род Фёдоровых? Вот раскрываю Ваше письмо ко мне, в котором Вы описываете первый посмертный праздник поэзии Василия Фёдорова в Марьевке, и читаю: «Фёдоровские чтения собрали в Марьевку (заасфальтированную и заполисаженную для этого случая) более десяти тысяч человек. Народ со всех местностей шёл и ехал, как в Мекку... Сняли и

милицейские заслоны в музей-квартиру... А меня вообще подхватил этот водоворот и отпустил только сегодня – через день после чтений, ибо на следующий день телевизионщики потащили под «юпитеры»... Я очень устала! Алексей Марков и Алексей Шитиков, Леонид Решетников, Озолин, Филипенко и Черкасов из Барнаула тоже едва вырвались из этого потока! А какой «небесный» портрет Василия Дмитриевича был уставлен на марьевских лугах, где как-то волшебным образом ярмарка, заплесали и запели цыгане...»

Лукаво смотрит Василий Фёдоров со своего портрета – это взгляд его деда Наума Осиповича. Дед поэт был человеком нерелигиозным, крутым, своенравным. В Марьевке Лариса и Василий посадили у своего дома берёзку, ту самую, на которой растут райские яблоки Василия. Здесь течёт золотоносная речка Яя, где будущий поэт мыл золото. Не это ли причина появления в характере Василия Фёдорова свойства докапываться, добираться до сути? Отец поэта страстно любил лошадей, цыган, азартные игры. Не его ли темперамент выявился в Василии Фёдорове, когда поэт создавал своего «Дон Жуана»?

Жили некоторый период родители Василия Фёдорова в Кемерове, в шахтёрском бараке с земельным участком, когда с востока надвинулся Колчак. Родился поэт девятым ребенком в семье 23 февраля 1918 года. Через год его старшего брата Андрея, выучившегося грамоте, приняли в партию и направили в Омск на парткурсы. Из Кемерова родители переехали в родную Марьевку после рождения Василия, они поселились под горой у безымянного озера, названного впоследствии поэтом озером Кайдор. Ведь в природе всё когда-то кем-то названо. Название привилось. Гражданская война не миновала захолустной сибирской деревушки. Несмотря на тревожные годы, выпавшие на детство Василия Фёдорова, поэт радостно вспоминает их в стихах. Вскоре стал коммунистом и другой брат будущего поэта, Пётр. Семья Фёдоровых жила бедно, с трудом приобрела в Марьевке дом на горе. Весной 1932 года подростком Василий Фёдоров окончил шесть классов школы колхозной молодёжи, уже начав по примеру старших братьев сочинять стихи, затем окончил Новосибирский авиационный техникум, а во время войны стал кандидатом в ряды КПСС. В своей автобиографии Василий Фёдоров пишет, что как поэт он родился из чувства социальной новизны, переживаемой старшим поколением. «Это чувство, – пишет Василий Фёдоров, – не должно было пропасть». И поясняет, что поэты его поколения являлись как бы связующим звеном между революцией и послереволюционным временем. Василий Фёдоров уточнял, что на чьей-то душе должна была осесть «семейная соль». Выросши из народных низов, он воистину стал народным поэтом. Но и «чернозёмная грубость», которой он по-мальчишески бравировал всю жизнь, оставаясь тонким и ранимым человеком, не мешала Василию Фёдорову создавать

любовную лирику высокого стиля. Вдохновительницей его творчества всегда была его Лариса:

*Не гибнут страсти. Над враньём
Опять смеюсь. Пусть не лукавят.
Любовь горит вторым огнём.
В таком огне железо плавят.*

Его любимый вопрос был: «А всё-таки?..», недоверие, дотошность, коварство сквозили в вопросе автора «Дона Жуана». «Ты – опричник», – обзывала его Лариса.

*...Уму непостижимы
Две тайны: Женщина и смерть! –*

воскликнул однажды поэт, и так родились его афористические строки. В своей прозе «Сны поэта», которую напечатал журнал «Москва» в 1979 году в № 8, Василий Фёдоров предвосхитил, predetermined собственную смерть от удара в сердце. Во снах ему настойчиво являются два образа: земной образ любимой и неземной образ святой женщины. Я бы сказала, что это даже образ единый, но двоящийся. Образ, по сюжету Фёдорова, укоризненный и печальный. Этот двойственный идеал в действительности прошёл через всю его жизнь, идеал любви, идеал покорного женского долготерпения. Устами этого двоящегося образа после смерти мужа заговорит Лариса Фёдорова:

*Он не умер, с жизнью не покончил,
Жизнь любя,
Только стал безмолвнее и тоньше – ковыля...*

Можно ли после столь глубокого проникновения верить мужицкой браваде Василия Фёдорова:

*Не ходим в эстетической уздечке.
Изысканность – на кой нам чёрт нужна!
О женщине красивой, как о печке,
Мы говорим: «Неплохо сложена...»*

Игра, мужицкое позёрство были общими чертами жизни тех советских лет, а поэзия сделалась тогда из суровой пропаганды в рифму немного вроде как забавно жить, как средство пошутить, посмеяться над своей же грустью.

В журнале «Наш современник», № 4 за 1985 год, посмертно опубликовано продолжение «Снов поэта». Здесь Фёдоров пишет об опыте наблюдений за собой. Он исследовал причины своей грусти, тоски, тревоги настолько, насколько позволяет данный литературный жанр. Примечателен пример, рассказанный здесь им, с его волоском-антенной, выросшим над переносицей. Знатки пояснили поэту, что сильно торчащий у него над переносицей волос (не седой в отличие от цвета бровей) не простой. Поэт и сам заметил, что с появлением волоска он приобрёл какую-то склонность к предчувствиям, что волос словно служит ему антен-

ной, воспринимающей сигналы и импульсы из внешнего мира. Однажды Василия Фёдорова охватила беспричинная, казалось бы, тревога. И тут один шутник без всяких церемоний вырвал волосинку. Беспричинная тревога исчезла так же беспричинно. Однако незамедлительно обнаружился трагический повод для тревоги: поступило известие о смерти сестры.

В начале своей литературной деятельности Василий Фёдоров сотрудничал в журналах «Огонёк», «Смена», «Крестьянка», ему приходилось много и успешно заниматься прозой и публицистикой. Выпускники Литинститута сплотились в дружескую группу: Солоухин, Кобзев и Тендряков. К ним примкнул Фёдоров. В 1955 году Василий Фёдоров написал повесть «Добровольцы». Но страстная душа требовала изъяснения более чувств, чем событий, отчего он вновь обратился к поэзии. Здесь Василий Фёдоров обрёл возможность поклоняться некоему идеалу, который он искал в женщине. И если в ранних стихах Фёдоров высказывал мысли о том, что славил бы Женщину, только не жену, то по истечении времени этой самой Женщиной с заглавной буквы, его музой, поэтическим идеалом оказалась именно жена, его товарищ по перу, друг и соратник. Жене посвятил он стихотворение «Звезда».

*Неравнодушная к приметам,
Ты помнишь ли ту ночь, когда
Средь звёзд, горевших ровным светом,
Явилась странная звезда?
Мне долго было неизвестно,
Как жизнь планетная течёт.
Однажды тайну тел небесных
Открыл мне старый звездочёт.
На голубые глядя точки,
Сказал он мне тогда: «Сравни
Все эти звёзды-одиночки,
Без перемен горят они...
А ваша, что предстала взглядам
Печальным признаком беды,
Не одинока... Это рядом
Бредут по небу две звезды».*

В «Танце стрижей» у Ларисы Фёдоровой читаем об этом же:

*Это ты меня научил
Звёздной ночью к озёрам ходить,
Воду чёрную звёздную пить,
Чтоб тебя не смогла разлюбить.
А берёзки на вешней земле,
Словно девушки в белом, бродили,
Их одежды светились во мгле,
Когда звёздную воду мы пили...*

Вот один и тот же сюжет у двух поэтов, и другого сюжета у них не было. Они написали об одном и том же, но с разным чувством и по-разному относясь к од-

ному и тому же. Если Василию Фёдорову открывается его одиночество, ниспосланное небесами, то Ларисе Фёдоровой открывается магическое чувство, тайна любви. Василия Фёдорова в данном его произведении интересует результат его познания, результат его попытки разобраться в судьбе, а Ларису Фёдорову в её произведении интересует само колдовство любви, сам процесс магии. Налицо различие мировоззрений: поэт видит по-мужски, поэтесса по-женски. Когда мы суммируем мужское и женское впечатление, создаётся объективная картина мира. Но, увы, такие браки, такие семейные творческие союзы крайне редки, даже уникальны. Поэтому воспроизводить картину мира читателю приходится по принципу создания мозаики – из различных кусочков смальты – произведений разных творцов. Так и побрели об руку по небу своей поэзии, то есть любви, Лариса и Василий Фёдоровы. После его смерти Лариса напишет в своей книге стихов:

*Вот и дым табачный выветрен...
Даже пачку папирос
Кто-то, посчитав реликвией,
К доброй памяти унёс.
Только зарево от жизни
На полнеба занялось...
– На какой планете ближней
Поселиться удалось?*

133

Взаимная любовь Фёдоровых на земле закончилась смертью Василия, успев, однако, запечатлеться в их творчестве и таким образом обессмертиться.

Россия в творчестве обоих поэтов была как бы паролем, с помощью которого узнавали своих и чужих. У Ларисы Фёдоровой – Россия там, где «даже снега цветоносят», поэтесса ощущает себя должницей России, «должницей холмов и высот», где полегли солдаты в Великую Отечественную («Пермиловские высоты»). И всё же главная тема нового поэтического сборника поэтессы – тема воспевания любви к Василию Фёдорову:

*Тебе – твоё! Не мне тебя судить
За все грехи, что зримы и незримы.
Но лишь тебя мне суждено любить
И зваться именем твоей любимой.*

Листая трёхтомник Василия Фёдорова, встречаю стихи о страсти, так хорошо знакомой каждому из людей:

*Плачь. Пусть слеза прольётся,
А ты себе живи.
Тебе легко живётся
И в жизни, и в любви.
Страдай. Твоё страданье,
Увы, невелико.
Рыдай, твоё рыданье,
Как у детей, легко.*

*Но все твои печали,
Как воды по весне,
Подземными ручьями
Изроют душу мне.*

Малое значение теперь для нас имеет хронология, итогом любви и творчества обоих поэтов словно является альбом любовной лирики, сокровенное человеческое чувство в его полноте. Характерно, что в любовном творчестве обоих поэтов отсутствует физическая сторона любви (секс, эротика); описанные любовные чувства возвышенны и чисты.

Как признается в «Снах поэта» Василий Фёдоров, он был интеллигентом в первом поколении. Видимо, именно этим обстоятельством он обязан и некоторым своим заблуждениям. «Бойтесь утонченности, – как-то провозгласил он в заметке с таким же заголовком, – утонченность всегда за счёт силы и плоти». «Изящество приводит к жеманству и кокетству», «неряшливость – одна из форм избалованности, мнимой утонченности», – читаем в томе третьем. Василий Фёдоров был, что называется, человеком электрическим, он состоял из противоречий, обострившихся в конце жизни. Именно его достижения и ошибки, победы на творческой ниве и поражения сближают его с духовным развитием народа. В своём поэте читатели обнаружили то человеческое, которое никогда не было ему чуждо. Василий Фёдоров синтезировал в себе народные думы и переживания, поэтому всё созданное им народно, и всё пользуется народной любовью.

Василию Фёдорову нравилось, когда поэт мыслил большими категориями: век, эпоха, человечество, планета... Он по-детски наивно верил в коммунизм, поэтому призывал к коммунизму, поэтому славил Ленина и ленинскую партию. Поэзию же, которая способна была терпеть его «черноземные» шутки, Василий Фёдоров считал поиском прекрасного. «Идея красоты – это идея правды, – читаем в его томе третьем прижизненного издания. – Ложное не может быть красивым. Но идеалы прекрасного менялись...» И продолжал с партийной убежденностью далее: «Мы оптимистичны, ибо мыслим исторически».

Критерием писательского мастерства Василий Фёдоров считал того изображённого героя произведений, который строил жизнь по Марксу и по Ленину.

Творчество Василия Фёдорова типично для страны Советов, узнаваемо, его переживания хорошо знакомы и понятны читателю, оно демократично:

Мы из крестьян.

*.....
Эстетика о нас*

И слыхом не слыхала

(из книги «Как цветы на заре». М.: Совпис, 1982).

Или вот откровение лирического героя Василия Фёдорова из той же книги «Как цветы на заре» в стихотворении «Друзьям»:

*Деревенский я весь,
Даже больше, чем был
До того, как увидел трамвай.*

Вера безвозвратно канувших лет в престиж поэта сегодня выглядит как-то по-детски наивно, сегодня, когда компьютер умеет сочинять стихи, когда поэзия стала таким же камерным видом искусства, как музыка и балет, когда сам поэт напоминает скорее коллег-лекционера бабочек или рыбок, чем трибуна и борца. Видимо, время трибунной, эстрадной поэзии миновало. Но ещё вчера советская поэзия была могущественной силой, проповедницей, ещё вчера поэзия выполняла важную социальную задачу, учила жизни:

*Пусть недруги бранят,
Трудись, не споря.
Они тебя гранят
Себе на горе (из книги «Как цветы на заре»)*

Лариса Фёдорова издала два поэтических сборника («Ветка шиповника» и «Танец стрижей») уже в новейшие годы, когда функция поэта в социальной жизни общества видоизменилась от агитационно-пропагандистской и проповеднической до почти коллекционерской, камерной. Нельзя было в 80-е годы XX столетия не учитывать особенностей читательского спроса, отчего поэтесса обратилась к внутреннему миру своих лирических героев, меньше уделяя внимания внешнему. Ларисе Фёдоровой удалось выполнить поставленную задачу: она исследовала душевные переживания своей лирической героини, доходившие порой до самоотречения и даже самоуничтожения в своей жертвенной любви. Вот характерный пример из стихотворения «Быть с другим»:

*Ты разлад и покой.
Нетерпенье моё и терпенье,
Я – дневная.
Ты – сумрак ночной,
Я – как правило,
Ты – исключенье.*

Совершенно иначе выражал любовное чувство в своей лирике Василий Фёдоров. Ему было присуще энергичное, властное отношение к жизни, в которой он – хозяин. Его лирический герой спорит с героиней Ларисы Фёдоровой:

*Как мне постылы назиданья
Покорности: страдай, терпи!
Я в мир пришёл не для страданья,
Пришёл для счастья и любви.*

Это было трибунное провозглашение его программы, это было написано много раньше. Я не согласна с Ларисой Фёдоровой в том, что её лирическая героиня является «правилом». Такая великая самопожертвенность есть свойство большой и чистой христианской души, а не малой и не средней, которую и следовало бы назвать «правилом». Однако кто имеет право на такую жертву? Этот вопрос – вопрос совести.

Всё реже современные наши поэты пишут для пробуждения общественной совести, словно она – что-то устаревшее, вышедшее из моды, изжившее себя. Творчество Ларисы Фёдоровой глубоко нравственно, глубоко человечно и сострадательно. Откройте любую книгу её прозы, и вы прольёте слёзы над судьбами героев, причём героев достоверных. Лариса Фёдорова едва ли что-то «выдумывала» в своих книгах, ситуации и судьбы в её произведениях везде подлинные, там нет лжи даже во имя искусства. Произведения Ларисы Фёдоровой не общие, а конкретные, они оплачены жизнью, это сама правда.

Если я могла в обществе Василия Дмитриевича не осмелиться высказать что-либо, чтобы не прогневить классика, не терпящего возражений, то в обществе Ларисы Фёдоровны я никогда не чувствовала себя скованно или принуждённо. Её удивительная жизнерадостность порой просто изумляла меня, вполнину младшую. Уйма друзей, гостей и знакомых в её доме находились в непрестанном переживании об искусстве, не смолкали разговоры о живописи, поэзии, кино...

Когда-то моё сердечное доверие вызвала супружеская чета Фёдоровых тем обстоятельством, что оба являлись знатоками и ценителями поэзии моего учителя Николая Ушакова. Честь делало Василию Фёдорову и то обстоятельство, что он писал об Ушакове: «Как верен себе этот поэт!.. Буйство молодости сменяется зрелостью мысли, мягкостью красок, как мы это видим в поздней весне Ушакова». Лариса Фёдоровна очень трогательно рассказывала об их знакомстве, произошедшем в Коктебеле.

В посмертном стихотворении «Вместо воспоминаний» Лариса Фёдорова напишет о Василии Фёдорове:

*Метеору – метеорово...
Не судите, не судим,
Но в ту огненную сторону
Устремите взгляд за ним...*

Писательская семья Фёдоровых самоотверженно служила родному народу. Помню, как после смерти Василия Фёдорова овдовевшая Лариса обрела себе утешение в работе над его рукописями: она собирала их воедино, упорядочивала, редактировала, перепечатывала на пишущей машинке с её катастрофически плохим зрением, раздавала на хранение, пересылала и торопилась закончить все земные дела – теперь наступала её очередь умирать. Началась перестройка –

менялся политический режим советского государства, походило на то, что пророчество Ванги об изменении государственных границ Советской империи делалось уже правдоподобным. Лариса Фёдорова осунулась, исхудала, материальный достаток исчез.

<...>

Старосоветская писательница иногда удивляла меня своим знанием программных стихов Николая Ушакова, которые начала забывать в суматохе дней даже я, единственная наследница Ушакова в новых временах. Так, Лариса Фёдоровна процитировала ушаковское стихотворение «Есть такая сторона»:

*Пушкин, Маяковский, Блок,
Лермонтов с Некрасовым!
Раздувай свой уголёк,
Намечай, набрасывай!
Вот она – родная речь,
Звуков равновесие.
Как тебя нам не беречь,
Русская Поэзия?!*

Когда ещё был жив Василий Дмитриевич Фёдоров, он однажды застал Ларису за этим цитированием и вставил пару фраз в нашу с ней дамскую беседу:

– Мне очень нравится у Николая Ушакова точность деталей, правдивость. До войны Ушаков как-то написал строчки: «Играя с самого утра, ходил шарманщик по дворам...» Так ведь и было! Однажды я никак не мог оторвать Ларису от письменного стола и посадить ужинать – разозлился да пригрозил уйти к другой женщине. Что бы ты думала, как моя жена мне ответила? Никто не догадается! Лариса оторвалась от своей рукописи, упёрла руки в боки и захохотала, а потом заставила меня драить сковородку... И я драил! А что было делать? Любовь зла... «О, женщина, краса земная, родня по линии прямой... ты носишь рай в себе самой!».

Василий Фёдоров был награждён двумя государственными премиями и тремя орденами за своё писательское служение государству. <...>

Так, однажды Василий Фёдоров, Искра Денисова, Александр Гаврилов, Александр Сизов и Владимир Шлёнский прибыли на выступление перед рабочими московской фабрики по случаю завтрашнего праздника – очередного юбилея Великой Октябрьской социалистической революции. Вела пропагандистскую встречу с писателями критикесса Денисова, сидевшая перед микрофоном справа от меня за кумачовым столом, а Василий Фёдоров между тем читал партийные стихи и срывал аплодисменты. После мероприятия фабричное руководство пригласило нас на чай, который не пил никто, кроме меня и Денисовой. Парторг фабрики заговорил с лауреатом Василием Фёдоровым о влиянии выдающихся личностей на ход истории.

– Вот и вы, Василь Дмитрич, – взял парторг под локоток лауреата, – под руководством Коммунистической партии Советского Союза тоже влияете на ход истории своей поэзией. Признаться, я влюблён в вашу поэзию и даже на заседании фабричного партактива цитировал ваши очень правильные строчки:

*Всё испытав, мы знаем с вами,
что в дни психических атак
сердца,
не занятые нами,
не мешкая, займёт наш враг.
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет, нас разя!
Сердца –
ведь это же ВЫСОТЫ,
которых отдавать нельзя.*

– Очень правильные стихи! – пригладил жиденькие волосики, скрывавшие лысину, фабричный парторг. – В поэтических строчках вы, Василий Дмитрич, выразили суть политики Коммунистической партии в борьбе за людские умы...

Фёдоров был вполне удовлетворён своим влиянием на ход советской истории, но с положенной партийному поэту коммунистической скромностью перевёл беседу на французского писателя Андре Моруа, который заявлял, что даже полководцы Цезарь или Наполеон так не изменяли хода истории, как самые обыкновенные историки.

Не помню, каким образом беседа Василия Фёдорова с парторгом коснулась русского патриотизма, но припоминаю, что Искра Витальевна Денисова подскочила к лауреату и провозгласила, что женский патриотизм ярче всего выражен в пении Людмилы Зыкиной. Поэты Сизов, Гаврилов и Шлёнский окружили отдельно стоящих коллег и внесли свою лепту в закулисную беседу. Гаврилов произнёс:

– Великая гордость – родиться великороссом!

Сизов добавил:

– И гордость, и ответственность.

Парторг пригладил соломенные пряди, притрусившие сверкавшую лысину, и произнёс:

– Пролетарско-коммунистическое мировоззрение несовместимо ни с какой националистической доктриной. У нас в СССР объявлен бой любому национализму и прежде всего – русскому. Все мы, граждане Советского Союза, являемся прирождёнными интернационалистами, из чего следует, что у всех граждан СССР общая национальность – советская.

Речь парторга вовсе не обязательно являлась истиной, но вполне могла быть провокацией, поэтому никто из нас не стал перечить комиссару, хотя каждый носил в своей душе то самое, что провозгласил Гаврилов: «Родиться великороссом – это гордость». Гордости этой научило нас произведение нобелевского лауреата Бунина «Жизнь Арсеньева».

<...>

Воспоминания исчисляются десятилетиями. Помнится, как вестибюль Центрального дома литераторов гудел от многолюдности.

Василий Фёдоров, Искра Денисова, Анатолий Софронов и Владимир Цыбин сгруппировались вокруг казённого стола в стремлении отметить своё присутствие у секретарши, которая листала алфавитные списки писателей. Писательский пленум проводился в большом зале, и это был повод встретиться с теми коллегами, с которыми давно не виделись. Когда Фёдоров, Денисова и Софронов зарегистрировались, им уже пожимал руку Александр Гаврилов, подошла поздороваться и я. Мы с Сашей обнялись, и Василий Фёдоров сказал:

– Точно так же и мы с Володей Солоухиным сейчас обнялись. Студенческая дружба не ржавеет.

– Но вовсе не со всеми подряд хочется обняться, – молвила я и пылливо взглянула на Василия Дмитриевича.

– Это правда, – подмигнул Фёдоров мне в шутку, давая понять, что он сам тоже разборчив в общении с коллегами.

<...>

Мы все обсуждали потом какое-то неуловимое сходство характеров, принимаемое нами за внешнее, между Бетховеном и Василием Фёдоровым: та же темпераментность в облике обоих. Неслучайно поэт Фёдоров прославился своею поэмой о Бетховене. Избирать высокую тему для сочинительства являлось прямым следованием ушаковской традиции.

<...>

Фёдоров подумал и сказал Гаврилову:

– Замечаю в твоих стихах подражание Есенину; есть-есть чутки, не отпирайся! Но ведь подражание кумиру без критического отношения к кумиру кончается, Саша, плачевно. Я говорю о лихачестве: тот водку пил без меры, и ты увлекаешься. У кумира надо перенимать только достоинства, но никогда не следует копировать недостатки. Впрочем, я и сам не святой... Помню, после войны поступил я учиться в Литературный институт, какое-то время жил в общежитии. И написал мой сосед по комнате на меня донос: будто водкой увлекаюсь, а за водкой похабные анекдоты рассказываю. Причём сосед делает вид, что ничего не знает. Тогда купил я молотого красного перца, чтобы отомстить доносчику, дождался, когда он мокрые трусы свои повесит сушиться на батарею, да и сыпанул в те чёрные трусы немного люттого перчику. Трусы высохли, Иуда тот напялил их и пошёл на занятия. И вдруг доносчик начал ёрзать на сиденье, гляжу – уже о стул начал чесаться, как лось об ёлку. Тут звонок на перемену зазвенел. Иуда наш пулей в туалет умчался, но опоздал – все кабинки заняты. Смотрю – он уже рок-н-ролл танцует возле кабинки, схватил ведро, налил воды и

заперся наконец в освободившейся кабине, да с подвыванием! Теперь была моя очередь делать вид, что я ничего не знаю... В общем, больше на меня кляуз он не писал. Писатель!..

<...>

Кажется, в ноябре 1969 года Гаврилов, Сизов, Щелкопёр и я вчетвером принесли на какой-то вечер в Центральный дом литераторов, подсели в пёстром кафе к Передреву, потягивавшему коньячок в обществе молчаливого и важного советского классика Василия Фёдорова. Надо отметить, что Фёдоров получал такие писательские гонорары как лауреат государственных премий, которые позволяли ему гнущаться водкой и пить исключительно дорогой коньяк, причём всегда угощал он сам и редко пил за чей-то счёт – уж если только сильно попросят. Анатолий Передрев представил молодых поэтов советскому партийному поэту, который позабавил нас новостью о том, что между русским революционером Бакуниным и Карлом Марксом однажды едва не произошла дуэль. Причина смертельной злобы анархиста Бакунина против создателя дорогой бакунинскому сердцу социалистической теории коренилась в хамстве Карла Маркса, оскорбившего героическую русскую армию. Бакунин, уязвлённый, вызвал русофоба на дуэль, но русофоб Карл Маркс отверг дуэль, мотивируя тем, что его жизнь принадлежит коммунистической идее и никак не должна обрываться возможным несчастным случаем.

– Ух! – закусил коньячок бутербродом Передрев, обдумывая новость. – А что было бы, если бы дуэль состоялась и наш Бакунин убил бы Карла Маркса? – Передрев осклабился.

– Но-но! – пригрозил пальцем Василий Фёдоров, как бы в шутку, – Маркс должен был жить и претворять социалистическую теорию в повседневную практику, тут всё произошло правильно. Ведь социализм осуществил на практике извечную христианскую мечту о социальной справедливости, равенстве и братстве народов.

– Правильно-то оно, может, и правильно, – глотнул коньячку из своей рюмки Гаврилов (классик угощал молодёжь), – но уж чересчур у Маркса борода кудрявая!

– А ты расчёсывал? – набычился партийный классик.

– Нет, – ощерился Гаврилов, почему-то невзлюбивший Марксову бороду, – я разглядывал на картине.

– Ну, и чем тебе Марксова борода не понравилась? – начал злиться Василий Фёдоров.

– А, кудрявая! – уставился на почтенного поэта захмелевший Гаврилов с ехидной ухмылочкой.

Мы со Щелкопёром в недоумении переглянулись. Александр Сизов (по прозвищу Сизарь) перехватил наш взгляд, залпом выпил вторую рюмку коньяка и, потупясь долу, чему-то своему засмеялся. Партийный

классик, уважавший Карла Маркса, разъярился, как бык на корриде.

<...>

– Мой дед погиб в борьбе со стихией – с пожаром, – произнёс партийный классик, – дед защищал семейную пасеку. Наумом Осиповичем звали. Тиран был, нрава крутого, лошади. Дед мой работал ямщиком в Томске, работа была опасной из-за дорожного разбоя. Уж до того был крутого нрава дед Наум, что даже по лихости умучил свою молоденькую жену. До того умучил разнузданным нравом, что в свои двадцать три года взмолилась она к Богу о ниспослании ей смерти. И отчего-то умерла. Дед овдовел, остались дети. Так что мать моя с пятилетнего возраста росла в социальном сиротстве, была фактической сиротой у вдового отца... Да и вся жизнь фёдоровского рода связана с сиротством. А ещё потом, как нарочно, и мать моя выбрала себе бездомного мужа. Гадания предсказывали матери мужа с именем Дмитрий. Судьбу конём не объедешь... Вот уж кто лошади был – так это мой отец! Целые дни проводил в таборе у цыган, лошадей обожал. Было у отца моего восемь детей, работал сперва каменщиком, затем шахтёром. Выпивоха был, игрок и гуляка – весь в деда! Тут, конечно, без фатума не обошлось. Судьба вмешалась. А с чего бы вдруг да я поэтом стал бы?!

<...>

– Э, – протянул захмелевший Василий Фёдоров, – чтобы стать поэтом, лучше всё же, братцы, быть в здравом рассудке, да и учиться надо на поэта долго и мучительно, как учатся любому ремеслу. Сказки это, что поэт без учёбы может обойтись! Ну представьте себе обувного мастера, портного, врача или штукатура без навыков, без знания дела. Какую обувь сошьёт неумеха-обувщик? Какие брюки сошьёт необученный портной? Согласится ли кто-нибудь вырвать зуб у стоматолога, нигде не учившегося? А что штукатурит вам штукатур, только лишь наблюдавший этот процесс со стороны и не имеющий теоретической подготовки?.. Правда, сам я закончил шесть классов школы колхозной молодёжи – не Бог весть какое первоначальное образование, конечно, да зато много и упорно потом занимался самообразованием, Литературный институт осилил. На Первом всесоюзном совещании молодых писателей познакомился я с Твардовским и Асеевым, они-то и поддержали меня. Здесь же Асеев рассказал всем нам о своих друзьях – о Николае Ушакове, Маяковском и Пастернаке, об Ахматовой...

– Николай Ушаков дал мне рекомендацию для поступления в Литературный институт, – вставила я, напомним о себе. Коньяк я не пила, довольствуясь апельсиновым сидром.

– Тебе повезло на литературного учителя, – обрадовался Василий Фёдоров и как будто лишь сейчас заметил ту 19-летнюю студентку, которая тогда, в конце

60-х годов минувшего столетия, находилась в мужской компании. – Держи ушаковскую марку в русской литературе! – призвал меня Василий Дмитриевич хранить ушаковские традиции и наследовать их. – Твой учитель Ушаков создал образцовый стиль писателя во всех смыслах, а высокое искусство вызывает людскую зависть: лодыри да неумехи завидуют совершенству, достигнутому трудами. Зависть же в свою очередь вызывает чувство неприязни. Так что приготовься к трудному и опасному пути в литературе, ушаковка!.. Кстати, об опасности, – ухмыльнулся Фёдоров, – работал в юности я рядом со складом, где хранились пустые бочки из-под бензина и солярки. И вот запомнился мне случай на том складе для использованной тары. Работал на складе старичок, любивший выпить летом в жару холодного пива. Я с ним иной раз тоже пиво попивал. Глядь: старикана от пива разморило, осмелел сторож да и закурил. Я ему выговариваю: окстись, мол, дед, ты ж на бочке сидишь из-под бензина – здесь опасно курить. Сторож мне на то отвечает: яйца кур не учат. Ну, ушёл я по своим делам на свою работу, а старикан продолжает в бочку из-под бензина сигаретный пепел стряхивать, да, видать, стряхнул пепел вместе с огнём. А я-то удалился уже метров на сто. Обернулся, гляжу: под грохот взорвавшейся бочки, содержавшей, очевидно, на дне остатки бензина подскочил вверх сторож, как Мюнхгаузен на ядре, да и шмякнулся в лужу. Хорошо, что только мягкое место отбил! Так что осмотрительность везде требуется, надо уметь предугадывать события, думать наперёд, чтоб зад не отбить!

<...>

– Вот что значит Бога нет, – отдышался от смеха Василий Фёдоров. – Хотя атеисты у нас в деревне талдычили, что и Бога нет, и души у человека нет, а всё-таки я чувствовал, что есть душа, раз болит иной раз. Особенно при влюблённости. Влюблённость – это, по моему, самая кошмарная болезнь на земном шаре. От любви жизнь становится не в жизнь, прямо сумасшествие... Я много лирики посвятил любовной теме.

<...>

Когда я вернулась к общей беседе, до моего слуха донеслись откуда-то, словно из-под воды, слова Василия Фёдорова:

– Мне нравится личность Николая Ушакова тем, что этот писатель живёт и творит, исходя из христианских взглядов на мир, нравится благородством и порядочностью. Его родственник – гениальный иконописец Симон Ушаков – автор фресок в Московском Кремле, расписывал царские палаты, – произнёс партийный классик и напомнил, как на писательском собрании он ставил Ушакова в пример.

– Николай Николаевич говорил мне, – откликнулась я, – что свои эстетические взгляды Симон Ушаков излагал в сочинении «Слово к люботщательному иконному писанию». А в Киевском музее русского искус-

ства берегаются его шедевры. Да и знаменитый педагог Ушинский, о котором рассказывал Николай Николаевич, похоронен в Киеве, а сам ушаковский предок Симон – Черниговский, с Украины.

– Да, – согласился Фёдоров, вернувшийся к педагогической теме, – Ушинский является основоположником российской народной школы; он считал труд основой воспитания, ставил целью педагогики формирование в человеке чувства единства со своим кровным народом, чувство ответственности за судьбу народа... Советская литература приняла на вооружение эти правила Ушинского, в Литературном институте как раз все это проповедуется. Много хорошего преподают в вашем институте, я с удовольствием вспоминаю однокашников. Иных уж нет, а те далеке... А в Литинституте я подружился с писателями Владимиром Солоухиным, Игорем Кобзевым. Сильная была братская компания у нас. Да и поныне остаётся. Догоните ли вы нас, молодёжь?

– Догоним! – убеждённо под воздействием коньяка ответил сияющий Гаврилов. Его физиономия излучала детскую радость от знакомства.

– Это как сказать... – усомнился партийный классик. – Цыплят по осени считают! А ещё сами рассудите... Вот, к примеру, взять оркестр народных инструментов: кто-то на балалайке играет, кто-то на ведре! Слыхали? На ведре вместо барабана. А кто-то самый прыткий – так на гофрированной доске стиральной! Вроде чепуха полная: что за музыкальные инструменты – ведро да стиральная доска? Ан нет, не чепуха! В народном оркестре всё сгодится. Вот и вашей компании эдак следует. Так что играйте, братцы!.. Желаю успехов.

Василий Фёдоров горделиво удалился.

<...>

Однажды в честь праздника 8 Марта меня направили на выступление в Высшей партийной школе вместе с Василием Фёдоровым и Александром Гавриловым. Конечно, Василий Дмитриевич был неотразим: он читал стихи о восторге перед женщинами, поправлял свою пышную шевелюру, спадавшую набок, и партийные идеологи уже были согласны носить лауреата на руках. Александр Гаврилов читал любовную лирику, и молоденькие идеологини утирали слёзы от поэтических воздыханий. Я прочитала одно-единственное стихотворение, написанное о моей самоотверженной и бескорыстной любви к матери, написанное затем, чтобы вызвать у неё ответное чувство расположения к своей единственной дочери, но матери оно категорически не понравилось. Это стихотворение восхищало Василия и Ларису Фёдоровых, Александра Гаврилова и Олега Дмитриева, составлявшего много лет спустя коллективный сборник «День поэзии». Составитель встретил меня и как эксперт заявил: «Из двух тысяч стихотворений, опубликованных в альманахе, твоё – самое лучшее. Рад за тебя». Впрочем, вот это стихотворение:

МАТЬ У ЗЕРКАЛА

*У зеркала остановилась Мать:
 Лицо без возраста, косящее глазами,
 И зеркало в резной старинной раме
 Пред ликом Матери почло за честь стоять.
 Взяла она с трюмо бутон цветка –
 И он раскрылся, вспыхнул синей астрой,
 Вполоборота стала – и пространства
 Прихлынула бессмертная река.
 У зеркала остановилась Мать.
 Запахла осень майскою листвою.
 ...Куда ж берёшь её ты,
 Время злое?
 Она всегда вот так должна стоять!*

Это стихотворение, сокрушавшееся о неизбежно предстоящем уходе матери из жизни на земле (время забирает у нас самое дорогое), нравилось всегда всем, кроме моей родной матери: она считала данное 12-стишие грубым, лишённым изящества и таланта. А Лариса Фёдоровна, супруга Василия Фёдорова, однажды послушав, тихо молвила: «Как бы я хотела иметь дочь, которая посвятила бы мне такие стихи!»

<...>

Тогда, на выступлении в Высшей партийной школе вместе с Фёдоровым и Гавриловым, это единственное прочитанное мною стихотворение, завершавшее торжественную часть праздника, вызвало шквал аплодисментов, потому что каждая партийная дама здесь была матерью, и материнские сердца почувствовали то, что стояло за моими по-ушаковски сдержанными, как будто даже строгими мазками. И Василий Дмитриевич, и Саша поздравили меня с творческой удачей – с написанием таких стихов о матери, поскольку на самом деле стихов о матери миллионы, но это выделяется, на их взгляд, классической ухаковской манерой письма – в этом 12-стишии профессионалы обнаруживали прямое следование академической традиции.

Мы вышли на улицу, и Василий Фёдоров отпустил шофёра, который должен был в чёрной «Волге» развозить нас по домам. Мартовские сумерки поражали перламутрово-лиловым свечением небосвода над Москвой. Я несла жёлтые мимозы, на которые сыпался крупный снег. Мы решили немного прогуляться после напряжённого выступления и фуршета. Уже не помню, как зашёл разговор у нас о роли личности в истории, но сказанное Василием Дмитриевичем запомнилось: «Великий Человек меняет людское сознание, а уже затем через людское множество эта выдающаяся личность меняет мировое сознание. Как расходятся круги по воде. Ну, а прежде всего Великий Человек воздействует на судьбу своей нации».

– На судьбу нации? – остановился Гаврилов на заснеженном тротуаре, и мы уставились на него. – Поэт Владимир Соловьёв под конец жизни учил еврейский

язык, чтобы молиться Богу по-еврейски, – и это воздействовало на судьбу русской нации? – вперился в Фёдорова недоумевающий Гаврилов.

– И это, вероятно, тоже, – поразмыслил советский классик, – Великую Октябрьскую социалистическую революцию осуществили евреи с русского согласия. Ведь мы никак не защитили монарха Николая Второго с монаршим семейством и даже с поваром от ликвидации. Вот каковы мы – великороссы! Надо полагать, еврейская молитва Владимира Соловьёва произвела какое-то мистическое воздействие на уши Бога, – ухмыльнулся Фёдоров, и стало понятно, что Василий Дмитриевич и сам сомневается в правильности собственной версии, да и по сию пору нет единого и правильного ответа на этот исторический вопрос.

<...>

– У нас в деревне Марьевка, что под Кемеровом, – произнесла писательница Фёдорова, – неожиданно поселились белки на чердаке дома, целое семейство взялось откуда-то, никто их не разводил. Как под утро рассветает, так и слышим, что по потолку, словно вихри, носятся. Потом белки уж до того обнаглели, что пиво начали лакать из стаканов: Василь Дмитрич пригласил как-то дровосеков дровишек нарубить, вынес на двор стаканы, разлил пиво – дескать, пускай пена осядет. Глядь, а наши чердачные белки уже пиво лакают, будто для них налили. В общем, запустили кота на чердак – едва изгнали непрошенных гостей...

А в молодости мы с Василием Дмитричем попробовали попутешествовать по горным рекам в Красноярском крае на лодке со сплавом. Опытные сплавщики решили прокатить нас по хорошо изученной ими порожистой реке. Мало кто знает, что весной в малые сиби́рские речушки приплывает нереститься крупная лососёвая рыба – таймень. А уж до чего прыгуч этот таймень, видели бы вы! Способен перепрыгнуть не только рогатую корягу, камень, но и вообще любое препятствие на пути к нересту, – выпрыгивает чуть ли не на метр в высоту да и весит (как бы не соврать?) – ну, не знаю сколько! Может, даже и все полпуда. Громадина! В общем, плывём мы вслед за лесосплавом со своими рафтерами, видим, как мокрые брёвна выныривают из воды вроде тайменя, мы с Василием Дмитричем разомлели от блаженства. Как вдруг целый косяк нерестящейся лососёвой рыбы начал перепрыгивать прямо через наши головы – можно ли было ожидать такого?! Главный рафтер скомандовал: «Вёсла к бою!» И гребцы начали отбивать тайменей, летевших через наши головы, глушили, спасаясь от случайных столкновений с нерестящейся рыбой. Но всё-таки один раз Василия Дмитрича контузило налетевшим лососем – промахнулся гребец, и рыба проскользила прямо по макушке моего мужа. Бой с тайменем длился несколько минут, но вообразить себе, что такое может быть, до этого случая мы не могли. Ну, сошли на

берег передохнуть, видим, у гребцов руки трясутся от напряжения, у Василия Дмитрича голова трещит. Как лечиться в суровых сибирских условиях? Известное дело – водочкой. Это потом Василь Дмитрич стал водкой брезговать, на коньяк перешёл: когда получил лауреатство, знаменитым советским поэтом стал...

<...>

Однажды Лариса Фёдорова привела меня из Центрального дома литераторов к себе домой для того, чтобы одарить дамскими побрякушками, платьями и курточками, которых по бедности своей никак не могла я себе справиться, а ей они успели надоесть. Лариса Фёдоровна уже была знакома с моей матерью, никогда не интересовавшейся моим самочувствием, поскольку мать была целиком поглощена своей великосветской жизнью на Украине, а Россию терпеть не могла по причине исторической польской неприязни к великороссам. Фёдорова каким-то женским чутьём учуяла моё сиротство; да и знакомство с моей матерью, чаевничавшей с супругами Фёдоровыми на Кутузовском проспекте, обескуражило семейство Ларисы и Василия. Так их возмутил отказ моей матери-польки от природной обязанности заботиться о своей единственной дочери, к сожалению, удавшейся в русскую породу. Я не знаю, как Фёдоровы догадались о том, что моя мать считала проклятием судьбы свою принудительную обязанность вырастить родную дочь для России, но с момента знакомства с моей матерью Фёдоровы окрылили меня собственной любовью – такой, которой никогда не ощущала я в родительской семье. Когда я вновь очутилась в квартире Фёдоровых после проводов матери, Василий Дмитриевич вышел посидеть с дамами и рассказал удивительную историю про ездовую собаку-лайку. Так, в 30-е годы минувшего столетия по Северному морскому пути плыл пароход «Челюскин» и затонул во льдах. Корабельный экипаж с членами своих семей высадился на льдине и стал ожидать вывоза на материк посредством авиации. Но требовалось упростить проблему вывоза, поэтому хочешь не хочешь, а как минимум 500 километров было необходимо пройти ближе к материку по заснеженным льдам на собачьих упряжках. Еда кончалась, собаки тоже начали голодать. А тут ещё неприятность: на корабле «Челюскин» успела родиться девочка да не просто прибавила в той вечной мерзлоте хлопот, а вдруг пропала! Как пропала? Куда пропала? Горе! Оказывается, молодая мамаша уснула во время езды на собаках: ведь там что за пейзаж? Снег, торосы, мутный горизонт и больше нигде ничего... Уснула да и выронила младенца экспедиторша. Что делать? Тьма, пурга сбивает людей с ног, следы человеческие тут же снегом заносит – никак нельзя искать пропажу! Невозможно! Выходит, придётся смириться с гибелью ребёнка. Мамаша воет, пурга воет, голод охватывает всех членов экспедиции – до младенца ли тут?! Пришлось съесть

первую ездовую собаку. Съели. Ещё собаки остались – дальше поехали. Вдруг обнаружилось, что одна старая собака, предназначенная на завтрашний обед, пропала. Никто не поймёт, как этот пёс-коренник отвязался? Но пурга сбивает людей с ног, тьма гнетёт, мамаша воет, до пропажи ли коренной собаки?.. Расставили палатки, уснули, отдыхают экспедиторы до утра. Как тут под утро вбегает в палатку к несчастной мамаше тот самый отвязавшийся пёс-коренник с узелком в зубах и кладёт ей на грудь поклажу. А та поклажу пищит да вякает! Оказывается, лайка та бывала щенной, и в ней сработал материнский инстинкт, что надо опекать малютку. Собака заметила, как малютка пропала, и сорвалась с упряжи за тем, чтобы отыскать малютку, которую весь путь везла! «Вот что такое природный инстинкт, – подытожил Василий Дмитриевич, – вообще у животных есть какой-то своеобразный ум: я в детстве любил наблюдать за повадками разных тварей. Например, интересно поведение домашней птицы. Гляжу в детстве как-то раз: пасутся куры у дороги вблизи двух дворов. И в одной куриной стае петух есть, и в другой, белый и чёрный. Присматриваюсь, чёрный петух распластался на земле и по-пластунски ползёт к чужим курочкам, от куста до куста перебегают, чтобы паче чаяния не стать бы замеченным белым петухом. Удалось! Подскочил к чужой хохлатке да как принялся топтать её! Белый петух остолбенел от наглости чужака, потом опомнился и вступил в бой с ловеласом. Тогда ещё отец жив был, хотя уже началась Гражданская война».

– И кто же победил? – полюбопытствовала Лариса Фёдоровна.

– Чёрный! – ответил Василий Дмитриевич. – А рога носец проиграл!.. Есть, есть ум у животных! Да и повадки у них забавные. Помню, в детстве (опять-таки) принёс мне дядя махонькую «живую» рукавицу, положил на пол – шевелится рукавица. Что за чудо? Оказывается, охотился дядька мой в лесу да и нашёл дикого кабанчика, едва народившегося. Что с малюткой делать, как спасти? Подложили его к щенной суке, та выкормила приёмыша, и стал наш дикий кабан домашним – с собаками вместе повсюду бегал, сторожевые повадки от собак перенял, только лаять не умел!

Василий Фёдоров потешил нас житейским балагурством, осведомился, как идут мои дела, похлопал меня по плечу и удалился. Так происходило всякий раз при моём появлении. Их кемеровская землячка Тамара Пономарёва даже ревновала супругов Фёдоровых ко мне. Вот и на этот раз дома оказался Василий Фёдоров, изволивший посидеть немного с дамами за чаем.

<...>

Василий Дмитриевич поведал тогда (это было самое начало 80-х годов минувшего столетия), как в юности пытался поступить в железнодорожный техникум, но медкомиссия забраковала из-за сердечного недомогания. Он и лётчиком мечтал стать, но только и

того, что восемь лет работал технологом на авиационном заводе. А затаённую любовь к авиации проявлял где-нибудь в поле – разбегался и вальсировал: тренировал вестибулярный аппарат. Был случай смешной в юности: смастерил табуретку на подшипниках, чтобы можно было разогнаться на ней, как на самокате, и вертеться, подобно тому, как вращается пилот в мёртвой петле. Но пацаны «свистнули» табуретку-самокат, только и видел своё изобретение.

<...>

Дружеская беседа перекинулась на знаменитостей: «Сталина спрашивали: когда война кончится? Сталин отвечал: «Когда диктор Левитан скажет». В конце посиделок (дело было к ночи) писательница Фёдорова вспомнила, как в Крыму пригласили её с Василием Дмитриевичем заночевать в море на маяке, поскольку ходили слухи, что на морских маяках происходят всякие удивительные события, и поэт Василий Фёдоров загорелся желанием узнать, так ли это? Смотритель маяка, отставной матрос, получил выпивку и закуску, попиrowал с писательским семейством да и удалился в дальний закуток на маяке всхрапнуть. А молодая пара Фёдоровых радуется экзотике, за морем наблюдает. Как вдруг раздался стук в дверь наблюдательного пункта. Василий Дмитриевич отворил и увидел перед собой писателя N, умершего в возрасте 52 лет от инфаркта несколько лет тому назад. Лариса не знала о том абсолютно ничего и очень удивилась, как могла ещё одного писателя принести нелёгкая ночью на маяк? Оставалось у Фёдоровых ещё немного коньяка и абрикосов, Василий угостил гостя и повёл расспросы на профессиональные темы: зачем гость взялся писать диссидентский роман да ещё и в редакцию снёс, а там начался шум, и довели товарища до инфаркта? Лариса сидела в стороне, выражая недовольство позднему визитёру, о котором до той поры ничего знать не могла. Мужчины выпивали, кушали абрикосы и складывали косточки каждый подле себя. Наконец гость стал прощаться на рассвете, задел рукавом пиджака порожний стакан, смахнул на пол, тот разбился вдребезги. Лариса молча собрала осколки на газету (веника на маяке она не сыскала), заперла дверь за удалившимся гостем и только теперь заметила, что Василий вне себя.

– Что с тобой, Вася? – встревожилась супруга.

– Только не пугайся, Лара, – отстранил её муж, – гость-то мой явился из загробного мира...

Фёдоровы пробудили сторожа, он сгрёб в совок две горки абрикосовых косточек да посадил перепуганных супругов в лодку и доставил на берег, не дожидаясь восхода солнца.

<...>

Распахнулась дверь мастерской, и на её пороге чудесным воскресным днём вырисовалась сутуловатая фигура пожилого мужчины в щегольском костю-

ме, которую без очков поначалу я не разглядела. Знакомый голос клиента изложил Захару ту же самую просьбу насчёт смесителя, что и мы с отцом.

– Димитрич! – почтительно обратился к гостю Захар, – прошу пожаловать к столу на наш братский пир по случаю выходного дня.

– Это с удовольствием, – крикнул из прихожей новый заказчик, вошёл, сел напротив меня и осклабился: узнал меня.

Гостем коммунистической коммуналки оказался не кто иной, как народный поэт Василий Фёдоров собственной персоной. Василий Дмитриевич любил вспоминать себя молодым в простецких компаниях, как и мой отец, а потому ничуть не побрезговал компанией работяг.

Я познакомила Василия Фёдорова с отцом – тоже Василием. Выяснилось, что отец был моложе поэта на шесть лет и воевал; а тот был старше, но не воевал из-за того, что родился последним ребёнком в семье сразу после Октябрьской Социалистической революции, когда наступил голод, поэтому с рождения был тщедушным и лишён солдатского здоровья. Василий Фёдоров поведал моему отцу-киевлянину про то, что бабка его по материнской линии была православной ревнительницей: пешком хаживала в Киево-Печерскую лавру аж из Сибири! А бабка-староверка по отцовской линии обладала ясновидением: напророчила сибирякам крушение монархии, революцию 1917 года, авиопланы, которые мерещились бабке в образе хищных птиц с железными клювами, – опасных птиц, способных истреблять людей. Ясновидица-бабка происходила из раскольников и презирала ортодоксальную формалистическую церковь и поповство... Ну, а богомолка Мария, бабка православная, воистину была блаженной: уходила она на поклонение святыням Киево-Печерской Лавры весной – как только просыхали земляные дороги, шла пешком, иной раз какая-нибудь подвода остановится, хозяин лошадей спросит: куда, мол, путь держишь, милая? Лишь узнают, что в Киев на богомолье, то и на подводу сажают, и накормят пирогами да яйцами, а ещё и с собой дадут снеди с просьбой: «Помолись, Мария, и о нас, грешных!» Так с помощью добрых людей Мария добиралась в Киево-Печерскую лавру к осени, зимовала в Киеве, весной в обратный путь трогалась. А уж в Сибири новый урожай крестьяне собирали. Да после Мария отыскала в Киеве брата Ивана, отданного на служение ещё в детстве в богатую панскую семью. Дважды Мария побывала в Киеве. Звали все её бабкой, хотя на самом деле Мария приходилась прабабкой Василию Фёдорову. Вспоминая Сибирь, поэт излучал доброту и сердечную ласку:

– Зимние вечера, помню, – произнёс поэт, – длинные у нас в Сибири были, вот молодёжь и забавлялась кто во что горазд. Керосиновая лампа коптит, в печи потрескивают дрова, бабушка с вязанием сидит среди

внуков на тех наших святочных гаданиях. Пахнет гороховой кашей. Тихо, слышен стук ходиков, говорим шёпотом, потому что на святки все мы судьбу угадывать будем. На меня (самого маленького) нацепили самодельную маску из папье-маше: я назначен быть на вечеринке ряженым, дали «коня» – палочку, на которой я должен гарцевать вокруг гадального стола. На столе плошка с водой, хлеб, кольца: медные и серебряные, золотых не было ни у кого. Сестра вносит петуха, взятого с насеста: петух полудремлет, никак не может очнуться до конца. Это-то именно и нужно! В таком трансовом состоянии петуха водружают на стол и загадывают судьбу. Петух клюнул серебро – жених попадётся богатый. Другая невеста загадала на результат петушиного гадания – а этот подлец воду стал пить: значит, жених будет пьяницей! Третьей невесте петух нагадал бедного жениха – медное колечко клюнул!.. Таковы были у нас Святки... Помню, как сестра прибежала с девичьих посиделок, кажется, в избе все спят, темно, только луна освещает горницу. А я не спал – сестру дожидаясь! Наблюдаю за ней потихоньку, незаметно для неё. Вижу, добывает из шкафчика сестра свечу, зажигает, садится перед зеркалом и вглядывается в него. Как вдруг гиря наших старых часов-ходиков ни с того ни с сего срывается с цепи да падает на пол! Вот уж страху мы оба натерпелись! Значит, нечистая сила всё-таки присутствует при гаданиях. Так нам в детстве казалось. А уж какие красавицы-девушки наши да молодайки в церковь на богослужение ходили! Всегда наряжались в праздничные одежды, словно жар-птицы!.. Детство-то моё пришлось на Гражданскую войну и голод, трудно просто выжить было, но зато среди каких задушевных русских людей жил я, среди какой раздольной русской природы родился и рос я! Особенно люблю озеро Кайдор.

– Димитрич, – тронул Захар поэта за рукав, – очень просим, прочитайте стихотворение про озеро Кайдор! Мы тут все читать-то его читали, да в исполнении автора послушать хотим, нам все завидовать станут!

– Неловко, братцы, я ж не на сцене, – начал было народный поэт отговариваться. – Я же пришёл не для выступлений да и на минутку!

– А что Коммунистическая партия Советского Союза предписывает писателям – борцам идеологического фронта? – подкузьмил мой отец своего тёзку со знанием дела и скомандовал братии налить тому чарку.

Компания выпила, и народному поэту не оставалось ничего другого, как выполнить предписание родной партии, то есть удовлетворить духовные потребности рабочего люда.

*Мне память горше, чем родни укор.
В моей деревне, что стоит высоко,
Есть озеро по имени Кайдор,
Всё в звёздах лилий и в кудрях осоки.*

.....

*И мы вдвоём: лишь озеро да я –
Душа моя да сонных вод разливность,
И, ничего на сердце не тая,
Снимаю всё: одежду и стыдливость.
Шепчу воде: «Как в детстве, обними,
Дай чистой ласки маленькую малость!
Сними печаль, сними с меня усталость
И тяжесть лет добавленных сними!»*

<...>

Василий Фёдоров окинул моего отца – тоже Василия – оценивающим взглядом, и я, ревностно следившая за сценой их знакомства, удовлетворённо заметила, что мужественная осанка отца, выражавшая отцовскую социальную значимость и чувство собственного достоинства, приятно поразили советского классика. Отец защитил в молодости кандидатскую диссертацию по горному делу, занимал высокий пост в Совете Министров Украины, воспитал сына – художника-реставратора и дочь-идеолога, сам являлся мужем писательницы – украинского классика, а потому с полным пониманием ситуации заговорил о том, что даже Александр Твардовский назвал своего лучшего поэтического персонажа именем Василий.

– Да, – расплылся в улыбке Фёдоров, – Василий Тёркин – это солдат, символизирующий всю советскую армию, армию победителей!

– Мы тогда назывались Красной армией, – уточнил отец. – Я начал войну в Лисичанской стрелковой дивизии, хотя имел бронь и мог бы обойтись без отправки на фронт. Мне исполнилось лишь семнадцать лет в момент начала войны, я работал на восстановлении взорванных немецкими оккупантами промышленных объектов, бронь имел, да стыдно было комсомольцу оставаться в стороне, записался добровольцем и ушёл на фронт. Пол-Европы прошагал с рацией. Радиостом был.

– Я тоже бронь имел: не воевал, а работал в тылу по самолётному делу. Ведь в войну кто-то должен был самолёты для фронта собирать! Вообще, прямо говоря, меня забрала медкомиссия, потому что работал в тылу.

<...>

– Редкий вы человек, Василий Михайлович, – выпил Фёдоров винца, которое я ему придвинула, – обычно людям нравится побазарить-побрехать между собой, душу отвести. Тем более что в быту нам всем не хватает сердечности и дружелюбия. Пришлось мне выступать на одной кемеровской шахте, и там я узнал, что шахтный парторг, комиссар то есть, который главней директора на самом деле, оказался на той шахте лютее злого пса. Скинулась братва по трёшнику да купила в подарок тому парторгу большущий аквариум с золотыми рыбками в парткабинет.

– Зачем партийному кабинету аквариум? – сдвинул брови отец и наморщил лоб в недоумении.

– Вот и парторг не понял, но рабочие уговорили да и водрузили аквариум на окно. Тот парторг распекает безыдейных шахтёров за пьянство, за баб и за моральную неустойчивость, яростно кипит, а потом нет-нет да и переведёт взгляд на рыбок, те рыбки красно-пёрые успокаивали его. Казалось, что вода в аквариуме от его гнева закипает. В общем, через пару недель передохли золотые рыбки в партийном аквариуме от партийной лютости все как одна, – закончил свой рассказ советский классик.

– Я всегда замечал, – произнёс Захар, – что евреи умны, практичны, семейственны. Нету пьяниц среди них. Нам бы, русским дуракам, ихний опыт перенять!.. Чистил тут недавно я унитаз в одной еврейской квартире, хозяин и рассказал мне про одного своего соплеменника. Повёл будто бы старый мудрый еврей внука лет пятнадцати на пляж, оба рассматривают девушек. Старый мудрый еврей и спрашивает внука: «Нравится ли тебе блондинка с пышными грудями? Или брюнетка с круглой задницей?» Пятнадцатилетний внучок глазёнки таращит: «О, да, дедушка!» А дедушка и поучает своего еврейского наследника, преподносит внуку урок живучести: «Тогда запомни – чтобы обладать счастьем, необходимо уменье. А чтобы обрести уменье – надо хорошо учиться, быть достойным своего счастья!»

– Раньше великороссы понимали, что интеллигенция представляет собою мозг нации, дураками не были. Другое дело, что русская интеллигенция запуталась в политике. Ну так ведь в жизни всякое случается... – сказал Фёдоров.

– Мы с вами, Василь Дмитрич, – улыбнулся мой отец характерной ободряющей улыбкой Фёдорову, – принадлежим уже не к великорусской, а к советской интеллигенции первого поколения, но ведь и мы, как говорится, не лыком шиты! Мы тоже способны на подвиги, на самоотверженное служение родному народу и Отечеству.

– Обидно слышать порой, – вздохнул Фёдоров, – что мы – общественная прослойка. Нет, интеллигенция – это класс образованных людей, без которых у народной толпы нет интеллекта. Народ без интеллигенции становится безмозглым, просто безумной толпой, шальным.

– Согласен, – кивнул отец, обладавший строгим математическим умом аналитика. – Интеллигенция – это мозговитый класс лучших представителей нации.

– Мой брат, – нерешительно пробормотал Василий Фёдоров, – являлся при Сталине начальником политотдела Урало-Рязанской дороги. Что-то там стряслось с какими-то цистернами, вызвали брата на ковёр в Москву в Кремль да к самому Лазарю Кагановичу. Ну уж распекал тот Андрея – распекал... Был бы человек, как тогда говорили, а вина для него найдётся!.. Расстреляли Андрея в тридцать шесть лет ни за что...

– Эх, – ухмыльнулся отец, – где наша ни пропадала?! Выхожу я однажды, Василий Дмитрич, во двор за своей дочерью, – вот этой самой – а там дети дерутся из-за черепахи. Так что бы вы думали, зачем детям понадобилась живая черепаха? Оказывается, они живой черепахой орехи кололи!.. Вот так и Сталин с нами общался...

– Что может быть отвратительнее? – набылся захмелевший классик.

– Ну, это вы слишком! – осклабился Захар. – Откусить яблоко и обнаружить там всего-навсего половину червяка – вот что может быть отвратительнее, хуже некуда!

– Как же некуда?! – возразил поэт. – Была у меня в ранней юности глупая страсть к одной девчонке, жениться я захотел было на ней. Ну, пригласила нас родня на смотрины, невесту позвали, чай пьём, как полагалось. И вдруг стул под нею проваливается, то есть само сиденье почему-то вниз обрывается, и невеста моя застревает в обводном кольце из-под круглого венского стула сверху тормашками. Такая толстуха была, что стул её не выдержал. До чего ж позорно «окорока» невестины торчали из разломанного стула! Ну, сами понимаете, что свадьба не состоялась... Оно и к лучшему! Я женился на другой, на худенькой.

– Э, – пробормотал захмелевший отец, – женитьба – дело фатальное. Но если у человека денег нет, то и жениться ему не грозит, и женщины ему не страшны.

<...>

Народный поэт Фёдоров:

– Знавал я бабу Анну Акимовну из деревни Смеловки Саратовской области – так эта старушенция первой встретила Юрия Гагарина, у себя в огороде, когда тот приземлился. Поскольку до Гагарина человек в космос никогда ещё не летал, то вовсе не удивительно, что система мягкой парашютной посадки ещё не была отлажена. Поэтому Юрий Алексеевич безо всякой катапульты по-каскадёрски выбросился с парашютом перед приземлением из раскалённого спускаемого аппарата. Никто в шестьдесят первом году ещё не мог предугадать и место приземления. И оказалась этим местом Саратовская область. Короче говоря, космонавт совершил рискованный подвиг опасного приземления и оказался в огороде бабки Анны. Та как раз удобрять клубнику вздумала, хоть дело было совсем ранней весной – в апреле. Глядь, словно с Луны свалился на землю какой-то неземной человек в оранжевом комбинезоне да прямо на клубнику! В шлеме – так на планете Земля люди не ходят.

– Ты откуда взялся, милоч? – заверещала бабка. Тут внучка на голос выскочила из хаты.

– С неба свалился! – привычно отрапортовал Гагарин. – Из космоса! Водички дай, бабуля!

Внучка принесла ковшик воды из колодца, напоила загадочного гостя – слава богу, что хоть не шпион

оказался! Парашютные стропы первый космонавт мира отцепил, скафандр снял и остался в шерстяном физкультурном костюме. Бабка отвела небесного «пришельца» в избу, навалила полную миску картофельных вареников, внучка сдобрила кушанье сметаной, и Гагарин начал подкрепляться, допытываясь, как добраться из деревни до райцентра? Только «пришелец» лёг на лавку отдышаться от путешествия по небу, как поисково-спасательная экспедиция приспела за ним...

<...>

Василий Фёдоров:

– Дураков никто не сеет, они сами рождаются наподобие сорных растений... Однажды Владимир Маяковский выступал в Политехническом институте с обязательной в СССР пропагандой интернационализма и провозгласил, что среди русских чувствует себя русским, среди грузин – грузином. А какой-то озорник гаркнул ему из зала: «А кем чувствуешь себя, товарищ поэт, среди дураков?» Маяковский не растерялся: «А среди дураков я впервые...» Так-то... Но дураки как сорняки... Вот у нас в Кемеровской области дурацкий случай прогремел... Держали старые родители поросянку в деревне, откармливали кабанчика под праздник Великой Октябрьской социалистической революции, а дочка у них в Кемерове жила с мужем и в аккурат 7 ноября разродилась, а потому на Октябрьские праздники не приехала. Старые родители не знали ничего, ведь телефона у нас в деревне в помине нету, письма зять ещё не написал, опечалились, что зря резали кабанчика и телеграфируют из райцентра в Кемерово: «Маша, ждём скорее. Седьмого зарезали». Так к ним участковый милиционер приходил протоколировать, где же все семеро зарезанных?

<...>

– Пришлось мне выступать в одной воинской части на Севере, – продолжал смеяться советский классик Фёдоров, – и там я узнал про других армейских вооруженных... Конечно, парни молодые, всё время есть хочется, а кормят скудно. И солдаты додумались воровать продовольственные припасы прямо со склада. Добыли стамеску, молоток да и выбили один-единственный кирпичик из фундамента – такой, чтобы в щель эту могла бы кошка пролезть. Теперь требовалось добыть кошку: изловили, упрятали в чулан и морили голодом трое суток. Затем изголодавшуюся кошку обвязали верёвкой и пропихнули в щель продовольственного склада. Кошка мёртвой хваткой вцепилась там в колбасу. Тут-то за верёвку и выперли кошку вместе с кольцом колбасы в зубах. Правда, колбаса была покусанная, ну да что тут поделаешь? Обрезали покусанные места, дали кормилице своей на-

жраться и так долго солдаты промышляли, долго добыче радовались...

Я тоже как-то раз в своей писательской жизни решил доставить народу полное удовольствие, порадовать своих поклонников. Получил я государственную премию – деньги громадные, прилетел в Кемерово, выступил на заводе, на фабрике; на шахту, помню, куда-то далеко меня возили. Устал, захотелось отдохнуть и поразвлечься. И пригласил я следующим утречком шахтёров, поднявшихся после ночной смены из забоя, за мой счёт пивка попить. Дело в райцентре было. Подхожу к продавщице бочкового пива, спрашиваю, сколько литров находится у неё в бочке? Квасная бочка, заполненная вместо кваса хмельным напитком, стояла на улице, знаете? Люди с бидончиками подходят к ней, набирают пенного. А я предложил продавщице сходить погулять по базару пару часиков, покамест возле пивной бочки лауреат Госпремии СССР с народом общаться будет, а затем вернуться. Заплатил бабе за всё бочковое пиво, которым с утра была заправлена та цистерна, сгаркал народ и предложил шахтёрам заняться самообслуживанием: заплачено за целую пивную бочку, пей, братва, сколько влезет! Прохожие тоже начали присоединяться к шахтёрскому пиршеству: кто со стеклянной банкой, кто с целлофановым пакетом... Кричат: «Коммунизм наступил!» Тут-то и узнал я от простого народа, что в шахтёрском райцентре за двадцать лет появились достижения: построили одноэтажный клуб – сарайчик на четыре комнаты, сляпали щитосборный роддом на дюжину коек, вытрезвитель, узнал далее, что Коммунистическая партия Советского Союза состоит из глухих и согласных, что патриоты живут бедно и недолго, поскольку так государству выгодно, что правдоборчество нежелательно (правда глаза колет, уши режет), а потому наказуемо, и что хорошие люди нужны для того, чтобы плохим лучше жилось... Тут я не утерпел, правда, и спросил одного моего поклонника у той пивной цистерны: «А всё-таки... А всё-таки почему, братан, ты так говоришь?» Знаете, что шахтёр мне ответил? «Я ведь не проктолог, ни в чью душу не заглядываю. Не знаю, следовательно, ничего сверх обычного. Да и сам по себе человек я не злопамятный: отомщу обидчику и забуду, живу просто – как все...»

Продавщица вернулась, когда цистерна опустела, народ разошёлся. Взял я такси да и поехал к своему старинному другу. Еду-еду и соображаю: умный человек любит подурочиться в той же мере, в какой дурак любит поумничать. Погулял – и будя! Отпраздновал я своё лауреатство с простым народом и слава богу! А иначе зачем народным поэтом слыть?!

Июнь 1985 года, Ирпень – июнь 2011 года, Москва

Владимир СУХАЦКИЙ

ВЕЛИКИЙ УГОЛЬНЫЙ ВЕК

Полемиические заметки

В августе 2016 года Кузбасс в очередной раз будет отмечать День шахтёра – самый почитаемый в горняцком крае праздник. Яркие и шумные торжества пройдут на этот раз в областном центре. Кемерово объявлен столицей празднования Дня шахтёра. Это не значит, что в других населённых пунктах никаких мероприятий не будет. Праздновать собирается весь Кузбасс. Просто несколько лет назад власти решили, что центр проведения главных торжеств должен ежегодно меняться. Своего рода эстафета. А поскольку празднества подразумевают обустройство места действия, то можно, пользуясь случаем, и новые дома построить, и дороги отремонтировать, скверы и парки разбить. Одним словом, навести порядок и осовременить населённый пункт. Столицами празднования уже были все угольные города Кузбасса. Кемерово – во второй раз.

Незадолго до празднования Дня шахтёра ко мне обратился главный редактор журнала «Огни Кузбасса» поэт Сергей Донбай. Зная о том, что я увлекаюсь исторической публицистикой, он попросил написать что-нибудь о шахтёрском городе Кемерово.

Его просьба в немалой степени меня озадачила. О каком шахтёрском Кемерове может идти речь, если в городе нет ни одной шахты, а горняки уже давно стали пенсионерами! Это же оксюморон какой-то – шахтёрский город без единого копра и терриконов!

И тут мне стало интересно: а как это Кемерово дошёл до жизни такой? Что с ним произошло? Почему? Шахты сами закрылись или их закрыли? Реструктуризация шахт – это что: перст Божий или эволюция?

На мой взгляд, неплохой повод для того, чтобы поразмышлять и хотя бы в виде коротких заметок попробовать рассказать о непростой судьбе областного центра, теперь уже бывшего горняцкого города.

115

Со школьной скамьи мы знаем, что в древнейшей истории было четыре периода, которые в зависимости от того, какой материал преобладал для изготовления орудий труда, утвари, оружия, получили названия: «каменный век», «медный», «бронзовый» и «железный». Когда появились каменные орудия, люди занимались собирательством и охотой. А когда появилась бронза, возникли земледелие, животноводство, письменность, религия, государства. То есть каждый раз, когда люди начинали использовать новые материалы, их жизнь сильно менялась.

Если представить историю человечества как смену одного доминирующего материала на другой (камень, медь, бронза, железо), то, само собой разумеется, мы должны к этой последовательности добавить уголь. Всё, что сегодня нас окружает, – это результат индустриальной революции, которая началась в XVIII веке в Англии, а в XIX веке – в России. И начиналась она с угля. Поэтому я называю этот период всемирной истории – великим угольным веком.

Сегодня мы живём в период медленного заката этой удивительной эпохи, которая дала людям паровозы и пароходы, электричество и станки, химические продукты и текстиль. Она сопровождалась социальным прогрессом и урбанизацией, революциями и войнами. Конечно, уголь будут добывать и через 100 лет, и через 200. Но в будущем «горючий камень» уже не будет иметь той ценности, как прежде.

Кемерово – это вовсе не «город, рождённый Великим Октябрём», и родителями его отнюдь не являлись революция и Ленин, как нам говорили в школе. Он плоть от плоти дитя великого угольного века.

* * *

Некоторые историки считают, что открытие кузнецкого угля произошло задолго до появления на берегах Томи русских первопроходцев. Чуть ли не за тысячу лет до начала колонизации Сибири. Примерно в VI–V веках до нашей эры. В те времена в Притомье обитали племена так называемых тагарцев. Археологи установили, что эти люди являлись искусными кузнецами-оружейниками. Они отливали фигурки горных козлов и грифонов для украшения ножей, умели делать кинжалы с бронзовой рукоятью, но железным лезвием. То есть наши пращуры хорошо разбирались как в металлургии, так и горном деле. Разумеется, им были известны многие рудные места и, конечно, кеме-

СУХАЦКИЙ Владимир Александрович родился в Ленинске-Кузнецком. Учился на историческом факультете КемГУ. Работал на Кемеровском областном радио, главным редактором телекомпании «ТВ-Мост». В настоящее время – научный сотрудник музея-заповедника «Красная Горка». Автор нескольких историко-публицистических книг, переводов, пьесы, многочисленных статей, документальных телевизионных и радиопрограмм. Лауреат премии Кузбасса и премии имени И. А. Балибалова, а также международных фестивалей документального кино. Живёт в Кемерове.

ровское месторождение. Уголь здесь глыбами лежал на прибрежных откосах. Во время паводка река размывала берег, обнажая пласты горючего камня. То есть «открывать» уголь вовсе не надо было.

Лучше всего по поводу того, кто первым нашёл уголь, высказался кемеровский горный инженер Н. В. Мамонтов. В 1912 году он написал: «Что такое открытие? Вряд ли термин применим к углю, который выходил на поверхность и своим внешним видом очень резко отличался от других пород».

Однако большинство историков считают, что «угольный век» начался во времена освоения русскими людьми Сибири, то есть в XVII–XVIII веках.

Некоторые из них полагают, что первооткрывателем кузбасского угля был тобольский казачий сын Михайло Волков. Известно, что в сентябре 1721 года он подобрал у Горелой горы несколько кусков неизвестного минерала и отправил камни на экспертизу в Сибирскую берг-коллегию. Однако есть и другая версия. Не кто иной, а сам Михаил Васильевич Ломоносов, основоположник российской геологии и минералогии, считал, что «серая земля, наподобие каменного угля... найдена при устье реки Абашовы, которым впадала в Тому; за Мессершмидтовым клеймом».

На мой взгляд, вовсе не так уж и важно, кто первый обнаружил горючий камень. Важно то, что было потом. А вот «потом», на протяжении почти 150 лет, ничего не было!

Кусок угля – это не золотой самородок, от одного лишь вида которого у людей случается лихорадка. Для кемеровских крестьян выемка угля из горизонтальных колодцев длиной 4–6 метров (т. н. орт) являлась самым заурядным промыслом. Они продавали горючий камень местным кузнецам. Некоторые рудокопы грузили антрацит на плоты и отправляли его по реке в Томск, где имелось гораздо больше ремесленников, чем в окрестных деревнях. В домашнем хозяйстве люди каменное топливо никак не использовали, поскольку оно совершенно не годилось для такого типа очага, как русская печь.

Но однажды местным крестьянам крупно повезло. В 1868 году в селе Усть-Искитимском случайно оказались англичанин Джеймс Вардроппер и его жена Агнесс. Супруги возвращались в родную Шотландию после инспекции Ленских золотых приисков, акционерами которых они являлись. Как и всякий английский промышленник, не будем забывать, что Англия в то время была угольной сверхдержавой, Вардроппер сразу оценил увиденное на берегах Томи месторождение. «Пласты угля были «толстые и жирные», выходили прямо на поверхность. Добывать уголь можно было самым простым способом – с помощью кайла и лопаты. А, кроме того, – подметил англичанин, – кемеровский уголь на местном рынке стоил сущие копейки».

Спустя несколько лет Вардроппер открыл на Урале судовой уголь и пароходство. Он поменял имя и стал называться российским купцом второй гильдии Яковом Романовичем Вардроппером. Помимо золотодобычи и лесозаготовок хваткий предприниматель решил заняться ещё и угольным бизнесом. На собственном буксире «Восток» и огромной по тем временам стометровой барже грузоподъемностью 500 тонн он отправился из Тюмени в Томск. Оставив суда на томской пристани, купец добрался до деревни Кемерово, где стал скупать у крестьян уголь.

Вот что писал по этому поводу известный кемеровский журналист И. Балибалов:

«...приезжал из Тюмени «англичанин» Яков Вардроппер, пароходчик. Две недели жил в деревне, каждый день ходил в гору, сам показывал, какой уголь брать... Шесть девятиаршинных ставов нагроулили, по пятаку за пуд заплатил. В Томск сплавили, а там он на свой пароход перегрузил. Теперь вот уголь заготавливается для приисков. Купец Королев с Золотого Кита два с половиной сотни возов заказал. По рублю за воз платит...»

Для богатого купца 5 копеек за пуд – считай, что даром. Для деревенского мужика 5 копеек – тоже не ахти какая прибыль. Он за мёд с собственной пасеки получал от 3 до 5 рублей за пуд. Так что хлебопашцы переквалифицироваться в углекопов вовсе не собирались. По свидетельству современников, местных земледельцев вполне устраивала «тихая и сытая, пасторальная жизнь в богом забытом уголке».

Один из путешественников, побывавший в этих местах в начале XX века, писал: «Кроме хлебопашества в этом районе ведётся уже значительное, по сравнению с лесной областью правого берега Томи, скотоводство, дающее хороший доход. Затем здесь довольно развито пчеловодство, которое при нынешних высоких ценах на мед (в деревнях мед продается от 20 до 30 коп. за фунт) составляет весьма выгодную статью в хозяйстве. Эти три вида хозяйства – хлебопашество, скотоводство и пчеловодство – усвоены всеми домохозяевами, в большем или меньшем масштабе, и при добром желании и трудолюбии они способны дать всем хороший достаток без особого напряжения сил. К этим основным занятиям присоединяются в различных деревнях различные подсобные промыслы – добыча угля, леса, извести, перевозка хлеба и камня на железную дорогу, вина в казенные лавки, разные ремесла и проч.».

Все изменилось в начале XX века, когда заработала Великая Сибирская железная дорога. Уголь вдруг превратился в самый востребованный товар на российском рынке. Без него не могли обойтись металлургические заводы и транспорт – наиглавнейшие отрасли индустриальной экономики. Как упоённо писал вышеупомянутый кемеровский летописец И. Ба-

либалов, «...плыл на пароходах по Иртышу и Оби, катил на паровозах по камышовой Барабе «господин капитал» с утробным вождением захватить Сибирь с ее сказочными и нетронутыми источниками рудного и нерудного сырья и рынками сбыта промышленных товаров».

Не буду спорить с краеведом относительно «утробного вождения захватить Сибирь», но после прихода «господина капитала» на Кузнецкую землю у села Щеглово появился исторический шанс стать одним из центров мировой добычи угля. И Щеглово эти шансом воспользовалось.

Поначалу за промышленную разработку Кемеровского месторождения взялось Управление Алтайского горного округа, которое ведало кузнецкими землями, принадлежавшими императору. Планировалось добывать 500 тысяч тонн угля в год. По мнению специалистов, этого должно быть достаточно для того, чтобы обеспечить топливом все пароходы, курсирующие по рекам Западной Сибири.

Обозреватель журнала «Сибирские вопросы» некто А-въ, который посетил село Щеглово в 1908 году, с восхищением писал, что вслед за каменным, бронзовым, железным веками в Сибири начинается новый век – угольный.

«Многочисленные выходы каменного угля, поверхностные и невысокого качества, с давнего времени привлекали внимание крестьян, которые добывали уголь примитивными способами и ежегодно сплавляли его в Томск для кузниц. Но этой кустарной добыче угля скоро наступит конец. Разведками уже в наступившем году найдено хорошее месторождение угля близ дер. Кемеровой (в 4 в. от Усть-Искитима или Щегловой, как его называют). Здесь найден, по рассказам крестьян, пласт коксующегося угля до 7 саженей (около 15 метров) мощностью, и в январе было переведено сюда все управление и рабочие с Кольчугинских копей. К концу января на копиях работало до 100 человек рабочих, а с весны предполагается поставить на работы до 600 человек. Уголь будут плавить по Томи до Поломошной, <...> а из Поломошной уголь будет передвигаться по железной дороге».

Увы, с первой попытки наладить добычу угля в необходимых объемах не удалось. В 1907–1908 годах в Кемерове было заложено восемь шахт, но они так и не были пущены. Те же небольшие штольни, которые располагались на берегу Томи, давали не более 10 тысяч пудов угля в год (в сравнительном измерении всего 2,5 железнодорожных вагона). Чтобы запустить шахты, управляющий Кемеровским рудником В. Н. Мамонтов умолял кабинетских чиновников выделить дополнительные средства. Ведь нельзя же начать дело и тут же его бросить. Он доказывал, что вложения со

временем окупятся и будут приносить российскому императору не менее 45 процентов чистой прибыли. Но никаких денег управляющий не получил. Тратиться на инвестиции скуповатый Николай II не захотел. Свои кузнецкие владения он решил сдать в аренду крупным промышленникам, желательно иностранным.

Шахты закрылись. Первые кемеровские «копачи земельного угодья», как тогда называли шахтеров, оставшись без работы, довольно быстро обустроились на Руднике – поставили избы, обзавелись пашнями, скотом и, по сути, стали такими же землеробами, как и другие жители села.

Собственно говоря, история Кемерова как крупнейшего российского центра угледобычи началась в январе 1912 года, когда действительный тайный советник В. Ф. Трепов (не без помощи своего брата Д. Ф. Третьякова, генерал-губернатора Петербурга) уговорил царя-батюшку сдать в аренду территорию Кузнецкого бассейна сроком на 60 лет.

Получив монопольное право на разработку природных ископаемых, предприимчивый сановник предложил иностранным и российским банкам стать совладельцами нового акционерного общества «Кузнецкие каменноугольные копи». Так появилось франко-бельгийско-российское предприятие «Копикуз». Иностранцы (Regie Generale des Chemins de fer, Societe General, N. Bardac) получили 29 280 акций. Отечественные совладельцы (Петербургский международный коммерческий банк, Русско-Азиатский банк) – 16 080. То есть изначально «Копикуз» был преимущественно иностранным предприятием.

В разработке первых кемеровских шахт принимали участие французские горные инженеры Громье и Варильон. Проектированием железной дороги от Кемерова до Юрги занимался инженер путей сообщения Гибер. Проект коксохимзавода был приобретен у бельгийской компании «Оливье Пиет». Томские газеты того времени называли Кемерово не иначе как «французская колония». Газета «Сибирская жизнь» так и писала: «На угольных копиях французская колония готовится к усиленной добыче угля...»

Странное дело, никакой тревоги по поводу участия иностранцев в освоении природных богатств России царское правительство почему-то не испытывало. Наоборот – приветствовало.

Практически вся горнорудная отрасль в дореволюционной России создавалась на иностранные деньги. Самый яркий пример тому – англичанин Джон Хьюз (Юз), который построил на юге России комплекс горно-металлургических предприятий и основал город Донецк (прежнее название города – Юзовка).

Позднее копикузовские акции несколько раз перераспределялись, и к середине 1915 года доля российского капитала в предприятии была выше иностранного. Акционерное общество стало российским.

В Кемерове копикузовцы разрабатывали четыре пласта: Владимировский, Кемеровский, Лутугинский, Волковский. В мае 1915 года на правом берегу Томи была заложена шахта «Центральная». После сдачи её в эксплуатацию добыча на руднике возросла до 112 тысяч тонн в год. Появился большой горняцкий посёлок, который получил название Кемеровский рудник, поскольку рядом находилась старожилическое поселение Кемерово.

Так как квалифицированных рабочих среди местных жителей было мало, «Копикуз» вербовал кадры в Донбассе и других промышленно развитых губерниях России. На первое время приезжим предоставляли жильё в казармах и бараках. Позже «Копикуз» для своих инженеров и служащих стал строить отдельные дома. По тем временам это было вполне комфортное жильё: три – четыре комнаты, кухня, баня, амбары, стойки для скота. К 1917 году на Руднике были построены: каменное здание Главной конторы (ул. Гравийная, 40/1), дом управляющего (ул. Красная Горка, 17), больница, две бани, училище. Появилась первая улица – Шахтёрская, она и по сей день так называется.

Хозяева-капиталисты охотно давали рабочим ссуды на строительство жилья, приобретение скота. «Если у шахтёра есть корова, то он никогда отсюда не уедет», – считали они. Это был довольно простой, но очень эффективный способ закрепления работников на местах. Кроме того, «алчные копикузовские кровососы» открыли в посёлке несколько магазинов и кооператив, где можно было приобретать товары в кредит. В 1916 году месячная зарплата шахтёра составляла 50–55 рублей. А цены в коопторге на Руднике были таковы: 1 кг свинины – 26 коп., 1 кг баранины – 20 коп., 1 кг сливочного масла – 95 коп.

Все шахтёры и члены их семей лечились в больнице бесплатно. (Зарплата врача, между прочим, – 300 рублей в месяц.) В случае травмы рабочий получал пособие. Воскресенье и религиозные праздники, будь то христианские, мусульманские или иудейские, – выходные. В 1917 году «Копикуз» сократил рабочий день до 8 часов и при этом повысил горнякам зарплату. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 1917 году, самом мятежном и беспокойном, никаких забастовок, митингов и манифестаций на Кемеровском руднике практически не было.

Короче говоря, жизнь у первых кемеровских углекопов была не такая уж убогая, голодная и беспросветная, как нам пытались внушить в советской школе. Нормально жили. Не богато, но и не бедно. Но тогда возникает вопрос: а чего это людям не жилось и они вдруг так неожиданно и так самозабвенно бросились в объятия большевиков?

Красноречивый и более чем убедительный ответ, причём без всяких ссылок на пресловутый «возрос-

ший уровень классового сознания», дал один из руководителей сибирских большевиков В. Д. Вагин.

*«С первых же дней революции, – писал он в статье «Сибирский горнорабочий в борьбе за власть советов», – горнорабочие начали готовиться к тому, чтобы вырвать шахты и рудники из рук их владельцев, рассматривая шахты и рудники, как **свою будущую собственность** или **собственность государства**...»*

Иными словами, кемеровские шахтёры захотели стать владельцами предприятий, чтобы жить так же хорошо и богато, как капиталисты. Новая, большевистская власть посулила рабочим невиданное благоденствие (если те, конечно, её поддержат) и заверила, что шахтёры всегда будут занимать привилегированное положение по сравнению с другими пролетариями. То есть жить они будут лучше всех. И отчасти своё обещание власть сдержала.

Второе пришествие иностранцев на кемеровский рудник произошло в мае 1922 года. Несколько лидеров международного рабочего движения во главе с голландским коммунистом С. Рутгерсом предложили В. И. Ленину восстановить разрушенную в годы Гражданской войны российскую экономику. Вождь мирового пролетариата с радостью принял спасительное предложение и позволил иностранцам создать на берегах Томи Автономную (американскую) индустриальную колонию (АИК). Ленин понимал: для того, чтобы в стране заработал транспорт, металлургия, энергетика, необходим уголь. Естественно, выбор пал на Кузбасс. (Донбасс лежал в руинах.)

Интересный факт. В 1921 году по распоряжению вождя на площади у Большого театра в Москве была насыпана шестиметровая гора угля, которую огородили чугунными чушками. На вершине инсталляции красовался кумачовый транспарант: «Коммунизм наступит, когда уголь и металл поженятся!». Тогда же Ильич произнёс слова, ставшие сакральными для шахтёров: «Уголь – это настоящий хлеб промышленности, <...> без этого хлеба крупная промышленность всех стран распадается, разлагается, поворачивает назад к первобытному варварству...»

Всего в колонии за те пять лет, что она существовала, было около 650 иностранцев, включая женщин и детей. Довольно много, если учесть, что всё население Щегловска и Рудника составляло около 12 тысяч. Далеко не все они являлись чистокровными янки. В основном это были натурализованные американцы, то есть выходцы из стран Западной Европы: финны, австрийцы, венгры, чехи, поляки, югославы, евреи.

Руководителем Рудника являлся американский горный инженер А. Пирсон. Для начала он в три раза сократил штат бухгалтеров, сметчиков, учётников, де-

сятников, кладовщиков. Увеличил число забойщиков на 18 процентов. Несмотря на протесты, бессердечный американец выгнал ленивых русских инженеров из кабинетов и заставил их работать под землёй. Кроме того, он модернизировал откатку угля, внедрил отбойные молотки и врубовые машины. По его предложению рабочая смена была сокращена с восьми до шести часов.

После такой «американизации» производства и всего за три года добыча угля на Кемеровском руднике возросла с 148 тысяч тонн до 1 миллиона 328 тысяч. То есть в девять раз! Зарплата у русских горняков-аиковцев была в два раза выше, чем у рабочих советского Кузбасстреста. Более того, она была значительно больше, чем у шахтёров Донбасса. То есть это была самая высокая зарплата в горнорудной отрасли Советской России. Сами же американцы получали столько же, сколько и русские. При этом они не признавали никакие виды морального поощрения, распространённые у большевиков: почётные грамоты и звания, предпочитая получать за ударный труд надбавки и премии.

Подобно тому, как средневековые города возникали окрест монастырей и церквей, так и горняцкие посёлки вырастали неподалёку от шахтных копров. А поскольку продолжительность жизни у обычной шахты такая же, как и у человека, – 50–70 лет, то и жильё строилось на этот же срок. Горняцкий посёлок – это избы, засыпухи, бараки, казармы, землянки. Как правило, после закрытия шахты умирал и посёлок.

Кемеровские колонисты были первыми градостроителями, которые попытались превратить невзрачный горняцкий посёлок в современный благоустроенный город. Они пригласили в Кемерово известного голландского архитектора Й. Б. ван Лохема. По его проектам на Руднике появились длинные-предлинные дома, которые шахтёры окрестили «колбасами», двухэтажные коттеджи для инженеров, здания школы, магазина и другие сооружения. Ван Лохем стал использовать для строительства жилья кирпич – материал куда более долговечный, чем дерево. Никогда прежде кирпичные дома для шахтёров в Кемерове не возводились. С этой целью голландец открыл несколько небольших предприятий по изготовлению стройматериалов.

Безусловно, оказавшись в Сибири, архитектор исходил из своего градостроительного опыта в Нидерландах. Он хотел создать на Руднике «Маленькую Голландию». Вместо бараков новатор предложил строить жильё типа таунхаусов. У каждой семьи, живущей в таком доме, имелся отдельный вход и небольшой палисадник.

Иностранцы также электрифицировали жилища горняков, провели водопровод и канализацию. Наличие санузла в квартире, кстати сказать, местные власти рассматривали не иначе как проявление буржуаз-

ности. Бедного Й. ван Лохема даже пропесочили в газете «Кузбасс» за его «архитектурные извращения». Впрочем, кемеровским партийным аппаратчикам не нравилось в американском администрировании и многое другое. Например, что американцы увольняют русских людей с предприятия за то, что те не убирают навоз с улицы, штрафуют за перекуры во время работы. Не нравились дансинги, пикники, праздничные вечеринки. Но больше всего их раздражало то, что иностранная колония работает гораздо успешнее, чем советские предприятия. Едва ли не каждый день кемеровские чинуши жаловались на высокомерных иностранцев в Кремль. Там прислушались к «мнению снизу». В конце 1926 года Сталин ликвидировал колонию и изгнал иностранцев из Кемерова.

Если когда-нибудь археологам доведётся вести раскопки на месте Кемеровского рудника, то они придут к выводу, что «для эпохи развитого угля характерно появление у оседлых шахтёров кирпичных жилых домов вместо землянок».

* * *

Расцвет эпохи угля в Кемерове пришёлся на 30–50-е годы XX века. Именно в это время город стал неофициально называться Угледградом, что абсолютно точно отражало его историческое предназначение. Это название в качестве метафоры часто использовалось в газетных передовицах, победных реляциях и речах и вполне могло бы стать новым топонимом. Тем более что в начале 30-х годов жители Щегловска как раз подыскивали новое имя городу. Они предлагали: Гигантск, Октябрьск, Владленск, Кузбасск, Свобода, Победоносец, Революция. Но чаще всего – Угледград.

Однако власти предпочли топоним Кемерово, поскольку так называлась железнодорожная станция и Рудник. Они исходили и из того, что у топонима Кемерово была международная известность. Как сказал тогдашний председатель горсовета С. А. Озеров, «Щегловск нужно переименовать в Кемерово... В Америке и Англии знают именно Кемерово, так как в нём находилась АИК». Если исходить из этой логики, то можно сделать вывод: не было бы на берегах Томи американцев, назывался бы город – Угледград. А раз они жили здесь, значит – Кемерово.

Чем больше в городе появлялось угольных предприятий, тем больше он становился Угледградом. В 1929 году была заложена шахта «Пионер». Затем последовали шахты «Октябрёнок», «Южная», «Северная», «Бутовская», «Промышленновская», «Ягуновская», разрез «Кедровский». Подготовкой рабочих кадров поначалу занимались несколько профтехучилищ, а позже горный техникум, институт. Открывались детсады, школы, клубы, библиотеки, больницы, столовые и прочие городские объекты. Там, где появлялся шахтовый копёр, там возникала жизнь.

* * *

Каждая историческая эпоха вносит нечто новое в быт, нравы, традиции и даже во внешний облик людей. Великая угольная эпоха – не исключение. Ещё каких-то 25–30 лет назад даже ребёнок знал, что если по улице идёт мужик, а у него чёрный ободок вокруг ресниц, значит, это шахтёр. В городских поселениях на Бутовке или Ягуновке практически всё взрослое население работало на шахтах. Это было время, когда горняком мог оказаться ваш сосед по дому, попутчик в трамвае, «крайний» в очереди за водкой. Сейчас нет. Сегодня людей с «угольным макияжем» в бывшем Углеграде уже не встретишь.

Чем отличался шахтёр от других кемеровчан? Если кто-нибудь когда-нибудь захочет написать обобщённый портрет кемеровского шахтёра, то он должен учесть следующее.

Первыми шахтёрами на Руднике были сибирские крестьяне и переселенцы из Нечерноземья. Они шли работать на копи, чтобы подзаработать денег, а потом вернуться в деревню.

В 1913 году на кемеровских шахтах и штольнях появились первые квалифицированные рабочие, которых «Копикуз» привёз из Донбасса. Через пару лет на Руднике появились также немецкие, австрийские, венгерские, чешские военнопленные. По просьбе «Копикуза» они были направлены сюда из концентрационных лагерей Новониколаевска и Томска. Для пленных на правом берегу были построены бараки, рассчитанные на 300 человек.

Сразу после Гражданской войны власти пригнали на Рудник трудоармейцев. Это были солдаты, которых сразу после демобилизации направляли «дослуживать» на трудовой фронт. Они работали на шахтах, заводах, строительстве дорог.

Потом появились ссыльные спецпереселенцы: раскулаченные крестьяне, «враги народа», «вредители», а также неблагонадёжные поволжские немцы, прибалты, «западенцы» из присоединённых территорий.

А ещё на кемеровских шахтах работали так называемые тылоополченцы. Последние были всё равно что каста неприкасаемых, самые бесправные и презираемые люди. Они не имели избирательного права, им было запрещено учиться даже в профтехучилищах, не говоря уж о техникумах и институтах. Также они, даже если у них имелось образование, не могли занимать руководящие должности, и всё потому, что эти бедняги являлись выходцами из дворян, банкиров, купцов, духовенства. Жили тылоополченцы отдельно от других рабочих, в землянках, летом – в шалашах. Беременные женщины и подростки работали наравне со всеми. Дочки этих несчастных людей не могли выйти замуж за «настоящего» пролетария, поскольку никто не хотел связываться с «бывшей». Таких отвержен-

ных на Кемеровском руднике было довольно много. Точных цифр у меня нет, но известно, что на шахте «Диагональная» они обеспечивали 40 процентов угледобычи.

Теперь о национальностях. Как известно, каждая нация, каждая народность имеет свои отличительные, своеобразные, присущие только ей признаки. Далеко не всегда людям разных культур удаётся найти общий язык. Но шахтёрская среда обладает одним удивительным свойством – она сглаживает этнические и религиозные различия.

В предвоенные годы Кемеровский рудник – это скопище инородцев, приехавших сюда либо на заработки (таких было немного), либо в ссылку (большинство). Однако далеко не каждый пришлый человек стремился попасть на шахту. Кроме русских, в забой охотно шли украинцы, белорусы, татары, башкиры, мордва, поляки, немцы. Конечно, встречались и представители других народов, например, «столыпинские» латышские и эстонские переселенцы, обрусевшие чехи и даже китайцы и греки. Но их можно было по пальцам пересчитать.

По словам бывшего директора шахты «Северная» М. И. Найдова: «В забое работали исключительно русские, украинцы, немцы и татары. Правда, некоторые татары, а ещё больше башкиры, хотели стать кононами. Тут им равных не было». Американец А. Пирсон, главный инженер Кемеровского рудника в годы АИК, писал, что те люди, которых принято называть «русскими шахтёрами», на самом деле «это собственно русские и татаро-монголы, то есть татары». В городе в то время было две татарских школы, одна чувашская и одна американская для детей колонистов.

Хотя в начале 30-х годов в Кемерове находилось более 3 тысяч сосланных казахов (они жили в ауле за Искитимкой), на угледобыче пугливых дехкан не использовали. Равно как и других нацменов из Среднеазиатских и Закавказских республик. Среди инженерно-технических работников, бухгалтеров, разумеется, встречались евреи, однако ни один из них в забое замечен не был.

Работа под землёй, где превыше всего ценились сплочённость и взаимовыручка, объединяла людей. Православные шахтёры легко находили общий язык с поляками-католиками, башкиры-сунниты с немцами-баптистами. В этом смысле шахтёры самый что ни на есть дружный и сплочённый народ.

До сего момента речь шла только о мужчинах-шахтёрах. За 300 лет великого угольного века ни в одной стране мира женщины в забоях не работали. Подчёркиваю, именно в забоях! Ни в Англии, ни в Германии, ни в Российской империи.

Но у большевиков были свои представления о роли женщин в новом обществе. После того, как великий вождь мирового пролетариата заявил: «Каждая ку-

харка должна научиться управлять государством», по всей стране началась «трудовая эмансипация». И Кемерово не исключение.

Вот фрагмент из статьи, опубликованной в газете «Кузбасс» летом 1939 года.

«Жены шахтеров и инженерно-технических работников шахт треста «Кемеровоуголь» единодушно откликнулись на мероприятия партии и правительства о повышении угледобычи. На прошедших собраниях домохозяек на шахтах треста десятки женщин изъявили желание работать в шахте. Домохозяйка тов. Баталова на собрании жен горняков шахты «Пионер», где присутствовало около 300 женщин, заявила: «Женщины в нашей стране равноправны с мужчинами. Партия и наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин создали все условия для того, чтобы женщины в стране социализма были подлинными строителями коммунистического общества. Я первой изъявляю желание работать в шахте и призываю всех домохозяек, имеющих возможность работать в шахте, последовать моему примеру».

Обычно женщины при устройстве на работу предпочитают трудиться в женском коллективе, а не в мужском. Выбирают такое место, где полегче, чтобы хватало сил и на воспитание детей, и на ведение хозяйства.

Но кемеровские женщины были сделаны из другого теста. Оказавшись в горняцком городе, эти малообразованные крестьянки преследовали только одну цель – выжить. У них имелось только две возможности: либо выгодно выйти замуж, либо найти хорошую работу.

Шахта представлялась вполне перспективным местом – тут можно было не только иметь приличную зарплату, но и прослыть героем. В 1930-е годы по всему городу висели плакаты с изображением весёлой девушки в шахтёрской робе, с отбойным молотком на плече. «Если женщина – шахтёр, то она уже герой!» Вполне естественно, что кемеровчанки, как и подобает слабому полу, легко велись на заманчивое предложение. В 1928 году доля женщин среди шахтёров составляла 3,2 процента, а в 1936 году – уже 21,2 процента. То есть каждый пятый шахтёр – женщина!

При всей, казалось бы, бесчеловечности кампания по приобщению женщин к горняцкому труду позволила решить острейшую проблему дефицита шахтёрских кадров в довоенное время, но особенно – в годы войны.

К концу 1942 года на кемеровских шахтах работали 1 314 женщин. Это 37 процентов от всех рабочих. Из них 321 – в забоях, 78 были взрывниками.

Имена бригадира Валентины Спировой, машиниста электровоза Марии Беликовой с шахты «Северная» и забойщиков Али Альковой и Марии Давыдковой с шахты «Бутовская» не сходили со страниц газеты «Кузбасс». Далёко не каждая мужская бригада могла

соперничать с ними. Эти женщины-шахтёры и в самом деле стали героями. Настоящими, а не плакатными.

Сохранились воспоминания горнячки с шахты «Мазуровская» Л. А. Абакумовой, которая честно рассказала о том, как она работала в годы войны: «Забои, выработки сильно заливало водой. Мы выходили мокрыми на поверхность. Проблема была в том, что мы работали в собственной непригодной одежде. Представляете ползающих по выработкам женщин в юбках? Не выполнишь норму – не выходишь из шахты. План, норма – это обязательно... Много было бытовых неудобств на шахте. Меня, молодую девчонку, очень смущала общая с мужчинами мойка. Мылись в небольшой комнатке, толкаясь телами. Потом всё-таки привыкла и не обращала внимания на мужчин, как, кстати, и они на нас. За смену так наработаешься, что мечтаешь только добраться домой и выспаться».

Поскольку обитатели Углеграда жили в новой социально-экономической формации, то они стали несколько иными людьми.

Опасная работа под землёй порождала чувство некоторого превосходства над представителями других профессий. Приличная зарплата давала ощущение собственной значимости. Всенародная любовь и чиновничья лесть в адрес горняков вызывали в их душах тщеславие. Произошло перерождение, о чём, собственно говоря, и заявлял К. Маркс: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание».

Шахтёр-трудяга стал представителем пролетарской элиты и самым преданным защитником советской власти. И в этом нет ничего удивительного. Ещё вчера бывший копикузовский шахтёр жил в бараке, а теперь он получал двухкомнатную квартиру в новом кирпичном доме. Прежде он проводил отпуск дома, а сейчас в санатории. Даже в годы войны ему полагались продуктовые карточки первой категории, такие же, как у начальников высокого ранга.

Власть буквально пестовала горняцкую элиту, награждая ударников труда орденами и медалями, именными часами и портсигарами, отрезами сукна и кожаными ботинками. Рапорты шахтёров о перевыполнении годового плана всегда публиковались на первой странице газет. Их обсуждали на планёрках перед началом смены. Ко всему прочему, партия и комсомол охотно пополняли свои ряды угольщиками. Они считались самими преданными и благонадёжными людьми. Для шахтёров не существовало квот на приём в партию, как для педагогов, врачей, учёных и прочих интеллигентов, то есть работников умственного труда.

Вот так у советских людей великой угольной эпохи появилась непоколебимая вера в светлое будущее. Го-

воря научным языком, религия. Вот так появился могучий советский энтузиазм, о котором мы сегодня говорим с гордостью и романтическим упоением и который и в самом деле был живой энергией масс.

Парадоксально, но тот чудотворный энтузиазм, который охватил людей в полуголодные 1930-е годы (с 1929 по 1935 год все продукты питания отпускались по карточкам), начисто улетучился в конце 1980-х, когда страна вновь оказалась на грани продовольственного коллапса. Жить с карточками и талонами на руках советские граждане больше не захотели. И первыми, кто не захотел «жить без колбасы и мыла», были шахтёры. Не металлурги, нефтяники, машиностроители, а самые преданные советской власти люди – горняки.

Многие историки полагают, что развал СССР начался с шахтёрских забастовок летом 1989 года. Всё верно. Но так же верно и то, что крушение советской империи в аккурат совпало с началом заката великого угольного века.

Вряд ли те бунтари, которые вышли на площадь Советов с лозунгами о социальной справедливости, полагали, что всего через десять лет они и еще многие тысячи работников «всесоюзной кочегарки» после закрытия кузбасских шахт останутся без работы.

* * *

Кемеровские шахтёры прослыли самыми сильными рудокопами в мире. В начале 1930-х годов забойщики Мингелей Шакиро, Шербаков и Бахтигоров обычным кайлом подрубали за смену 25–30 тонн угля. Для сравнения: норма выработки у забойщика с отбойным молотком составляла всего семь тонн. Пылкие рабкоры, то есть рабочие, которые писали заметки в «стенуху» (стенгазету), призывали забойщиков учиться работать кайлом, а не полагаться на отбойный молоток. «Если техника сломается, её чинить замучаешься. Простой! Потеря времени! А обушок никогда не подведёт», – поучал один из стенгазетчиков. Выемка угля вручную на Руднике в то время составляла 98 процентов.

Но какие бы чудеса работы с кайлом ни показывали кемеровские рудокопы, без современного оборудования и технологий им было не обойтись. Так как отечественное машиностроение выпуск горной техники ещё не освоило, то врубовые машины («Суливан»), ленточные конвейеры, электродвигатели, подъёмники и даже шахтёрские электролампы приходилось покупать за границей.

Сохранилось интересное свидетельство о том, как внедрялась иностранная техника на шахтах.

«Посмотреть на диковинную американскую машину, подрезающую мощные угольные пласты, собралось много шахтеров. Они с опаской обходили ее со всех сторон, косились на американца-машиниста...

Потом пришли тяжелые «Суливаны», и врубовка вошла в шахтерский обиход. Авторитет врубовки на руднике колоссально возрос. Шахты требовали: «Даешь врубовку!» Машины прибывали, и с новой силой разгоралось на шахтах соревнование врубмашинистов».

К 1937 году после модернизации кемеровских шахт удельный вес механизированной добычи вырос до 95 процентов и был даже выше, чем на шахтах Донбасса.

После изгнания аиковских специалистов из Кемерова в 1926 году советская власть поняла, что поступила опрометчиво и спустя пять лет завербовала в Западной Европе и США 1 500 горных инженеров и техников для работы на кузбасских шахтах. В частности, «американцы» (так в то время называли всех иностранцев) занимались модернизацией шахты «Щегловская 1-я».

«Ударники первой Щегловской будут рапортовать пленуму горкома ВКПб новой победой в проходке шахты, – восторженно писала в 1932 году газета «Кузбасс». – В борьбе за овладение техникой проходки шахт способом замораживания в условиях нехватки материалов и оборудования рабочие и технический персонал шахты Щегловская 1-й совместно с иностранными рабочими и специалистами одержали крупную победу».

В 1932 году в стране развернулось массовое патриотическое движение под лозунгом «Догнать и перегнать в техническом отношении развитые капиталистические страны». Сокращенно – «ДИП». Чуткие к призывам партии кемеровские шахтёры в 1932 году внесли свои коррективы в этот почин. Они поставили перед собой задачу «Догнать и перегнать Рур», самый мощный угледобывающий район в Германии.

Самонадеянные кузбасские стахановцы пообещали, что через 10 лет, то есть в 1942 году, выдадут нагору 25 миллионов тонн угля. Это было смелое, но абсолютно нереальное обещание. В 1937 году немецкий Рур производил 185 миллионов тонн каменного угля. (Кузбасские угольщики приблизились к этому рубежу только в 2008 году – 183,2 млн тонн.) Не могли увеличить добычу угля ни ежедневные сверхурочные, ни еженедельные бесплатные субботники, ни даже сеть закрытых магазинов и столовых, которые появились на Руднике летом 1939 года. Они предназначались для дополнительного стимулирования стахановцев. Догнать и перегнать Запад не удалось.

Единственное достижение соревнования ДИП – это то, что советский словарь личных имён пополнился новыми двойными антропонимами: Догнат-Переогнат или Догнатий-Переогнатий, а для близнецов отдельно – Догнат и Переогнат. Кемеровский ЗАГС зафиксировал по крайней мере восемь случаев, когда родители давали мальчикам имена, которые в буквальном смысле олицетворяли советскую угольную эпоху.

Как и все трудящиеся, кемеровские горняки не просто работали, чтобы прокормить себя и свои семьи, а участвовали в социалистическом соревновании. Во всяком случае, в то время слова «работать» и «участвовать в соцсоревновании» являлись синонимами. Едва ли не все бригады, смены, участки на кемеровских шахтах носили звание «Коллектив коммунистического труда».

Существовали десятки видов массового движения трудящихся. Кроме упомянутого ДИПа, горняки участвовали в соревнованиях «Превратим Кузбасс во второй Донбасс», бригад-миллионеров (т. е. тех, кто добывал миллион тонн угля в год), в движениях «за экономию и бережливость», «за устойчивый очистной фронт», «Плюс 600» и других починах.

Когда в 1984 году в Кемерово приехали немецкие шахтёры из Северной Рейн-Вестфалии, на официальном приёме в обкоме партии они спросили: «Как удаётся одной бригаде выдать на-гора миллион тонн?» На что главный коммунист Кузбасса Л. А. Горшков хвастливо произнёс: «Секрет прост. У нас же есть социалистическое соревнование!» Что это такое, понять немцам было не под силу. Они пришли к выводу, что в Германии можно и без всякого соцсоревнования вкалывать меньше, а получать больше, чем их русские коллеги.

За участие в соцсоревновании шахтёры получали ордена и медали, им присваивалось звание «Герой Социалистического Труда», «Почётный шахтёр», «Лучший по профессии».

Например, в 1948 году, в канун первого Дня шахтёра, звание Героя Соцтруда получил прославленный проходчик шахты «Центральная» Е. А. Бурлов, звание «Почётный шахтёр» – кемеровчане: Г. Кротова, М. Первушина, Я. Храпов, Ф. Крылов. В 1970-е годы звание Героя Социалистического Труда было присвоено бригадирам А. Д. Ракитянскому, И. М. Алисову. Имя первого увековечено в названии улицы, имя второго шахтёра носит Дом культуры в Ягуновке.

Вовлечённые во всеобщее социалистическое соревнование, обвешанные медалями, значками и почётными лентами, кузбасские шахтёры, как и многие другие трудящиеся, стали не только говорить, но и думать по-советски. Вот несколько фрагментов из классного сочинения в одной из вечерних школ для шахтёрёв. Тема «Что такое счастье?». Учащиеся – люди взрослые, семейные.

Г. Мокропуло (мотористка): *«Полная механизация и автоматизация добычи угля намного облегчили труд шахтера. В этом я вижу, конечно, счастье. Нашей шахте присвоено высокое звание коллектива коммунистического труда».*

Е. Худяшов (такелажник): *«Люди, создающие себе светлую жизнь, борющиеся за мир для всех народов земного шара, – самые счастливые люди на земле».*

С. Козин (слесарь): *«Разве не счастье, что мы живем в стране, строящей коммунизм, строящей мир во всем мире?!»*

В. Специанова (ламповщица): *«Только лишь труд, принесенный на пользу народу... делают человека по-настоящему счастливым».*

Как видим, никто из шахтёров-вечерников не упомянул ни о детях, ни о семье, ни о моральном, ни, тем более, о материальном богатстве. Отсюда можно сделать вывод, что в СССР в период великого угольного века возник особый вид неоантропа – homo soveticus carbonarius (человек советский угольный). Говоря по-простому – советский шахтёр.

* * *

Само собой понятно, что появление новой пролетарской элиты в горняцкой робе не могло не отразиться на культурной жизни города. В 1949 году кемеровский писатель А. Н. Волошин опубликовал роман «Земля Кузнецкая». Произведение, в котором рассказывалось о трудностях работы кузбасских шахтёров во время выполнения планов первой пятилетки, очень понравилось И. В. Сталину. В 1950 году А. Н. Волошин стал лауреатом Сталинской премии. Некоторое время роман имел успех у советских читателей и даже был признан классикой соцреализма. Более того, название романа «Земля Кузнецкая» с лёгкой руки писателя стало крылатым выражением, расхожей метафорой.

Вслед за патриархом кузбасской литературы А. Н. Волошиным многие поэты и прозаики так или иначе затрагивали шахтёрскую тематику. Иногда это были очень талантливые произведения, в основном у поэтов. Иногда – не очень. Кемеровский литератор Рехлов даже написал исторический роман о М. Волкове «Рудознатец».

Время от времени на сценах кузбасских драмтеатров появлялись спектакли по «шахтёрским» пьесам местных литераторов: З. Чигарёвой, И. Балибалова, Ю. Мирошниченко, А. Волошина. Однако особенного успеха эти спектакли не имели и держались в репертуаре недолго. Постановщики говорили, что пьесы слабые, а драматурги считали, что это артисты никудышные.

Вероятно, из всех кузбасских деятелей искусств чаще всего к шахтёрской теме обращались художники. Специалисты говорят, что у каждого кузбасского мастера была хотя бы одна работа, посвящённая горнякам. В фондах Кемеровского областного музея изобразительных искусств хранятся десятки, если не сотни интересных произведений, созданных «местночтимыми» кузбасскими классиками: А. Кирчановым, П. Черновым, Н. Вертковым, В. Сусловым, А. Дроздом, В. Треской и другими.

Такое чрезмерное тяготение к шахтёрской теме народный художник РСФСР, бывший фронтовик А. Н. Кирчанов объяснил так: «Для меня шахтёр – это

153

тот же солдат, который никогда не знает, останется ли он в живых после боя».

Языкастые журналисты объясняют это влечение довольно цинично: «Художник чувствует себя счастливым, когда рисует шахтёра, который в это время кайлит уголь».

Как известно, большое видится на расстоянии. Если когда-нибудь, спустя много-много лет, люди придут в Кемеровский музей ИЗО и посмотрят работы местных художников XX века, у них не будет никаких сомнений, что эти творения были созданы в великую угольную эпоху. Они будут с любопытством рассматривать натюрморты с изображением шахтёрских тормозков, портреты суровых людей с чумазыми лицами, пейзажи с видами «лунных» ландшафтов кузбасских карьеров. И кто знает, возможно, они будут испытывать такие же глубокие чувства, как и мы, когда рассматриваем «шахтёрские» картины Винсента ван Гога...

* * *

В 1970-е годы в Западной Европе стали закрываться шахты. Сначала в Голландии и Бельгии, затем в Германии и Англии, а в конце XX века и у нас в России. Центры мировой добычи угля переместились в Китай, Австралию, Южную Африку. Производство угля год от года растёт, но в мировой экономике он уже не является тем «хлебом промышленности», каким был прежде. «Горячий камень» уступил лидерство нефти и газу.

В тех странах, где прошла реструктуризация, сегодня на месте бывших шахт – музеи. Мне довелось посетить самые известные: горного дела (Бохум, Германия), горняцкой славы (Колорадо, США), «Гвидо» (Силезия, Польша), «Чёрное золото» (Лимбург, Голландия), «Соверен Хилл» (Балларат, Австралия). Нет смысла рассказывать, как там. Достаточно заметить, что в этих исторических зонах бывает до миллиона туристов в год. Главное другое.

Практически все эти музеи создавались не тогда, когда под снос пошёл последний копёр, а как раз во время самой реструктуризации. То есть создание угольных музеев было частью программ ликвидации шахт. Это очень умное решение, потому что, с одной

стороны, всё, что необходимо для будущего музея, – под рукой, имитации не требуются. С другой – появляются новые рабочие места и какая-никакая прибыль. Я уж не говорю о том, что такой музей – это своего рода дань уважения шахтёрам и центр патриотического воспитания молодёжи.

Кемерово располагает значительным количеством артефактов угольного века. Имеются несколько памятников: обелиск в честь открытия М. Волковым угольного месторождения (1957), памятник рудознанию (1968), монумент «Память шахтёрам Кузбасса» (2003), скульптурная композиция «Святая великомученица Варвара – покровительница шахтёрского труда» (2007) и другие. Но все эти памятники (в честь кого-то или чего-то) имеют к истории Углеграда опосредованное отношение. Постфактум.

В то же время некоторые исторические здания времён Копикуза и АИКа хорошо сохранились и имеют вполне достойный вид. Некоторые нуждаются в реставрации. О том, что Кемерово когда-то был кузбасским центром «угольной цивилизации» напоминают также городские топонимы. Названия 60 улиц имеют шахтёрские корни.

Вроде бы сам Господь Бог велел создать в Кемерове музей великого угольного века. Но...

Когда в городе не осталось ни одной шахты, наверное, пришёл черед подумать о том, как сохранить память о великом угольном веке, подумать о создании в столице Кузбасса нового культурного и научного центра – Музея угля. Причём музея мирового уровня!

Экспозиция «Шахта» сегодня ютится на каких-то жалких 87 квадратных метрах в подвале кемеровского музея-заповедника «Красная Горка», по большому счёту это не музей, а музейный уголок. Закуток какой-то.

Строить здание под новый музей не надо. И дорого, и глупо, поскольку имеется большое каменное здание, в котором работали отцы-основатели угольной промышленности Кузбасса. Бывшая контора «Копикуза» (ул. Гравийная, 40/1) пустует.

Вот если бы нашлась такая золотая головушка и сделала бы в этом здании музей великого угольного века! Вот это и был бы настоящий шахтёрский праздник!

157

Николай АБРАМОВ

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ОКЕАНА

Эссе

Сюжеты данных зарисовок взяты с увиденного. Проехали от города Окленда по восточному побережью Тихого океана до Залива Островов и возвращались по западному побережью вдоль Тасманового моря. Отмахали порядка девятисот километров с ночёвками, морскими прогулками, посещением исторических мест, музеев. В процессе поездки были частые остановки, чтобы полюбоваться оригинальной природной красотой.

ДОРОГИ

Не хотел описывать дороги Новой Зеландии, где-то я уже о них упоминал. Но недавно случайно просмотрел сюжет «Апрельские дороги г. Бийска», и так обидно стало, что решил прокатить читателя по местным улочкам, закоулочкам и скоростным трассам.

Согласен, что в Новой Зеландии нет минусовых температур, а точнее, нет резких перепадов температуры, особенно зимой. Да, нет. Нет и воды на дорогах. После любого дождя дорожное полотно уже через несколько секунд почти сухое, стоки хорошие. К основе дороги, «подушке», здесь относятся с каким-то повышенным уважением, а это гарантия того, что под асфальтом, бетоном всегда будет сухо. Не грозят местным дорогам экстремальные перепады температур, нет воды.

Когда описывают горную дорогу, часто называют её стандартно – серпантин. Новозеландскую горную дорогу назвать серпантином несерьёзно. С чем сравнить и как? В России повсеместно можно встретить названия небольших речушек: Змеёвка, Пьяная, Поперечка. Вот местные горные дороги – это все три названия, сложенные вместе.

Покрытие и поверхность можно сравнить с железнодорожным полотном, у которого нет стыков между рельсами. Машина катится не только ровно, но даже без постороннего звука. Полный стакан

воды можно выпить не спеша, и в нём не только всплеск отсутствует, но даже волнения воды не наблюдается. Кстати, на местных горных дорогах нет ограничения по скорости, стоит общий знак на въезде – не более ста километров в час, а минимальную сам выбирай – сколько выжмешь...

Российская поговорка «Очень хорошо – тоже не хорошо» как нельзя кстати подходит к местным дорогам. Отличное покрытие, постоянная большая скорость успокаивают и убаюкивают водителя. Особенно в ночное время. Для снижения аварийности на трассе предусмотрены точки-парковки «Бесплатный кофе». Название соблазняет, да и перекусить не помешает. Заодно и размять ноги, пощёлкать позвонками. При желании можно и отдохнуть.

ГОРОДКИ

Каждый городок и деревушка в Новой Зеландии чем-то примечательны. Если в его прошлом нет ничего исторического и важного, жители стараются показать что-то особое, отличающееся от других мест.

При наличии даже небольшой речушки обязательно есть вдоль неё прогулочные благоустроенные тропинки с беседками, смотровыми площадками, скамейками. Часто можно встретить небольшие музеи по любому поводу, а его экспонаты сделаны из ничего: домашняя старая утварь (посуда, мебель), сельхозтехника, промышленное оборудование, транспорт прошлых веков, морская и рыбацкая тематика (лодки, каноэ, якоря, винты, штурвалы, канаты, крючки, катушки). Если это относительно крупный городок, то часть экспозиции расположена под крышей, но в основном под открытым небом, где природный интерьер придаёт каждому уголку музея свою прелесть.

Многие городки имеют свою неофициальную любительскую эмблему, на которой может быть изображена форель, пчела, овца, морковь, собака, дельфин, бутылка с газированной водой, птицы и так далее, кто во что горазд. И они добиваются своего. Хочешь не хочешь, а городок запоминается.

На центральной улице любой деревеньки сосредоточены ресторанчики, кафе, магазинчики, которые так и хочется назвать забегаловками. Они милые, уютные, без роскоши, нет ничего лишнего. Прелесть этих забегаловок в том, что отсутствие богатого интерьера делает тебя более свободным. Ты в центре, а не вещи над тобой. Если тебя окружает естественная природная скромность: зелёные

АБРАМОВ Николай Кузьмич родился в 1948 году. После окончания института работал на Бийском химическом комбинате (позже на ОАО «Полиэкс») слесарем, инженером-технологом производства порохов. В 2011 году переехал на постоянное место жительства к семье дочери в Новую Зеландию.

Писать, по его признанию, стал после встречи с океаном. В настоящее время проживает в городе Окленд (Новая Зеландия).

газончики, цветы, деревья, кустарники, то ты совсем как у себя на даче... Ресторанчики на четырёх-шести столиках, если посетителей много, то дополнительные столики выставляются прямо на улицу.

Домики, солидные дома сосредоточены или вдоль основной трассы, или разбросаны веером, всё зависит от природного рельефа. Это относится к поселениям, расположенным в стороне от моря. Если говорить о престижном месте, то есть береге пологого залива, то дома строят практически у воды. Из-за дефицита земли и стремления быть поближе к морю доходит до абсурда (с моей точки зрения). Можно встретить гаражи, дорога к которым в момент верхней точки прилива находится под водой, а до ворот гаража остаётся каких-то один-два метра. Жилой дом при этом расположен или над гаражом, или за ним на скале. В последнее время застраиваются практически все скалистые склоны (если не государственный заповедник), особенно те, которые обращены к морю. Беленькие домики, со стороны, что пчелиные соты, покрывают весь скалистый склон на фоне зелени.

Я бы назвал такое расположение жилищ рядом с океаном не только несерьёзным, а дерзостью со стороны человека. За двести последних лет в Новой Зеландии не было «хорошей» волны, ну и слава Богу! Но тем не менее это беспечность. С водой шутить нельзя, уважать нужно даже спокойную стихию.

Понравилось мне, как здесь в небольших городках частник продаёт свои фрукты, овощи, используя «коробку честности». У дороги стоит или висит вывеска, объявление, написанное от руки о фруктах на продажу. Рядом стоят коробки с товаром и коробка для денег. Продавца нет. Подъехал, взял, рассчитался, уехал. Удобно, аж жуть как! Цены занижены, а на качество грех жаловаться. Нехорошо так думать, не все мы такие, но у нас бы да и в других демократических странах не только одну коробку с деньгами увели, но и все остальные – до кучи.

О чистоте улиц, приусадебных участков, газонов, парков, пляжей, парковых лесов можно сказать образно: в сточных водах можно полоскать бельё. В городе Окленде с населением более миллиона человек есть единственная лужа, которая иногда появляется на дороге. Размеры небольшие, по нашим понятиям, где-то 4–15 метров. Пока она не исчезнет, через неё успевают проехать не одна сотня машин (как не проехать через такую диковинку!), но вода в луже остаётся не только чистой, но и без маслянисто-радужной плёнки на поверхности.

Можно встретить машину, у которой три дверцы и капот в паутине, но она чистая. То есть машина не моется годами. (Примерно 95 процентов владельцев машин ездят по одному, а значит, и рабочая дверца у многих только одна.) Если тебе нужен кусок проволоки, гвоздь, шайба, деревяшка и так да-

лее, изволь ехать за этим добром в магазин. У гаража, на улице не найти. Пляжи – в идеальной чистоте, так как нет урн, машин. Дворников, в нашем понятии, здесь не встретишь, изредка на городских улицах можно увидеть человека-пылесос. Люди доброжелательны – что местные, что приезжие. Все эмигранты, независимо от национальности, уважая местные традиции, сами становятся, как и местные, улыбчивыми, добрыми. Денег им за это не платят – самовоспитание на должном уровне. Да, общественные туалеты в таком количестве, что не создают никогда и нигде тебе проблемы. Все бесплатные. По чистоте – что у тебя дома.

КАУРИ

В заповедном лесу Вайпуа растёт самое старое дерево Новой Зеландии – каури. Оно хвойное, ему более 2 500 лет. Ствол в обхвате – четырнадцать метров, высота его до кроны – пятьдесят метров. Дерево обладает редкой по красоте и плотности древесиной.

Местное население маори называют его уважительно: «Бог леса», «Властелин леса». Я был поражён его величием. Оно заставило изумиться так же, как впервые увиденный мною океан. Хотя не думаю, что при повторной встрече с ним буду так же восхищаться его могуществом. Но шапку ломать, ещё при подходе к нему, придётся.

Его величие – это не морские просторы. Его величие не в силе или мощи, а в вечности длиною в 2 500 лет, оно сосредоточено и сжато в кольцевые ряды.

Его невозможно представить, это нужно видеть, прочувствовать и молчать, как при встрече с океаном. Мы находились около «Властелина» минут десять, и, только когда неожиданно раздался детский плач, я отметил, что все присутствующие созерцали «Бога леса» молча. А если и разговаривали, то тихо, как будто находились в музее или церкви.

Рядом с ним, а точнее под ним, чувствуешь себя... да ничем ты себя не чувствуешь, если честно. Человека оно не замечает. С презрением относится к нам, людям, которые за малый промежуток времени уничтожили его сородичей. Оно слишком велико, чтобы обращать на нас внимание.

Рядом с ним должны быть не жестокие, с низким уровнем развития человечки, а нелетающие птицы моа, которые под четыре метра высотой, а вечно зелёной кроне – орёл Хааста с размахом крыльев до трёх метров.

Первые племена переселенцев с Полинезии уничтожили гигантов моа, и, как следствие, вымерли величавые орлы, а последующие представители цивилизации безжалостно вырубали уникальные леса-каури. Так за что ему уважать нас, млекопитающих, живущих только одним днём?

Оно, самое старое, могучее и, должно быть, мудрое, очень далеко от человека. Дерево само по себе. Стоит особняком. Его собратьев, кому за пятьсот лет, сохранилось немного, их по пальцам пересчитать можно.

К сожалению, в его вечности нет теплоты, оно растеряло её во времени. Пусть российские или новозеландские даже самые старенькие дубки у него на побегушках, но всё равно они роднее. Под ними тепло и спокойно. Они как будто бы оберегают тебя, и ты это чувствуешь.

Спокойно, не торопясь, с доброй душой подойди к дубу, прислонись к нему спиной, обними ствол снизу руками, закрой глаза и отдай себя в его объятия. Сделай это, и ты непременно почувствуешь и поймёшь, что дерево тоже живое, только живёт своей жизнью. С каури такой вариант не пройдёт.

МОРЕ И ПРАВДА

Мама нет-нет да напоминала мне старинную народную пословицу: «Правда даже в море не тонет». Я её как-то не воспринимал. Считал, что нет ничего общего между этими словами. Море – часть природы, а правда – это удел народа, дарованный нам Создателем как испытание. По прошествии времени, увидев и влюбившись на всю жизнь в океан, я понял мудрость, сосредоточенную в пословице. Народ зря не скажет. Океан – это могущество земли. Он прекрасен и сам себя восхваляет. Он не подвластен никому и ни от кого не зависит, не меняется от суждений человека. Он есть властелин и бог в природе земли.

Правда сама по себе правдива и права, но трудна у неё судьба. Она одна и к тому же стеснительная. Живёт неприметно, как бы в стороне от людей, но рядом. С голой, повседневной правдой ведут дружбу только дети, у которых мысли и душа неразделимы, и они счастливы (говорят же: счастлив, как дитя). Народ это святое слово излишний раз старается не произносить, чтобы не затаскать правду, не сглазить. Правда – это труднейший дар Божий для людей. Дар проблемный, постоянно ставящий перед тобой вопрос: как ты живёшь, по совести? Как поступаешь, по справедливости или по законам, созданным людьми? Да, законы нужно соблюдать, но превыше всего в народе ценятся законы нравственные. Не всяк правду желает встретить на своём пути, тем более жить с правдой и соблюдать Заповеди Божии.

Особенно сторонятся её те, кто потерял совесть. «Пропала совесть... и многие начали чувствовать себя бодрее и свободнее», – писал М. Е. Салтыков-Щедрин. Не каждому дано жить с добром и любовью в душе, но именно они живут с правдой, а значит, ближе к Создателю. Человек искренне правдив в период любви, когда рядом с ним вторая половин-

ка его души. Правдив истинный верующий в молитве и когда исповедуется. Непроизвольно становишься правдивым в момент опасности для жизни, когда ты неожиданно ощущаешь, что есть кто-то над тобой и это реальность. В эти минуты грех кривить душой, ведь рядом с ним живёт Божья правда. Правда всегда прямолинейна. «Сказал, что рубанул, правду-матку» – выражение истинно народное. При строительстве бревенчатой избы на последний венец сруба укладывали матку – ровный, прогонистый четырёхгранный брус, без сучков и однозначно из цельного, солидного дерева. После её укладки хозяйка накрывала стол для работников, который располагали строго под «матицей». До сего времени эта традиция сохранилась и живёт в провинции. А стол под маткой означает: жить с правдой не для постороннего глаза, а для себя, своей семьи, своего рода. Правда – конкретна. Порой нежелательна, с горчинкой, но, узнав правду, ты уже не мечешься в поисках нужного ответа, отбрасываются сомнения, и у тебя уже ясные, чёткие планы. Правда помогла. Порой грубая, наглая сила, коварная, хитрая кривда побеждает правду, но всё существует во времени. Нет смысла врать. Правда всё равно проявит себя, через несколько дней, месяцев, лет, но она восторжествует. Потому что правда даже в море не тонет.

Эти две красоты, две истины – природная (море) и душевная (правда) – не поглощают друг друга, а дополняют, как два цвета у радуги, расположенные рядышком. Одна проблема для человека: красота красотой, но далековато, высокогато. Вроде и рядом, но не каждому дано войти в радугу и испытать божественную благодать – святую правду.

ДЕЛЬФИНЫ

Дельфинов сложно описывать, сравнивать не с чем. Они совершенны и в пропорциях, и в красоте. Дельфины до такой степени совершенны, что кажутся мне тёплыми, а значит, добрыми, как русская печка. А возможно, так и есть, они же млекопитающие.

У нас сложилось мнение, что дельфины умны, а мозг даже сложнее человеческого, то есть они наши близкие родственники, только среда обитания водная. А они, глядя на нас, считают, что мы, люди, более всех из живого на Земле подходим к ним. Я думаю, они более близки к истине, чем мы.

Человеку до уровня развития дельфинов далековато. Да и постарше они нас на несколько сот тысячелетий. Человеку свойственно предавать, убивать, красть. Дельфины далеки от этого. Они эти первобытные пороки оставили в далёком прошлом, ими пройден этот мерзкий отрезок своего развития. Посему они такие милые, совершенные, тёплые и, безусловно, умнее, мудрее нас.

Мне уже приходилось наблюдать за ними, когда они резвятся, выпрыгивают из воды по одному и па-

рами, крутятся, переворачиваются, показывая всё своё совершенное тело.

Был очевидцем, когда они загоняют косяк мелкой рыбы в круг. Это уже совсем другие дельфины. Они сосредоточены, у них общая цель, ничто их не отвлекает. Перед тобой хищник, но добрый по отношению к человеку.

Добрых и игривых дельфинов встретили и в Заливе Островов, на прогулочном катере посетили участок залива, где они дежурят и ждут нас, людей, подплывая то к одному, то к другому катеру, яхте.

Я наблюдал за ними с носовой части палубы, а затем из-за скопления людей отошёл в сторону, ближе к корме. Стою один и смотрю вниз, на воду, сожалея, что нет дельфинов. Вдруг рядом с бортом промелькнул дельфин. Я перевалился через борт – ищу его, и вот он уже плывёт рядом, верхний плавник над водой. Я тихонько прошу его: «Покажись, покажись». Он, услышав меня, стал медленно и плавно, как будто под спокойную мелодию, вращаться вокруг своей оси, показывая своё тело. Почему-то промелькнула мысль: «А подруга у него есть, или он холостяк?» Он не то свистнул, не то щёлкнул, и неожиданно появляется ещё один, меньшего размера, и уже оба выполняют синхронные вращения. Они это проделывали то быстро, то очень медленно. Помню, про себя подумал: «Классические тела танцуют под классическую музыку».

Жаль, высоко было до них, не пришлось погладить. Я думаю, они бы разрешили, ведь доброта была взаимной. Кажется, я с ними разговаривал, просил о чём-то, не помню, но уверен, убеждён, что они читают мысли человека на расстоянии.

Удивительно, два дельфина общались со мной одним, не с толпой, а одним человеком. Вдруг они разом выпрыгнули из воды, вроде чего-то испугались и ушли. Попрощался, проводил я их в дорогу, как человека, со словами: «С Богом!». Оглядываясь, а ко мне подходят люди... Про себя с улыбкой отметил: «Не захотели мои дельфины с толпой общаться».

В эти минуты я был удовлетворён и собой, и всем окружающим миром. Возможно, именно в такие благодатные моменты ты счастлив, как дитя, когда мысли твои и чувства не противоречат друг другу. Они синхронны, как два игривых дельфина.

Непроизвольно вспомнил «своих» дельфинов в городке Опонони, что на побережье Тасманова моря. В городке, на берегу залива, стоит скульптура: дельфин, на его спине девочка. Оба улыбаются.

В пятидесятые годы прошлого столетия он один каждый день приплывал с моря в лагуну на мелководье, чтобы поиграть с детьми. Сопровождал ры-

бачки лодки, яхты. Одним словом, всеобщий любимчик не только городка, но и всей Новой Зеландии. Люди дали ему имя Опо. А когда он погиб от рук человека, маори похоронили его по своим обычаям, как человека. Прошло более двух поколений, а люди помнят доброту представителя другой, лучшей цивилизации, живущей на земле, который рискнул и решил подарить людям свою дружбу...

Сравнивая между собой «Бога леса» и дельфина, непроизвольно предпочтение отдаёшь дельфину. Дерево, хотя оно и живое, но бездушное, а дельфин заставляет тебя задуматься. Зачем явился в этот мир? Кто ты есть в этой жизни? Почему прожил так, а не как хотел?

Удивительно. В природе уживаются и живут в гармонии такие понятия, как красота, изящество, мощь, а у человека нет. У природы век велик, и она постоянно совершенствуется и продолжает своей продуманной красотой очаровывать очередные поколения людей. А человек так не думает, не хочет трудиться над своим внутренним «я». Нет желания развиваться в духовном плане. Всё своё сознание направляем, чтобы ублажить своё тело, предоставить ему дополнительный комфорт. Развитие человека однобокое. Мы упрямо продолжаем совершенствоваться только технический прогресс, всё для тела, а над своей душой не трудимся, не прислушиваемся ко мнению души. Нельзя понять, постичь Создателя через разум – это удел души. Я думаю, что истинный верующий в молитве общается с ним только душой. Он открыт перед ним, как дитя.

Дельфины говорили мне: «В нас всё совершенно – внешний облик и внутренний мир. Наши мысли и душа неотделимы. Мы – боги в своей среде. Каждый из нас бог. Мы не стая, мы общая самоорганизованная семья. У нас развито всеобщее чувство братства и отсутствует понятие превосходства над другими, себе подобными. Для нас любовь выше всего. У нас одна родина – водная стихия всей Земли, которая не имеет границ. У нас есть место для всех и нет деления по территориальному признаку. Вы, люди, со временем, если не уничтожите себя, возможно, тоже будете как боги, но для этого нужно трудиться и трудиться. Необходимо постоянно помнить, что только душу волнует смысл жизни. Тело умирает, а душе ещё жить и жить в других оболочках, пока оно через кропотливый труд над своим «я» не достигнет совершенства Бога. Только тогда человек (очередное тело), обладающий душой Бога, сам будет Богом. А когда таких будет большинство на земле, человечество приобретёт божественное сознание и на Земле воцарится земной Рай!»

Окленд, 2013 г.

Илья ПЛОХИХ

16 КГ

*Шестнадцать килограмм котов
Живут в моей квартире.
Шестнадцать килограмм котов:
Четыре по четыре.*

*Коты равны, как на подбор.
Они родные братья.
Котов до некоторых пор
Не думал разлучать я.*

*Я их мирю, я их терплю
И достаю им пищу.
Но растерял любовь свою
К родимому жилищу.*

*Давным-давно сбежал бы сам.
Но на кого их кину?
Котов – шестнадцать килограмм.
Возьмите половину!*

* * *

*Даша вяжет, вяжет, вяжет
Мамиными спицами.
Даша спать попозже ляжет
И проснётся с птицами.*

*За окном от ветра пляшет
Тополь цвета золота.
Даша вяжет, вяжет, вяжет,
Чтоб успеть до холода.*

*Тихо в комнате у Даши:
Не включая музыку,
Даша вяжет, вяжет, вяжет
Джемпер другу Тузику.*

НОВОГОДНЕЕ

*Новый год, весёлый гость,
К нам идёт стремительно.
Дед Морозов развелось
Так, что удивительно!*

*В красных шапках и пальто
Разбредлись по городу,
Вылезают из авто,
Поправляя бороду.*

*Накануне января,
Праздничного месяца,
Очень рад бываю я
С Дед Морозом встретиться.*

*Для меня рукой в мешок
Лезть не обязательно.
Стой и слушай мой стишок,
Дедушка, внимательно!*

ПАПИНЫ СТИХИ

*Я в песочнице сижу,
Дом песочный возвожу,
Не стыжусь средь бела дня
Детского совочка.
Хорошо, что у меня
Маленькая дочка!*

УПРЯМЫЙ БРАТ

*Мама просила нас
с братом помыть посуду.
Только упрямый Стас:
– Я, – говорит, – не буду!*

*Часто на Стаса зла
мне не хватает прямо:
из-за него, ослы,
мыла посуду мама.*

ПРО РЫЖОВЫХ И РЫЖИХ

*В нашем классе два Рыжова,
Рыжкин, Рыжиков, Рыжкова...
Но при этом в общей массе
Двадцати пяти голов
Рыжих двое в нашем классе –
Черниченко и Седов.*

РИСУЯ КОШКУ

*Конечно, довольно обидно для кошки,
что вышли у кошки невзрачные рожки,
но всё-таки кошка не будет забыта:
мы ей нарисуем большие копыта.*

*Мне эти кошачьи копыта весомо
напоминают чугунные гири,
а жители снизу уходят из дома
в тот час, когда бродит она
по квартире.*

КУЗНЕЦ

*Из Деревни Мастеров за рекой
К нам пришёл кузнец Бобров,
Разлихой.*

*Он с дороги за работу скорей.
Подковал кузнец Бобров нам коней.
Все, кто видел, как работал кузнец,
Заявили, что кузнец –
Молодец.*

*Отдохнул тогда немного Бобров
И с азартом подковал нам коров.
Все, кто видел, как работал кузнец,
Удивились: вот кузнец –
Удалец.*

*Посмотрел тогда кузнец на овец...
Только в этом месте сказке конец,
Потому что поистратил Бобров
Все подковы на коней
И коров.*

*Обожал кузнец своё ремесло.
Овцам, честно говоря,
Повезло.*

Калуга, Москва 160

Тамара ЧЕРЕМНОВА

ЗНАКОМЬТЕСЬ, ЭТО УГОЛЁШЕК

Глубоко-глубоко под землёй жил совсем безобидный, но очень шаловливый проказник Уголёшек. У него были большие чёрные глаза и густая копна смоляных волос, из которой сыпалась угольная пыль. Уголёшек любил играть блестящими кусочками угля, а так как он жил один в своей тёмной подземной пещере и ему не с кем было поиграть, то он только весело перекачивал из лапки в лапку свои игрушки-угольки или сыпал струйкой песок. В общем, этот Уголёшек был весьма игривым. Только играть ему приходилось в одиночестве. Выходил он из своей подземной пещеры лишь по ночам, чтобы полакомиться сладкими корешками трав, а потом снова прятался в пещеру, где было темно и уютно.

А там, наверху, над Уголёшкиной пещерой, всюду цвело лето. Уголёшек очень любил это время года, потому что его любили все. Уголёшек сидел в воде, ежился, но долго не решался

выбраться из затопленной пещеры. Ведь был ещё день, и Уголёшек боялся показываться: вдруг его кто-то испугается, а он не хотел никого пугать. Уголёшек помнил, как однажды чуть не до смерти напугал семейство лисичек и как его с перепугу чуть не покусали взрослые волки, да мало ли там, наверху, всяких неприятностей, его поджидающих.

Но долго сидеть в холодной воде Уголёшке надоело, и он храбро вылез. Сначала Уголёшек пугался каждого шороха, но постепенно начал осваиваться. Здесь было очень много разнообразных и любопытных звуков, причём самые звонкие доносились из-за аккуратно подстриженных кустов. Уголёшек быстро нашел место, откуда летели весёлые звуки, – то были голоса ребятишек, приехавших в летний оздоровительный лагерь. Спрятавшись в высокой траве, Уголёшек стал наблюдать, чем это таким весёлым ребята занимаются.

Но ребятам было вовсе не до веселья, они возбуждённо спорили. Дело в том, что завтра у них должен состояться большой спортивный праздник, а вот символа пока что не было. А какой они будут командой, если у них нет своего символа? И нужен такой символ, чтобы поспособствовал победе в завтрашнем соревновании.

– Я предлагаю взять олимпийского мишку, он всегда приносил спортсменам удачу, – настойчиво звенела белобрысая Настя.

– Не, надо что-нибудь новое, мишка уже был, его неинтересно брать, – яростно возражал какой-то мальчишка.

– Ребята, успокойтесь! Давайте сначала поужинаем, и наши художники придумают, какой символ будет у нашего лагеря, у них для этого вся ночь впереди, – предложила вожатая, и уставшие энтузиасты согласились.

Над поляной, где расположился лагерь, тихо повис летний вечер, собираясь вот-вот перейти в тёмную ночь. Ребята уже лежали в своих постелях, тщательно пытаясь заснуть, – слишком уж они были возбуждены. Кто-то начал рассказывать надоевшие всем страшилки про чёрную комнату с покойником, лежавшим в чёрном гробу под чёрным покрывалом, кто-то вяло посмеивался, а кто-то тихонечко шептался о чём-то своём.

И тут в окно девчоночьей комнаты градом полетели мелкие камушки.

– Мальчишки, хватит баловаться! – сердито крикнула девчушка, лежащая на кровати возле окна. Но камушки продолжали сыпаться.

– Я сейчас посмотрю, кто это из мальчишек бросает камни, и пойду позову вожатую, – пригрозила самая смелая девчонка и залезла на подоконник. – А-а-а-аааа!!! – вдруг завизжала она не своим голосом и, свалившись с подоконника, заползла под кровать.

– Ты чего, Лена? – удивлённо спросила её подружка, но, глянув на окно сама, заорала от страха и грохнулась с кровати.

И сразу же все свалились с коек, заползли под них и подняли такой визг, что всем в округе тоже захотелось спрятаться. Можно было подумать, что они увидели полчище мышей, которых девочки обычно боятся до смерти. Но в окне стоял всего лишь Уголёшек. Он не испугался девчоньего визга, потому что днём, когда все играли, девочки точно так же визжали, посему он принял их визг за приветствие.

Девчонки замерли под кроватями, а Уголёшек залез через открытое окно в комнату и стал заигрывать с ними, весело пуляя в них угольную россыпь. Так продолжалось довольно долго, пока самая зоркая, Настя, не прошептала:

– Ой, девочки, а он хорошенький...

– Ты что, полоумная? Куда полезла? Лежи, пока он нас не увидел, – зашипела на неё соседка Даша и схватила выползающую из-под кровати Настю за ногу.

Однако упрямая Настя дрыгнула ногой и всё равно вылезла. Когда Даша, набравшись храбрости, наконец-то выглянула из-под кровати, то увидела, что девочки окружили кого-то и хихикают. Тогда и она вылезла. А что ей ещё оставалось делать? Не сидеть же одной под кроватью. Девочки с большим любопытством разглядывали Уголёшека.

– Кто это? – спросила Даша, расталкивая подруг.

– Это, наверно, малыш лесного чудовища. Он убежал без спроса от своей мамы, и та скоро придёт сюда за ним и расправится с нами... – завывая, начала Зоя, большая любительница страшилок.

– Да нет, на детёныша лесного чудовища он не похож, – авторитетно заявила Настя. – Смотрите, какая у него дружелюбная весёлая мордочка, и ходит он на задних лапках, даже камушки метко бросает.

– Тогда, по-твоему, кто он? Детёныш снежно-человека?

– Нет, вряд ли, он же чёрненький, – отметила Катя.

– Так он весь в угольной пыли, – присмотрелась внимательная Тома.

– Точно, на нём угольная пыль! Но всё равно он очень даже симпатичный, хоть и чумазый.

– Да это же Уголёшек! Он и должен быть чёрным, он же в угольной пещере живёт. Мне бабушка рассказывала про него, – пояснила Даша, вспомнив бабушкины сказы.

– Ну да, ты сейчас ещё скажешь, что сказочных героев не придумывают, а что они живут на самом деле!

– Ты что, своим глазам не веришь, что видишь сейчас живого Уголёшека? – не сдавалась Даша.

И спорщицы замолчали. Ну как можно оспаривать то, что видишь собственными глазами?

– А давайте его оденем, – осенило Свету.

– Это идея! Здорово! – захлопала в ладоши Настя.

И через минуту Уголёшек был обряжен в кукольную одежду: клетчатая рубашка, синие шортики и кепка с большим козырьком очень пошли к его блестящим живым глазам и широченной беззубой улыбке. Задорный мальчик Уголёшек!

– Девочки, да ведь это же наш символ! Эмблема нашего отряда! Наш талисман! – сразу определила пришедшая на шум вожатая. – И завтра он непременно поможет нам выиграть.

Тут Уголёшек проделал то, чего никто не ожидал: он подпрыгнул, перевернулся в воздухе, вскочил на ближайшую кровать и побежал к окну. Все бросились за ним. К девочкам присоединились разбуженные мальчишки. А Уголёшек и не думал убегать – он на улице показывал ребятам то, в чём они днём соревновались: бег и прыжки. Только у Уголёшека всё получалось ловчее и быстрее.

– Так вот как правильно надо делать! Берём пример с Уголёшека! Ребята, давайте тренироваться вместе с Уголёшеком! – слышались дельные предложения.

И началось: ребята бегали, прыгали, играли во все те игры, в которые днём пытались играть, но безуспешно, только почему-то сейчас у них всё получалось, причём слаженно и с задоринкой.

Но вот повеяло утренним холодком, усталость и сон взяли свое: ребята покинули спортивную площадку, наскоро отмыли ладошки от угольной пыли и, счастливые и умиротворенные, бухнулись спать – ведь днём им предстояли серьёзные соревнования.

Когда весь лагерь уже крепко спал, Уголёшек
вприпрыжку побежал к себе в пещеру и, доволь-
ный, тоже прилёг отдохнуть – ведь он проделал
полезную тренерскую работу.

г. Новокузнецк

Виктор РЯБОВОЙ

* * *

Кузя делает зарядку:
Выгнул спинку. Поднял лапку.
Потянулся и зевнул.
Шубку чисто отряхнул.
Поиграл хвостом немножко.
Прыгнул с пола на окошко.
Целый мир в окне открыл,
Лапой муху половил.
Зацепил когтями штору,
Испугался и дал дёру!

* * *

Встал Павлуша среди ночи
И нисколько спать не хочет.
Отчего Павлуша встал?
Оттого, что спать устал.

г. Юрга

Ирина БАЛБАЧАН

ПЕЛЬМЕНИ

Говорю подружке Лене:
– Очень я люблю пельмени!
И не надо нас учить,
Как их правильно лепить.
Быстро тесто раскатали,
Положили фарш в кружок,
Залепили, защипали,
Опустили в кипяток.
Говорю подружке Лене:
– Приглашай всех на пельмени.
Наварили мы немало –
Всех накормим до отвала.

СНЕГОВИК

Возле дома – снеговик.
Как он важен и велик!
Подошла его пора,
Веселится детвора.

Гордо поднял нос-морковку,
Котелок надвинут ловко,
Угольки-глаза горят,
Очень любит он ребят.

г. Москва

Галина КАРПОВА

ЛЮБОПЫТНЫЙ К ЛИЦАМ

К 80-летию кемеровского художника Николая Бурцева

В 1962 году после окончания факультета станковой живописи Харьковского художественного института прибыл по распределению в Кемерово уроженец Волгоградской области Николай Георгиевич Бурцев. Талант художника-портретиста уже более полувека служит Кузбассу. Известность художнику принесли живописные портреты девушки-сибирячки «Рябинка» (1967), «Портрет героя-панфиловца И. Васильева» (1975) и др. В книге искусствоведа Валентины Андреевны Откидач «Художники Кузбасса», изданной в Ленинграде в 1983 году, портретная живопись Николая Бурцева получила высокую оценку: «Психологичность, убедительность настроения и характера являются сильными сторонами Бурцева-портретиста».

Известный кемеровский тележурналист, писатель Зоя Николаевна Естамонова ещё в 1979 году в книге «Сотворение рябины» отметила, что графические портретные рисунки Николая Бурцева «опережали своей популярностью живопись Бурцева». Среди них «Голова шахтёра» (1964), серии портретных зарисовок рабочих Кузбасса, сделанные художником на новокузнецких КМК, Запсибе, Юргинском машиностроительном заводе.

В шестом номере журнала «Огни Кузбасса» за 2012 год в материале Ольги Черкасовой «Дыхание земли родимой» публиковались портретные рисунки Н. Г. Бурцева тружеников северных районов Кузбасса: Тисульского, Мариинского, Чебулинского. Как отметила автор статьи, всего за двадцать минут художник успевал сделать качественный портрет дояра, охотника, швеи, тракториста, бригадира, комбайнёра... Бурцевские графические портреты летом 1973 года публиковала газета «Кузбасс» в качестве иллюстративного материала к большому поэтическому репортажу, который писала творческая команда известных кузбасских поэтов, членов Союза писателей СССР: Валентин Махалов, Виктор Баянов, Евгений Буравлёв. Все они близкие друзья Николая Бурцева.

1973 год был для кемеровского мастера-портретиста годом признания его таланта. Н. Г. Бурцев был принят в Союз художников СССР. Любовь и признательность художнику-графику принесли пятьдесят портретов известных кузбасских писателей, художников, артистов, вошедших в книгу поэта-сатирика Владимира Матвеева «Копыто Пегаса» (1973). З. Н. Естамонова опубликовала в своей книге «Сотворение рябины» (1979) один из лучших рисунков Бурцева – дружеский шарж-портрет художника Николая Бачинина. Рисунки Николая Бурцева получили высокую оценку: «Предельная экономия выразительных средств, лёгкость летящих линий, рука виртуозна, артистична... Балет на бумаге! <...> Хорошо, что невозможно понять непосвящённому, каким напряжением, собранным, как в кулак, в единое усилие, художник вкладывает всего себя в эту стремительно летящую линию...». З. Н. Естамонова точно подметила своеобразие художника, его «величайшее любопытство» к лицам, которые он рисует: «Кажется, для него не существует неинтересных людей, с таким удовольствием исследует тонко заострённый карандаш каждую человеческую индивидуальность».

Талантливо сумел запечатлеть Николай Бурцев индивидуальность, самобытность кузбасских писателей. На его рисунке поэт Валентин Махалов изображён спортсменом-силачом. Мощная рука с бицепсами уверенно держит «гирию» руководителя литературного объединения творческой молодёжи. На время поэт-спортсмен отложил перо поэта-переводчика.

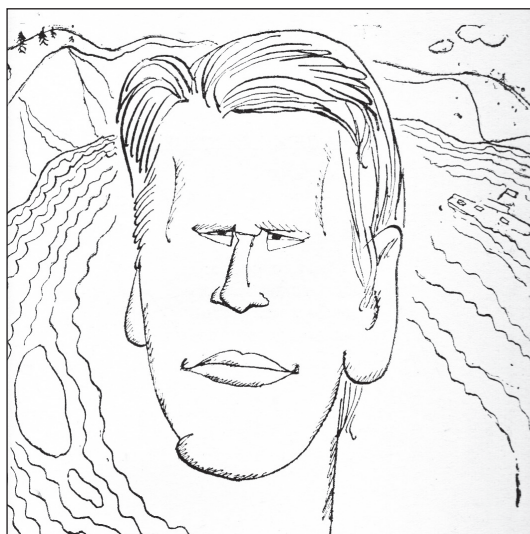
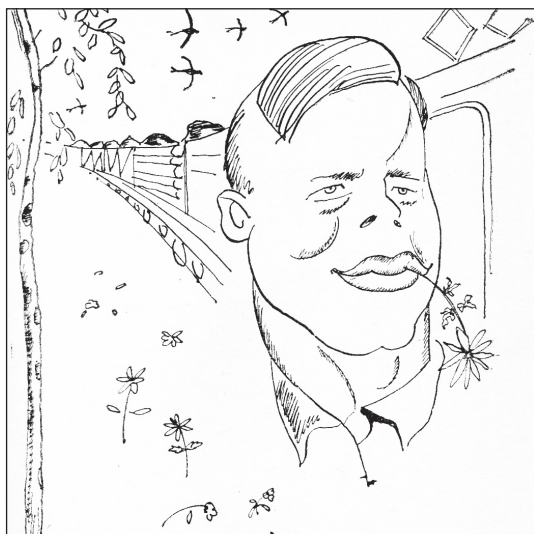
Портрет поэта Виктора Баянова, выглянувшего из кабины машиниста грузового поезда, явно навеян баяновскими стихами. Вспомним стихотворение «Весна на станции». Душа машиниста тепловоза добродушна и открыта миру природы. Поэт-машинист успел сорвать полевую ромашку, полюбовался берёзкой, услышал гомон стрижей... Как и Николай Бачинина, писателей Владимира Мазаева и Геннадия Юрова Бурцев изобразил на фоне сибирских рек и гор. Оба много писали о защите сибирской природы, её лесов и водоёмов.

В 1977 году именно Николая Бурцева пригласил Пётр Михайлович Дорофеев, секретарь Кемеровского обкома партии, написать портрет писателя Александра Никитича Волошина. Художник создавал портрет на сцене кемеровского драмтеатра во время празднования 65-летия автора знаменитого романа «Земля Кузнецкая», переведённого на английский, китайский, многие славянские языки. В чествовании писателя приняла участие певица Людмила Зыкина. Портрет А. Н. Волошина был закончен к концу празднования и показан публике. Интересно, где сейчас

находится этот портрет? Николай Бурцев, как точно определила Т. И. Махалова, обладал талантом художника-репортёра.

В 1991 году Николаем Бурцевым написан «Портрет писателя В. Д. Фёдорова» (холст, масло). На портрете поэт стоит у городьбы на Назаркиной горе в Марьевке. В настоящее время портрет можно увидеть в читальном зале Научной библиотеки Кемеровского государственного университета. Талантливые рисунки и картины Николая Георгиевича Бурцева, думается, оценят и те, кто не был знаком с ними в 1970-е годы. Семидесятые в Кузбассе вовсе не были «застойными». Это были годы творческого взлёта многих кузбасских писателей и художников. В плеяде кузбасских талантов есть славное имя художника Николая Бурцева.

Публикуем дружеские шаржи этого замечательного кемеровского художника.

Екатерина ТЮШИНА

НАДЕЖДОЮ СОГРЕТЬ СЕРДЦА ЛЮДСКИЕ. АНАТОЛИЙ ИЛЕНКО

Агроном по профессии, Анатолий Павлович Иленко большую часть своей жизни посвятил работе на земле. Родился он 20 августа 1941 года в городе Таш-Кумыр в Киргизской ССР, куда до войны был направлен на работу его отец. Призванный на фронт Павел Ефимович Иленко погиб за два месяца до Победы, освобождая польский город Бытом. Детство и юность Анатолия прошли на Волге, в селе Кашпир Самарской области, где он и окончил среднюю школу. Учился в Безенчукском сельскохозяйственном техникуме, после окончания которого в 1960 году в числе группы выпускников-добровольцев Иленко приехал на работу в Сибирь и остался на всю жизнь. С 1960 по 1964 год работал экономистом, затем управляющим Верхотомского отделения совхоза Кемеровской области. В 1967 году окончил Новосибирский сельскохозяйственный институт и получил профессию – агроном. В Новосибирске впоследствии учился и в Высшей партийной школе. В 1969 году был назначен директором совхоза «Щегловский» Кемеровского района. С 1975 по 1986 год являлся 1-м секретарём Тисульского райкома КПСС. В 1986 году его перевели в Кемерово на должность начальника отдела агропрома Кемеровской области. С 1994 года работал начальником отдела по связям с общественностью холдинговой компании «Кузбассразрезуголь». Занимая ответственные должности, Анатолий Павлович Иленко неоднократно избирался депутатом райсоветов (1970–1986 гг.) и Кемеровского облсовета (1978–1986 гг.). Работал ответственным секретарём Союза писателей Кузбасса.

Стихи Анатолий Иленко начал писать со школьной скамьи. В дальнейшем они печатались в газетах и журналах: «Кузбасс», «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Москва», «Сибирские огни», «День и ночь», «Южная звезда» и др. Он автор сборников стихов: «Кукушкин плач», «След», «Деревенский напев», «Горизонт», «Рассудит время». Является членом Союза писателей России.

Уже с первых своих стихов Иленко обращается к образу матери, облик которой сливается у него с немеркнущим светом родной земли.

*Разбуди меня рассветом,
Первым солнечным лучом,
И омой лицо согретым
Мягким ливневым дождём...*

Центральным же мотивом лирики А. П. Иленко является тема памяти, уроков прошлой войны, которая отобрала у него отца. Тема войны и погибшего отца не оставляет в покое Анатолия Павловича всю жизнь. Он постоянно возвращается к ней, изливая боль души в стихах.

* * *

*Пусть не совсем душа на месте
В священной памяти войны,
Отец мой не пропал без вести, –
Погиб, спасая жизнь страны.*

* * *

*Одна строка в четыре слова
Надолго сбила семью с ног.
Судьба детей войны сурова,
Мы выживали, кто как мог...*

Поэт очень любит деревню, где вырос и где жил многие годы, поэтому тепло и проникновенно говорит о своей родной земле. Для него очень важно быть нужным своей земле, в чём он и признается в стихах.

* * *

*Мне-то, в общем, немного надо:
Быть бы нужным земле родной.*

* * *

*Я иду босой и русый
По теплу несмятых трав,
Молодой, совсем безусый,
К небу голову подняв...*

У поэта Иленко много нелёгких раздумий о судьбе России, о перестройке, безжалостно перемоловшей судьбы людей. О тех временах, когда одни были сброшены в нищету, а другие не брезговали никакими методами добывания бешеных прибылей, он не только размышлял, но и писал стихи.

*В чаду подмены и вранья
Людской унижен труд,
И выются стаи воронья –
Своей добычи ждут...*

Не мог поэт равнодушно взирать на всё это, мучился, стыдился происходящего, как будто во всём

дурном, что происходило в стране, была частица и его личной вины.

*...нету слёз, лишь запоздалый стыд
Тоской невыразимой мысли гложет,
Прошедшее, боюсь, нас не простит,
Грядущее, увы, понять не сможет...*

Но больше всего А. П. Иленко, агронома по профессии, прожившего в деревне многие годы, волновала судьба заброшенных сёл и деревень, заросших осотом и осинником необозримых полей, а также опустевшие, разграбленные пустые птицефермы, коровники, дома. И болела, болела душа поэта при виде такого безобразия.

*В домах заколочены окна,
Ветрами повален плетень,
Кресты поминальные мокнут –
Останки былых деревень...*

В поисках истины, почему это происходит, поэт обращается к истокам русской земли. В поэме «След» Анатолий Павлович исторически осмысливает непростую жизнь деревни, пережившей разные реформы и войны. И приходит к выводу, что даже в самые тяжёлые времена не было такого запустения в сёлах, как в 1990-е годы, всегда в деревне был почётен честный крестьянский труд. Так и детей воспитывали из века в век.

*Чтоб каждый был всегда при нужном деле:
Пахал стерню, в лугах траву косил...*

Поклоняясь своим предкам, которые веками достойно жили на земле, печалится Анатолий Иленко о том, какой же след оставим мы на земле после себя. Сможет ли нами гордиться будущее поколение так, как гордимся мы своими отцами и дедами.

*Не стану вам и сам себе лукавить,
Болит душа который год подряд:
Смогу ли я заметный след оставить
На той земле, где предки мои спят.*

Стихи о любви есть у каждого поэта. И у каждого любовь своя, не похожая ни на какую другую. Любовная лирика Анатолия Иленко позволяет проникнуть в тайны человеческой души и узнать, какие же чувства испытывает влюблённый человек: как безоглядно любит юноша и какие слова для любви находит человек уже поживший.

*Белый лес, голубая дорога,
Дремлет в зыбких сугробах луна,*

*Мчите, кони, быстрее, ради бога,
Дома ждёт молодая жена...*

*Обниму за горячие плечи,
На руках унесу её в дом,
Тайну ночи узнают лишь свечи
Да мороз, что стоял под окном.*

*Мы не дети с тобой,
Мы друг друга без слов понимаем.
Тихо рядом сидим,
Может, час, а быть может, и два.
Мы молчаньем вину
У смущённой любви искупаем
За ненужные ей
Ответшальные нынче слова.*

С годами приходит понимание, что самое главное в жизни человека – это оставаться человеком. А это как раз самое трудное.

*Нас всех ещё рассудит время,
Само расставит по местам.
Хотел бы я быть рядом с теми,
Кто пел пригоркам и кустам.*

Анатолий Павлович Иленко вместе с другими кузбасскими поэтами проводит неоценимую просветительскую работу среди подрастающего поколения. Он частый гость в школах, библиотеках и других аудиториях Кузбасса, где встречается со школьниками, читателями и любителями поэзии. И когда читает свои стихи, то делает это тихо, но проникновенно, словно уводит в тот прекрасный и неизведанный мир, где всё пронизано светом и гармонией и где душа замирает от нежности.

*Прошедшей ночью первый выпал снег,
Лёг тихо-тихо, словно хлеб на блюдо...
Глаза открыли, – прежней нет земли,
Кругом убранство чистое, простое,
Белым-бело и рядом, и вдали,
И почему-то верилось в святое.*

За профессиональную и поэтическую деятельность Анатолий Павлович Иленко отмечен разными наградами, среди которых медали: «За доблестный труд», «За веру и добро», «За заслуги перед Кузбассом», многочисленные грамоты. За книгу стихов «Рассудит время» и поэтическую подборку «Сердцу время подошло» в 2011 году Иленко получил премию «Энергия творчества», которую учредил Кузбасский филиал Сибирской генерирующей компании.

г. Кемерово

ВОСПОМИНАНИЯ О СЕМЬЕ В. Д. ФЁДОРОВА

Ульяна Наумовна – мать семейства Фёдоровых – была мудрой женщиной. Это проявлялось во всём. Все в семье уважали старших по возрасту и почитали свою мать. Она часто приезжала к нам в гости. Когда мы с братом Борисом были маленькими, баба Уля привозила нам гостинцы. В чистой тряпочке были завернуты конфетки-подушечки и печенюшки. Одета она была по-деревенски, хотя давно жила в Новосибирске. Два платка на голове, блузка с кофтой и почему-то две юбки до пят. Руки у неё были красивые, как у всех её детей. Когда бабушка пила чай или что-нибудь ела, то мизинец оттопыривала в сторону, как барыня. Жила она у дочери Татьяны. Третий член этой квартиры – Нина, дочь Татьяны. Ей было уже за тридцать, замуж не выходила. Подругу её звали тоже Нина. И тоже не замужем. Баба Уля очень осторожно называла их «пожилые девушки».

Она родила тринадцать детей, но не все дети выжили. Седьмым ребёнком в семье был Василий. Когда они жили в Марьевке, однажды Вася сильно заболел. Ульяна Наумовна положила его на сани и повезла в больницу. Уезжая, сказала: «Если доведу – Бог есть!» Но в пути сын умер. После этого в Бога она не верила. А девятого по счёту ребёнка назвала опять Василием.

Всю свою жизнь она ждала сына Андрея, которого арестовали в тридцатых годах. Её дети знали об его трагической судьбе, но не хотели расстраивать мать. Бабушка умерла в 1963 году, скоропостижно, на восемьдесят первом году жизни.

Старший сын Андрей – серьёзный, партийный человек – был одним из организаторов партийной ячейки в деревне Марьевка. Он был расстрелян в тридцатые годы. Его дочь Галина Андреевна Фёдорова жила в Абакане и преподавала русский язык и литературу в школе. Когда я училась в 8-м классе, мы списались с ней, но долго эта переписка не продлилась – слишком большая разница в возрасте.

Вторым после Андрея был Пётр. Он, как и Андрей, активно участвовал в жизни деревни. Состоял в партии. Ему очень не повезло – он умер в молодом возрасте от аппендицита.

Я не знаю, где жила или живёт его старшая дочь Татьяна, а вот младшая, Аида Петровна Фёдорова, живёт в Красноярске. Она поэтесса, печатается. У Аиды двое взрослых детей: сын и дочь.

Татьяна Дмитриевна – старшая из сестёр, доживших до взрослого возраста. Она была общественницей. Впоследствии в Новосибирске работала в завкоме известной швейной фабрики «Северянка». Её дочь Нина тоже работала на этой фабрике, в качестве инструктора по физкультуре. Нина серьёзно занималась лыжами, застудила почки. Одну почку ей удалили, поэтому детей она иметь не могла. Она каждый год ездила лечиться в Ялту, к тёте Тоне, Антонине Дмитриевне.

У Нины была очень длинная коса – до края подола, а платья она носила до колен. Нина корзинкой укладывала косу на голове. Один раз к ней подошёл молодой человек и сказал, что очень заметно, что коса не её. Цвет волос ото лба к затылку отличался от цвета косы. Она поблагодарила его, а надо бы было вынуть шпильки.

Тётя Тоня по сути своей была дипломатом: она объединяла всю большую семью Фёдоровых. Все родные, приезжающие в Новосибирск, останавливались у неё так же, как раньше у моих родителей.

Антонина Дмитриевна Фёдорова была ещё совсем молодая, когда заболела туберкулёзом. Она была отправлена на лечение в Ялту, в санаторий. Вылечившись, она выучилась на медсестру и осталась жить в Ялте. Но почти каждое лето сдавала свою комнатку отдыхающим и приезжала в Марьевку. Здесь она наслаждалась чистотой воды в реке Яя и почти не тронутым человеческой ногой песком на берегу. Лежит, бывало, на песочке и потихоньку напевает: «Далеко-далеко, где кочуют туманы, где от лёгкого ветра колыхнется рожь...»

Она была весёлым, неунывающим человеком. Однажды во время войны Тоня приехала к нам. Мой отец работал на авиационном заводе и неделями не выходил из цеха. Тётка попросила отца посидеть со мной и братом дома. Якобы они с мамой собираются в кино, на вечерний сеанс. На самом же деле она повела маму на танцы. Отец просто негодовал, узнав об этом. А если учесть, что мама, когда вынашивала меня, ходила в госпиталь помогать ухаживать за ранеными бойцами, то родилась я очень голосистой.

Иван Дмитриевич Фёдоров, мой отец, был весёлым и остроумным человеком. С мамой они познакомились в Авиационном техникуме – учились в одной группе. Он полюбил её, а она встречалась с другим парнем. Отец, когда мама отправилась гулять с Лёней – так звали её молодого человека, устроил на них нападение. Подговорил своих товарищей. Как только это случилось – Лёня убежал, оставив маму один на один с «бандитами». Зато

папа выскочил из кустов и «спас» маму. Таким образом судьба её дальнейшая была решена. Она чётко поняла: Лёня – трус, а Ваня отчаянно смелый.

Мы с братом Борисом уже учились в школе, когда отец экстерном окончил педагогический институт и стал работать в школе учителем истории и обществоведения. Очень скоро вырос до директора школы, зав. районо, снова работал директором.

Когда он шёл на совещания директоров школ и заведующих районо и гороно, то обязательно сочинял басни. Во время совещаний, как обычно, в зале все шушукались, но когда слово давали Ивану Дмитриевичу Фёдорову, становилось тихо. Все с интересом ждали очередную басню. Во время выступления отца в зале стоял хохот. Ни для кого не было секретом, какая зверушка с кем отождествляется. Но примерно через неделю отец приходил домой и смущённо улыбался. Мама безошибочно угадывала: «Что, опять?» Да, партия опять посылала борца за справедливость на более ответственный объект, с той же зарплатой. Так что каждые четыре года у него было новое место работы.

Мы, дети, никогда не слышали, чтобы родители ругались. Как-то Ульяна Наумовна, будучи у нас в гостях, спрашивает маму: «Люся, а почему вы с Ваней не ругаетесь?!» Мама ответила, что они только что поругались, но никто этого не слышал.

Когда родители поженились, то вся женская половина семьи Фёдоровых не одобрила его выбор: маленькая, худенькая, не фигуристая... Но когда женились все братья, Ульяна Наумовна сказала: «Люся, ты – лучшая».

У отца совсем не было музыкального слуха, однако он любил петь. Затянет песню на каком-нибудь празднике – все подхватят, но очень быстро умолкали, так как не узнавали мелодию знакомой песни. Голос у отца был сильный – он и один мог допеть эту песню.

Папа и дядя Вася (Василий Дмитриевич Фёдоров) внешне очень походили друг на друга. Однажды в техникуме была встреча старых выпускников. Родители ушли на этот вечер. Я была дома, смотрела телевизор. В новостях сообщали об этом вечере и сказали, что приехал на встречу Василий Фёдоров.

Когда родители пришли домой, я спросила: «И дядя Вася был?». Отец даже закричал: «И ты туда же!» Потому как дядя тоже оканчивал этот техникум, то были его бывшие однокурсники. Как только родители вошли в фойе техникума, отца обступили незнакомые пожилые люди, и тут началось: «Ты меня помнишь?» Поздравляли с получением Госу-

дарственной премии. Отец пытался доказать, что он не Василий, а Иван. Но ему не верили... Когда папа умер, мама нашла в своей сумочке свёрнутый вчетверо листок – это были папины стихи – объяснение маме в любви. В 70 лет!

Мой брат, Борис Иванович Фёдоров, тоже окончил авиационный техникум. Стал работать в закрытом НИИ. Выполнял инженерную работу, а платили ему как технику. Рассердился и окончил институт. В 35 лет был назначен директором радиозавода на Урале, в Касли. Потом стал мэром этого города. Его направили в обком партии в Челябинск в то время, когда советская власть уступила место дикому капитализму. У брата сын – Виктор Борисович Фёдоров, мой племянник. Он написал много научных работ. Его сыновья: Артём и Максим. Один студент, другой школьник. Мой брат умер в 2009 году от инфаркта, ровно в 70 лет, как и отец.

Зинаида Дмитриевна Алянчикова (Фёдорова) осталась с двумя дочерьми, когда погиб на фронте её муж. Тётя Зина уехала на Дальний Восток, участвовала в строительстве Комсомольска-на-Амуре. Позже она работала секретарём в крайкоме партии. Вышла замуж за Алянчикова Николая Андреевича. Родила двух сыновей: Николая и Владимира. Эльвира и Галина – дочери от первого брака. Большая семья жила в Хабаровске. Да и сейчас мои двоюродные живут там. Я была у них, когда в 1966 году после окончания института летела по направлению во Владивосток. Тётку я тогда не видела – она была на рыбалке. Встретились мы в 1989 году в Хабаровске. Мой старший сын проходил там службу в армии и по окончании её женился на местной девушке. Вот я и прилетела на его свадьбу. Там сын и остался жить – у него взрослая дочь Евгения.

Василий Дмитриевич Фёдоров сам много написал о себе автобиографий. Мои детские воспоминания о нём: красивый, высокий, стройный, с пышной русой шевелюрой. Он о чём-то разговаривал со мной, брал на руки, и мне это очень нравилось. Из всех братьев дядя Вася явно выделял моего отца за то, что он выступал в роли домашнего критика. У них так повелось ещё с юности. Отец, как старший брат тоже пишущий стихи, пользовался его особым отношением. Иногда помогал в сложении стихов, но всё это было до того, как дядя окончил литературный институт. Они переписывались, а когда встречались, дядя читал отцу свои стихи, посвящал его в свои планы относительно творчества. Василий Дмитриевич не любил выступать на телевидении, но иногда ему приходилось это делать. Как-то

к ним в гости в Москву приехала тётя Тоня. Они с женой Василия Дмитриевича Ларисой принялись стряпать пирожки, а дядя ушёл на телестудию. Тётки нашли где-то кудрявые парики и отправились за дядей. Он не хотел, чтобы кто-то из родни там присутствовал, так как он терялся. Они зашли в студию, сели в зале. Дядя Вася хорошо говорил, но, когда его взгляд упал в зал, стал путаться. Тогда тётки быстро вернулись домой, к пирожкам. Когда дядюшка вернулся домой, они как ни в чём ни бывало стали задавать вопросы:

– Как прошла запись?

– Всё было нормально, пока я не заметил в зале двух «болонок»...

Иннокентий Дмитриевич Фёдоров. Он воевал – был танкистом. Получил на фронте контузию, которая впоследствии отразилась губительно на его здоровье, умер в 56 лет от рака. Дядя Кеша работал снабженцем на заводе. И он тоже писал стихи. Им была написана поэма о войне, которую он показывал отцу. Его жена умерла на следующий год от заражения крови. Два взрослых сына остались у них – Пётр и Николай, у каждого подрастают дочери, у каждого по одной.

Григорий Дмитриевич Фёдоров – последний, тринадцатый ребёнок Ульяны Наумовны. Его называли поскрёбыш. Он рос довольно шустрым и не очень серьёзным мальчиком. Когда семья жила в деревне, Ульяна Наумовна часто томила молоко в русской печке и ставила его в крынках в подполье. Она стала замечать, что пенка из крынок пропадает. Она решила поймать воришку. И тогда положила

в одну из крынок сверху розовую тряпочку. Результата пришлось ждать недолго. Дядя Гриша вылезает из подпола, а в зубах у него... тряпочка. «Ещё мать называется!» – не удержался он от упрёка. «Ах ты, лешак!» – приласкала его бабушка полотенцем. Умер он в свой день рождения – в 60 лет.

Я, Петракевич Ольга Ивановна, родилась в январе 1943 года. Помню, как мама завешивала окна плотной чёрной бумагой во время воздушных тревог. Жили мы в Новосибирске, в соцгородке Чкаловского завода. Сейчас это улица Авиастроителей. Помню, как палили пушки 9 мая 1945 года в честь Победы. Помню, как какая-то девочка ходила по картошке, посаженной под нашими окнами, а я грозила ей кулаком. Нельзя ходить по картошке! Когда мне исполнилось три года, отцу дали отдельную квартиру, и мы переехали на противоположную сторону улицы. Всё детство прошло во дворе дома. Игрушек у нас не было, но было очень много игр – за целый день не успевали их переиграть. В 1950 году пошла в школу. Окончила её в 1960-м с хорошими оценками и поступила в Новосибирский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева, на архитектурный факультет. Окончив его, в 1966 году поехала по распределению во Владивосток. Через три года вернулась в Новосибирск. Работала на двух заводах по промышленной эстетике. У меня три сына: Сергей, Аркадий и Захар. У каждого из них по дочке. Мои внучки – Евгения, Ульяна и Варенька.

Ольга ПЕТРАКЕВИЧ (ФЁДОРОВА),

г. Новосибирск

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

4 мая поэт Александр Катков провёл в медицинском колледже встречу, посвящённую годовщине Победы.

6 мая поэты Б. Бурмистров и С. Донбай выступили перед учащимися 62-й гимназии.

6 мая в помещении Дома литераторов Кузбасса прошло представление второго номера альманаха «Образ» за 2016 год (Ленинск-Кузнецкий). В мероприятии приняли участие поэты С. Донбай, Д. Мурзин, С. Логинов, О. Шмакович, В. Попов. Вёл встречу главный редактор альманаха Д. Филиппенко.

13 мая в коммунально-строительном техникуме прошло литературно-театрализованное представление «Весна в Притомье», в котором приняли участие поэты Б. Бурмистров, А. Катков, С. Донбай, В. Шумилов.

17 мая прошло представление журнала «Огни Кузбасса». Свою прозу представили Юрий Дубатов и Юрий Тотьш, а стихи – поэты Галина Золотаина, Василий Киселёв, Дмитрий Мурзин. О своей публицистике рассказали В. Елатов, А. Ярошук, М. Цыпайкина, В. Арнаутов, А. Мухарев, В. Лаврина. Вёл встречу главный редактор журнала С. Донбай.

21 мая в Центральной городской библиотеке г. Ленинска-Кузнецкого прошла творческая встреча с поэтом членом Союза писателей России из Юрги Натальей Полячковой.

25 мая прошёл творческий вечер, посвящённый 65-летию прозаика Виктора Арнаутова. Друзья, близкие и коллеги поздравили писателя с юбилеем. Звучали стихи и песни в честь юбиляра.

7 июня в ДК шахтёров прошли традиционные Балиболовские чтения.

12 июня в праздновании Дня города приняли участие поэты Б. Бурмистров, С. Донбай, А. Катков, И. Фролова.

23 июня в Областном архиве состоялся круглый стол, посвящённый началу Великой Отечественной войны, в котором приняли участие поэты С. Донбай и А. Катков.

С 19 по 26 июня в Иркутске прошёл 15-й Международный фестиваль поэзии на Байкале им. поэта Анатолия Кобенкова. Гостями фестиваля были Евгений Рейн, Виктор Куллэ, Надежда Кондакова, Марина Кудимова, Иван Жданов и другие. Кузбасс представляли Дмитрий и Наталья Мурзины, Дмитрий Филиппенко. Поэты выступали в библиотеках, вузах, ботаническом саду, Доме актёра. Гала-концерт прошёл в театре им. А. Вампилова.

25 июня в преддверии Дня молодёжи в Ленинске-Кузнецком на площади перед ДК им. Ленина прошёл первый

литературный проект в формате street-art «Между строк...». В мероприятии приняли участие представители литературного объединения «ЛИК» и литературного цеха «ОБРАЗ», а именно Сергей Логинов, Елена Шантаева, Ая Рейн, Владислав Попов и др.

6 июля журнал «Огни Кузбасса» и наш автор Сергей Петров с рассказом «Неудержимый» (№ 5, 2015) стали лауреатами Всероссийского конкурса СМИ «Патриот России».

16 июля в рамках фестиваля уличных искусств «Детализация» прошли поэтические чтения «Поэтическая вАрка» – дело было под аркой у входа в горсад. В чтениях приняли участие Агата Рыжова, Вадим Майданов, Ирина Тюнина, Дмитрий Мурзин, Анастасия Кондрина.

20 июля в клубной комнате Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова состоялось представление первого в 2016-м номера «Поля искусств». Вёл вечер А. Мухарев.

С 19 по 23 июля на Алтае проходили юбилейные сороковые Шукшинские дни. В их работе принял участие Кемеровский поэт лауреат Всесибирской премии им. Л. Мерзликина Дмитрий Мурзин. 19 июля прошло его выступление в г. Новоалтайске в библиотеке им. Л. Мерзликина. 21 июля – совместное выступление в библиотеке им. Шукшина (г. Бийск) с прозаиком А. Кирилиным и поэтом Т. Кузнецовой (Барнаул). 22 июля Дмитрий Мурзин принял участие в Соболевских чтениях в селе Смоленское и художественно-публицистической программе на бульваре Петра Великого в г. Бийске.

Дорогой Иван Григорьевич Подкин, поздравляем Вас со славным 85-летним юбилеем! Вы сейчас живёте далеко от Кузбасса – в Санкт-Петербурге, но мы хорошо помним Вас, нашего друга, члена союза журналистов, который отдал газетному делу 40 лет. Желаем Вам здоровья, любви детей и внуков!

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Борис Бурмистров. Исихастское моление. Стихи. Кемерово, 2016. 100 с.

Солнцестояние. Зима. Стихи кузбасских поэтов. Кемерово, 2016. 112 с.

Солнцестояние. Весна. Стихи кузбасских поэтов. Кемерово, 2015. 112 с.

Солнцестояние. Лето. Стихи кузбасских поэтов. Кемерово, 2015. 146 с.

Солнцестояние. Зима. Стихи кузбасских поэтов. Кемерово, 2015. 134 с.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

Стихотворение **Дмитрия Филиппенко** переведено на итальянский язык и опубликовано в сборнике «Зеркала» (г. Москва)

В Пальма-де-Майорка вышел сбоник стихов и иллюстраций авторов из Кемерово и Майорки. Назван «7516» – именно столько километров между нашими городами. Кемерово представляют: **Алексей Петров, Максим Уколов, Сергей Самойленко, Сицуна Арисава, Александр Боронихин, Игорь Давлетшин, Юрий Юдин, Алиса Кодох, Рашид Нигматуллин, Андрей Рогов.**

Общественно-экологическое издание «Природа Алтая» (№ 6 за 2016 год) напечатало очерк о **Л. М. Гержидовиче** «Сибирский Есенин» и дало подборку его стихов.

Специальное многотомное издание Национальной литературной премии «Поэт года» за 2015 год напечатало подборку поэта **Д. Мурзина.**

Антология современной поэзии о Крыме (1975–2015) «Крымские страницы русской поэзии» напечатала крымский цикл поэта **Д. Мурзина.**

Журнал польских литераторов Temat (Быдгощ) в № 18–20 за 2015 год напечатал перевод стихотворения **Д. Мурзина.**

Журнал «Врата Сибири» (№ 1 (45) за 2016 год, Тюмень) напечатал стихи **Леонида Гержидовича, Александра Каткова, Дмитрия Мурзина, Александра Раевского, Людмилы Чидилян,** прозу **Виктора Арнаутова, Татьяны Ильдимировой, Виталия Крёкова, Веры Лавриной.**

Журнал «Байкал» (№ 2 за 2016 год, Улан-Удэ) дал подборку поэта из Ленинска-Кузнецкого **Дмитрия Филиппенко.**

В журнале «Фантастическая среда» (№ 4, Барнаул) напечатаны рассказ «Антидепрессант» **Юлии Сычёвой** (Кемерово), стихи **Олеси Шмакович** (Ленинск-Кузнецкий) и **Алевтины Константиновой** (Междуреченск).

Альманах «Иркутское время» (2016 г.) напечатал стихи **Виктора Коврижных, Дмитрия и Натальи Мурзиных.**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).
«Природа Алтая» (Барнаул)

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. Как подписаться на журнал, читайте на последней странице обложки.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением
Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Корректоры: **Е. В. Фефелова, Т. Э. Панибратова**
Компьютерная верстка **П. Б. Исакова**

Подписано к печати 15.08.2016. Дата выхода в свет 26.08.2016. Формат 60×84½. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 196. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40. Адрес общества с ограниченной ответственностью
«Авторское издательство «Кузбассвуиздат» (ООО «АИ «Кузбассвуиздат»): 650043, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, типографии: ул. Грузовая, 11.
Тел. 8 (3842) 36-36-00, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru